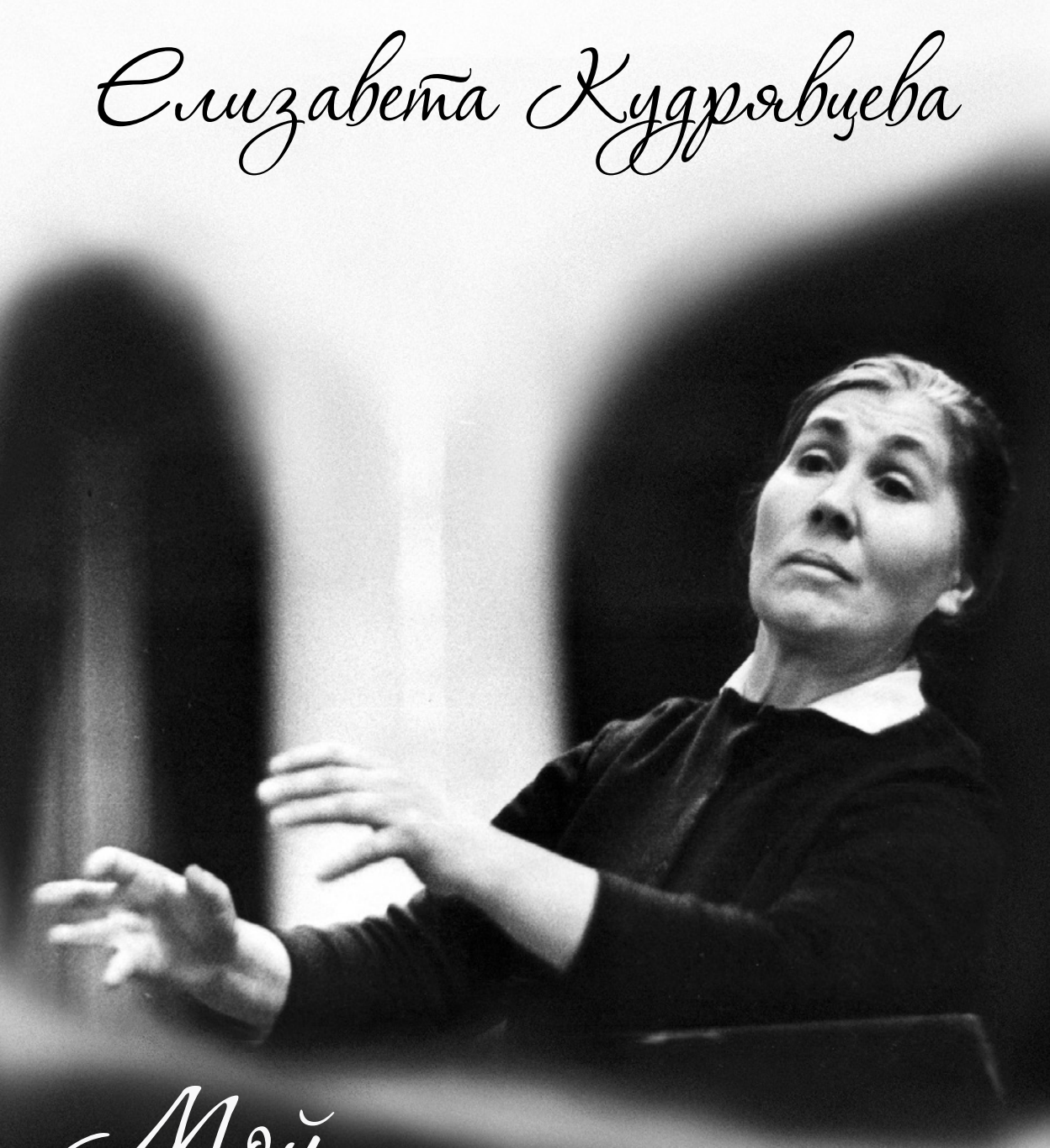
Елизавета Кудрявцева



Мой Музыкальный Век

Вы держите в руках книгу воспоминаний Елизаветы Петровны Кудрявцевой (1914–2004) – выдающегося музыканта, первой женщины дирижера профессионального хора в стране, народной артистки России, профессора Санкт-Петербургской консерватории, академика Петровской академии, академика Эстонской академии музыки, лауреата первой премии в области искусства мэра Санкт-Петербурга.

Ученица М. Г. Климова, с 1931 года по 1961 год Е. П. Кудрявцева – дирижёр (в 1935–1936, 1941–1944 и 1953–1955 годах – главный дирижер) Ленинградской академической капеллы. Елизавета Петровна сотрудничала со многими выдающимися композиторами и дирижерами XX века.

Е. П. Кудрявцева – организатор и в течение 45 лет художественный руководитель Академического хора любителей пения Ленинграда-Санкт-Петербурга.

Свыше ста учеников класса Елизаветы Петровны составляют современную музыкальную элиту и разбросаны по многим странам и континентам.

В книге собраны заметки Елизаветы Петровны об учителях, коллегах, друзьях, учениках, дополненные фотографиями, письмами, статьями из газет и журналов из личного архива дирижера.

ББК 85.314(2Рос)
УДК 78.03(470 + 571)
К88

Кудрявцева, Елизавета Петровна (1914-2004).

К88 Мой музыкальный век. Елизавета Петровна Кудрявцева; ред.: А. А. Мурин.– Санкт-Петербург : ООО «Береста», 2011. – 464 с.

ISBN 978-5-905225-16-1.

Вы держите в руках книгу воспоминаний Елизаветы Петровны Кудрявцевой (1914-2004) – выдающегося музыканта, первой женщины дирижера профессионального хора в стране, Народной артистки России, профессора Санкт-Петербургской консерватории, академика Петровской академии, академика Эстонской академии музыки, лауреата первой премии в области искусства мэра Санкт-Петербурга.

Ученица М.Г. Климова, с 1931 года по 1961 год Е. П. Кудрявцева – дирижёр (в 1935-1936, 1941-1944 и 1953-1955 годах – главный дирижер) Ленинградской академической капеллы. Елизавета Петровна сотрудничала со многими выдающимися композиторами и дирижерами XX века.

Е. П. Кудрявцева – организатор и в течение 45 лет художественный руководитель Академического хора любителей пения Ленинграда-Санкт-Петербурга.

Свыше ста учеников класса Елизаветы Петровны составляют современную музыкальную элиту и разбросаны по многим странам и континентам.

В книге собраны заметки Елизаветы Петровны об учителях, коллегах, друзьях, учениках, дополненные фотографиями, письмами, статьями из газет и журналов из личного архива дирижера.

ББК 85.314(2Рос)
УДК 78.03(470 + 571)

ISBN 978-5-905225-16-1

© Е. П. Кудрявцева
© А. А. Мурин

Елизавета Петровна Кудрявцева

Мой музыкальный век

Санкт-Петербург
2011

Приветствия к 20-летию творческой деятельности Елизаветы Петровны Кудрявцевой в 1951 году

Дорогая Елизавета Петровна!

Примите мои самые сердечные поздравления со славной годовщиной Вашей деятельности.

Ваш большой талант и глубокие знания заслужили горячую к Вам любовь и уважение со стороны и музыкантов, и всех, любящих наше прекрасное искусство. Ваша работа в Ленинградской академической капелле много способствует тому, что этот замечательный коллектив неуклонно двигается вперед и является гордостью нашей музыкальной культуры. Желаю Вам, дорогая Елизавета Петровна, здоровья, бодрости, многих лет жизни, для того, чтобы двигать вперед наше хоровое искусство, во славу нашей великой Родины, во славу нашего великого Народа.

Крепко жму Вашу руку. (Д.Шостакович)

Дорогая Елизавета Петровна!

Мы счастливы приветствовать Вас в день двадцатилетнего юбилея Вашей славной творческой деятельности. Вам, нашему верному помощнику, музыкальному советчику и другу, мы обязаны многими творческими радостями. Часто соприкасаясь в концертах с ораториальными произведениями, мы постоянно ощущаем Вашу тщательную работу, пытливую мысль и инициативу одаренного музыканта-художника, никогда не успокаивающегося на достигнутом. Мы знаем Вас на протяжении десятков лет. Мы помним Вас еще маленькой музыкальной девочкой. Мы видим ныне в Вашем лице зрелого и талантливого мастера.

Мы радуемся Вашей неутомимой энергии и непрестанному творческому горению.

Примите, дорогая Елизавета Петровна, наши горячие поздравления и пожелания многих лет радостного творческого труда на благо нашей горячо любимой Родины.

Ваши преданные друзья

Вступительное слово

Воистину: Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина это не просто имя, а редчайший и неповторимый пароль жизнелюбия, неувядающей красоты, высочайшего профессионализма, невероятной энергии, которая поражает, заряжает действенной силой каждого, соприкоснувшегося с ней. Неистощимая молодость души – это и есть она – Елизавета Петровна.

Это о ней сказал поэт: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Это о ней поется в песне:

Сердце, тебе не хочется покоя...
Сердце, как хорошо, что ты такое,
Что ты умеешь так любить.

Быть всем нужной, жить, забывая о себе, спешить на каждый зов, «светить всегда, светить везде... до дней последних донца».

А ведь выпало на ее долю такое и столько, что и на десятерых не было б мало. По внешней канве – удачлива! И правда: совсем девчонка, всего-то 16 лет, а уже педагог-хормейстер, у самого Михаила Георгиевича Климова в самом титулованном русском хоре. Завидовать-то можно, а вот заступить на такое место дано не многим и постарше.

Не за горами оказалась и тяжелая болезнь Климова, и его кончина... Тогда весь многовековой груз славы бывшей Придворной певческой капеллы лег на юные Елизаветины плечи. Потом быстрая предвоенная руководительская рокировка Данилина со Свешниковым, скорый отъезд последнего в Москву и очередное Лизино «счастье»: эвакуация хора в город Киров с двумя малолетками «муринцами», бытовая неустроенность, полуголодный режим и за полтора года более 500 концертов в госпиталях, на заводах, в воинских частях, школах, библиотеках... Иногда по три концерта в день. Сейчас скажем: подвиг! А тогда – обычная работа с сознанием: «всё для фронта, всё для победы!».

Потом было возвращение, и вновь внешняя канва удивительно благополучна. (Жизнь дома, семьи никогда не выплескивалась наружу и не оказывалась темой общедоступных толков. Это не просто другое время. Это другой мир.)

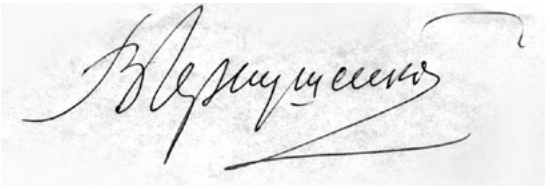
Нет необходимости «здесь и сейчас» подробно рассказывать о жизни Елизаветы Петровны. Эта книга дает исчерпывающую картину не только жизненного пути, но и неповторимого образа – портрета ее героини.

Мемуарная литература весьма обширна, но эта книга, по моему убеждению, уникальна и ее лишь условно можно отнести к мемуарной литературе. А главное: она принадлежит первой в мире женщине-дирижеру первого по своему статусу в России императорского хора, сохранившей в этой мужской работе все свое женское обаяние, привлекательность,

терпимость, выносливость, сочувственное сердце, интуицию, уступчивость (до меры!), но мужскую волю и неуступчивость в правде, верность в любви и самопожертвенность во имя искусства и общего блага.

У Леонардо да Винчи была «Мона Лиза». У студентов Петербургской консерватории была Мама Лиза.

И если на аукционах для картин устанавливаются пусть даже невероятно высокие цены, наша Мама Лиза останется на все времена бесценным сокровищем русского певческого дела и всей российской музыкальной культуры.



Владислав Чернушенко

Александр Мурин

К истории петербургских Кудряшей

(О предках Елизаветы Петровны Кудрявцевой-Муриной)

В 1931 году руководитель Ленинградской капеллы, профессор Консерватории Михаил Георгиевич Климов поручил своей помощнице Лизе Кудрявцевой заниматься фортепиано с капелльским воспитанником Сашей Муриным, зачинщиком всех мальчишеских проказ и драк. Раз в месяц старший брат Саши Алексей Мурин, спортивного вида молодой человек, работавший в кузнечном цехе завода «Арсенал», вручал шестнадцатилетней учительнице гонорар за труды – 10 рублей. Вскоре занятия прекратились. Юный подопечный Лизы догнал своих сверстников.

И надо такому случиться – в конце 1934 года Алексей Мурин ехал на трамвае с Московского вокзала. Вдруг на повороте с Кузнечного переулка на улицу Марата на подножку вагона ловко запрыгнула краснощекая, с длинной ниже пояса косой, с огромными глазами девушка – это и была та самая юная учительница брата, двадцатилетняя Елизавета Кудрявцева. С тех пор они не расставались. Так соединились два петербургских рода. В результате на улице Марата, в доме 74, появилась новая семья, а вскоре – и мы с сестрой.

Род Кудрявцевых берет свое начало от первостроителей Петербурга Кудряшей. Наш прадед Кирилл Николаевич Кудрявцев по прозвищу Кудряш 50 лет возил почту по Балтийской дороге и прожил на свете почти век (1825–1921), имел с прабабкой, неграмотной крепостной крестьянкой Прасковьей Матвеевной (1840–1932) восемнадцать детей. К его золотому юбилею начальство пожаловало столовый серебряный графин да икону в ризе «Кирилла и Мефодия», что была повешена в красном углу среди многочисленных икон попроще. Иконы были темные, старообрядческие. Прабабка Прасковья Матвеевна была тихая богомольная женщина. Жили Кудрявцевы в доме 3 на Пятой роте Измайловского полка, в квартире 26. Этот дом был построен архитектором С. П. Кондратьевым в 1892–1896 годах и принадлежал Балтийскому железнодорожному ведомству. Кириллу Николаевичу Кудрявцеву как заслуженному работнику выделили просторное жилье бесплатно (как-никак 18 детей). Именно в этом доме он и скончался в 1921 году, 96 лет от роду, был отпет в Троицком соборе на Измайловском проспекте и похоронен на Митрофаньевском кладбище, что у родного Балтийского вокзала. Над ним нынче шумят поезда, электрички и цеха завода-гиганта подъемно-транспортного машиностроения имени С. М. Кирова.

Мой дед Петр Кириллович Кудрявцев и был тем восемнадцатым, поздним ребенком в семье. Он родился в 1888 году. Легко подсчитать, сколько

лет было его родителям. В начале XX века Петр Кириллович поступил в регентские классы Придворной певческой капеллы. Образование в них было первоклассное – равное консерваторскому. Среди учителей – композиторы, профессора А. К. Лядов, И. И. Витоль, А. Г. Чесноков, профессор гармонии, любимец Римского-Корсакова П. А. Петров, музыкальный критик В. Г. Каратыгин, ученый, расшифровавший древние певческие крюки А. В. Преображенский, молодые регенты П. А. Богданов, М. Г. Климов, А. А. Егоров.

По окончании регентских классов в 1908 году дед получает престижное место регента (руководителя церковного хора) в храме Воскресения Христова, что вознесся у Варшавского вокзала, на Обводном канале, 116. Настоятелем храма и общества был знаменитый церковный просветитель о. Филосóф (в миру Философ Николаевич Орнадский). В Петербурге он строил храмы, приюты, школы, богадельни, создавал хоры, общества трезвости и т. д. Для Петра Кирилловича общаться и служить с ним было почетно и поучительно. Судьба о. Философа трагична. В 1917 году его, настоятеля Казанского собора, и двух сыновей-офицеров забрали в ЧК, а в 1918 году отвезли на дамбу, что на километр выходит в Финский залив у Константиновского дворца в Стрельне. Перед экзекуцией комиссар спросил священника:

– Кого первым расстрелять?

О. Философ твердо ответил:

– Сыновей!

Он совершал последнюю панихиду над убитыми. Красноармейцы отказались стрелять в молящегося священника. Тогда были вызваны красные китайцы. И те, иноверцы, опустили винтовки. Командиру пришлось выстрелом в затылок прервать земной путь русского просветителя. В 2000 году о. Философ вместе с семьей последнего русского царя был причислен православной церковью к лику святых великомучеников.

Но вернусь к рассказу о П. К. Кудрявцеве.

Невеста деда Елизавета Андреевна Паук была из семьи обедневших петербургских финнов, что жили за Невской заставой, в селе Смоленском, в собственном доме на Смоленском переулке, 17. Отцу Андрею Пауку, мачехе, Елизавете Илларионовне, и двум старшим братьям Ивану и Семену жилось несладко, и маленькую Лизу отдали на воспитание баронессе, у которой не было своих детей. Баронесса и ее воспитанница жили под Павловском в собственном имении. Гувернеры учили девушку языкам, танцам, благородным манерам, и она была завидной партией для петербургских женихов. Именно в это время Елизавета познакомилась с нигилистами-социалистами. Прямо по Карлу Марксу – загнивающий класс в себе порождает своих могильщиков. Это сыграет трагическую роль в ее будущей жизни.

Снимок Карла Буллы у царского крыльца Капеллы на Мойке, 20:
4 ряд: П. К. Левандо (6), певчие Придворной певческой капеллы.
3 ряд (стоят): П. К. Кудрявцев (4), граф А. Д. Шереметев (8), певчие ППК.
2 ряд (сидят): регенты С. А. Смирнов (1), Е. С. Азеев (2), о. Философ (3), Е. С. Хомутенко (4), граф С. Д. Шереметев (5), зав. учебной частью Х. Н. Гроздов (6), преподаватель И. И. Витоль (10), регент А. Г. Чесноков (11), П. А. Богданов (12).
1 ряд (сидят на земле): учащиеся регентских классов ППК.

На вечеринке по случаю дня рождения знакомого Петра Ивановича Лучкина она увлеклась его дальним родственником красавцем-музыкантом, регентом храма Петром Кирилловичем Кудрявцевым. В 1909 году они сыграли свадьбу. У молодых в 1910 году появился наследник – сын Петр, а 7 мая 1914 года – дочка Елизавета.

Вскоре по рекомендации директора Консерватории композитора А. К. Глазунова П. К. Кудрявцев занял место пианиста-тапера на танцевальных балах в Петербургском Дворянском собрании (ныне Большой зал Петербургской филармонии имени Д. Д. Шостаковича). Часто его приглашали в петербургские салоны, где он блистал за фортепиано, и в частности, в дом Павловой на Троицкой, 13 (ныне улица Рубинштейна, 13, театр «Зазеркалье»). Наискосок от дома деда, на Подольской, 2, на первом этаже в служебной квартире жил смотритель Поверочной палаты мер и весов, дворянин, потомственный почетный гражданин Дмитрий Болеславович Шостакович с супругой Софьей Васильевной – родители будущего гения.

Петр Кириллович был необычайно красивым человеком: с каштановыми волосами, карими глазами, закрученными по моде в кольца усами – кумир дамских сердец. Спустя полвека Софья Васильевна Шостакович, вспоминая деда, говорила моей маме:

– Ах! Какой у вас был батюшка красавец!

И она была права – достаточно взглянуть на фото 1914 года.

Петр Кириллович Кудрявцев. 1914 год

Грянул 1917 год! Февральская революция! Отречение царя!

25 октября! Жизнь пошла по другому, непредсказуемому сценарию. Семья распалась.

Любимая и своенравная Лиза (Елизавета Андреевна Паук-Кудрявцева) оказалась в рядах

партийных функционеров, вступила в партию большевиков. Наследство баронессы еще раньше пошло на партийные нужды. Осталась только брошь с огромным бриллиантом, хранившая какую-то тайну. Бабушка с ней не расставалась даже в страшные дни блокады, хотя ее можно было поменять на еду и спасти жизнь…

После развода с дедушкой в 1917 году она жила в сырой темной комнатушке на заднем дворе по Подольской, 13, служила на фабрике «Красный парус», что на Петровском острове, шила в войну шинели для солдат, была сторожем на «Госзнаке» на Петроградской и умерла в блокаду в 1942 году с мыслью: «Немцу в Питере не бывать!» Последнюю весточку с оказией нам передали в конце 1942 года, когда мы находились уже в эвакуации с Капеллой в городе Кирове на Вятке. В открытке несколько фраз: «Жива. Болела. Поправляюсь. Береги детей. Мама!» Похоронена она в братских могилах на Серафимовском воинском мемориальном кладбище. Гранитная женщина-работница на памятнике чем-то напоминает ее.

Снова вернусь к дедушке Петру Кирилловичу. В феврале 1917 года его забрали в демократическую народную милицию, выдали форму. Его участок был от Сенной площади до Обводного канала. Когда он, красавец, подъезжал на коне к рынку, то торговки, бабы, возницы, завидев его, кричали: «Наш Кириллыч едет!» и угощали нехитрой снедью: кто пирожком, кто шмотом кислой капусты – время было голодное. Сына Петра в 1917 году он определил в школу-интернат Капеллы, а в 1923 году привел туда же дочь, девятилетнюю Лизу (первый прием девочек в это сугубо мужское заведение). Семью Кудрявцевых на Пятой роте «уплотнили» в одну комнату. На топчане лежали толстенные доски и матрас-перина. На ней спала бабушка Прасковья Матвеевна и маленькая Лиза, что приходила на выходные из интерната Капеллы домой. На железной скрипучей кровати, закрывшись потертой шинелью, спал смертельно устававший за день бывший регент, бывший пианист, бывший милиционер, ныне безработный Петр Кириллович Кудрявцев. Узнав о гибели своего духовника о. Философа, он пытался заглушить боль по своей никчемно прожитой жизни водкой.

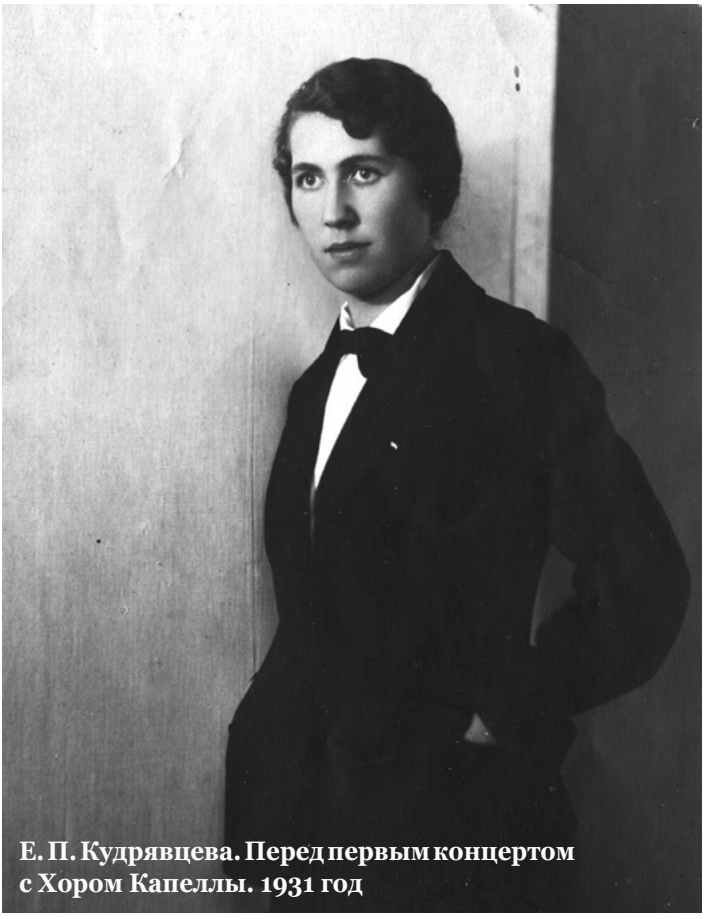
Узнав о бедственном положении Петра Кирилловича, М. Г. Климов взял его настройщиком роялей в Капеллу, где в интернате жили и учились его сын и дочь (при живых-то родителях – сироты).

В 1926 году в коридоре интерната Капеллы, получив случайный удар в висок свинцовой кружкой от питьевого бачка, скончался от кровоизлияния в мозг воспитанник Капелльской школы шестнадцатилетний Петр Петрович Кудрявцев. Отпевали Петрушу в Троицком соборе на Измайловском. Хором Капеллы на панихиде руководил сам М. Г. Климов. На соседнем Митрофаньевском кладбище перед гробом шел мальчик с иконой, а следом капеллане в кафтанах с бляхами на поясе, на которых

сияли три буквы «ППК» (Придворная певческая капелла), оставшиеся с царских времен. После похорон у Петра Кирилловича пошла горлом кровь. Видимо, был инфаркт. Он неделями лежал на кровати лицом к стене, за ним ухаживала старушка-мать и знакомая поклонница, врач Мария Осиповна Полякова. Он таял на глазах. 11 февраля 1929 года Петр Кириллович Кудрявцев тихо скончался в неполные 42 года. Схоронили его на кладбище Новодевичьего женского монастыря, где по традиции хоронили регентов петербургских храмов и учителей пения Певческой капеллы, слева от алтарной дорожки за Карамзинской церковью Всех скорбящих Радости.

А через 3 года (в 1932 году) здесь же нашла свой последний приют и Прасковья Матвеевна Кудрявцева, пережившая своего любимого внука Петра Петровича и последнего сына Петра Кирилловича.

Из всего огромного рода Кудрявцевых в результате войн, революций, перестроек к концу XX века уцелела и дожила до XXI одна ниточка – Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина.



Е. П. Кудрявцева. Перед первым концертом с Хором Капеллы. 1931 год

Глава I
Учитель

М. Г. Климов. 1935 год

Михаил Георгиевич Климов

Этот материал был написан Е. П. Кудрявцевой в 1987 году для двухтомника «Ленинградская консерватория в воспоминаниях», для данной книги значительно дополнен автором в 2004 году.

М. Г. Климов родился в 1881 году в селе Завидово Клинского уезда Московской волости. Отец – Егор Клементьевич – выходец из крестьян, работал ткачом на фабрике.

Музыкальные способности – прекрасный голос, абсолютный слух – Климов проявил в раннем возрасте. Получив начальное образование в сельской школе, он был принят по конкурсу в Московское Синодальное училище.

В конце прошлого века Синодальное училище из «арестантско-певческой роты», по меткому выражению современника, превратилось в первоклассное музыкально-концертное учреждение России, подготовка в котором приравнивалась к консерваторскому образованию. Руководили реорганизацией училища три крупнейших музыкальных деятеля: С. В. Смоленский – выдающийся знаток древнерусской музыки; А. Д. Кастальский – композитор, воплотивший в своем творчестве песенно-фольклорные истоки; В. С. Орлов – замечательный хормейстер, поднявший профессионализм пения Синодального хора до европейского уровня.

Эти корифеи, учителя Климова, стремились привить своим воспитанникам широкий музыкальный кругозор, связать обучение с практикой. Они придавали большое значение народному песенному творчеству в формировании будущих музыкантов-хормейстеров. Огромное влияние на реорганизацию училища оказали П. И. Чайковский, С. И. Танеев, А. С. Аренский, В. И. Сафонов, С. Н. Кругликов, Вик. С. Калинников.

В 1900 году Климов с отличием окончил Синодальное училище, и его имя было занесено на Доску почета.

В 19 лет Климов – вполне сложившийся музыкант-хормейстер «московской школы», блестяще владеющий игрой на фортепиано, скрипке. Два года Климов вел хоровой и скрипичный классы в Тамбовском училище, играл в городском симфоническом оркестре, принимал участие в квартетных вечерах.

В 1901 году управляющим Придворной певческой капеллой был назначен С. В. Смоленский, который год спустя пригласил в Капеллу на должность помощника учителя пения (хормейстера) своего ученика Климова. С 1902 года, в течение 35 лет, Климов отдавал свой талант и силы Академической капелле. Стремление к самосовершенствованию, свойственное

Климову, привело его в 1904 году в Петербургскую консерваторию, в класс композиции Н. А. Римского-Корсакова, школа которого уже была всемирно известна, и в дирижерский класс Н. Н. Черепнина.

В годы учения Климова Н. А. Римский-Корсаков был признанным патриархом музыкальной жизни Петербурга. Его принципиальные политические взгляды особенно ярко проявились во время известных событий в Консерватории в 1905 году[1]. Тогда вместе со своим Учителем покинул Консерваторию в знак протеста и его ученик Михаил Климов, хотя и рисковал быть уволенным с поста дирижера Придворной певческой капеллы.

В Консерватории Климов дирижировал многими ученическими спектаклями, одновременно занимаясь по классу вокала у профессора С. И. Габеля. В 1907 году Климов как дирижер принимал участие в подготовке и исполнении студентами оперы «Кащей Бессмертный». Работа проходила при непосредственном участии автора. С разрешения Н. А. Римского-Корсакова Климов композиционно расширил финальный хор оперы.

В 1908 году Климов окончил с медалью Петербургскую консерваторию по двум специальностям – композиции и оперно-симфоническому дирижированию. На выпускном акте он выступал в качестве дирижера оркестра вместе с товарищем по дирижерскому классу Н. А. Малько, будущим всемирно известным музыкантом.

Имя Климова было занесено золотыми буквами на мраморную доску Консерватории, на которой первым стоит имя Чайковского.

2 сентября 1908 года в Консерватории состоялся художественный совет вуза, памятный для музыкантов. Председательствующий А. К. Глазунов объявил членам Совета о кончине Н. А. Римского-Корсакова. На этом же Совете молодой музыкант, ученик Римского-Корсакова Михаил Климов был единогласно избран преподавателем Консерватории для ведения теоретических дисциплин – сольфеджио, гармонии, полифонии и энциклопедии (так в то время назывался курс анализа музыкальных форм). Результатом успешной преподавательской деятельности Климова в Консерватории явилось издание в 1912 году его труда «Краткое руководство к изучению контрапункта, канона и фуги».

В 1913 году по рекомендации А. К. Глазунова художественный совет избрал 32-летнего Климова профессором Консерватории. Преподавая цикл теоретических предметов, Климов оставался в то же время музыкальным руководителем оперных студенческих спектаклей, в числе которых был «Дон Жуан» Моцарта.

В эти годы он был тесно связан с такими мастерами-режиссерами, профессорами, как И. И. Палечек, С. Д. Масловская, И. В. Ершов. И неудивительно, что к 1921 году именно эти деятели создали все предпосылки для

[1] Н. А. Римский-Корсаков был уволен из Консерватории за поддержку забастовки студентов в знак протеста против расстрела 9 января 1905 года мирной демонстрации.

организации единственного в мире студенческого театра – Оперной студии Консерватории, музыкальное руководство которой было поручено профессору М. Г. Климову.

Студия стала кузницей вокальных, дирижерских и режиссерских кадров для театров и вузов страны (уместно напомнить, что подобная студия в Московской консерватории возникла десятью годами позднее). В Оперной студии под руководством Климова воспитывались замечательные оперные певцы: С. П. Преображенская, А. П. Иванов, В. А. Давыдова и другие. Климов руководил дирижерской практикой К. А. Симеонова, И. А. Мусина, Н. С. Рабиновича, Э. П. Грикурова, А. Ш. Мелик-Пашаева. В то же время в Оперной студии делали первые шаги в режиссуре Э. И. Каплан, В. А. Чарушников, И. Н. Храмцов – будущие профессора Консерватории.

В репертуаре Оперной студии (к 1928 году) были такие оперные шедевры, как «Снегурочка», «Царская невеста», «Кащей Бессмертный» Римского-Корсакова; «Каменный гость», «Русалка» Даргомыжского; «Пиковая дама» Чайковского; «Кармен» Бизе; «Богема», «Тоска» Пуччини; «Травиата» Верди; «Фауст» Гуно. Венцом успеха Студии стали гастроли коллектива в Австрии, в Зальцбурге, на моцартовских торжествах. В 1928 году о пяти спектаклях Студии зарубежная пресса поместила свыше 100 рецензий, в которых называлось уникальным искусство молодого студенческого театра.

В 1925 году к многочисленным нагрузкам Климова прибавились должности директора и художественного руководителя Ленинградской филармонии. По его инициативе была введена в практику абонементная система, позволившая установить постоянную связь с широкой слушательской аудиторией. Климов привлек к дирижированию концертами в филармонии Н. А. Малько, С. А. Самосуда, В. А. Дранишникова, Н. С. Голованова, А. В. Гаука.

Но главным делом жизни Климова оставалась работа в Капелле. Октябрьская революция поставила перед работниками искусства новые грандиозные задачи, и с первых же дней Капелла, преобразованная в Народную хоровую Академию, выступала на собраниях, митингах, манифестациях перед революционным народом.

В эти трудные годы Климов был поставлен во главе Капеллы.

Выступления Капеллы часто открывались вступительным словом Луначарского. Вот как Анатолий Васильевич вспоминал впоследствии о концертах Капеллы:

«Мы сохраняем Все. Богослужение в церкви не имеет значения, но все старинные иконы сохранены, церковное пение в виде Капеллы сохраняется, и сохраняем их с разрешения и даже по настоянию пролетарского правительства. По крайней мере, когда в Ленинграде в революционную эпоху

в 1918 году я выводил эту Капеллу на заседания перед пролетариатом, который тогда голодал, она (Капелла) пела, наряду со светской музыкой и революционными песнями и церковные песнопения. В них столько тоски и порывов неясных. Это – народное творчество, которое корнями уходит в глубь тысячелетий и, конечно, пролетариат не может этого выбросить, и тогда выступления этой Капеллы встречались аплодисментами, а концерты эти сделались любимейшими».

С каждым годом Климов пополнял репертуар Капеллы фундаментальными произведениями мировой классики, формировал новые хоровые программы. Вот их неполный перечень: Бах – Месса h-moll, «Страсти по Матфею», Гендель – «Самсон» и «Иуда Маккавей»; Гайдн – «Сотворение мира» и «Времена года»; Бетховен – Месса Solemnis и 9-я симфония; Танеев – «По прочтении псалма» и «Орестея»; Реквиемы Верди, Моцарта, Брамса, Берлиоза; Шуман – «Рай и Пери»; Лист – «Легенда о святой Елизавете»; Стравинский – «Свадебка», «Царь Эдип»; Онеггер – «Антигона», «Давид», «Юдифь», «Крики мира»; Рахманинов – Всенощная; Чайковский – Литургия; оратории Пащенко, Юдина, Егорова и др.

Программы концертов непременно включали народные песни России, Украины, Белоруссии, Кавказа, песни борьбы и труда.

Исполнительское мастерство Капеллы постепенно достигало большого размаха и небывалых высот. Традиционные формы работы коллектива становились тесны, и Климов провел целый ряд реформ. Так, в 1920 году он подключил к мужскому хору женские голоса, а в 1923 году в хоровое училище были приняты двенадцать девочек.

С триумфом прошли гастроли Капеллы в 1928 году по городам и странам Европы: Германия – Берлин, Гамбург, Кельн, Бонн, Киль, Дрезден, Лейпциг, Мюнхен; Швейцария – Цюрих, Базель, Сен-Галлен; Италия – Милан, Флоренция, Турин, Рим. Восхищенные, удивленные, потрясенные слушатели. Рецензенты считали Капеллу выдающимся явлением не только европейской, но и мировой культуры. Впоследствии известный дирижер Д. Митропулос назвал климовскую Капеллу «восьмым чудом света».

Титаническая 25-летняя работа Климова в Капелле и на всех других постах была отмечена в 1928 году Торжественным вечером, в котором приняли участие А. К. Глазунов, А. В. Луначарский, президент Академии наук академик А. П. Карпинский. Признание заслуг Климова выдающимися деятелями страны, музыкального мира, многочисленными слушателями было для него самой большой наградой.

Но путь художника-новатора всегда тернист и труден. Именно таким он был и у Климова. Много сил ему приходилось отдавать борьбе за чистоту искусства, оберегать его от многочисленных наскоков, перегибов, влияний. Когда Климову исполнилось 54 года, он тяжело заболел, а в феврале

1937 года его не стало. Но его дело нашло продолжение в его многочисленных учениках и последователях.

Когда мы сегодня с гордостью называем имена Е. В. Образцовой, Е. Е. Нестеренко, В. А. Атлантова, Г. А. Туфтиной, И. П. Богачевой, Н. П. Охотникова – мы не должны забывать, что эти музыканты – вокальные внуки Климова. Когда говорим о завоеваниях дирижерской школы и называем имена Ю. Х. Темирканова, Ю. И. Симонова, Д. Г. Китаенко, А. С. Дмитриева, Т. К. Мынбаева, А. М. Анисимова, А. М. Степанова, мы помним, что это – дирижерские внуки Климова. А когда говорим о достижениях и расцвете хорового искусства, тогда называем продолжателей дела Климова – его хоровых сыновей и внуков – А. Г. Мурина, А. Е. Никлусова, А. А. Юрлова, В. А. Чернушенко, В. Н. Минина, Н. И. Кунаева, А. И. Пустовалова, П. П. Левандо, Ф. М. Козлова.

Михаил Георгиевич Климов как личность в моей памяти проходит в трех временных состояниях: детское впечатление, затем в период совместной работы в Ленинградской академической капелле в качестве его помощника-дирижера и, наконец, оценка творчества Климова с позиций моей более чем полувековой педагогической и исполнительской деятельности.

В солнечный августовский день 1923 года мой отец Петр Кириллович Кудрявцев, скромный петроградский пианист, привел меня в концертный зал на Мойке, 20, на прослушивание для поступления в музыкальную школу Капеллы. В партере сидели воспитанники старших классов в форменных гимнастерках, подпоясанных ремнями с загадочными буквами «ППК» на бляхах, что означало «Придворная певческая капелла» (форма, оставшаяся в наследство от церковного хора), воспитатели и педагоги. Зал замер в тишине, когда на сцену к роялю мягкой походкой подошел человек довольно высокого роста с точеными чертами лица, высоким лбом, лучезарными голубыми глазами, румянцем на щеках. По залу прошел шепот: «Климов!» Не было обычных формальностей представления, однако все знали этого человека – воспитателя человеческих душ, благородного учителя, большого музыканта. Поздоровавшись, Климов попросил нас подняться на сцену. Мы, заранее построенные гуськом, по одиночке подходили к роялю, у каждого трепетно билось маленькое сердечко, а в голове была только одна мысль – петь как можно лучше, внимательнее услышать и повторить предлагаемый звук. Сжимая от старания кулачки, каждый стремился звонче тянуть звук, который надо было «раздуть», и «стихнуть». Здесь Климов определял голосовые качества, чистоту звука, слух. За первым испытанием следовало второе, и, наконец, третье, где решалась судьба будущего учащегося. Желающих поступить в тот год было много, зачислено же было только тридцать, из них двенадцать девочек, в их числе была и я.

**Петроградская капелла в зале. 1924 год.
Еще нет органа. На сцене бюсты А. Ф. Львова (слева)
и Д. С. Бортнянского (справа).
В центре хора М. Г. Климов и П. А. Богданов.
На сцене сидят Лиза Кудрявцева и Саша Хорькова (1 и 2 слева).
Стоят во втором ряду: Петя Кудрявцев (1), Женя Жеребцов (2), Саша
Никлусов (3), Женя Карагод (4), Костя Симеонов (5).**

Мы робко переступили порог капелльской школы, до того считавшейся уделом только мальчишек, а в душе еще не улеглись волнение и радость.

Капелла в те годы представляла целый музыкальный комбинат. Помимо прославленного хора, в Капелле существовала школа-девятилетка с интернатом на 120 человек, где давалось гуманитарное и музыкальное образование, причем игра на фортепиано и скрипке были обязательными. При Капелле работал в вечернее время музыкально-хоровой техникум; его студенты получали образование, равное консерваторскому. Здесь в разное время учились Е. А. Мравинский, М. В. Юдин, Н. Д. Успенский и многие другие.

Учащиеся VI класса школы зачислялись на первый курс техникума и занимались наравне со взрослыми. Игра в симфоническом оркестре, участие в хоровом классе были обязательными для всех воспитанников Капеллы. Трудно переоценить целесообразность этой стороны воспитания музыканта, ведь благодаря этому многие учащиеся Капеллы стали не только дирижерами, но и великолепными оркестрантами.

Авторитет М. Г. Климова в музыкальном мире позволил привлечь для преподавания в школе и техникуме Капеллы многих замечательных педагогов-исполнителей! Среди них П. А. Богданов, А. В. Преображенский, А. И. Вишневский, М. А. Юдин, А. Г. Шмидт, Н. И. Амосов, В. Ф. Николаев, А. А. Егоров, Н. И. Зборовская и многие другие.

Климов-педагог никогда не отступал перед трудностями, вставшими перед его учениками. Он всегда ободрял и, несмотря на многократное повторение того или иного материала, умел достичь желаемых результатов. Именно на повторении, закреплении пройденного, в процессе от простого к сложному, и построены два выпуска «Сольфеджио» Климова, ставшие настольными книгами не одного поколения музыкантов.

Климов обладал удивительным благородством, был предельно прост в общении и изложении мысли. Глубоко серьезная и захватывающая атмосфера творчества, жажда учиться, жажда познания всегда царили на его занятиях. Это шло от нашей любви к нему и внимания к нам самого учителя.

Для Климова искусство было не только отражением жизни через музыку, но и путь к воспитанию, единению людей. Нельзя передать словами все, что так щедро давал нам Климов на занятиях, ту энергию, веру и вдохновение, какими заражал он учеников!

Климов, воспитанный на красоте и широте русской классической музыки, и учеников своих растил на творениях Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Глазунова, С. И. Танеева, А. Н. Скрябина, П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова.

Отношение Климова ко всем ученикам, несмотря на различную степень их таланта, было одинаковым. Он, прежде всего, старался в любом человеке

найти положительные стороны, максимально развить их, поднять достоинство любого ученика.

Хор Капеллы являлся для учеников школы и техникума образцовой, показательной мастерской. На собственном примере Михаил Георгиевич учил нас всем премудростям музыкального хорового искусства.

Авторитет Климова зиждился на глубине и силе воздействия его личности, интеллигентности, одухотворенной красоты. Можно с уверенностью сказать, что в 20–30-е годы не было музыканта, который так или иначе не испытал бы на себе облагораживающего воздействия личности Михаила Георгиевича Климова.

Когда в 1931 году я стала работать в Ленинградской академической капелле, для меня открылись новые грани таланта учителя Климова. Он щедро делился секретами своего мастерства, сам блестяще играл на фортепиано и скрипке и требовал этого же и от меня.

– Дирижер обязан свободно владеть фортепиано, быть его хозяином… – часто говорил Климов.

Репетиции начинались обычно ровно в одиннадцать утра. Зная пунктуальность Климова, артисты хора без дополнительных звонков и напоминаний занимали свои места в репетиционном зале. Все были в творческой готовности и предельно собранны. Всегда стояла абсолютная тишина. Нотный материал, заблаговременно приготовленный, лежал на скамьях, которые заменяли стулья. Посреди зала, на небольшом возвышении, стоял хорошо настроенный рояль, разделяя собой хор на две половины. Такая расстановка коллектива имела определенную цель: артисты могли лучше слышать звучание хоровых партий, друг друга. Это давало возможность Климову подойти к каждому певцу. Если в репетиции принимал участие детский хор школы, что было довольно часто, то он располагался посредине между хорами взрослых певчих. При перенесении репетиции в концертный зал (генеральный период работы) коллектив строился обычно принятым порядком – дети впереди полукругом, сзади взрослые. Идеальной подставкой для хора Климов считал покатый пол сцены, ибо излишнее поднятие рядов артистов нарушало, с его точки зрения, ансамблевое звучание.

Выход коллектива на сцену был предельно скромным и занимал буквально секунды. В те годы у артистов не было концертных костюмов, но это не умаляло художественной ценности Капеллы, покорившей своим мастерством государства Европы в 1928 году.

Обычно в начале нового сезона (после отпуска) артисты хора были настолько творчески возбуждены, с таким трепетом ждали встречи со своим руководителем, что во время репетиции стояли. Михаил Георгиевич не распевал хор на специальных упражнениях, как принято теперь, а сразу

приступал к творческому процессу. После показа произведения на фортепиано предлагал хору пропеть его вполголоса, в умеренном темпе, одновременно мягко поддерживая звучание игрой на фортепиано, как бы давая возможность слушать себя. Затем очень тщательно раскрывал перед артистами замеченные ошибки или услышанные неясности в голосах. После корректуры снова просил повторить вполголоса пройденный материал. И так последовательно прочитывал все произведение или какую-то часть его, если работа велась над крупной формой. Сложные по музыкальному языку произведения (Онеггер, Стравинский и др.) Климов делил на мелкие фрагменты. С такой же тщательностью велась работа и над словом в произведениях куплетной формы. После того, как сочинение было прочитано и довольно твердо усвоено, Климов переходил к работе над созданием художественного образа, уделяя особое внимание кантиленности звука, свободному непрерывному пению legato, мягкости forte, точности интонации и удивительной выразительности слова, раскрытию его смыслового звучания. Во всем чувствовалась большая эрудиция Климова, тонкий вкус, знание стиля исполняемого произведения. С особой тщательностью дирижер относился к авторским указаниям в сочинениях. В его рабочих партитурах можно найти множество ремарок, дополнительных нюансов, темповых обозначений, мельчайших отклонений, аккуратным почерком внесенных в хоровые голоса. Но это все не нарушало общего замысла композитора, наоборот, как бы расшифровывало его.

Большое значение в методике работы с хором Климов придавал показу голосом. Впитав в себя лучшие традиции русской вокальной школы, широту дыхания, красоту слова, Климов сам пел мягко с предельной выразительностью и артистичностью. Он, как заботливый садовник, воспитывал в певцах красоту тембра, многогранность и бесконечную возможность интонационного звучания певческого голоса, слова, живых красок хоровой палитры. Сам Климов никогда не был «вне голоса».

Нельзя забыть красоты звучания хора в произведении Глинки – Балакирева «Венецианская ночь» или в квартете с хором Чайковского на заимствованную у Моцарта тему «Ночь»; блеска солнечных лучей и перезвона «Благовеста» в «Восходе солнца» Танеева; философского размышления и глубины в «Элегии» Чайковского; «На могиле» Танеева; мягкости, теплоты интонации в «Колыбельной» Глинки и т. д. Художественные краски, заранее продуманные или рожденные в процессе творческой работы, вновь и вновь раскрывали в интерпретациях Климова красоту и смысловое содержание хоровых произведений.

На репетициях Климов никогда не повторялся, он умел каждый раз облечь музыкальный материал в новую форму, достичь совершенства художественного образа. Климов рассматривал звуковысотность как

важнейшую составную часть единого творческого процесса интонационного осмысления музыкальной речи, и поэтому его работа над строем в хоре была предельно тщательной; его абсолютный слух позволял услышать неточную интонацию без малейшего затруднения.

Когда работа над произведением, казалось, была близка к завершению, Климов старательно выверял строй под игру на скрипке. Исполняя мелодию, он вовлекал в этот процесс певцов, помогая предельно вести звук, держать строй, интонировать. Отлично владея игрой на скрипке, Климов воспитывал и развивал у певцов чувство кантиленности звука, слуховые качества, непрерывность цепного мягкого дыхания, внутреннюю эмоциональность звуковедения и т. д. Безупречное знание партитуры на память разрешало Климову выверить любой звук, штрих, интонацию, внутренний ритм, пульс музыки. Скрипке как нетемперированному инструменту в репетиционном процессе Климов придавал большое значение, считая его лучшим «лекарем и учителем певцов». Только после такой тщательной работы Климов разрешал себе полностью перейти к дирижерскому процессу.

Климову были свойственны воля, темперамент, гибкость и мягкость. Его дирижерский жест был ясен, прост и красив. Четкая дирижерская сетка всегда была подчинена выразительности художественного замысла. Небольшими, но эмоциональными движениями рук, способными на любую реакцию и изменение в характере музыки, Климов удивительно естественно раскрывал красоту и ширь русского хорового пения.

Внешне Климов дирижировал спокойно, но все малейшие движения были очень выразительны. В его жесте не было дублирования рук; большое значение Климов придавал в дирижерской технике кистям рук, их подвижности, реакции и выразительности. Он дирижировал без палочки в произведениях кантатно-ораториальной формы, и его «поющие» руки были способны управлять без малейшего затруднения хоровым и оркестровым коллективами, достигая при этом блистательного звучания, будь то в Марше Ракоцци из «Осуждения Фауста» Берлиоза или предельном pianissimo при изложении начала «Страстей по Матфею» Баха.

Речь Климова была неторопливой, обстоятельной и спокойной, без лишних слов и фамильярности. Не лишенный остроумия, Климов был прост, краток и ясен в общении с людьми любого возраста и образовательного ценза.

В связи с этим нельзя не вспомнить специальные дневные концерты для школьников Ленинграда, сыгравшие огромную роль в художественно-эстетическом воспитании в 20–30-е годы. Зал Капеллы два раза в неделю был переполнен. Классные руководители школ специально готовили учеников к встрече с хоровым искусством. Просветитель Климов не только

дирижировал Капеллой, вел концерты, пояснял исполняемые произведения, но и с блеском читал стихи Некрасова («Размышления у парадного подъезда») или «Песнь о Буревестнике» Горького, шедевры Пушкина и Лермонтова. Контакт с залом был всегда изумительным.

Климов никогда не допускал окриков, случайных возгласов, грубых выражений, оскорбительных сравнений. Глубоко уважая достоинство человека, он умел ободрить, поддержать. Его отличали горячее сердце в сочетании с холодным и здравым умом. Бывало, после напряженной репетиционной работы Климов переключал внимание артистов, беседуя с коллективом или исполняя что-либо на фортепиано.

Среди его многочисленных обработок для хора без сопровождения есть песни различных народов нашей Родины: русские, украинские, белорусские, грузинские, армянские и другие. Обработки отличаются простотой музыкального языка, ясностью голосоведения и полностью сохраняют природу песни. Климов стремился в обработках к внутреннему единству музыкального напева и текста, раскрывая тем самым всю поэтичность содержания народной песни.

Художественными образцами мастерского переложения для хора без сопровождения являются многочисленные работы Климова от хоровых миниатюр до развернутых сцен из оперных творений русских композиторов. Назовем некоторые из них: Чайковский – «Колядки» из оперы «Черевички», «Хор крестьян» из оперы «Евгений Онегин»; сцена «Под Кромами» из оперы Мусоргского «Борис Годунов» и др. Из хоров малой формы: Шуман, «Грезы», Лядов, «Музыкальная табакерка», Вильбоа, «Моряки», Мусоргский, «Песня о блохе», Чайковский, «Неаполитанская песенка». Эти и многие другие произведения исполнялись Капеллой с неизменным успехом.

Репетиция под руководством Климова была предельно сконцентрирована и продумана. Во время перерыва артисты отдыхали обычно на своих местах или в небольшой прилегающей к залу комнате, где стоял бюст Бортнянского, а на столах лежали книги, альбомы, свежие газеты (настольные игры не разрешались). Отдых артистов проходил в тишине, говорили вполголоса, обменивались впечатлениями о музыке и концертах. Климов обычно не удалялся в свой десятиметровый кабинет, а вел беседы с артистами, в ходе которых узнавал обо всех волнующих вопросах. Он не ждал обращения к себе, но, замечая перемену в настроении того или иного певца, сам спешил помочь в горе, разделить радость. Его чуткое отношение и внимание к людям всегда воспринимались как величайшая честь, и никто из артистов, глубоко уважая Климова, не разрешал себе использовать его расположение с корыстной целью.

Репетиция, как правило, продолжалась не более двух с половиной часов, так как концертный план Капеллы был велик – до восемнадцати концертов в месяц.

Хор Капеллы исполнял до тридцати одной программы в год. Этот поистине титанический труд был по плечу только такому выдающемуся музыканту, каким был Михаил Георгиевич Климов.

Можно подробно говорить о том, как работал Климов, о его подготовке произведений всех эпох и композиторских школ, но мы кратко остановимся на сочинении Танеева – кантате «По прочтении псалма».

Программа «Хоры Танеева» для Капеллы была своеобразной школой в постижении красот русской полифонии. До исполнения произведений Танеева под управлением М. Г. Климова прозвучали грандиозные полотна западной классики: «Месса си минор» и «Страсти по Матфею» Баха; «Сотворение мира» и «Времена года» Гайдна; сочинения романтиков – «Рай и Пери» Шумана, «Осуждение Фауста» Берлиоза; произведения русской музыки: «Всенощная» Рахманинова, «Свадебка» Стравинского и многие другие. Пройдя через исполнение этих шедевров, М. Г. Климов приступил к покорению монументальнейшего сочинения С. И. Танеева – кантаты «По прочтении псалма».

Как в хоровых сочинениях без сопровождения, так и в кантате Танеева, М. Г. Климов ярко воплощал музыкально-художественный образ: возвышенное чувство красоты в хоре «Увидал из-за тучи утес»; психологический накал борьбы человека со стихией в произведении «На корабле». Образы этих сочинений были, пожалуй, во многом навеяны Климову полотнами Айвазовского. Кстати, репродукция картины «Девятый вал» висела у Климова в кабинете над рабочим столом, напоминая ему о человеческом мужестве и воле. Он был поистине несгибаемым человеком, обладающим редкой работоспособностью, логикой мышления, убежденностью и высоким чувством гражданственности и долга. Творческое кредо Климова было близко мироощущению и мировоззрению С. И. Танеева.

Следует напомнить, что Климов был лично знаком с Танеевым через своих учителей по Синодальному училищу – Смоленского, Орлова, Кастальского – и под влиянием его фундаментального труда «Подвижной контрапункт» создал учебник по полифонии, изданный в 1912 году издательством Юргенсона.

Кантата «По прочтении псалма», над которой работал Климов, написана в 1914 году для смешанного состава хора, квартета солистов и большого симфонического оркестра на стихи А. С. Хомякова. Произведение имеет три развернутых части. Сочинение открывается картиной разбушевавшейся стихии: «Земля трепещет, по эфиру катится гром из края в край». Двойная фуга в какой-то степени перекликается с хором Танеева на стихи

Хор Капеллы в Берлине. 1928 год.

Е. П. Кудрявцева – 4-й ряд, 3-я справа

Ф. И. Тютчева «Из края в край». Смятение, натиск стихии (первый хор кантаты) сменяет музыка возвышенной красоты и лирики (двойной хор). Появляется лейтмотив пробуждающейся природы, который найдет в дальнейшем свое воплощение в музыке вокального квартета.

Удивительно нарядна оркестровка этой части: звучание оркестра, сопровождающего хоровые голоса, отличается особым колоритом с преобладанием мягких тембров, создающих чарующее звучание красоты. Плетение музыкальной ткани опирается на русскую подголосочность. Пластичность, естественность и мелодичность свойственны этому хору, занимающему место середины трехчастной развернутой формы. Резкая смена темпа, динамики открывает третий большой раздел первой части кантаты.

Первая тема делится на два раздела – краткое, волевое «ядро» с лаконичным ритмом: «Я создал Землю» и – продолжение темы: «Создал Воды», символизирующее бесконечный поток, плетение «текущего» нисходящего мелоса. В дальнейшем ответное проведение, благодаря значительно протяженной теме, излагается в хоре стреттно.

После экспозиции первой темы следует ее разработка, являющаяся одновременно связкой ко второй, широкой, распевной. Танеев как бы зримо очерчивает, живописует небесный простор, достигая благодаря широкому расположению голосов необыкновенно объемного звучания. Оркестровая связка подводит к вступлению третьей темы: «Бесконечность созидаю». Тема – так же, как и первая – состоит из двух разделов: «ядра» и «развертывания». По своему характеру музыка напориста, лаконична.

В разработке тройной фуги восхищает мастерство Танеева, владеющего всеми тайнами полифонического искусства. Техника варьирования тематического материала здесь поистине уникальна. Первая тема развертывания является противосложением второй, образуя «врастание» разнохарактерного тематического материала и обусловливая накопление движения. Здесь мы встречаем различные комбинации тем, каноны, обилие стретт, наложения, переплетение голосов, проведение тем в увеличении и т. д. Удивляет главное, что это не заслоняет основного смысла музыки кантаты, наоборот, поднимает ее звучание до высот, выходящих за рамки стихотворной формы, создавая неукротимый звуковой поток. Зеркальная реприза венчает грандиозную тройную фугу.

Итак, первая часть кантаты представляет четкую развернутую трехчастную форму. По своему композиторскому мастерству данный раздел кантаты «По прочтении псалма» Танеева может быть соразмерен лишь с первой частью си-минорной «Мессы» Баха.

Вторую часть кантаты «По прочтении псалма» открывает прометеевский образ. Двойная фуга в фа миноре, с краткими, сжатыми темами. М. Г. Климов трактовал эту часть с предельной динамичностью, лаконизмом.

Следующий, пятый номер кантаты (квартет солистов) контрастен предыдущему. Гармония мира, красоты природы – основной образ музыки этой части. В шестом номере (вокальный квартет с хором) композитор рисует образ небесных светил. Танеев владеет великим разнообразием красок, штрихов. Эти картины звездного неба М. Г. Климов часто сравнивал с ниспадающими ходами в финале двойного хора Танеева «По горам две хмурых тучи» или с произведением «Из вечности музыка вдруг раздалась».

Оркестровая интерлюдия открывает третью часть кантаты. Основа ее – поиск темы, способной выразить внутреннюю сущность героя, кредо автора. Композитор проводит темы из предыдущих частей и, как бы отвергая их, находит новую мысль – вывод. Ария меццо-сопрано занимает центральное место в драматургии всего сочинения:

Мне нужно сердце чище злата,
Мне нужен брат, любящий брата,
И воля крепкая в труде.
Нужна мне правда на суде!

Четыре строфы легли в основу грандиозного финала – двойного хора. Каждая хоровая партия наделена темой, связанной с определенным поэтическим текстом, образуя четырехтемную фугу с чертами сонатной формы, построенную по принципу двойного контрапункта. Продолжительная кода завершает это монументальное творение Танеева, художника-философа, для которого торжество человека, света, мира на земле было главным.

Главным это было и для Климова.

К сожалению, титанический труд М. Г. Климова и его Капеллы не нашел выхода в 1934 году на концертную эстраду, к широкому слушателю. «Чиновники от музыки» сняли исполнение кантаты Танеева с генеральной репетиции, не поняли глобального замысла произведения, его общечеловеческого, философского звучания; узрев «церковные веянья», поспешили с запретом. Это больно ударило Климова в самое сердце.

Живые климовские традиции в трактовке кантаты Танеева «По прочтении псалма» я, став зрелым музыкантом, старалась претворить и сама, разучивая ее с Ленинградской академической капеллой в 50-е годы. Исполнение кантаты состоялось в Москве под управлением народного артиста СССР Константина Симеонова (в прошлом климовского воспитанника Капеллы) и имело большой успех.

Я рада, что мой ученик – народный артист СССР Александр Дмитриев – в наши дни дирижирует этим сочинением в крупнейших зала Москвы и Ленинграда.

К 100-летию со дня рождения М. Г. Климова я получила от его дочери О. М. Климовой два бесценных подарка: партитуру «Свадебки»

Стравинского, по которой М. Г. Климов работал и исполнил впервые в стране (1926 год) это замечательное сочинение, и рукописную партитуру кантаты «По прочтении псалма» С. И. Танеева, партитуры хранят множество пометок, ремарок, сделанных рукой Климова. Передо мной снова и снова встает облик замечательного художника, труженика, моего учителя Михаила Георгиевича Климова.

4-й ряд: Степанова Ксения (1), Васильев Григорий Степанович, уч. русского языка (2), Дмитровская Нина (3), учитель (4), Коврыгин Николай Николаевич, уч. математики (5), воспитатель (6), Янович (Гроздова) Ольга Христофоровна, уч. русского языка (7), Дурандин Павел Иванович (8), Очкасов, библиотекарь (9).
3-й ряд: Железнов Александр Михайлович, уч. химии (1), ученица (2), Зборовская Надежда Ивановна, преп. фортепиано (3), Барсова Антонина Петровна (4), Эйслер, преподаватель фортепиано (5), ученик (6), Успенский Николай Дмитриевич (7), Преображенский Иван Иванович, уч. математики (8), Кокарев Сергей Степанович, уч. естествознания (9).
2-й ряд: Егорова (Лаврова) Людмила Николаевна, пр. фортепиано (1), Минакова Христина (2), Титова Антонина Ивановна, уч. немецкого языка (3), Климов Михаил Георгиевич (4), Самойлов Евгений Васильевич, директор Капеллы (5), Егоров Александр Александрович, профессор (6), Богданов Палладий Андреевич (7), Куклева Ираида (8).
1-й ряд: Гаврилов Борис (1), Кудрявцева Елизавета (2), Константинова Тамара (3), Хорькова Александра (4), Шилова Валентина (5), Вильябо Артемия (6), Маслова Лида (7).

Е. П. Кудрявцева. Рисунок А. Г. Мурина. 1935 год

Вспоминая давнее

В 1925 году под руководством А. К. Глазунова Капелла пела знаменательный концерт в Большом зале Филармонии, посвященный 60-летию со дня рождения композитора.

Я хорошо помню триумфальные гастроли Капеллы во главе с М. Г. Климовым по странам Европы, где я выполняла роль помощника воспитателя у младших ребят.

Провожать нас на вокзал пришел А. К. Глазунов. Он сказал хору напутственную, трогательную речь.

Вскоре после возвращения из-за границы М. Г. Климов отправил меня в Консерваторию с поручением передать А. К. Глазунову партитуру. Я впервые переступила порог здания, с которым вот уже более полувека связана моя жизнь. Не было трепета и волнения, я просто выполняла поручение своего учителя и, как всегда, старалась выполнять его ответственно. Вошла в кабинет ректора. Запомнила грузную фигуру А. К. Глазунова, заполнившую большое кожаное кресло все без остатка своей массивностью. Поздоровалась и передала партитуру. Сейчас даже не могу вспомнить, что это было за произведение. Глазунов встал, поблагодарил меня и опять углубился в бумаги, лежащие на столе.

Из юношеских впечатлений прочно остались в моей памяти выступления в ораториях с Капеллой И. В. Ершова, премьера «Царя Эдипа» Стравинского и особенно исполнение в ней партии чтеца профессором Консерватории К. А. Аленевой, ведущей в Оперной студии сценическое мастерство. А разве можно забыть репетицию Капеллы, на которую пришла худенькая, в вязаной шапочке Софья Петровна Преображенская, поразившая всех красавцем-голосом в соло моцартовского «Реквиема».

Примечательно, что премьеру «Свадебки» Стравинского в 1926 году (где одну из партий фортепиано играл Д. Д. Шостакович) Климов повторил дважды в одном концерте, дабы донести до слушателей всю сложность и своеобразие языка композитора. М. Г. Климов был неистовый труженик. Он вставал в 6 утра и садился за письменный стол писать транскрипции, обработки. Так, партитура «Страстей по Матфею» Баха, произведение, идущее три с лишним часа, была аранжирована Климовым собственноручно с двух оркестров на один. Всеми – учебным, репетиционным и концертным – процессами руководил М. Г. Климов. Он по-отечески относился ко всем воспитанникам Капеллы, а ко мне, вскоре потерявшей отца, особенно.

В 1931 году Климов оставляет меня, по окончании училища, своим помощником по Капелле. Я наблюдала работу Климова над Си-минорной мессой Баха. Для меня это был самый волнующий момент в жизни.

Мессой Баха, как и всеми ораториально-кантатными произведениями, Климов дирижировал сам.

С первой репетиции М. Г. Климов попросил уважаемый маститый коллектив Капеллы называть меня, шестнадцатилетнего хормейстера, на «Вы» – Елизавета Петровна, приказал поднять повыше косы и сделать соответствующую прическу.

В один из дней Климов, обращаясь ко мне, сказал:

– Вот Месса Баха! Начинайте репетицию первого номера!

Я стала что-то бормотать, но Климов прервал мои возражения:

– Вы слушали мои репетиции, следили за репетиционным процессом! Я сяду на Ваш стул, а Вы начинайте!

Можно представить, что делалось в моей душе! Я села за рояль перед хором вместо Климова, взяла си-минорные аккорды в положении терции, зазвучали первые возгласы «Kyrie». Строки в партитуре удесятерялись, но вскоре все вошло в норму. Я запомнила этот урок. Я поняла, что я все должна знать, всегда быть внимательна, знать, что делать в любой момент, когда нет руководителя.

В 1931 году, по окончании училища Капеллы, я довольно быстро сдала вступительные экзамены в Консерваторию. Но Климов вызвал меня к себе и сказал:

– Рано, голубушка, рано! Профессионалов хормейстеров женщин еще не было в истории. Надо подождать! Посмотреть!

Консерватория 1932–33 годов. 1-й ряд: Чураева Анна Федоровна, Бернштейн Николай Нахимович, Кудрявцева Елизавета Петровна, Климов Михаил Георгиевич, Агринская. 2-й ряд: Бондаренко, Овчинников Леонид, Никлусов Александр Емельянович, Титов Борис Иванович, Квасников Юрий.

Но уже в 1932 году он дал на поступление в вуз свое добро!

С жадностью я приступила к занятиям на трех факультетах: дирижерско-хоровом и (по совместительству) оперно-симфоническом и фортепианном.

По специальности фортепиано я занималась у А. А. Михайлова, ученика Л. В. Николаева. Ему я обязана довольно солидной основой фортепианной игры. Теоретические предметы я изучала у профессора А. М. Житомирского (инструментовка), Н. З. Хейфеца (оркестровка), Р. И. Меервольфа (чтение партитур) и др. На дирижерском факультете я была зачислена в класс А. В. Гаука. К сожалению, занятия с Гауком вскоре прекратились, и я была переведена в класс молодого педагога И. А. Мусина. Илья Александрович был ассистентом в филармонии у Штидри. В Консерватории я была его студенткой, а когда он приходил в Капеллу, то попадал под мое хормейстерское «начало». Помню его первый приход в Капеллу на прием «Ромео и Джульетты» Берлиоза. Илья Александрович долго говорил о том, как враждуют между собою Монтекки и Капулетти, а всю дальнейшую репетицию этого сложнейшего произведения вела я сама. В классе со студентами Илья Александрович занимался увлеченно. Помню мой первый выход на оркестр под его руководством. Я дирижировала на репетиции сюитой из оперы «Садко» Римского-Корсакова и Первым концертом для фортепиано с оркестром Бетховена. Это были минуты большой радости, ответственности и волнения.

Жизнь моя была довольно плотная, время четко спрессовано. Учеба, репетиции и концерты в Капелле. Я не думала об отдыхе, всюду поспевала. Мимо проходила бесконечная вереница музыкантов. Работа и учеба для меня были самоотверженным, но радостным трудом.

С какими работами я встретилась в последние годы творческой деятельности М. Г. Климова и в которых мне довелось принимать участие? Помимо Мессы Баха – «По прочтении псалма» Танеева, «Орестея» Танеева, «Царь Эдип» и «Антигона» Онеггера, «Осуждение Фауста» Берлиоза.

В 1934 году Капелла под руководством Климова приняла участие в Москве в Баховских торжествах, где исполнила «Мессу» и «Страсти по Матфею». Дирижировал М. Г. Климов, соло пели С. П. Преображенская и П. З. Андреев. Я сидела в оркестре и исполняла партию чембало.

Последним произведением, над которым работал Климов, была оратория Онеггера «Крики мира», закончив последнюю репетицию оратории, Климов вынул из кармана белоснежный платок, вытер пот с огромного красивого лба и сказал:

– Ну! Одолел!

Настолько это сочинение было сложным.

Летом 1934 года состоялись гастроли Капеллы по городам Поволжья. Всеми концертами дирижировал Климов. Его супруга Анна Федоровна строго следила, чтобы Михаил Георгиевич надевал белую, полотняную кепку, так как южное солнце пекло нещадно.

Капелльский певец, имеющий красавец-баритон, Александр Максимович Васильев, в прошлом повар, в свободное время ловил в Волге на удочку стерлядь, готовил ее и угощал Климова изысканным блюдом. Как-то Михаил Георгиевич сказал:

– А я, Лиза, видел во сне Максимыча, сидящего в кабачке на бочке, как Мефистофель!

Капелла в это время учила «Осуждение Фауста» Берлиоза. И даже во сне музыка не покидала моего учителя. Но эта фраза насторожила меня позднее, а тогда мы все беззаботно смеялись.

Перед генеральной репетицией «Осуждения Фауста» Климов внезапно заболел, и мне пришлось это сочинение с Капеллой сдавать Владимиру Александровичу Дранишникову так же, как «Страсти по Матфею» Баха дирижеру Хайнцу Унгеру, «Реквием» Верди Фрицу Штидри, а мужской хор из финала симфонии «Фауст» Листа Оскару Фриду.

Великие дирижеры, приходя в репетиционный зал, не скрывали своего удивления при виде девушки-хормейстера, которой только что исполнилось 20 лет. Но все вставало на свои места, когда раздавались первые звуки «климовской» Капеллы.

В один из дней навестить больного Климова пришел руководитель Филармонического оркестра дирижер Фриц Штидри. Он принес огромную корзину цветов, и они долго говорили о музыке.

После трудного сезона 1934–35 годов, утомительной поездки по Волге, болезни Климова Капелла пошла в отпуск на два месяца.

Михаил Георгиевич вместо традиционного лечения и отдыха в Кисловодске снял дачу под Ленинградом, в Мартышкино. Дача – сказано слишком громко. Это была мансарда-чердак двухэтажного деревянного дома. Спартанская, скромная обстановка. Из вещей и посуды – только необходимое.

Перед началом нового сезона я поехала навестить учителя в его дачной обители. Он встретил меня радушно. Мы долго гуляли по парку и берегу Финского залива, говорили о капелльских делах, моей учебе в Консерватории, а потом поднялись по крутой, скрипучей лестнице на чердак дачи. Супруга и дочка Климова были по делам в Ленинграде. Михаил Георгиевич сам раздул примус, вскипятил чайник, открыл банку ароматного варенья, воткнул в нее столовую ложку, подвинул красивую чашку, а потом тихо сказал:

– Я хочу уйти из Капеллы…

Эти слова повергли меня буквально в шок. По молодости лет я даже не могла подумать об этом: «Капелла – и без Климова!»

Далее Михаил Георгиевич проводил меня до станции и, долго стоя на платформе, махал своей белой кепкой вслед уходящему поезду, пока состав не скрылся за лесом.

В первый день нового сезона 1935–36 годов, в конце сентября, Капелла собралась на первую репетицию. Все были возбуждены. Ждали Климова. Но он, обычно пунктуальный до минуты, запаздывал. Я перебежала двор, поднялась на второй этаж. Открыла домработница. Климов сидел за письменным столом в гостиной и что-то писал. На мою фразу:

– Михаил Георгиевич! Артисты хора ждут! – услышала страшные слова:

– Я в Капелле больше не работаю!

И через паузу:

– Что у нас по плану? Ах, да! «Реквием» Верди. Приезжает Витторио Гуи! Идите репетировать!

Вернулась к хору и несла что-то несусветное:

– Климов занят... Климов разговаривает по телефону с Ленсоветом (к слову, он был народным депутатом Ленсовета)...

Провела, как в тумане, репетицию «Реквиема» Верди...

В два часа дня, во время занятия уже с детским хором Капеллы в класс вбежала климовская домработница, и с порога:

– Бегите скорее к нам! Климов умер! Никого нет! Что делать, не знаю!

Через мгновение я была в квартире. Михаил Георгиевич лежал на полу в коридоре. Над ним, как маятник, качалась на длинном шнуре трубка настенного телефона. Видимо, он кому-то звонил. Еще миг – и несусь, как оглашенная, на площадь Урицкого в Главное управление Ленинградской милиции. На вахте молоденький дежурный, не поняв толком через мои слезы-рыдания, что случилось, позволил вызвать врачей по служебному телефону. Приехали профессора, и в их числе Ланг, и констатировали глубокий паралич.

Общими усилиями уложили Климова в постель. С большим трудом через некоторое время к больному вернулось сознание. Но речь отсутствовала.

Уже уходя из климовской квартиры, я заметила, что телефонная трубка в коридоре по-прежнему болтается, как неприкаянная, и из нее раздаются какие-то булькающие звуки.

А жизнь продолжалась. Незадолго до трагедии Климов забрал все свои партитуры и обработки текущего репертуара из библиотеки Капеллы. То ли он хотел поразмыслить над ними в связи с новым сезоном, то ли подготовить к изданию, то ли уничтожить, как уничтожал многое из своих аранжировок, чем был не удовлетворен. Шли концерты, репетиции Капеллы. И тут сказалась климовская выучка. Я репетировала и дирижировала по памяти. Я не знала, что такое «не умею», «не знаю», «боюсь», «не смогу». Для меня этих понятий не было. Были – «постигну», «познаю».

Замечательный итальянский дирижер, профессор Витторио Гуи пришел в Капеллу и, узнав, что Климов болен, отказался репетировать. Директор

филармонии, пианист, профессор И. М. Рензин и художественный руководитель профессор А. В. Оссовский с трудом уговорили маститого дирижера прослушать Капеллу. В. Гуи, демонстративно не раздеваясь, в пальто сел вполоборота к хору на стул, положил шляпу на колени. Я начала репетицию. Села за рояль (Климов, сам великолепно владевший роялем и скрипкой, концертмейстеров в Капелле не имел). Рояль стоял в центре репетиционного зала на возвышении, вокруг удобным каре сидели дети и взрослые капеллане. Я сразу начала с ля минора. Зазвучала музыка «Реквиема» Верди. В первой части в a capell'ном эпизоде я поднялась из-за инструмента, чтобы провести fugato, как вдруг чья-то рука нежно взяла меня за плечо и усадила за рояль. Господин Гуи, бросив небрежно на стул красивое модное пальто и шляпу, продолжил репетицию, не прерывая музыки до финального аккорда.

В конце репетиции Гуи поблагодарил хор, а меня с извинениями нежно поцеловал.

В этом эпизоде сказалась опять климовская школа, которую я старалась усвоить с первой репетиции.

В 1935 году перед первой в моей жизни самостоятельной поездкой с Капеллой в Донбасс я пришла к М. Г. Климову домой проститься. У постели хлопотала Анна Федоровна. По радио зазвучала ария Князя Игоря из оперы Бородина. На слова «Ты моя голубка-Лада...» глаза больного открылись, и он перевел взгляд на жену: «Вот! Моя голубка Лада!!». И как достижение многомесячных тренировок Михаил Георгиевич вдруг сказал фразу, четко выделяя каждую букву: «В шка-фу паль-то!!!» – и тут же отпрянул на подушку, как после тяжкого труда.

Я обещала Учителю все сделать, что в моих силах. Провести за 22 дня 26 (!) концертов Капеллы. Поцеловала его. Он благословил меня.

Поездка Капеллы в Донбасс была исторической. Капелла была первым творческим коллективом в Донбассе, первыми артистами, которые выступали перед Алексеем Стахановым и его друзьями, выступления Капеллы дали значительный толчок развитию музыкально-хорового движения в этом рабочем крае.

Коллектив выступал в сложнейших, непривычных условиях, прямо в шахте, но с гордостью нес рабочим песню, прославлявшую трудового человека.

Из каждого поселка, шахтерского городка я посылала Климову в Ленинград телеграммы о концертах и успехах его Капеллы. Когда по приезде я вошла к Климову, он неуклюже вынул здоровой рукой из-под подушки мои послания. Он был счастлив.

Но эту радость остудил, как ледяной дождь, приказ по Консерватории о моем отчислении (с трех факультетов) «за непосещение хорового класса». Оставаясь единственным дирижером из-за болезни Климова, я не могла

совмещать репетиции Капеллы с утренними занятиями хорового класса, и, несмотря на наличие официальных объяснительных справок и ходатайств, была отчислена. Так завистники и враги Климова мстили великому музыканту.

По молодости сгоряча я дала себе слово не переступать больше в жизни порога Консерватории. Хотя с 1931 года педагогика захватила меня полностью: в Хоровом училище Капеллы под руководством Климова я вела различные музыкальные предметы с большим увлечением.

В год болезни Климова Хоровое училище с инвентарем, библиотекой, инструментами было передано Консерватории, и на этой базе была основана существующая и по сей день Специальная музыкальная школа-десятилетка Консерватории, давшая миру многих замечательных музыкантов.

В феврале 1937 года М. Г. Климова не стало. Его похоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры близ могилы М. И. Глинки. На мраморной надгробной плите строчка из «Реквиема» Моцарта. А в марте в Капеллу был назначен художественным руководителем Александр Васильевич Свешников. Ученик С. И. Танеева и Б. Л. Яворского, окончивший в начале века Московскую народную консерваторию по классу контрабаса, путем самообразования вышел в число крупнейших дирижеров-хормейстеров в нашей стране. За свою почти вековую жизнь он был и другом В. Г. Короленко, и организовывал в 20-е годы трудовую коммуну на Полтавщине (подобно А. С. Макаренко), был организатором хора радио в Москве и хора Союза ССР. 30 лет был ректором Московской консерватории.

Придя в Капеллу, Свешников поручил мне создать большой детский хор. Я отбирала по школам, детским домам талантливых мальчишек. Такой хор, в несколько сот человек, начал заниматься в концертном зале Капеллы два раза в неделю. Поощрением за работу ребята получали завтрак с конфетой. Причем одну репетицию я раздавала эти дары, а А. В. Свешников репетировал, а другую – наоборот.

Через несколько месяцев мы отобрали из этих ребят 36 человек самых талантливых и организовали два класса вновь возрожденного Хорового училища. Среди отобранных были мальчики: Александр Юрлов, Владимир Минин, Федор Козлов, Александр Флярковский, Анатолий Ушкарев и другие. Но это уже другая история, другие страницы.

Партию клавесина исполняла Е. П. Кудрявцева

Афиша. Июль – август 1935 года

ГОС
АКАДЕМИЧЕС
МОЙКА, 20—Ул. ЖЕЛЯБОВА, 11
29
ОКТЯБРЯ 1935 г.
Нач. в 8 ч. 30 м. веч.
ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ
ВТОРОГО АБОНЕМЕНТА
КОНЦЕРТ
ХОРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАПЕЛЛЫ
ПОД УПРАВЛЕНИЕМ
Е.П.КУДРЯВЦЕВОЙ
ПРОГРАММА:
I-е ОТДЕЛЕНИЕ:
1. ПАЩЕНКО — В темном лесе
2. ЕГОРОВ — Под балалайку
3. БАЛАКИРЕВ — Эй, ухнем
4. Р.-КОРСАКОВ — Старая песня
5. ДАВИДОВСКИЙ — Сюита из украинск. народн. песен
6. ВЕРИКИВСКИЙ — Колыскова
7. ЕГОРОВ — Агай (башкирская)
8. КОМИТАС — Ночь хороша
Я у ног твоих (армянская)
9. ПАЩЕНКО — Сиаф. картина „Буря на Волге"
II-е ОТДЕЛЕНИЕ:
10. ГЛИНКА — Ночной смотр
Венецианская ночь
11. РУБИНШТЕЙН —Ноченька
Хор девушек
из оп. „ДЕМОН"
12. МУСОРГСКИЙ — Блоха
13. ВИЛЬБОА — Моряки
14. ЧАЙКОВСКИЙ — Соловушко
Кокэдка из оп. „ЧЕРЕВИЧКИ"
15. ШТРАУС — Вальс
16. БОРОДИН — Половецкие пляски
из оп. „КНЯЗЬ ИГОРЬ"
Оставшиеся билеты продаются ежедневно в кассе Капеллы с 2 ч. дня до 7 ч. веч. В день
Во время исполнения вход в зал воспрещается

Шахтерская благодарность

«Вечерний Ленинград», 16 марта 1985 года

Рассказали об этих примечательных концертах прежде всего документы: переписка, рецензии, программы, отчет, которые хранятся в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства.

...Тогда, в декабре 1935 года, хор Ленинградской академической капеллы в полном составе выехал на гастроли в Донбасс. Выступления перед рабочей аудиторией стали привычными для старейшего хорового коллектива страны за годы, прошедшие после Великой Октябрьской социалистической революции. С 1918 года, когда Капелла (бывшая Придворная певческая капелла) получила название Народной хоровой академии, слушателями ее часто бывали рабочие ленинградских заводов. Но предстоящие выступления перед донецкими шахтерами, чей трудовой подвиг, совершенный за несколько месяцев до поездки, положил начало стахановскому движению, были и очень почетными, и очень ответственными. Об Алексее Стаханове и его друзьях уже слагались песни. Интересно было познакомиться с героями, о которых говорила вся страна. В свою очередь приезд Академической капеллы в Донбасс воспринимался как большое художественное событие.

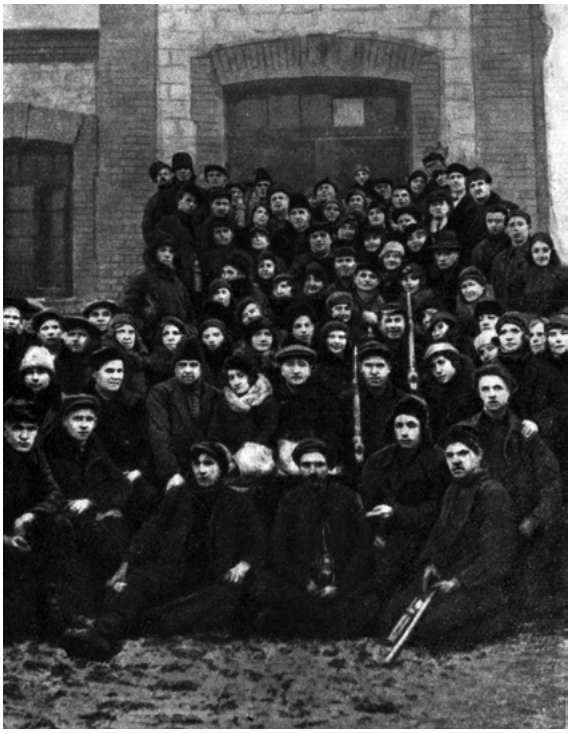
Три концертные программы, составленные для поездки по Донбассу, включали лучшие образцы репертуара Капеллы: произведения Чайковского, Мусоргского, Бородина, Балакирева, Бизе, Брамса, Шопена, Штрауса. А кроме того, украинские народные песни и песни советских композиторов. Художественный руководитель Капеллы выдающийся музыкант и педагог Михаил Георгиевич Климов из-за болезни не мог участвовать в поездке. Руководителем стала его ученица Елизавета Петровна Кудрявцева, ныне профессор Ленинградской консерватории, народная артистка РСФСР. В ту пору ей исполнился всего 21 год. Это была ее первая самостоятельная поездка с хором.

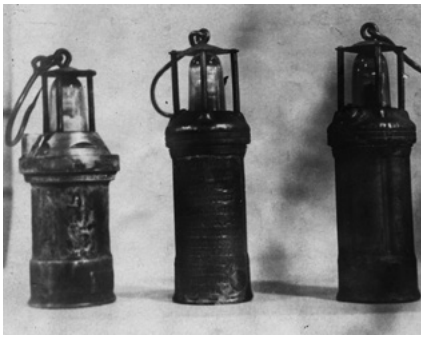
Гастроли прошли с огромным успехом. За месяц состоялось 26 концертов, которые посетили около 24 тысяч человек. Особенно запомнились ленинградцам два концерта. Один – в нарядно́й шахты «Кочегарка» в Горловке, где после выступления артистам предоставили возможность спуститься в шахту (на глубину свыше шестисот метров!). Другой – концерт в нарядно́й шахты «Центральная-Ирмино», где работал инициатор стахановского движения Алексей Стаханов.

Вот как писала об этом концерте газета «Социалистический Донбасс»: «В этот день рабочие перед спуском в шахту встретили дорогих и необычных гостей: весь состав Ленинградской академической капеллы. Многочисленная аудитория в шахтерках, с аккумуляторами в руках затихла. Бурными рукоплесканиями отзывались рабочие на каждую исполненную

песню. После выступления весь состав Капеллы сфотографировался на память».

Эта фотография, на которой она запечатлена рядом со Стахановым, до сих пор бережно хранится у Елизаветы Петровны Кудрявцевой. В ее личном архиве находятся и снимки почетного знамени, врученного коллективу Капеллы на слете стахановцев в поселке Красный Луч, и шахтерских ламп, одна из которых с надписью: А. Стаханов.





Кроме концертов, артисты хора провели ряд бесед со стахановцами об искусстве, о хоровом пении. В Енакиеве, Кадиевке, Щербиновке артисты встречались с хоровой самодеятельностью. В почетной грамоте, которую привез коллектив, читаем:

«Родина стахановского движения – шахта „Центральная-Ирмино“ приносит свою пролетарскую шахтерскую благодарность за то эстетическое наслаждение, которое испытали стахановцы-богатыри Донбасса от высокого мастерства вокального искусства Капеллы, получив новую зарядку на новые нормы угледобычи. Стахановцы шахты „Ирмино“... питают надежду в скором будущем слушать опять близких и родных нам товарищей-ленинградцев».

И следует подпись Алексея Стаханова и других знатных шахтеров.

В. Ярошецкая

Е. П. Кудрявцева. 1932 год

Е. П. Кудрявцева. 1933 год

Е. П. Кудрявцева и А. Г. Мурин.
1935 год

Е. П. Кудрявцева. 1937 год

Глава II

Ленинградская капелла в годы войны

Е. П. Кудрявцева. 1940 год

Ленинградская капелла в годы войны

Выступление Е. П. Кудрявцевой в Доме ученых Академии наук СССР 20 октября 1984 года на конференции, посвященной 40-летию полного снятия блокады Ленинграда. Опубликовано в книге «Ленинградская государственная консерватория в годы Великой Отечественной войны», Санкт-Петербург, 2005 год.

«Пронзительной болью и гордым торжеством отзывается в памяти Великая Отечественная. Капелла – боец, участник общенародной борьбы с фашизмом... Около 500 концертов в первые полтора года войны!

Теперь мы скажем – подвиг! А тогда хор и его главный дирижер Елизавета Кудрявцева просто жили и сражались оружием песни, утверждая непреоборимую силу познавшего свободу народа».

Эти высокие слова сказаны Владиславом Чернушенко, музыкантом послевоенного поколения, возглавляющим ныне два крупнейших очага отечественной культуры – Ленинградскую капеллу и Ленинградскую консерваторию, с которыми вот уже более полувека связана и моя судьба.

В этих заметках мне хотелось как непосредственному участнику событий рассказать о жизни Ленинградской капеллы в годы войны.

После успешных концертов в начале июня 1941 года в Москве, исполнения в Зале Чайковского «Реквиема» Берлиоза Капелла отправилась в поездку по городам Украины. Возглавить гастроли было поручено мне, так как Александр Васильевич Свешников в этот год полностью перешел на работу в столичный Государственный хор СССР.

Радушный прием в Харькове, масса цветов, восторженные рецензии в газетах, встречи со знаменитыми украинскими музыкантами, хорами и вдруг...

22 июня – ВОЙНА!

Это страшное известие застало нас в г. Шахты. Следуют концерты в Ростове-на-Дону. Но у слушателей и у нас, исполнителей, сердца наполнились тревогой за судьбу Родины, Ленинграда, близких.

Наконец, в Батайске получаем приказ прервать гастроли и возвратиться в Ленинград. Четыре вагона, в которых размещалась во время гастролей Капелла, прицепили к составу, направляющемуся в сторону Москвы. Мы часто стояли на полустанках, пропуская идущие в глубокий тыл эшелоны с жителями оккупированных районов, с техникой. Трудно забыть встречный состав, в котором находились обезумевшие от горя женщины, дети и старики из разбомбленного, сожженного фашистами Минска. Лица несчастных – первые впечатления от ужасов войны.

Вскоре прибыли в столицу. Встречать нас пришел Александр Васильевич Свешников. Он, как мог, подбодрил коллектив и, благодаря его стараниям и энергии, наши вагоны прицепили к ленинградскому эшелону.

Мое купе было своеобразным штабом поездки. Свешников упросил взять с собой известного ленинградского чтеца Антона Шварца. Все в коллективе были возбуждены предстоящей встречей с Ленинградом, и Шварц, чтобы успокоить себя и нас, читал всю ночь напролет классическую прозу и стихи – Пушкина, Чехова, Зощенко. Наконец, на одиннадцатый день войны коллектив вернулся в Ленинград.

18 артистов записались в Красную армию и были посланы на фронт. Капелла сразу поредела на теноров и басов. Вся дирижерская, творческая нагрузка легла на меня, 26-летнего дирижера, правда, имевшего к этому времени за плечами десятилетний стаж работы в Капелле с такими выдающимися музыкантами, как Михаил Георгиевич Климов, Николай Михайлович Данилин, Александр Васильевич Свешников.

Концерты на вокзальных перронах, перед уходящими на фронт составами, выступления в госпиталях, лазаретах, воинских частях. Капелла дала 56 концертов.

В свободное время артисты вместе с горожанами рыли окопы в Обухове, пожарный водоем на улице Рылеева. Возводя противотанковый ров на станции Батецкой (Витебское направление), артисты Капеллы попали в окружение, из которого с трудом вырвались, проделав пешком по лесам и деревням, не занятым врагом, много десятков километров.

Фашисты сжимали кольцо вокруг Ленинграда. Было принято решение эвакуировать в село Арбаж Кировской области в первую очередь детей – Хоровое училище Капеллы. Уезжали дорогие моему сердцу мальчишки, которых мы набирали в хор по всему городу в 1937 году вместе с А. В. Свешниковым и П. А. Богдановым.

Палладий Андреевич Богданов забрал в эвакуацию внучат и советовал ехать мне как педагогу училища или отправить с ним моих малолетних детей: сына – четырех лет и дочку – двух. Мне казалось, что все обойдется, и я не приняла это предложение.

В селе Арбаж П. А. Богданов с частью педагогов и воспитателей в короткий срок организовал быт и учебу хорового училища. Был создан небольшой струнный оркестр (в эвакуацию удалось вывезти инструменты), который с хором мальчиков давал концерты в окрестных селах. Занятия продолжались в полном объеме, причем скрипку, альт, виолончель, хоровые и теоретические занятия вел сам Палладий Андреевич, старейший деятель Капеллы, в прошлом ученик Н. А. Римского-Корсакова и М. А. Балакирева.

Старшие ребята заготовляли дрова для кухни. Именно из этих мальчишек, прошедших в трудные военные годы школу суровой жизни и правды, выросли впоследствии замечательные мастера нашего советского искусства, которыми по праву гордится страна: Владимир Минин, Александр Фляр-ковский, Юрий Петров, Федор Козлов. Да и многие другие, не названные мной, стали каждый на своем месте в буквальном смысле слова личностью...

Получаю телеграмму, где сказано, что Капелла эвакуирована в Киров и мне надлежит немедленно выехать к ней, так как другого дирижера у хора нет. Погрузила в попутную полуторку детей. Ладога встретила колючим ветром. Ехали ночью с потушенными фарами. Маленькая дочка заснула на руках, а сынишка сидел рядом, прижавшись к кабине, чтобы не так дуло. Вдруг машина вылетела на полуразрушенный мост и рухнула вниз. Казалось, мы летим в бездну. Проснувшийся от резкого толчка сынишка дико закричал, а дочка, которую я крепко прижала к себе, продолжала, мирно посапывая, спать. Отделались ушибами и испугом. Водитель с трудом вырулил по льду машину на высокий берег.

Киров был переполнен эвакуированными. Помимо гражданского населения, многочисленные госпитали, больницы, лазареты, пункты переформирования воинских частей, эвакуированные заводы и фабрики.

Коллектив Капеллы разыскала в местном драматическом театре. В двух бывших курилках на кафельном полу, на чемоданах и узлах, сидели артисты. Меня встретили градом слез мои дорогие друзья: Никифор Михайлович Оверко, Петр Константинович Левандо, Дора Абрамовна Клиот. Подсчитала артистов буквально по головам – сорок восемь человек, плюс родственники, жены, дети, старики-родители. Оказалось – коллектив должен был быть эвакуирован в Новосибирск, где была и Ленинградская филармония, но по недосмотру в сумятице первых месяцев войны приехал в Киров и оказался в городе на «птичьих» правах. Я телеграфировала о положении коллектива в Москву и, не дожидаясь ответа, начала репетиции. Занятия проводила в Доме Красной Армии, где нам отвели комнату, в которую в мирное время вмещалось 20–25 человек. Артисты жили в деревне в 15 километрах от Кирова и на дорогу на каждую репетицию тратили много сил и времени.

Вскоре пришла телеграмма из Комитета по делам искусств из Москвы, в которой мне предлагалось по своему усмотрению отобрать 12 певцов без родственников и самой с семьей приехать во Фрунзе, где влиться в состав Государственного хора Союза ССР под управлением А. В. Свешникова.

Я, естественно, не могла этого сделать, покинуть на голодную смерть товарищей, стариков-родителей, детей и ответила отказом. Еще через неделю получаю телеграмму из Комитета, где сообщалось, что «учитывая сложную военную обстановку, Капелла снимается с госдотации и переводится на хозрасчет».

Решаюсь пойти к первому секретарю Кировского Обкома ВКП(б) Федору Дмитриевичу Машкину. Бывший ленинградец внимательно выслушал нас, рассказал о тяжелом положении в районе, которым ему доверено руководить, и поставил вопрос, как говорится, ребром: хватит ли сил у Капеллы организовать работу так, чтобы песня подымала бойцов на бой, подымала раненых и полуживых?! Услышав положительный ответ, обещал помочь.

Вскоре артисты Капеллы и их семьи были прописаны в Кирове, размещены в квартирах, и без того переполненных эвакуированными.

Я с двумя детьми поселилась в углу проходной комнаты по набережной Коммуны, 2, в квартире одного из начальников НКВД г. Кирова.

Для репетиций закрепили за нами комнату в Доме офицеров и предоставили сцену для всего хора, который пополнил свои ряды за счет артистов, оказавшихся в Кирове, и насчитывал уже 67 певцов.

На первом концерте в Доме Красной Армии в двух отделениях звучала русская, зарубежная классика, русские, украинские, белорусские, грузинские народные песни. Присутствовавшее на концерте городское, партийное и военное руководство тепло поблагодарило коллектив Капеллы и пожелало новых успехов.

В эти дни я разучила с хором патриотическую кантату «Минин и Пожарский» Степана Дегтярева, предшественника Михаила Глинки. Музыка 150-летней давности звучала в суровые дни необычайно актуально.

Следующей работой Капеллы была музыкально-поэтическая композиция по кантате С. С. Прокофьева «Александр Невский» (чтец Николай Кудрявцев, пианист М. Брусиловский). Символично звучали в наших устах слова кантаты: «Вставайте, люди русские! За нашу землю русскую!»

Концерты проходили днем, поздно вечером и даже ночью. Лозунг – «Всё для фронта, всё для победы!» – был и нашим лозунгом.

Выступления в госпиталях, лазаретах, воинских частях, на заводах, в клубах, красных уголках. Где не мог выступить весь коллектив, отправлялись бригады из нескольких артистов.

Вот передо мной бесхитростные, идущие буквально из солдатских сердец, слова благодарности, отзывы, ныне хранящиеся в Государственном архиве СССР.

«Мы, бойцы и комполитсостав, находясь на излечении в госпитале № 3154 в городе Кирове, выносим большую благодарность коллективу Ленинградской академической капеллы за данные два концерта, за доставленное удовольствие художественным исполнением и просим коллектив Капеллы воодушевлять нас своим высоким мастерством на новые подвиги, на разгром фашизма.

Политрук С. Тарасов».

«Военные моряки глубоко признательны за любезную организацию этого концерта. Ждем следующей встречи.

Кировский Военно-морской госпиталь НКВМ СССР».

КОНЦЕРТ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ
КАПЕЛЛЫ
ДИРИЖЕР Е. П. КУДРЯВЦЕВА
I ОТДЕЛЕНИЕ
Произведения русских и западно-европейских композиторов
Песни народов СССР и народные песни Запада
ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ
II ОТДЕЛЕНИЕ
Артист Ленинградской Гос. эстрады
П. Л. МУРАВСКИЙ
(КОНФЕРАНС, ФЕЛЬЕТОНЫ И ПЕСНИ)
Солисты Академической Капеллы:
АДАНКОВИЧ, ЕГИАЗАРОВА, МАРЧУК, МАРТЬЯНОВА, СЕРЕБРЯКОВА, ЯВХ.
ЛЕВАНДОВ, МАМОНТОВ, МИХАЙЛОВ, СОБОЛЕВСКИЙ, ТКАЧЕВ
Артист Ленинградской Гос. эстрады П. СТРЫГИН (аккордеон)
Партия фортепиано Мих. БРУСИЛОВСКИЙ
Художественный руководитель Академической Капеллы
орденоносец Д. Н. ЛЕБЕДЕВ

Афиша Капеллы. Киров. 1942 год

«Ваш концерт, ваше посещение нашего госпиталя еще лишний раз показывают ту близость, любовь и беспредельную заботу всего советского народа, родной партии и правительства о своей армии, борющейся с коварными фашистами.

Спасибо, товарищи, спасибо, друзья. Ждем вас снова к себе».

«Все номера без исключения порадовали высотой художественного мастерства, музыкальностью. Кажется, что поют не люди, а звучит один инструмент, который хочется слушать без конца».

Часто мне самой доводилось выезжать в воинские части и разучивать с бойцами и командирами боевые и патриотические песни. Особенно запомнилась поездка под майский праздник в воинскую часть недалеко от Кирова. За несколько километров до части наша машина попала в кювет. Я, водитель и сопровождающий солдат оказались в ледяной воде. Выбрались на дорогу и пешком добирались до части. Видавшие виды командиры, увидав нас, обледенелых, замерзших, приказали выдать из медсанбата спирт и переодеть в теплое. Я растерла руки и ноги до боли спиртом, обмотала ноги теплыми солдатскими портянками, одела сухие, на несколько номеров больше, русские сапоги и в таком необычном виде вышла к бойцам.

После спевки бойцы просили рассказать о Ленинграде. Я поведала им, что знала, а в ответ получила обещание-клятву освободить город от блокады.

Поздно ночью вернулась в Киров к своим ребятишкам, а на следующий день как ни в чем не бывало дирижировала Капеллой на концерте.

Или другой эпизод – начальник Ленинградской Военно-Морской Медицинской Академии, перебазированной в Киров, А. И. Иванов просил лично разучить с курсантами-врачами патриотические песни. В помещении были построены слушатели Академии, и я с голоса (инструмента не было) разучила с ними песни.

Начальник Академии при всех поблагодарил меня и вручил две сладкие белые булочки для моих детей. В этом хлебе была искренняя благодарность. Позднее я узнала, что их выпекали специально для умирающих...

Коллектив Капеллы неоднократно выступал перед курсантами Академии с концертами. Вскоре и медики выручили нас в трудную минуту. К нам в Киров вырвались 11 артистов Капеллы из Ленинграда. Люди были изможденны до предела. По пути в Киров скончались А. А. Тытянко, И. С. Миклашевский, и их трупы были оставлены на каком-то полустанке. Да и остальные приехавшие не могли двигаться без посторонней помощи. На Евгении Константиновиче Белоусове, статном, высоком в мирное время артисте, были надеты один на другой пять-шесть пиджаков, и все равно он, лежащий на носилках, казался живым скелетом. Артисты рассказали сквозь слезы о родном нашем городе, о смерти близких, родных, знакомых.

Для спасения приехавших пришлось положить их в госпиталь Военно-Морской Медицинской Академии. Офицерский паек-довольствие и замечательные медики из Академии вскоре поставили капелльских артистов в строй.

Из Ленинграда вести шли все тревожнее, и сроки их доставки были месяц, а то и больше. У большинства в кольце блокады оставались родные. Но одна весть из Ленинграда ранила в сердце весь коллектив Капеллы – это весть о гибели под бомбежкой в Ленинграде делегации Кировской области, доставившей в блокированный город через Ладогу эшелон продуктов – подарков от трудящихся Кирова и Кировской области. Они передали дар ленинградцам, были в Смольном у А. А. Жданова, а на следующий день уже на Большой Земле, на станции Волховстрой, состав, шедший в тыл, был разбомблен фашистами.

Среди погибших был замечательный большевик, так много сделавший для спасения коллектива Капеллы в трудные годы войны первый секретарь Кировского Обкома партии Ф. Д. Машкин.

В один ненастный день пришло и мне страшное сообщение о гибели от голода в блокадном Ленинграде моей матери, старого коммуниста, рабочей-мотористки фабрики «Красный парус». Она до последнего часа шила шинели для солдат. Работала, жила и умерла на фабрике.

В наши концерты в конце 1942 года были привлечены оказавшиеся в эвакуации артисты Ленинградской эстрады П. Л. Муравский, О. Д. Нехлюдова, П. И. Стрыгин. В свободные минуты во время переезда с концерта на концерт старейшина ленинградской эстрады П. Л. Муравский рассказывал мне и артистам о своих встречах с Володарским, Луначарским, Горьким, Андреевой и многими другими легендарными личностями. Это были своеобразные устные эстрадные миниатюры. Жаль, что ни сам Муравский, ни кто-то из его друзей-приятелей не записали эти маленькие новеллы для истории.

Помимо многочисленных концертов и выступлений в городе Кирове и области, Капелла выезжала в Слободское, Котлас и другие места.

В конце 1942 года «за большую работу по художественному обслуживанию воинских частей, эвакопунктов, госпиталей» специальным приказом командира Кировского гарнизона коллективу Капеллы и артистам была объявлена благодарность. Коллектив Капеллы был награжден также почетной грамотой Московского военного округа.

Артисты Капеллы и Катя Мурина. Берег Вятки, Киров. 1943 год

В октябре 1942 года, оставив родных и малолетних детей в Кирове, Капелла выехала в многомесячную гастрольную поездку по городам республик Средней Азии: Ашхабад, Сталинабад, Ферганская долина, Ташкент, Фрунзе, Мары, Кушка, Чарджоу, Фергана, Самарканд, Кува-Сай и др.

С оркестром Узбекской филармонии в Ташкенте Капелла исполнила 9-ю симфонию Бетховена и «Александра Невского» Прокофьева. Дирижировал Илья Александрович Мусин.

Вот что писала после концерта газета «Туркменская искра»:

«Капелла сохранила здоровое и ценное из старых традиций. Программа Капеллы художественно привлекательна и ценна. Капелла выступила не только как художественный организм, но и как пропагандист советской музыкальной культуры».

В Ташкенте состоялась теплая встреча с коллективом Ленинградской консерватории во главе с П. А. Серебряковым. Мы дали для консерваторцев концерт хоровой музыки. Мои друзья и товарищи, профессора И. В. Ершов, С. И. Савшинский, А. А. Егоров и другие были растроганы нашим исполнением до слез.

После городов среднеазиатских республик мы поехали в Новосибирск и 25 марта 1943 года с оркестром Ленинградской филармонии под управлением Евгения Александровича Мравинского с успехом исполнили для новосибирских слушателей 9-ю симфонию Бетховена и «Александра Невского» Прокофьева. Вступительное слово к концерту сказал Иван Иванович Соллертинский. Это было одно из последних его выступлений. Место этого проповедника и сегодня свободно и ждет своего преемника. Сольный концерт Капеллы состоялся в Оперном театре Новосибирска. Как сейчас помню огромную сцену. В середине стройными рядами стояла Капелла. В зале много слушателей. В нишах-ложах белели какие-то громоздкие скульптуры, как оказалось, это были эвакуированные из Ленинграда и Москвы выдающиеся произведения искусства. Путь по сцене из-за кулис к хору мне казался необычайно долгим. Вышла, оглядела артистов, дала тон – и в зал полетели звуки «Восхода Солнца» Танеева, «Венецианской ночи» Глинки. Музыка заполнила огромный холодный зал теплом и особым торжеством.

По возвращении в Киров я получила из Комитета по делам искусств предложение приготовить для исполнения на торжествах, посвященных 50-летию смерти П. И. Чайковского, в Москве грандиозное произведение великого композитора – «Литургию» для хора без сопровождения. Перспектива попасть в Москву и улучшить положение коллектива, утвердить его значение в музыкальном мире сыграла свою роль и, несмотря на тяжелые условия, музыка Чайковского вскоре была выучена.

10 июля 1943 года Капелла приехала из Кирова в Горький, где в это время был на гастролях Государственный хор Союза ССР. Я рискнула показать произведение Чайковского А. В. Свешникову и партийному руководству города. Работа была высоко оценена. Артистов Капеллы разместили, наконец, в горьковской гостинице «Россия». Коллектив получил машину картошки и литерные карточки. К сожалению, из-за сложной политической обстановки исполнение произведения Чайковского и наша поездка в Москву не состоялись.

Помимо Горького, Капелла выступала в Сормово, Городце, Арзамасе, Муроме, Богородске, Чебоксарах.

Памятны ночные концерты на Горьковском автозаводе. Этот завод-гигант был важной мишенью для фашистских воздушных стервятников. Несмотря на заградительный огонь, некоторые из них все же прорывались к заводу. Это создавало нервный настрой в цехах, работающих круглосуточно. Вот для поднятия духа рабочих руководство города и завода стало проводить ночные концерты Капеллы непосредственно в работающих цехах.

В конце 1943 года в Горький из Москвы приехал профессор Георгий Александрович Дмитревский, назначенный в Капеллу художественным руководителем. Я слышала о нем много хорошего еще до войны от Н. М. Данилина. Знала, что Дмитревский прекрасный педагог и незаурядный организатор.

Увидав и услышав перед собой мобильный коллектив из 68 певцов с репертуаром, достаточным для нескольких программ, Дмитревский пообещал добиться перевода коллектива в столицу и уехал в Москву, в Консерваторию, где он выполнял многочисленные обязанности: был проректором по учебной работе, заведующим хоровой кафедры, деканом. Его хлопоты о коллективе были успешными. В первые дни нового 1944 года хор Капеллы с семьями приехал в Москву. Разместились в гостинице в Марьиной Роще.

Из московских впечатлений особенно запомнилась подготовка авторского концерта Сергея Сергеевича Прокофьева. Автор слышал от меня и от других музыкантов о той роли, которую играл его «Александр Невский» в наших концертах, об успешных исполнениях кантаты целиком в Ташкенте и Новосибирске, и попросил меня разучить к авторскому вечеру кантату «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» на стихи П. Антокольского. Для корректуры исполнительских премудростей кантаты я дважды приезжала к Прокофьеву домой. Помню угловатую фигуру Сергея Сергеевича, помню его супругу Мирру Александровну. За чаем обсудили предстоящие репетиции.

На первой хоровой репетиции Прокофьев сел за рояль, и я продирижировала всю кантату «Александр Невский». Игра Сергея Сергеевича была необычайно цепкой, колкой, чувствовалась какая-то внутренняя человеческая боль, которая передавалась в музыке. Он высекал звуки из инструмента, как солдат из огнива огонь. Отзвучали последние такты. Большая пауза. Затем овации автору. Прокофьев вежливо предложил обменяться ролями. Встал за пульт, усадил меня за рояль, сделал хору ряд замечаний и своими неуклюжими, как казалось, движениями повел в бой «музыкальные полки». Концерт под его управлением прошел с большим успехом.

Вспоминаю московские встречи с Юрием Александровичем Шапориным[1]. Массивный, грамотнейший, культурнейший музыкант, он был очень медлительным, очень долго писал свои произведения, о чем ходило много забавных историй. Шапорин был объектом эпиграмм, дружеских шаржей. Но если быть точным, у него просто не хватало времени записать то, что гнездилось в голове.

Композитор преподавал в Консерватории, председательствовал на многочисленных собраниях, семинарах, митингах, форумах, комиссиях – на творчество фактически не оставалось времени.

Зная это, Александр Васильевич Гаук усадил Шапорина в один из вечеров за рояль и заставил его сыграть всю ораторию «Сказание о битве за Русскую землю». А там, где композитор не успел написать куски, рассказать замысел и даже показать на инструменте ненаписанные страницы, как импровизации. Две встречи с композитором дали полную картину грандиозного замысла. Получив готовые фрагменты, я разучивала их с Капеллой.

25 марта 1944 года состоялась премьера оратории. Она звучала как музыкальная прелюдия нашим победам в 1944 году, и вызвала значительный энтузиазм слушателей, среди которых было много военных. Мой дорогой старший друг и учитель А. В. Гаук провел ораторию с присущей ему академической стройностью и возвышенностью, как бы сразу поставив ее в ранг классических произведений советской музыки.

С начала лета 1944 года нашим «домом» стал красавец-теплоход «Михаил Калинин», на котором Капелла проехала от Химок до Астрахани. За поездку Капелла дала 85 концертов в городах Поволжья.

В поездке, прямо на верхней палубе и каюте-салоне, учили с Г. А. Дмитревским и коллективом «Иоанна Дамаскина» Танеева. В коллектив влилась большая группа певцов из расформированного ансамбля «Пяти морей», которая значительно усилила звучание Капеллы.

Наиболее запомнились наши концерты в Казани, в актовом зале Университета, где учился В. И. Ульянов. Символичным был концерт в Сталинграде на Центральной площади (ныне площадь Героев), на руинах Центрального универмага, где за год до этого был пленен фашистский фельдмаршал Паулюс со штабом. Площадь, полная народа, рукоплескала певцам Ленинградской капеллы. Сердце было полно радости.

---

[1] Ленинградская капелла исполняла впервые следующие сочинения Ю. А. Шапорина: ораторию «На поле Куликовом» (1940 г.), кантату «Сказание о битве за Русскую землю» (1944 г. Большой зал Московской консерватории. Дирижер А. В. Гаук, солисты А. С. Пирогов, М. П. Максакова, Ф. П. Федотов), кантату «Доколе коршуну кружить» (1964 г. Дирижер К. А. Симеонов, солист Е. Е. Нестеренко).

Артисты Капеллы в Сталинграде. 1944 год

24 октября 1944 года артисты Капеллы вышли на перрон Московского вокзала в Ленинграде. Мы вернулись! Выжили! Выстояли! Позади разлука с любимым городом. До победного мая оставалось немногим более полугода.

С тех пор прошло 40 лет, 40 мирных лет. Много было событий, встреч за мою вот уже более чем полувековую творческую жизнь. А память нет-нет да и возвратит меня назад. И приходят снова и снова на память слова, сказанные о Капелле в «Кировской правде» среди тревожных сводок с фронтов:

«Мастерство Капеллы восхищает. В нем слились и лучшие традиции русской хоровой культуры прошлого, и богатства народного песенного творчества, и достижения советской музыки. Разве можно ввергнуть в рабство народ, бережно хранящий лучшие завоевания своей и мировой культуры, творящий новую культуру? Не бывать тому!»

Алексей, Саша, Катя Мурины, Елизавета Кудрявцева. Июнь 1941 года

Елизавета Кудрявцева. Новосибирск. 1943 год

Елизавета Кудрявцева. Киров, берег Вятки. 1943 год

Елизавета Кудрявцева с детьми и мужем. 1943 год

Свидание с Россией

Журнал «Жизнь», № 6, 1965 г.

Хорошо бы достать гибкую ореховую палочку с вечнозеленым листком – такая чудесная вещь. Мне дед в Жаворонках рассказывал: «Возьми ты ее в путь, иди, милый, по жизни, и ничего слаще нет. Какого человека встретил, трепыхнет листик, и – удача, неохватное богатство! Это светлая душа попалась, и она тебе раскроется всей красой, как радуга».

Посмеивались над дедушкой, да много ли было взять с нас, подростков... Теперь вспомнил, и тихая печаль туманит глаза, – печаль о чем-то невозвратном, потерянном. Может, о тех годах, когда искали необыкновенное, исключительное, и мимо какой россыпи прошли, столько не приметили, не доглядели, и жалко не себя, а нечто неизмеримо большее... Надо бы всегда помнить: много сделал человек на земле и того значительнее сотворит в будущем, но удивительной загадкой, величайшей тайной на все времена останется он сам – Человек, которому не дано измерить запасов своей духовной мощи...

Где ее взять, ореховую палочку, и дедушки деревенского уже нет на свете! Живешь радостями случайных открытий, а проходят они странными путями, – иногда только диву даешься.

В прошлый четверг был концерт без лауреатов и заморских «звезд». Скромные афиши и несколько строк в прессе. Но это был концерт-свидание, именно свидание с желанным и родным... Тает шепот, медленно гаснет свет в Кремовом зале ленинградской Капеллы имени Глинки, и наступает миг беспредельной тишины. И вот – началось. И нет уже ничего в мире, кроме тебя и этих волн, – чуть прикроешь глаза, и какие просторы земли нашей распахнутся настежь, пока льется-разливается бескрайняя русская песня.

Я хотел бы писать только об этом и еще раз услышать прозрачную мелодию и эти бесхитростные слова:

Под Москвой растет березка – русская краса...
И, вставая грозной силой, помнили друзья,
Что березку, как Россию, отдавать нельзя...

Но вспыхивает свет – антракт. Слегка оборачиваюсь и вижу соседа: бескровное лицо, перечеркнутое грубым шрамом (кто не знает этих жутких следов огня). Он наклонился ко мне и, схватив за рукав, шепчет: «Это она, ей-богу, она... я узнал ее, узнаю из сотен тысяч. Послушайте, если махнуть туда, за сцену...» – он что-то еще сказал и тут же исчез...

А концерт шел. Чайковского сменил радостный «Канон» Моцарта, прославляющий солнце и счастье. Но обожженное лицо со шрамом закрывало собой эстраду, и мелодии как бы обтекая меня, струились вдали. Я пытался размышлять: дирижера Елизавету Петровну Кудрявцеву знает множество людей. Я тоже не первый день ее вижу, бывал гостем ее дома, – такая это милая семья радушных хлебосолов... Что ж особенного: узнал ее кто-то и вспомнил что-то, велика важность!

...Впрочем, много ли мне известно. Я вспоминаю. Как-то Елизавета Петровна, посмеиваясь, говорила о знатности своего рода. Он-де ведет начало от тех плотников и каменных дел мастеров, что указом Петра закладывали Санкт-Петербург. И были в роду люди одаренные. Но, видимо, есть такой генетический процесс накапливания определенных качеств, идущий к некоей вершине. Этого не предскажешь, и когда семилетняя девочка Лиза в начале двадцатых годов появилась в Капелле, она была только одной из миллионов русских девочек: Лиза – и вся недолга. Я не буду затевать длинный разговор, почему и как Елизавета Петровна Кудрявцева стала дирижером, профессором Ленинградской консерватории, заслуженным деятелем искусств. Меня волнуют мимолетная встреча на концерте и этот человек со шрамом на опаленном лице.

Я продолжал о нем думать через несколько дней, уже за полночь, идя по набережной адмирала Лазарева. Одна сторона реки была черной – там мартовское солнце работало, а та, по которой я шел, – голубая, в лунном блеске, снежная, и снег поскрипывал, совсем как зимой. Уходить отсюда не хотелось, побродил еще и долго смотрел на большой дом, гаснущие в окнах огни.

Сегодня в этом доме за чайным столом много было пересказано. Елизавета Петровна сводила разговор к детям. Катя вернулась с победой из Англии. Катя – тихоня и большая она скромница, и находят в ней что-то от григовской Сольвейг. А я думаю: никакая не Сольвейг, а русская Аленушка – у лесного омута, песнями соловьиными поет ее рояль. Саша – хормейстер, но тут и поэзия, и спорт примешались, что-то окажется сильнее! Елизавета Петровна говорила, но простится мне грех, я ловил цвет ее глаз и не мог поймать. Удивительные – то очень ясные светло-серые, то темные, как озерная вода, и пляшут в них огоньки, свойственные только ранней юности. Лицо тоже изменчивое, малейший поворот, и видишь другого человека, и яркое оно и простое, это лицо с резко очерченным овалом в полураме гладкой прически.

– Дети выросли, а меньше ли забот... Не знаю, – она улыбнулась широко и вздохнула. – Вот какие они были...

Я перевидел множество альбомов, – их найдешь в каждой семье. Но этот невзрачный, начатый за полгода до войны... Я листал его шершавые

страницы, и не мог понять: в руках какая-то тяжесть или в альбом этот вложен свинец. Сперва идут дети, смеющиеся, – за играми, и на прогулках, и дома. Много воздуха и света, много дачных пейзажей, и всюду – солнце. А потом – как топором перерублено.

...Брожу по набережной, тишина, снежок похрустывает, и мысленно вновь и вновь листаю альбом, и слышу спокойный голос Елизаветы Петровны.

Позади глухо раскатывались взрывы – рельсы и мосты взлетали на воздух. И неизвестность была позади. Там, в кольце ленинградской блокады, остался Алексей Григорьевич – муж, здесь – она с двумя малышами, Катя только начала ходить... По тем временам обыденная история, один из случаев в ряду миллионов, и страшна она, эта история, своей обыденностью, тупой, беспощадной силой, подряд косившей и женщин, и детей, и стариков.

...В четырех углах небольшой комнаты разместилось восемь семей. Какое-то время спустя зажили посвободней, но грянули холода, дров мало, на стенах лед, – в Кирове (по-старому Вятке) зима лютая. Выпало Елизавете Петровне остаться директором, художественным руководителем, администратором Капеллы, и все это в единственном лице. Заботы о сотне других людей обрушивались каждый час. Повелительно без промедления жизнь требовала: «Делай!» А дома были дети, без присмотра, даже накормить их подчас нечем. Иногда казалось: жизнь держится на тонкой-претонкой паутинке, еще напор, порыв ветра, и, теряя память, упадет она, Лиза, в бездонный провал.

Капелла выступала в промерзших клубах, в госпиталях, в поездах, что, недолго постояв, летели к фронту, на вокзалах, на перронах и лесных полянках, где наскоро обучались солдаты. Грозно и неумолимо отсчитывалось время, не по суткам – от сводки до сводки Информбюро... Темней темного нависало зимнее небо... Железнодорожники чуть не встык гнали военные эшелоны, – орудия, танки, авиабомбы на платформах. Солдаты в белых полушубках сурово посматривали из теплушек. Туда стягивала Россия свои далеко не развернутые резервы.

В тот день не выдали хлеба, ничего не оказалось по карточкам. Дети уже не просили, не плакали, они дремали. Прикрыв их кое-чем, Елизавета Петровна схватилась за сердце, так закололо, будто насквозь прошило. Через минуту в осеннем пальтишке, легких туфельках едва не бежала на концерт в госпиталь, – путь не малый, шестнадцать километров по крепкому морозу. Мысли путались, визжал под ногами снег, обжигающий ветер, темень, и когда же ей конец, этой лесной дороге! Главное не опоздать и как бы не задержались те, что на попутных лошадях уехали вперед. Не опоздать!..

Сперва все они робели, выступая в госпиталях, казалось невероятным петь в этих вместилищах страданий, перед искалеченными людьми. Да будут ли эти люди слушать, не стало б им тяжелей. Оказалось по-другому, и они свыклись, с чем только не свыкается человек.

Начальник госпиталя – седой майор медицинской службы, в пенсне, едва поздоровавшись, мягко заторопил с концертом. Они шли по широкому коридору, вдоль стен на носилках лежали раненые. Майор жаловался, госпиталь развернули только вчера, тесно, не хватает белья. Елизавета Петровна, слушая его, отогревала руки дыханием и машинально читала таблички на дверях: пятый «В», второй «А», – здесь была школа... Мимо сновали врачи, сестры, пробирались раненые на костылях, – спешно пронесли к выходу носилки, закрытые простыней, под которой резко обозначалось человеческое тело. Она видела это не впервые и все же внутренне содрогнулась, а люди вокруг говорили просто: «Этот отвоевался». Слева кто-то горестно закричал: «Товарищ начальник!» – раненый, опершись на локоть, говорил торопливо, взахлеб:

– Других взяли... Как же меня-то не берут... Может, в последний раз, перед концом для солдата песня.

– Полно тебе, куда ранен? – майор наклонился. – Ах, вот что! Ну, ну, танцевать будем... Мишечкина, этого в общую палату!

Подбежала санитарка, маленькая, квадратная, впрямь медвежонок. Схватилась за носилки... Елизавета Петровна, вспыхнув, слегка отстранила майора.

– Позвольте мне, – и кивнула санитарке. Солдат оказался очень легким, сжимая ручки носилок, Елизавета Петровна медленно шла позади Мишечкиной.

В общей палате махорочный синий дым смешался с запахом лекарств и еще чем-то приторным. Довольно просторный зал густо уставлен койками, носилками, и маленькая эстрада в глубине застлана матрасами, раненые лежали там еще плотнее. Над эстрадой бумажная лента «Привет юным туристам» и по стенам детские рисунки, букеты сухих трав, веточки, листы гербария, карта – все Елизавета Петровна впитала одним взглядом и увидела своих... Артисты Капеллы стояли посредине зала, «на пятачке» между раздвинутых коек.

Знакомые осунувшиеся лица, впалые щеки, одни понурившись, другие озираясь, стояли тенора и басы, еще так недавно осанистые, сверкавшие крахмальными манишками. Но Елизавета Петровна знала: мгновение – и это будут другие люди. Она знала повелевающую, магическую силу взгляда и жеста дирижера, – искры электрического тока, которые он должен излучать. И она вложила в этот взгляд все, что помогало ей выносить горе с детьми в обледенелой комнате, длинные лесные дороги, мороз,

стоны раненых, мольбу солдата в коридоре, – все, чем она владела, сошлось в строгом и ясном взгляде, а владела она вроде бы немногим – мужеством обыкновенной русской женщины.

...Прорезая душный воздух палаты, раздался перезвон колоколов, тревожный и настойчивый, он рос, раздвигал стены и – медленной волной заплескалась песня. Она говорила один на один с каждым о том, что томило сердце и было сейчас самым дорогим, – дороже жизни. И это было правдой, потому что каждый русский человек один на один стоял перед своей землей, домом, родными и близкими, – за все был в ответе солдат.

...Правая рука отбивала такт, левая указывала нюансы, но сама она была сейчас не здесь, мелодия вознесла ее и поставила в ряд с теми, кто лежал на койках. Они приподнимали головы с жестких подушек, тянулись к ней, что-то шептали горячечными, запекшимися губами, и яростно сверкали глаза на измученных лицах... А песня, раскатываясь, звала и звала:

Вставайте, люди русские,
Вставайте, люди вольные...

Все тревожнее перекликались колокола, и это был набат. Извечно внятный зов Родины для потомков ратников Александра Невского и суворовских чудо-богатырей, ныне по несчастью оставивших лихое поле войны...

Я брожу по ярко освещенной набережной адмирала Лазарева и мысленно листаю шершавые страницы невзрачного альбома. Первые фотографии военных лет, там, в Кирове – дети у окна, Шурик и Катя, с пожилой женщиной, – серенький, плохой снимок, и вдруг он начинает трепетать, будто живой водой сбрызнули, и вновь я слышу голос Елизаветы Петровны...

В те дни по некоторым домам Кирова ходила женщина, и звалась она тетя Тоня. Ходила с неизбывным горем: единственный сын лег в землю под Москвой, – в сердце матери ударил фашист. И уже ноги плохо слушались от потрясения. Но шла избыть непереносимое одиночество. Молча посидит, уйдет дальше. Как-то побыла с детишками Елизаветы Петровны и прижилась.

Капелла вот-вот должна отправиться в прифронтовой город: уже все концерты расписаны. Хотя Елизавета Петровна едва знала эту женщину, а на кого оставишь детей!

На дорогах жизни многое разделишь пополам. Мать одна несет свою неделимую, безмерно великую тяжесть, и время не снимает ее, – разве что притерпится человек... Три месяца Капелла была в непрерывных разъездах – сегодня город, завтра село, воинские лагеря, аэродромы, дивизии и полки. И решительно все тоже было в движении. Поднималась глубинная Россия – Урал, Сибирь,– и гнев ее был страшен...

Можно ли упомнить – случайные становья, котелки жидкого супа в военных комендатурах, концерты на перронах, которые обрывались командой: «На посадку!» – и вместе с оружием солдаты увозили песню:

Вставайте, люди русские,
Вставайте, люди вольные...

...Однажды ехали к танкистам, и машина увязла в болоте, припорошенном снегом. Трясина выше колен, Елизавета Петровна шла и до слез ломила, перехватывая дыхание, ледяная вода, а впереди – не один километр... Да что тут особенного, было куда хуже, – вспоминать не хочется и вычеркнуть нельзя. И все легло на сердце, и всему имя – война. «Но дети!..» – одна мысль о них делала собственные дорожные горести малозначащими в потоке народного бедствия.

– Как же они... что с ними? Три месяца без весточки, – задыхаясь, не шла, летела к дому Елизавета Петровна. И будто улицам Кирова нет конца, стали длинными, как минувшие скитания. Ноги скользили в жидкой весенней слякоти. Да скоро ли эта дверь, которую она откроет, – на всем свете одна единственно нужная дверь.

Елизавета Петровна рассказывала, понизив голос, медленно, будто опасаясь прикоснуться к тайникам, закрытым временем:

– Я вошла в комнату и ничего не увидела, чемодан выпал из рук, – так застучало, сжалось что-то в груди, и поплыла в глазах темнота, и не могу ступить, приросла к порогу... Вот говорят: один день жизни, но есть секунда испытаний, и она как вся жизнь... Кровать стояла в углу, и сквозь полусумрак белеют детские головенки, таращатся, – знаете, как у ребят бывает, не сразу удивление сойдет, потом уж радостям нет края... Так я их и застала: лежит тетя Тоня и малыши подле нее... Я не могла понять, но какая-то незримая тяжесть была в комнате, и слов не подберешь высказать. Дети – вот они, целы и здоровы, и уже затевается веселая кутерьма. Я хочу заглушить предчувствие, присаживаюсь к тете Тоне, что же она, милая, головы не поднимет. Смотрит на меня откуда-то издали тетя Тоня и говорит: «Конец мой, Петровна, отказали ноженьки, другой день не встать... Сына бог забрал, и мне велено за ним идти... Ушла жизнь».

Платок затянут наглухо, одни глаза видать, – развязала ей платок и ужаснулась, даже вскрикнула. Лицо землисто-серое, сплошь отекло. «Что же это, тетя Тоня!» Молчит, вздохнула, и разговор о чем-то другом...

Никогда бы я не узнала, сказали люди, навещавшие их, соседи-очевидцы... Что-то трудно мне говорить... Тетя Тоня весь свой паек отдавала детям, себе только крошечки и вода... А потом, когда отнялись ноги, она ползала на коленях и готовила малышам еду, приголубит и сказки им рассказывает...

В ночной пустынный час я ухожу с набережной адмирала Лазарева. Дни тревог и надежд пойдут своей чередой, но среди всех испытаний судьбы можно ли забыть этот вечер и снимок, где тетя Тоня с ребятишками. Вижу ее, простую женщину, до кровинки себя отдавшую чужим детям, – да чужим ли, в том и дело, что своим, русским.

Я не спрашивал Елизавету Петровну, кто этот человек с опаленным лицом, ринувшийся к ней в антракте. Я знаю, что песни фронта хранятся в памяти ветеранов, как патроны перед боем. Я обязан ему счастьем увидеть подвиг женщины-художника, всмотреться глубже в несказанную красоту души русских женщин.

Сквозь военные годы впереди смертей шла всепобеждающая любовь к людям. Всегда ли мы помним и видим это, – и жаль нет ореховой палочки, о которой дед в Жаворонках толковал, какие бы золотые россыпи открылись. Сколько бы мы увидели тех, кому не было дано оружия, а дан талант быть настоящим Человеком земли Русской.

Георгий Юровский (Агентство печати «Новости»)

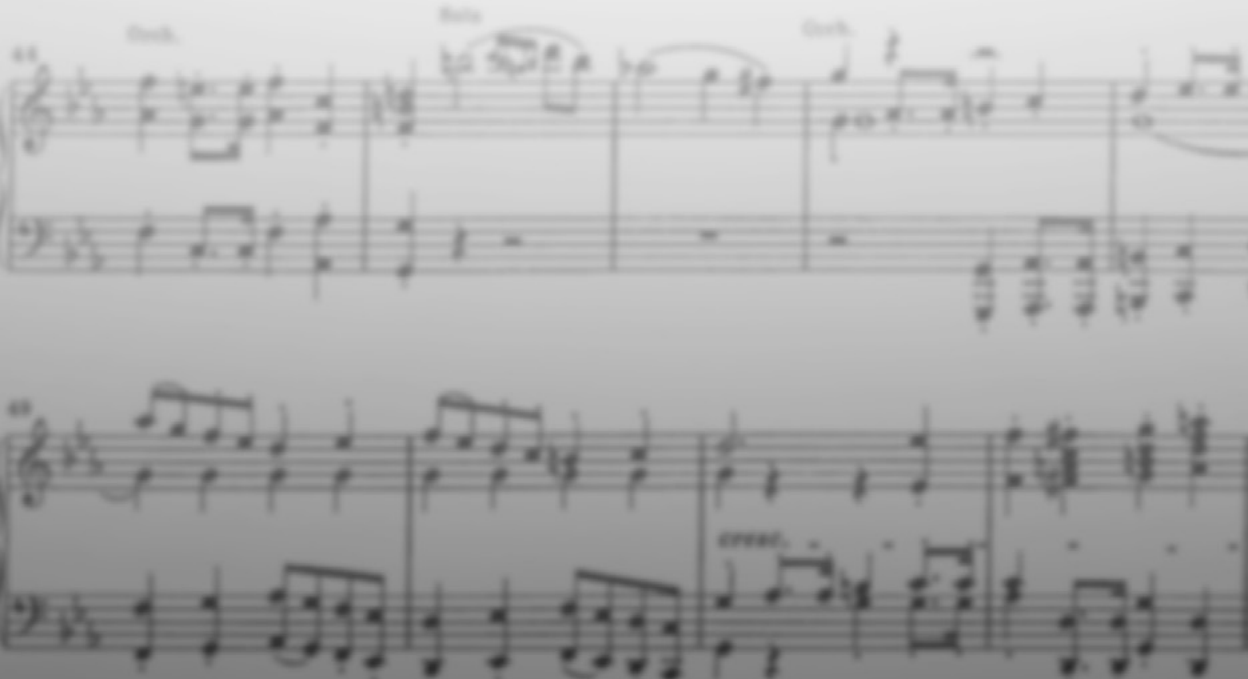
Глава III

Друзья

Мои друзья, с которыми я общалась и работала, принадлежат уже истории.

Знать ее – долг истинного музыканта-интеллигента.

Елизавета Кудрявцева
29 сентября 2004 года



Соль и боль. Константин Арсентьевич Симеонов

Константин Арсентьевич Симеонов (1910–1987) – народный артист СССР, главный дирижер Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (ныне Мариинского) (1967–1975), главный дирижер Киевского театра оперы и балета им. Т. Г. Шевченко (1961–1966, 1975–1976), художественный руководитель и главный дирижер оркестра Киевского радио.

Опубликовано в книге «Тема судьбы. Дирижер Константин Симеонов: Воспоминания современников. Письма. Материалы», СПб., 2002 год.

1924 год. В репетиционном зале Петроградской капеллы профессор Михаил Георгиевич Климов проводит репетицию Си-минорной мессы Баха. Поют дети (воспитанники школы Капеллы) и взрослые певчие. Я стою первой в «бумажке» и держу ноты. «Бумажка» – группа малолетних певчих, человек 10–12, поющих по одной партии то или иное произведение. Впереди стоит наиболее толковый воспитанник и держит в руках нотную партию, в которую заглядывают поющие. Он должен держать нотную партию возможно выше, чтобы удобно было ею пользоваться всем хористам, а также своевременно перевернуть страницу и, если нужно, указать

место, с которого следует вступить. Таких «бумажек-партий» на весь хор было 4–5, что давало возможность М. Г. Климову их быстро, как правило, за ночь, написать и на следующий день репетировать любое по масштабам произведение. Эти партии, написанные аккуратным почерком Климова, до сих пор хранятся в библиотеке Капеллы.

И вот я, десятилетняя воспитанница школы Капеллы, держу партию и увлеченно пою под руку боготворимого всеми нами Клементия (так мы за глаза звали М. Г. Климова). Вдруг над моим плечом возникает круглая рожица старшего воспитанника. Вся во власти музыки, я не сразу слышу вопрос:

– Где поем?

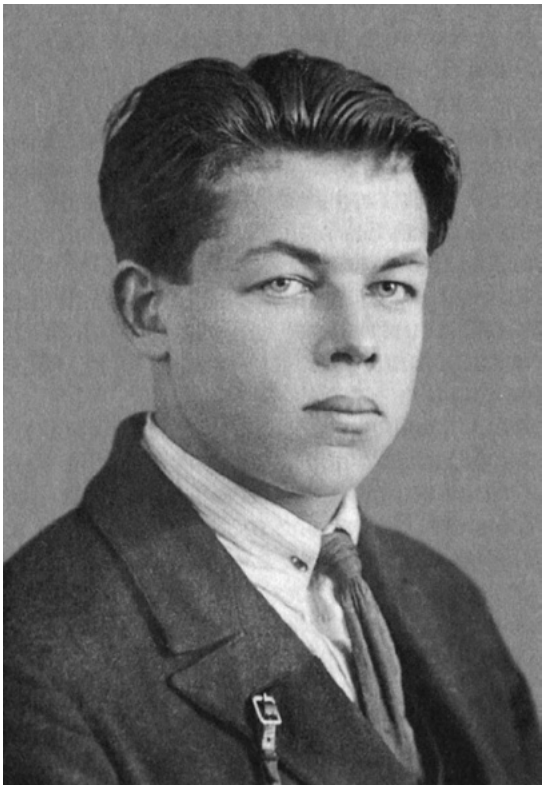
Теряюсь, мешкаю с ответом, и тотчас пронзительная боль возвращает меня в реальность: кто-то, стоящий сзади, чем-то острым прошелся по моей голове. Слезы застилают глаза, но я продолжаю петь, незаметно смахивая струйку крови, вытекавшую из ранки. Свою партию я допеваю до конца, стараясь скрыть боль и сдержать слезы обиды.

В перерыве мой старший брат, Петр Кудрявцев, учившийся в одном классе с моим обидчиком, «поговорил по душам» с ним, вразумляя маленького драчуна с помощью увесистых тумаков. При выяснении отношений не обошлось без разбитых мальчишеских носов – справедливость была восстановлена. Преподанный моему обидчику урок сослужил мне хорошую службу: долгие годы капелльские воспитанники (а в основном это мальчики) боялись меня тронуть.

Келейное благолепие послушных капелльских воспитанников, как, впрочем, и любого детского сообщества, носило подчас чисто внешний характер и в повседневной жизни взрывалось эпизодически «поведенческими рецидивами», под стать бурсацким. Объединяли же разномастных маленьких певчих страстная любовь к музыке, хоровому пению, божественное очарование человеческого голоса, соприкосновение, сопричастие акту творения, жажда постижения, восхождения – предчувствие великого магнетического зова, таинственного и властного, противостоять которому маленькие капелльцы не имели сил; и сквозь робость и неуверенность пробивалась, как трава сквозь асфальт, вера в правильность и единственность избранного пути. А обиды – что ж? Обиды забывались, терялись за пределами волшебного мира, в который вел нас он – наш Учитель.

Старая обида, о которой я рассказала, вспомнилась потому, что с того далекого января мой «кровный» обидчик стал моим «кровным» другом, дорогим моим товарищем Костей Симеоновым.

Годы лихолетья разлучали нас надолго, но, встретившись, мы неизменно бросались друг другу в объятия и засыпали друг друга вопросами:



К. А. Симеонов

– Как живешь, Костик?

– Как дела, Лизавета?

В конце 20-х годов Климов стал внимательно присматриваться к своим ученикам, чтобы подобрать себе помощника по капелльскому хору. В сезоне 1928/29 эта роль досталась старшим воспитанникам капелльской школы – Косте Симеонову и Жене Карагоду. В Капелле учились два родных брата Кости, но Женя был его ближайшим другом, их всегда и всюду видели вместе.

Роль помощников Климова сводилась на первых порах к наблюдению за репетиционным процессом и концертами, к изучению метода его работы с хором, репертуара хора. Непосредственно к работе с коллективом (точнее к отдельным хоровым партиям) профессор допускал редко. Но очевидно, что именно эта форма обучения наиболее эффективна, полезна: постижение сути творческого процесса, проникновение в ее сердцевину через сопричастность – главное в становлении хорового дирижера, в раскрытии его индивидуального кода (почерка).

Превыше всего Климов ценил готовность и умение собраться в любую минуту, способность отдавать всего себя безостатно музыке. И эти основополагающие качества он прививал своим ученикам.

Впоследствии, достигнув чего-то значимого, покорив еще одну вершину музыкального искусства, Костя Симеонов спрашивал меня:

– Ну как, Лизавета, Клементий был бы мной доволен? – и, услышав слова похвалы, одобрения, радовался им, как ребенок.

Признание успеха со стороны однокашника-капелланина было для Константина Арсентьевича высшей наградой, ценимой превыше всех благ и званий, коими, впрочем, он не был избалован.

В 1931 году М. Г. Климов назначил меня своим помощником, и я, неожиданно для себя, заняла место Кости и Жени. Я работала в Капелле, а Костя Симеонов и Женя Карагод учились в Консерватории.

Год спустя Климов дал добро на мое поступление в вуз, и там я встретилась с Костей Симеоновым, который с необычайной легкостью штурмовал симфонические партитуры у профессора А. В. Гаука, часто Александр Васильевич усаживал нас за рояль, и мы бегло читали партитуру за партитурой с листа под управлением будущих народных и заслуженных.

К сожалению, А. В. Гаук вскоре прекратил педагогическую практику, и нас передали молодому педагогу, почти нашему сверстнику, И. А. Мусину, ныне уважаемому мэтру.

В 1935 году смертельная болезнь свалила М. Г. Климова.

Предстояла ответственная гастрольная поездка Капеллы по Донбассу на родину стахановского движения. Климов настоял, чтобы поехал дублером Костя Симеонов. 26 концертов Капеллы за месяц прошли под моим руководством. Но в любую трудную минуту я чувствовала дружеское плечо Кости, который был рядом, и я была спокойна. И вот это качество друга-музыканта, для которого музыка была превыше всего, стало в наши дни, к сожалению, редчайшим свойством личности. Вернулись окрыленные из Донбасса в Ленинград, и новость... Меня, дирижера Капеллы, помощника Климова, отчислили из Консерватории «за непосещение хорового класса». Костя Симеонов утешал меня как мог, и я впервые увидела в его глазах отчаянный огонь, который у него вспыхивал, когда он сталкивался с несправедливостью и человеческой подлостью...

В Финскую кампанию погиб Женя Карагод. Настали черные дни войны. Слухи один страшнее другого ходили о Косте. Одни говорили, что он убит; другие – что он воевал в партизанах и казнен фашистами. И только после войны я узнала, какие круги ада пришлось перенести Косте. Концлагерь. Он прятал в матрасе товарища еврея, выдавая его на проверках в концентрационном лагере за армянина[1]. Рискуя каждый день собственной жизнью. Побег. Сопротивление. Послевоенное отношение своих к нему, как к предателю. Пробовал заглушать боль водкой – не помогало. Человека с железными нервами, с богатырским здоровьем все это могло согнуть в бараний рог, а Костя нес эту боль и свой крест – до конца.

Как-то, показывая мне послевоенный Киев, он обратил внимание на серое помпезное здание, построенное на месте снесенного собора:

– За Русь, за Отчизну обидно! – и почернели его лучезарные глаза.

Я как хормейстер готовила Ленинградскую капеллу для его концертов в Киеве, Москве, Ленинграде. Девятую симфонию Бетховена, «Александра Невского» Прокофьева, «По прочтении псалма» С. Танеева. Пели под управлением Симеонова с большим успехом.

---

[1] Лотарев Михаил Самойлович – режиссер, актер. Работал в театрах Дзержинска, Магнитогорска, Челябинска, Москвы, Хабаровска. С 1974 года режиссер «Ленконцерта» в Ленинграде. Бывший узник нацистских концлагерей.

70-летие К. А. Симеонова. 1980 год. Н. П. Колесникова (4), К. А. Симеонов (6), В. А. Рылов (7), Е. П. Кудрявцева (8), П. Журавленко (9), Е. А. Мурина (10)

Если Константина что-либо не трогало, не волновало, он становился инертным, все делал спустя рукава, с ленцой, стараясь спихнуть это со своей шеи. Но мгновенно преображался, загорался огнем необыкновенного вдохновения, азарта, если музыка или автор были близки его душе. И в результате получались буквально шедевры. В памяти у меня остались его незабываемые вершины: «Катерина Измайлова» Шостаковича в Киеве и «Пиковая дама» Чайковского в Ленинграде. Екатерининский акт из «Пиковой дамы» Симеонов провел на премьере так эмоционально, что зал в экстазе встал и устроил дирижеру-творцу овацию в несколько минут.

– Как, Лизок? Какая силища этот Чайковский! Вот на что Русь способна! А?

Как-то после концерта я заметила, что он весь мокрый. Пот лил с него буквально градом.

– Ничего, – парировал Костя мое замечание, – боль и соль русскому только на пользу!

Уже тяжело больной, Константин Арсентьевич дирижировал на своем 70-летии, в Большом зале филармонии, юбилей снимало телевидение. «Картинки с выставки» Мусоргского были одновременно и апофеозом художника-музыканта и его реквиемом. Были запланированы два концерта, но... на второй концерт сил у музыканта не хватило.

Молю телевизионщиков, чтобы они сохранили эту уникальную пленку!

В печальные (горестные) дни я оказалась в ленинградской городской больнице. Мое кровяное давление превзошло все допустимые параметры. Когда немного полегчало, мне передали, что этажом выше лежит в тяжелом состоянии Костя. Он хочет меня видеть!

Собрала все силы... Поднялась!.. Вошла в палату...

И первое, что увидела: прекрасные глаза Кости.

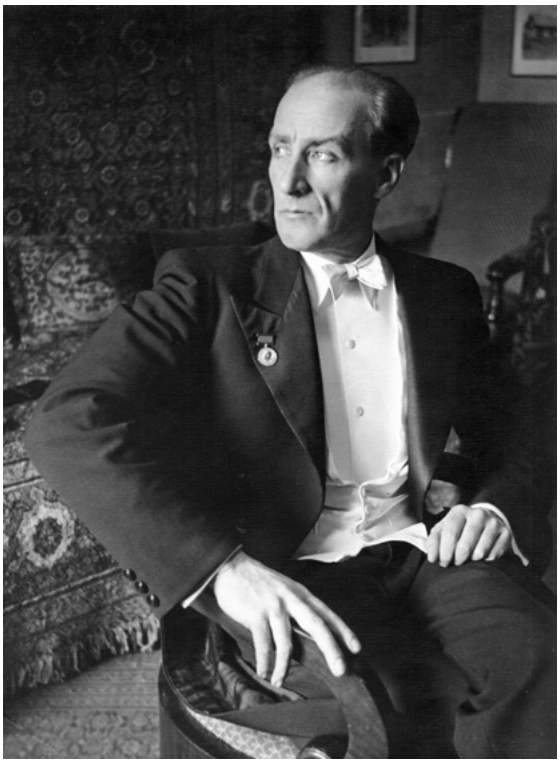
Руки, мощно вздымавшие и взрывавшие музыкальные пласты, беспомощны...

Подбодрила! Сказала какие-то, как всегда в этих случаях, несусветные слова.

– Лиза! Спасибо! – через силу, растягивая буквы, выдавили губы Кости.

Врачи, друзья и родные пожалели меня и не сказали о том, что вскоре Константина Арсентьевича не стало. Я часто думаю, что крылатая фраза: «Природа боится пустот» к таким личностям, как К. А. Симеонов, неприменима. Место Константина Симеонова, русского музыканта, бескомпромиссного человека, будет всегда свободно. Ибо он был неповторим!

Евгений Александрович Мравинский



Евгений Александрович Мравинский (1903–1988) – народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, художественный руководитель и главный дирижер заслуженного коллектива России Академического симфонического оркестра Ленинградской филармонии имени Д. Д. Шостаковича.

С Евгением Александровичем Мравинским меня связывала долгая, более чем полувековая человеческая и творческая дружба.

Я готовила с Капеллой почти все ораториально-кантатные сочинения, которыми дирижировал Евгений Александрович со своим знаменитым на весь мир оркестром. Меня не удивляли поздние телефонные звонки, когда в трубке раздавался знакомый грассирующий голос:

– Лиза! Как Вы думаете, а если в этом месте мы сыграем так...

Или:

– Лиза! А что, если мы попросим Дмитрия Дмитриевича переделать эту фразу...

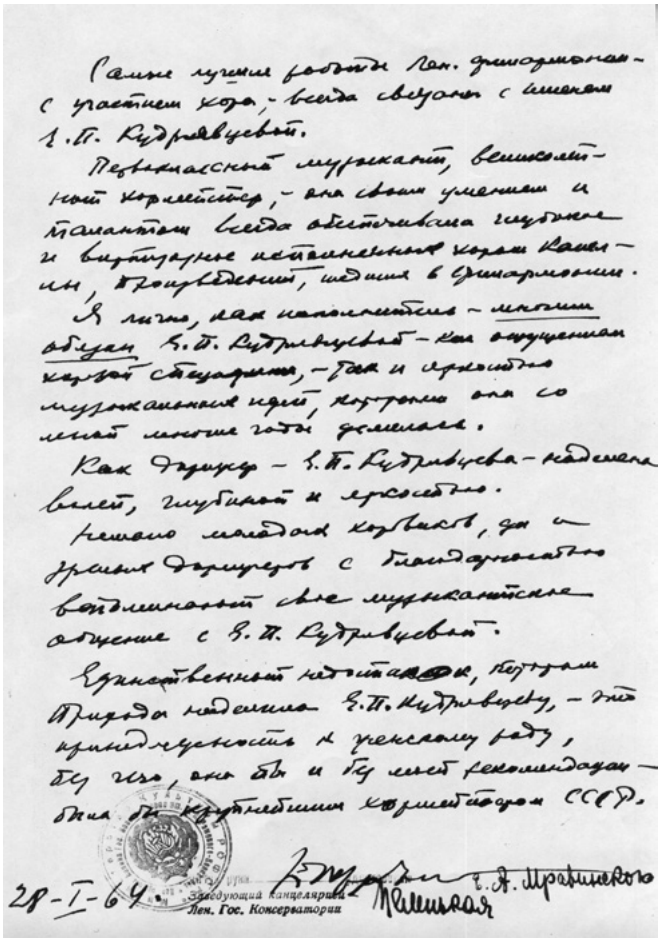
Я понимала: для искусства и творчества нет временных рамок. А наутро Евгений Александрович всегда элегантен, собран, конкретен, внешне даже сдержан и сух.

Но сколько азарта, темперамента было в этом человеке, когда он в дружеской компании Д. Д. Шостаковича, Н. К. Черкасова залихватски «шпарил» в четыре руки со мной симфонии Гайдна, Моцарта, Бетховена, как смеялся, когда мой муж, инженер Алексей Григорьевич Мурин, и Николай Константинович Черкасов после дружеской пирушки исполняли на рояле и скрипке свои коронные «Кирпичики», «Фиалки» и т. п.

Пришло время, и мне в Консерватории решили присвоить звание профессора. Одну рекомендацию дал в Москву ректор Консерватории Павел Алексеевич Серебряков, другую – Евгений Александрович Мравинский.

Она-то и доставила бурное веселье в Высшей аттестационной комиссии в Москве. Ученые мужи нашей страны единодушно присудили мне звание.

Позднее друг семьи ученый радиоэлектронщик, доктор наук, профессор Вениамин Иванович Смирнов подарил «экспроприированный» в Москве оригинал характеристики Мравинского:



«Самые лучшие работы Лен. филармонии – с участием хора, – всегда связаны с именем Е. П. Кудрявцевой.

Первоклассный музыкант, великолепный хормейстер, – она своим умением и талантом всегда обеспечивала глубокое и виртуозное исполнение хором Капеллы произведений, шедших в Филармонии.

Я лично, как исполнитель – многим обязан Е. П. Кудрявцевой – как ощущением хоровой специфики, – так и яркостью музыкальных идей, которыми она со мной многие годы делилась.

Как дирижер – Е. П. Кудрявцева – наделена волей, глубиной и яркостью.

Немало молодых хоровиков, да и зрелых дирижеров с благодарностью вспоминают свое музыкальное общение с Кудрявцевой.

Единственный недостаток, которым природа наделила Кудрявцеву, – это принадлежность к женскому роду, без чего она и без моей рекомендации была бы крупнейшим хормейстером СССР.

28-I-64 Е. А. Мравинский».

Е. П. Кудрявцева, Е. А. Мравинский

На днях болью полоснуло сердце сообщение в газетах, что какие-то вандалы осквернили памятники на Богословском кладбище, и в их числе надгробие Евгения Александровича.

Что творится с тобой, Россия?

Вторник, 15 ноября, 1949 года

Дирижер
лауреат Сталинской премии,
заслуженный деятель искусств
Е. А. МРАВИНСКИЙ

Государственная Академическая Капелла
художественный руководитель,
заслуженный деятель искусств,
профессор
Г. А. ДМИТРЕВСКИЙ

Дирижер-хормейстер
Е. П. КУДРЯВЦЕВА

Хор мальчиков Хорового училища Капеллы
Руководитель—засл. арт. РСФСР
П. А. БОГДАНОВ

Солисты:
лауреат конкурса на Всемирном
фестивале демократической молодежи
в Праге
Леонид КОГАН
(скрипка)
В. В. ИВАНОВСКИЙ
(тенор)
И. Н. ТЯТОВ
(бас)

ПРОГРАММА

I ОТДЕЛЕНИЕ

Арутюнян (род. 1920 г.)

Праздничная увертюра (1949 г.)
исп. в 1-й раз

Бабаджанян (род. 1921 г.)

Концерт для скрипки с оркестром
(1949 г.) исп. в 1-й раз

1. Allegro
2. Andante
3. Allegro vivace

Исп. **Л. Коган**

II ОТДЕЛЕНИЕ

Шостанович (род. 1906 г.)

„Песнь о лесах", оратория для оркестра,
хора, детского хора, баса и тенора
соч. 81 (1949) исп. в 1-й раз
Текст **Е. Долматовского**

1. Когда окончилась война
2. Оденем родину в леса
3. Воспоминание о прошлом
4. Пионеры сажают леса
5. Сталинградцы выходят вперед
6. Завтрашняя прогулка
7. Слава

3-я, 4-я и 5-я части исполняются без перерыва

«Милый Алексей Григорьевич[1],

Сердечно поздравляем Вас с днем Вашего Ангела и крепко целуем. Лизочку Вашу и ребяток поздравляем с дорогим именинником, их также крепко целуем и обнимаем.

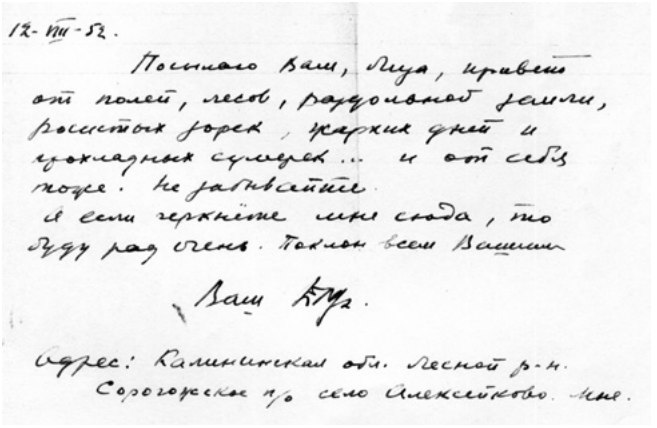
Ваши О. и Е. Мравинские

P.S. Не сердитесь, что не зайдем, уж очень будет поздно и утомительно гулять в двух местах в один вечер.

О. М.»

Надпись на книге О. Перовской «Рассказы о животных»:

«Маленьким музыкантам Сашке и Катьке с пожеланиями счастья и удачи. Е. Мравинский. 14.II.47».



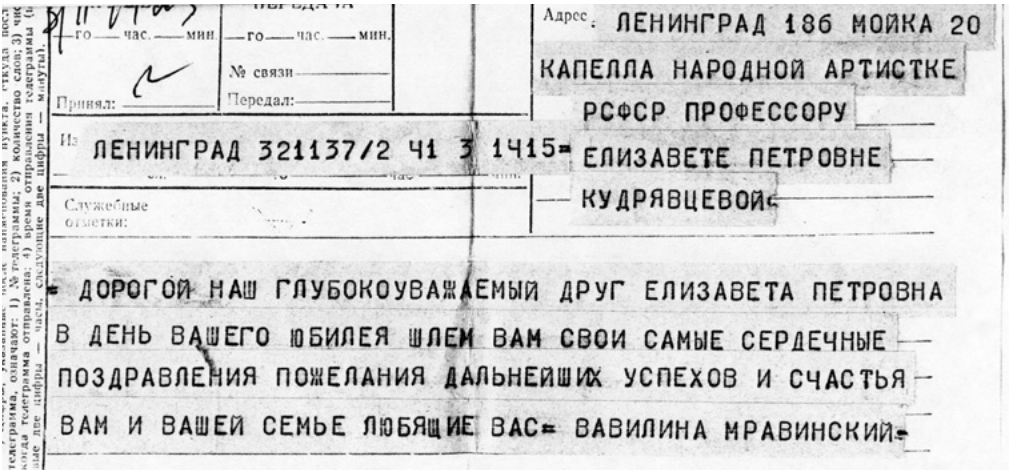
12-VIII-52.

Посылаю Вам, Лиза, привет от полей, лесов, раздольной земли, росистых зорек, жарких дней и прохладных сумерек... и от себя тоже. Не забывайте.

А если черкнете мне сюда, то буду рад очень. Поклон всем Вашим

Ваш Е. Мр.

Адрес: Калининская обл., Лесной р-н, Сорогожской п/о, село Алексейково. Мне.



Принял: Передал: № связи

Из ЛЕНИНГРАД 321137/2 Ч1 3 1415=

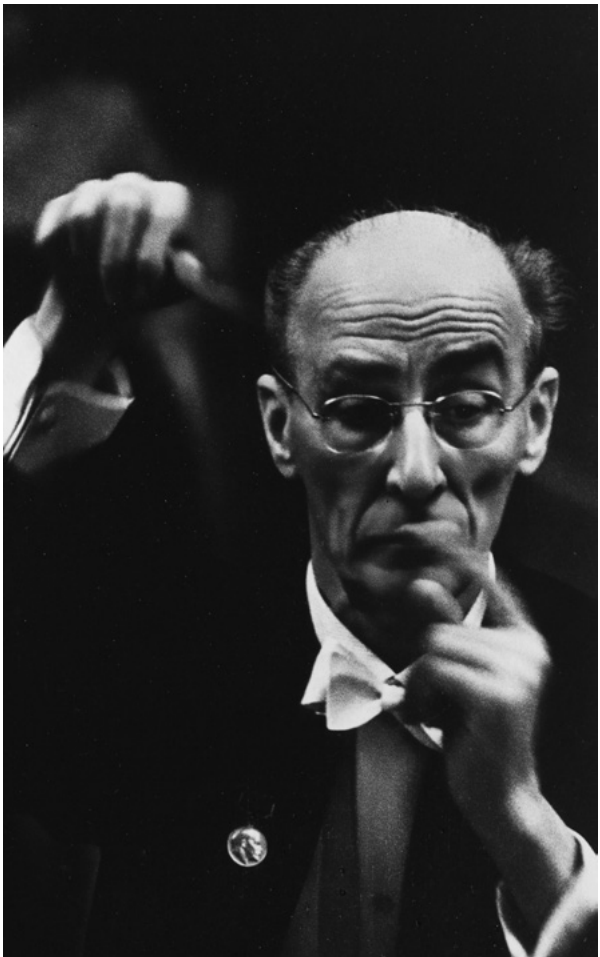
Служебные отметки:

Адрес: ЛЕНИНГРАД 186 МОЙКА 20 КАПЕЛЛА НАРОДНОЙ АРТИСТКЕ РСФСР ПРОФЕССОРУ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ КУДРЯВЦЕВОЙ=

ДОРОГОЙ НАШ ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ДРУГ ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА В ДЕНЬ ВАШЕГО ЮБИЛЕЯ ШЛЕМ ВАМ СВОИ САМЫЕ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПОЖЕЛАНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ И СЧАСТЬЯ ВАМ И ВАШЕЙ СЕМЬЕ ЛЮБЯЩИЕ ВАС= ВАВИЛИНА МРАВИНСКИЙ=

[1] Мурин Алексей Григорьевич (1909-1773) – муж Е. П. Кудрявцевой, инженер, специалист в области радиолокации.

15 ноября 1949 года. Премьера оратории Д. Д. Шостаковича «Песнь о лесах». Оркестр Филармонии, Ленинградская капелла. Дирижирует Е. А. Мравинский.



В содружестве с Николаем Семеновичем Рабиновичем

Николай Семенович Рабинович (1908–1972) – профессор Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, один из основоположников советской дирижерской школы.

Опубликовано в книге «Памяти Н. С. Рабиновича», Вашингтон, 1996 год.

На протяжении моего полувекового творческого пути судьба не раз дарила мне счастливые встречи с замечательными музыкантами, дирижерами, композиторами, певцами, хоровыми и оркестровыми коллективами.

Встреча с Николаем Семеновичем Рабиновичем стала началом нашей долгой исполнительской и человеческой дружбы. Так сложилось, что в годы работы дирижером-хормейстером в Ленинградской капелле имени М. И. Глинки (1931–1961) мною были подготовлены к исполнению под управлением Николая Семеновича многие программы ораториально-кантатной музыки – «Реквием» Моцарта, оперные хоры Вагнера и многое другое. Да и наши дирижерские классы в Консерватории, где мы учили будущих народных артистов, были рядом. Мы часто общались, подолгу обсуждали музыкальные новинки и самые сокровенные планы – как свои, так и наших коллег-музыкантов – или поверяли друг другу свои творческие задумки. Добрым словом вспоминали моего учителя М. Г. Климова и других наших наставников – Н. А. Малько и особенно А. В. Гаука.

Николай Семенович любил музицировать за роялем, и мне это было по душе. Однажды он пригласил меня в класс и сыграл по памяти какую-то проникновенную, впервые слышанную и в то же время чем-то знакомую музыку. Это был «Овод» Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Потрясение от музыки было столь велико, звуковая лавина, подобная селевому потоку, так захватила меня, что на долгое время эмоциональное воздействие другой музыки было притуплено.

Николай Семенович обладал редкой музыкальной памятью и блистательно играл наизусть симфонии Моцарта, Бетховена, оперную музыку Вагнера, Рихарда Штрауса. Здесь он был неистощим, его безграничные знания поражали.

Иногда предложения Николая Семеновича были неожиданными, а порой парадоксальными.

– А неплохо бы нам «откушать» Третью Малера студенческим оркестром и твоим Хором любителей, Лиза! – сказал он как-то, идучи на занятия в класс на третьем этаже Консерватории, и громко рассмеялся, поразившись совпадению начала своей фразы с началом чеховского рассказа «Невидимые миру слезы».

– Да, неплохо, – продолжила я начатый в шутливом тоне разговор. Я понимала, что Густав Малер – в те годы редкий гость на концертной эстраде – традиций исполнения почти не имел, да и самодеятельный Хор любителей, незадолго до того созданный мной при Капелле, не обрел еще достаточного исполнительского опыта. Задача была сложная. Но все же я дала свое согласие на участие в исполнении малеровской жемчужины.

Много пришлось потрудиться моим помощникам-хормейстерам, тогда еще студентам Консерватории, Александру Мурину и Дмитрию Китаенко, прежде чем хор зазвучал стройно, светло и проникновенно. Огромная заслуга Николая Семеновича проявилась в умении раскрыть сложную полимелодическую ткань музыки, грандиозную по размаху и драматизму партитуру Третьей симфонии – одного из вдохновеннейших творений великого австрийского композитора-симфониста.

Руководитель оркестрового класса, высокообразованный музыкант, одаренный педагог Николай Семенович Рабинович заражал исполнителей своей горячей любовью к делу, неистощимой творческой энергией, высоким профессионализмом.

Симфония была подготовлена в кратчайший срок, что явилось еще одним свидетельством большой культуры Николая Семеновича и возросшей зрелости руководимого им студенческого симфонического оркестра.

А как прозвучало Adagio заключительной части! Особая мелодическая насыщенность поющих голосов оркестра, одухотворенная жизнь темы, непрерывный рост ее напряжения, нарастающая гимничность – все это донес оркестр до слушателей, не оставляя равнодушных к величию и глубине прекрасной музыки. Таким было редкое в те годы исполнение музыки Густава Малера.

Вернусь теперь на несколько лет назад.

В 30–40-х годах кинолент выходило мало, но художественная ценность их была чрезвычайно высока. В кино звучало много музыки. Новые песни, как правило, шагали с экрана в самую гущу народных масс, с горячим энтузиазмом воспринимавших полюбившиеся песни. И вот уже шумные колонны устремляются с транспарантами на премьеры «Максима», «Броненосца», «Веселых ребят» – кинофильмов, золотыми буквами вписанных в историю советской кинематографии.

Процесс записи музыки был технически несовершенен и мучителен. Записывались все одновременно – и артисты, и солисты, и хор, и оркестр.

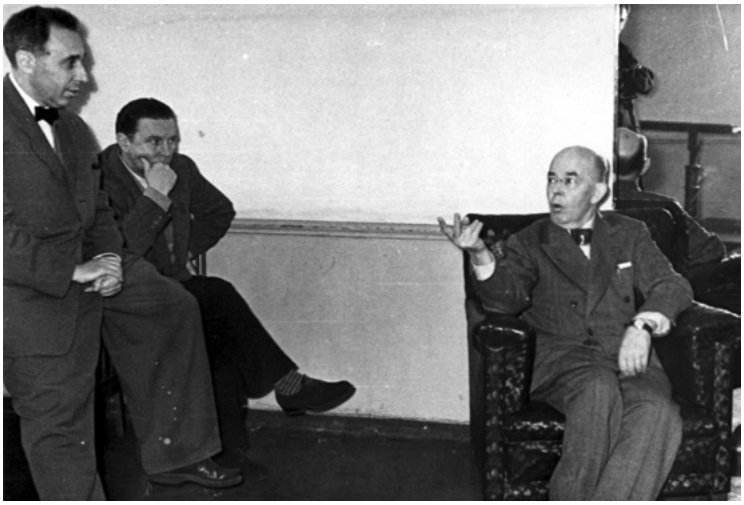
Н. С. Рабинович, Е. П. Кудрявцева, П. А. Серебряков. 1964 год

Николай Семенович был «свой человек» на Ленинградской кинофабрике (название «Ленфильм» появилось позднее). К нему обращались многие маститые режиссеры, и он с особым, только ему присущим блеском, разучивал и записывал музыку.

Мне также пришлось много потрудиться, записывая хор Капеллы в картинах «Гроза» Петрова, «Подруги» Арнштама, «Неоконченная повесть» Эрмлера, «Эзоп» с Полицеймако и многих других. В 1961 году Шостакович, как всегда, деликатнейшим образом обратился ко мне с просьбой озвучить Хором любителей все вокальные и хоровые ансамбли киновариантa его оперетты «Москва, Черемушки».

– Снимать будет Г. М. Раппапорт, а дирижировать Николай Семенович, – добавил он для пущей убедительности шепотом заговорщика. Я знала, что Раппапорт, снявший перед войной «Музыкальную историю» с Лемешевым, а еще раньше «Дон Кихота» с Шаляпиным, долгое время был не у дел. И вот появились «Черемушки» с целым созвездием замечательных актеров. Трудность работы заключалась в наложении на фонограмму звучания вокально-хоровых ансамблей. Работа получилась удачной. Как сейчас помню полутемный просмотровый зал «Ленфильма», Д. Шостаковича, Г. Раппапорта, Н. Рабиновича, И. Гликмана, белеющий экран и льющуюся из динамиков прекрасную музыку Шостаковича, полную юмора и оптимизма. По окончании прослушивания Дмитрий Дмитриевич тепло благодарил всех за работу.

На премьере 8 января 1963 года в кинотеатре «Родина» кинокомедия «Черемушки» имела шумный успех, отдельные сцены часто сопровождались аплодисментами. К сожалению, Дмитрий Дмитриевич заболел и не смог присутствовать на премьере.



Н. С. Рабинович, М. С. Ветров, Н. А. Малько

В 1963 году Шостакович показал П. А. Серебрякову, Н. С. Рабиновичу и мне «Военный реквием» Бенджамина Бриттена. Мы слушали запись, с неослабевающим интересом следили по партитуре и были захвачены страстным призывом английского композитора к миру, созвучным и нашим гуманистическим устремлениям. Впечатление от музыки было необыкновенно сильным! После прослушивания долго молчали, боясь неосторожным суждением вспугнуть чудо услышанного.

– Совесть музыкантов века, – как-то отрешенно сказал Дмитрий Дмитриевич и тут же предложил исполнить «Военный реквием» в Ленинграде, в Консерватории. Основания для этого были: только что отшумели в Ленинграде и Москве торжества по случаю 100-летия первой в России национальной консерватории; с большим успехом прозвучали в исполнении общевузовского хора «Патетическая оратория» Свиридова, а затем «Фантазия» Бетховена. И вот – новая труднейшая работа над «Военным реквиемом» Бриттена.

Николай Семенович и я принялись, как часто бывало между нами, убеждать друг друга в наличии творческих сил для исполнения этого грандиозного шедевра. По нашей просьбе стихотворный перевод «Военного реквиема» (английский текст У. Оуэна) был сделан моим сыном А. Муриным и получил высокую оценку как советских музыкантов, так и самого композитора.

Ректор Консерватории Павел Алексеевич Серебряков со свойственными ему страстностью и энергией включился в работу, обеспечив жесткий репетиционный режим для студенческого симфонического оркестра и общевузовского хора.

Николаю Семеновичу удалось сплотить воедино огромный конгломерат различных исполнительских коллективов и передать всю масштабность бриттеновской музыки, ее современный сложный полифонический и интонационный стиль и театральность звучания. Все репетиции, проходившие в Малом зале Консерватории, были открытыми. Постоянно присутствовавшие на них профессора, педагоги, аспиранты и студенты всех вузовских специальностей наблюдали процесс рождения грандиозного исполнения. Познавательное значение работы над «Реквиемом» было очень велико: студенты и аспиранты различных факультетов получили здесь наглядный практический урок сопричастности Большому Искусству.

В марте 1964 года две части произведения были показаны автору, приехавшему в Ленинград на гастроли. Николай Семенович дирижировал вдохновенно.

– Страшно волновался! Как мальчишка! – признался он мне позднее.

Бриттен, горячо аплодируя, поднялся на эстраду.

– Я счастлив, – сказал он, – быть в Ленинграде, в стенах замечательной Консерватории, и именно здесь, впервые в России, услышать свой «Военный реквием»! Глубоко символично, что его исполняет молодежь. Именно ей, от которой зависит будущее, я адресовал свое произведение.

После летних каникул Николай Семенович завершил репетиции «Военного реквиема» и впервые в СССР это произведение было с огромным успехом исполнено полностью в Большом зале Ленинградской филармонии в декабре 1964 года. Пресса восторженно откликнулась на премьеру: «Композитор голосует за мир», «Звучит „Военный реквием“», «Павшим героям», «Радостное событие» – так были озаглавлены газетные рецензии.

После премьеры Серебряков, Рабинович и я послали автору в Англию приветственную телеграмму с сообщением об успехе «Военного реквиема».

Сегодня, 25 лет спустя после тех событий, я еще яснее понимаю, что такая грандиозная работа была по плечу только Николаю Семеновичу – дирижеру, педагогу, организатору, человеку.

Николай Семенович Рабинович не был при жизни награжден высокими почетными званиями, и даже приставка «и. о.» была снята с его профессорского титула только перед самой его кончиной. Но его самозабвенное, преданное служение Великому Искусству музыки было по-моцартовски чистым, и таким оно останется в памяти потомков.

Премьера «Военного реквиема» Б. Бриттена в Ленинграде. 25 декабря 1964 года

Радостное событие

«Музыкальные кадры», 25 марта 1965 года.

Приезд в Советский Союз крупнейшего английского композитора Бенджамина Бриттена – радостное и чрезвычайно важное событие, которое сильно всколыхнуло нашу общественность. Мы не только близко познакомились с этим замечательным музыкантом, но и более прочно закрепили творческие, дружеские контакты с английской современной культурой.

Бенджамин Бриттен – талантливейший композитор-мыслитель нашей эпохи. Его творческие позиции ясно говорят о глубоком понимании роли современного композитора. В личных высказываниях Бриттена, сделанных им на встречах со студентами и педагогами нашей Консерватории, он лаконично и очень ярко осветил и свои эстетические взгляды (отношение к современным авангардистским течениям в музыке) и отдельные стороны художественной жизни Англии. Сделано это было метко, в форме четких, остроумных афоризмов. Было такое впечатление, что через эти короткие, «брошенные» фразы мы как бы заглянули во внутренний мир музыкантов дружественной нам страны. Недаром вся масса ленинградских консерваторцев с упоением и величайшим интересом присутствовала и на встречах и на концертах из произведений Бриттена (Симфония-концерт для виолончели с оркестром, опера «Питер Граймс», «Реквием»).

Реквием Бриттена – особое по своему идейно-образному содержанию произведение. В нем старые классические тексты заупокойной мессы коренным образом переосмысляются благодаря сочетанию с современными стихами, посвященными страстному протесту против войны. (Русский перевод этих стихов с завидным умением выполнил А. Мурин).

Монументальная музыка «Реквиема» обладает выразительнейшей экспрессией. В этом произведении оригинален не только сам замысел, но

и интонационный язык. Звучание «Реквиема» необычное, очень терпкое. В нем много сложных полифонических сочетаний, характерных для современной европейской музыки. Но как бы сложен ни был язык этой музыки, воздействие ее безоговорочное. Она покоряет и подчиняет себе силой своего властного духа.

Прикосновение к творческой лаборатории Бриттена было глубоко познавательным. «Реквием» был исполнен студентами нашей консерватории. Общевузовский хор под руководством Е. П. Муриной-Кудрявцевой отлично раскрыл технически трудную музыку «Реквиема». Непривычные, сложные для исполнения интонационные последования, свойственные стилю этой музыки, были переданы чисто и выразительно (хормейстер В. Чернушенко). В этом сказалась немалая заслуга Е. П. Кудрявцевой, положившей много труда, чтобы сорганизовать столь слаженный исполнительский коллектив.

«Реквием» Бриттена уже третья большая программа общевузовского хора – «Патетическая оратория» Свиридова была первой, Фантазия для фортепиано, оркестра и хора Бетховена – второй.

Трудно переоценить значение творческой практики этого хора. Именно здесь студенты различных специальностей приучаются к совместному распевному интонированию, развивают слух.

Столь же почетна в исполнении «Реквиема» была роль студенческого оркестра. Трудная музыка, требующая высокой художественной отдачи при максимальном внимании, прозвучала высокопрофессионально. Чувствовалась не только отличная ансамблевая слаженность, но и большая эмоциональная выразительность в экспрессивной передаче содержания «Реквиема».

Руководители оркестра Н. Рабинович и Ю. Крамаров великолепно спаяли огромную исполнительскую массу (в «Реквиеме» Бриттена наличествуют два оркестра) в четкий, единого дыхания художественный организм.

Солисты Л. Иванова, А. Манухов и Н. Калошин превосходно исполнили свои партии.

Мы все глубоко благодарны одному из организаторов встречи с Бенджамином Бриттеном – профессору Мстиславу Ростроповичу.

Весь свой талант щедро, полной мерой он отдает людям. Превосходный музыкант, Ростропович значительно расширил наш музыкальный кругозор, познакомив со многими малоизвестными замечательными произведениями современности.

Профессор А. Н. Дмитриев

«Реквием» Бенджамина Бриттена

«Театральный Ленинград», 25 ноября – 1 декабря 1964 года.

Большая дружба связывает в последние годы Ленинградскую консерваторию имени Н. А. Римского-Корсакова с одним из выдающихся музыкальных деятелей современности – английским композитором и дирижером Бенджамином Бриттеном. Каждый раз, приезжая в наш город на гастроли, он навещает старейший музыкальный вуз страны, знакомится с его работой и творческими планами.

Недавно Консерватория получила партитуру «Реквиема» Бриттена на слова английского поэта Уилфреда Оуэна.

– Сейчас у нас ведется большая работа по подготовке к исполнению этого монументального произведения, – рассказывает руководитель студенческого хора Консерватории заслуженный деятель искусств РСФСР профессор Е. Кудрявцева. – В «Реквиеме», который Бриттен посвятил героям, павшим в борьбе с фашизмом, заложено огромное гуманистическое начало. Адресуясь не только к современникам, но и к грядущим поколениям, композитор раскрывает трагедию войны, несущей гибель миллионам людей.

В разучивании трудной и ответственной программы концерта, кроме хора, принимают участие большой симфонический оркестр студентов вуза (дирижер профессор Н. Рабинович), камерный оркестр аспирантов (дирижер лауреат международных конкурсов доцент Ю. Крамаров), детский хор учащихся музыкальной школы-десятилетки при Консерватории (руководитель Р. Середа), певцы-солисты Л. Иванова (сопрано), А. Пронина (сопрано), М. Довенман (тенор), А. Манухов (тенор), Н. Калошин (баритон) и В. Трофимов (баритон). Русский текст стихов, совпадающий в интонационном звучании с английским, написал Александр Мурин.

– Не будет преувеличением сказать, – сообщила в заключение профессор Е. Кудрявцева, – что все факультеты Консерватории с большим творческим увлечением работают над осуществлением одного из ярких кантатно-ораториальных произведений современности. Мы рассчитываем, что «Реквием» Бенджамина Бриттена впервые в Советском Союзе прозвучит в Большом зале Филармонии в конце декабря.

Звучит «Военный реквием»

«Смена», 6 января 1965 года.

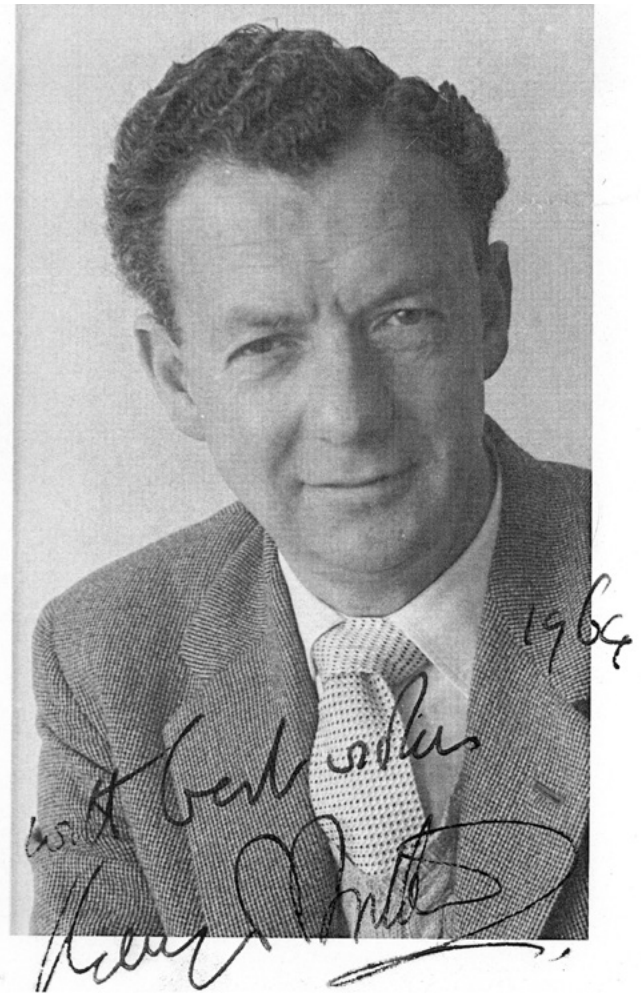
Творчество современного английского композитора Бенджамина Бриттена давно привлекает к себе внимание советских любителей музыки. В Ленинграде звучали его опера «Питер Граймс» в концертном исполнении, Симфония для виолончели с оркестром, посвященная М. Ростроповичу. В сентябре минувшего года мы познакомились с тремя камерными операми Бриттена в исполнении малой труппы лондонского театра Ковент

Гарден. Последняя неделя 1964 г. и начало 1965 г. принесли новое большее впечатление – знакомство с «Военным реквиемом» Бриттена.

Эпиграфом к нему композитор взял строки английского поэта Уилфреда Оуэна:

Я о войне пишу.
Об ужасах ее вам рассказать спешу,
Чтобы поэта пламенная речь
Могла живых предостеречь.

Эти стихи очень точно определяют содержание произведения, проникнутого ненавистью к войне, посвященного ее жертвам. Музыка «Реквиема» экспрессивна, драматически насыщена, изобилует острыми, напряженными звучаниями. Необычна и сложна форма: текст заупокойной католической мессы поручен солистке-сопрано, смешанному хору и хору мальчиков в сопровождении симфонического оркестра. Но кроме канонического латинского текста композитор привлек гневные и страстные стихи Оуэна, клеймящие войну. Они то перебивают традиционную латынь, то звучат одновременно с ней. Фрагменты «Реквиема» на стихи Оуэна написаны для двух солистов – тенора и баритона в сопровождении камерного оркестра. Кроме того, в партитуру произведения включен орган.



Бенджамин Бриттен подарил Е. П. Кудрявцевой этот портрет в благодарность за первое исполнение «Военного реквиема» в Ленинграде.

Понятно, какие трудности ставит перед дирижером использование столь большого коллектива, точнее – нескольких коллективов. Тем большим событием в нашей музыкальной жизни явилось первое в СССР исполнение «Военного реквиема». Тем большим – ибо на сцене Большого зала Филармонии слушатели увидели непрофессиональный коллектив. Исполнители – симфонический оркестр и хор студентов Ленинградской консерватории, камерный оркестр студентов и аспирантов Консерватории, детский хор музыкальной школы при Консерватории.

Студенческий оркестр по своему уровню приближается к профессиональным оркестрам Ленинграда. Секрет этого – в огромной энергии и мастерстве руководителя оркестра профессора Н. С. Рабиновича. Дирижер умеет увлечь студентов интересными творческими задачами, повести их за собой.

Оба состава солистов (первый – Л. Иванова, М. Довенман, Б. Лушин; второй – А. Пронина, А. Манухов, Н. Калошин) успешно справились со своими партиями. Хорошо звучал хор (по существу, самодеятельный: ведь профессиональных певцов, даже будущих, в нем нет). И это заслуга его руководителя – заслуженного деятеля искусств РСФСР профессора Е. П. Кудрявцевой. Нужно отметить также работу руководителя камерного оркестра лауреата Международного конкурса Ю. Крамарова и руководителя детского хора Р. Середы.

Л. Михеева, искусствовед

Воспоминания о Карле Ильиче Элиасберге

Карл Ильич Элиасберг (1907–1978) – заслуженный деятель искусств РСФСР, художественный руководитель и главный дирижер Оркестра Ленинградского радиокомитета. 9 августа 1942 года в блокадном Ленинграде с оркестром исполнил 7-ю «Ленинградскую» симфонию Д. Д. Шостаковича.

Октябрь 1979 года

А. Н. Серов сказал однажды: «Если бы Глинка не написал „Сусанина“, а написал бы только „Славься“, он все равно был бы незабываем, велик». В каком-то отдельном моменте жизни человека как бы концентрируется все то, что он совершил, хотя эта творческая вершина, конечно же, не отменяет всего остального труда. Вот такой вершиной Карла Ильича Элиасберга я считаю премьеру 7-й симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде. Этот замечательный музыкант в осажденном городе на Неве собрал оркестр, сделал его первоклассным музыкальным коллективом, который и исполнил симфонию-гимн неизбежной победе над врагом... Одной этой страницы, вписанной в летопись нашей музыкальной культуры, достаточно, чтобы память об Элиасберге осталась навсегда. И недаром этот сугубо штатский человек гордился своим боевым орденом Красной Звезды.

В Ленинградской консерватории, прежде чем войти в учебные классы, студенты и педагоги ежедневно проходят мимо панорамы фотодокументов важнейших событий истории Советского государства: Революция – Ленин – Великие стройки – Великая Отечественная война – Космос... и среди них по праву почетное место занимает скромный снимок Элиасберга, репетирующего «Ленинградскую» симфонию в блокаду в нашем любимом и неповторимом белоколонном зале Ленинградской филармонии. Но нельзя забывать, что в этот памятный период оркестр под управлением Элиасберга исполнил огромное количество симфонических произведений – от сочинений композиторов-ленинградцев до ошеломляюще мощного звучания 9-й симфонии Бетховена! Мне как руководителю,

более полувека работающему с хоровыми коллективами, понятна та сила, та мощь, которой обладал Элиасберг, чтобы совершить такое важное дело. Ведь коллектив умирающих артистов нужно было вдохновить, оживить, заставить звучать!

Моя дружба с Карлом Ильичем началась более 40 лет назад. Его профессиональное поведение было исключительно четким и определенным, требования – очень строги. Он был пунктуален. Его честность и добросовестность прочтения партитуры может служить примером для музыкантов. Он был точен не только в классике, но и в современной музыке.

Карл Ильич всегда стремился к познанию. Он не стеснялся спросить:

– А что Вы можете еще сказать об этом сочинении, а что читали, в каком издании, а что еще о нем можно узнать?

Репетиция «Фантазии» Бетховена в Капелле. Дирижер К. И. Элиасберг. Солистка Е. А. Мурина

Высоко ценя музыкальные знания, он с чувством глубокого уважения относился к моему коллеге по Капелле, образованнейшему музыканту Г. А. Дмитревскому. Элиасберг много и заинтересованно беседовал с ним.

В нашей совместной работе бывали случаи, когда моя точка зрения не совпадала с мнением Элиасберга. Однажды решили организовать исполнение «Мессы» Баха, но с огромными купюрами, совершенно невозможными, на мой взгляд. Я протестовала, пыталась отстаивать музыкальные принципы, воспитанные во мне моим учителем профессором М. Г. Климовым. Но Г. А. Дмитревский был руководителем Капеллы, авторитетнейшим музыкантом, и убедил Карла Ильича исполнять в таком сокращенном виде. Дело осложнилось еще и тем, что в то время мы не располагали необходимыми для исполнения музыки Баха специальными

трубами высокого строя. Карл Ильич делал редакцию «трубы-эрзац»: e-moll'ный кларнет «спаривал» с гобоем, еще что-то такое, хотя, к сожалению, это не могло заменить ликующее звучание труб в партитурах Баха. Но зато с каким старанием и самоотверженностью работал Элиасберг! И, несмотря на расхождения, наша творческая дружба стала еще крепче.

В послевоенные годы мне часто приходилось вместе с Ленинградской капеллой выезжать на гастроли. Особенно запомнились выступления в Риге. Концерты проходили в зале Университета, в те годы единственном концертном зале города. Карл Ильич дирижировал «Реквием» Верди – очень эмоциональное сочинение, «оперное» по сути своей. Трактовался «Реквием» Элиасбергом исключительно эффектно и в то же время глубоко. Это был оперный размах! Я не знала его в опере и лишний раз убедилась тогда, сколько он таил в себе невысказанного.

Должна сказать, что на эстраде Карл Ильич никогда не стремился к успеху как к таковому. Он не задавался целью провести концерт на бис. Просто делал то, что зависело от его профессионализма и мастерства. Элиасберг был пунктуален в музыке и потому смог понять ритм как основную движущую функцию. Ритм для него был не фиксацией, а живым движением. Многие этого не понимали. Поэтому им Элиасберг и казался в своем исполнительстве сухим... Но ведь разные бывают эмоции: одни проявляются как пар и не оставляют после себя ничего; другие, более сдержанные, большой силы – живут много и долго.

Мне было досадно, что Карл Ильич не брал на себя премьер ораториальной музыки, и я часто ему об этом напоминала. И вот в последние годы мы приготовили с ним имевшую большой успех премьеру оратории Салманова «Двенадцать» (по Блоку)[1]. Затем Элиасберг возродил с Капеллой Мессу (до минор) Моцарта, но это уже было без меня...

Вспоминаю осень 1954 года, последний приезд Абендрота. Маэстро был уже тяжело болен, и это чувствовалось при исполнении им 9-й симфонии Бетховена. После концерта Абендрот спросил меня:

– Вы не скажете, где дирижер, которого я очень люблю? Он удивительно точный, удивительно скрупулезный.

Речь шла, конечно же, о Карле Ильиче. Когда я ответила, что не видела его в концерте, Абендрот как-то опечалился. Разговор был кратким, но великий дирижер спросил именно об Элиасберге! Почему? По-видимому, Абендрот очень высоко ценил в нем такое качество, как точность ритмического посыла и ритмического наполнения – качество, которое, как мне кажется, составляло суть музыкального метода Карла Ильича.

---

[1] Премьера оратории В. Н. Салманова «Двенадцать» (по Блоку) состоялась в Большом зале Ленинградской филармонии им. Д. Д. Шостаковича в дни 40-летия советской власти в 1957 г. Концерты Германа Абендрота состоялись в Большом зале Ленинградской филармонии 3 и 4 ноября 1954 г.

И в жизни Карл Ильич был такой же аккуратный, как и в музыке. Он и дома был аккуратно (на взгляд некоторых, даже старомодно) одет: при галстуке, и если не в пиджаке, то обязательно в жилете. Как истинный интеллигент он не «отгораживался» от гостя галстуком или жилетом, а хотел своим внешним видом подчеркнуть свое уважение к нему.

В первые послевоенные годы Элиасберги жили в каком-то помещении чуть ли не под самой крышей Филармонии. Добираться до него нужно было по крутым и совсем не парадным лестницам. Но когда вы все-таки попадали в комнату, всегда чувствовали уважение и радушие со стороны хозяев, их неповторимое чувство юмора. Супруга Карла Ильича – его преданный и большой друг Надежда Дмитриевна[1] – все делала для того, чтобы в доме было опрятно и уютно. Время было голодное, и стол не гнулся от угощений, но его покрывала белоснежная накрахмаленная скатерть, на которой стояли аккуратные и красивые приборы, и это было праздником. Иногда Карл Ильич приходил ко мне домой. Он был не просто интересным собеседником, но и чутким, благодарным гостем, умеющим отмечать даже мелочи быта, если они красивы и интересны. Как-то он обратил внимание на столовый прибор, сказал, что этот прибор сделан во Франции и что он видел подобный только в одном доме. Мы с мужем не смогли припомнить историю появления этой вещи в нашем доме, но завязалась интересная беседа. Карл Ильич любил застолье. Но оно было всегда таким же интеллигентным и напоминало интонации персонажей Пушкина из «Вакхической песни».

Педагогика была, видимо, очень сродни натуре Карла Ильича. В последние годы, когда он был председателем государственных экзаменов в Консерватории, Карл Ильич не раз беседовал со мной на эти темы, и я чувствовала, что ему хотелось оставить после себя учеников. Он отлично знал оркестровку, штрихи, его маленькие дирижерские движения были удивительно собранны. Он таил в себе массу неиспользованных возможностей, но все это перечеркнула его скоропостижная кончина.

Зрение Карл Ильич имел слабое, всю жизнь носил очки, но его взгляд всегда был наполнен энергичной мыслью. Он обладал абсолютным слухом и не терпел ни в чем фальши. Таким и помню Карла Ильича.

---

[1] Бронникова Надежда Дмитриевна (1903-1981) – пианистка, выступала как концертмейстер в концертах в блокадном Ленинграде, позднее работала на Ленинградском радио.

Кудесник. Веселые странички воспоминаний о Н. Г. Рахлине

Натан Григорьевич Рахлин (1905–1979) – народный артист СССР, дирижер оркестров Киевского и Харьковского радио, дирижер Донецкого симфонического оркестра (1928-1937).
С 1937 г. главный дирижер Симфонического оркестра УССР. 1941–1944 – руководитель оркестра СССР в Москве. В 1966 г. организовал и возглавил Казанский симфонический оркестр.

20 декабря 2003 года

В 1935 году во время гастрольной поездки по Донбассу Ленинградская капелла дала за 22 дня 26 сольных концертов под моим управлением и только один в столице края городе Сталино (ныне Донецк) с симфоническим оркестром. Исполнялась 9-я симфония Бетховена. Дирижировал Натан Григорьевич Рахлин. Незадолго до этого концерта он собрал всевозможных музыкантов, что играли в многочисленных кабаках, закусочных, ресторанах шахтерского «клондайка» и со свойственными только ему, Рахлину, вдохновением, упорством, мастерством увлек их на исполнение серьезной классической музыки. Этот его шаг многие считали авантюрой, провалом в карьере, но факт – вчерашние ресторанные «лабухи» и «поддавалы» играли 9-ю Бетховена.

Капелла и солисты пели под управлением Рахлина вдохновенно. Музыка была им досконально знакома по исполнению Климова, Штидри, Оскара Фрида и других великих маэстро. Поэтому Натан Григорьевич все внимание уделил своим оркестрантам, чтобы они были достойны столичных певцов и Капеллы. Но когда оркестранты от старания начинали ускорять темп, дирижер, покачиваясь и поворачиваясь по сторонам, как флюгер, пел в полный голос на мелодию Бетховена:

– Не спе-ши-те! Не спе-ши-те! Не спе-ши-те, Вы, друзь-я!!!

Концерт прошел с огромным успехом.

Об аппетите Н. Г. Рахлина ходили легенды. Ох, как он любил вкусно поесть! В антракте концерта он мог прямо в дирижерской комнате филармонии съесть целого цыпленка табака и как ни в чем не бывало выйти на второе отделение и провести блестяще симфонию или новую кантату. Излишней вес вскоре стал обременителен дирижеру, и врачи рекомендовали ему различные диеты и даже хирургическое вмешательство.

Наконец Натан Григорьевич решился. После больницы он хвастал мне, что эскулапы вырезали у него четырнадцать килограммов жира из живота. На премьере «Кантаты о Родине» Аратюняна в зале Московской филармонии, где пела моя Капелла, что я готовила к концерту, фрак на похудевшем Рахлине сидел как «на вешалке». Но, если верхняя часть одеяния еще была терпима, то брюки болтались свободно (так как получались на несколько размеров больше). Во время темпераментного дирижирования первой частью манишка и жабо вылезли наружу, а брюки стали сползать вниз. Хор и музыканты, видя это, просто обывательски стали давиться от смеха. Перед финальной частью кантаты Рахлин ушел за кулисы. Там тщетно искал шнур или любую веревку, чтобы подвязать брюки. Не найдя ничего, просто подтянул их до подмышек так, что стали видны носки и туфли-штиблеты, прикрыл все фраком и, прижав локтями, вышел на эстраду. Очень кокетливо, как ни в чем не бывало, играючи махал дирижерской палочкой и довел кантату Аратюняна до помпезного ликующего финала, в котором на все лады композитор славил «Сталина – родного вождя народа. Слава! Слава!»...

В 50-х годах, во время гастролей Капеллы на Украине, встречаю Рахлина в Киеве в переполненном троллейбусе, что ехал по Крещатику. Натан Григорьевич экспансивно меня приветствовал, а потом через головы пассажиров начал петь финальный речитатив из «Реквиема» Верди. Закончив, он спросил меня:

– Ну как? Лиза! Выучил я правильно латинский текст?

Ну а украинцы, очевидцы этого, решили, что два «громодянина» шутят на непонятном им языке!..

На репетиции в Ленинграде, в Большом зале, с оркестром «заслуженников» и Капеллой Рахлин многократно повторял первую фразу Реквиема Верди и каждый раз, довольно поглаживая себя по животу, повторял одну и ту же фразу:

– Религиозно! Религиозно!

Время репетиции бежало неумолимо, а он все повторял и повторял, добиваясь различного смысла и звучания первой фразы, приговаривая:

– Религиозно! Религиозно! – а затем отпустил коллективы до вечера. На концерте дирижер провел Реквием вдохновенно. Сидевший рядом со мной в ложе Курт Зандерлинг в восторге бурчал под нос:

– Мне бы одну сотую долю его таланта! Я бы знал, как им распорядиться! Одну сотую...

Я рада, что в конце века у Рахлина, этого дирижера-кудесника, в Казанском государственном филармоническом оркестре помощником был мой талантливый ученик Равиль Мартынов. И, когда перед финалом Конкурса филармонических оркестров СССР в Москве Натан Григорьевич Рахлин внезапно тяжело заболел, Равиль достойно его заменил и с блеском провел выступление, завоевав Казанскому оркестру лауреатство, а моему другу Натану Григорьевичу подарив музыкальную Радость!

Илья Александрович Мусин

Илья Александрович Мусин (1903–1999) – российский дирижер, музыкальный педагог и теоретик дирижирования, создатель ленинградской дирижерской школы. Заслуженный артист Белоруссии (1939). Заслуженный деятель искусств Узбекской СССР. Народный артист РСФСР (1983). Профессор Петербургской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

Дирижерский Учитель Константина Симеонова, Одиссея Димитриади, Юрия Темирканова, Валерия Гергиева, высокочтимый Илья Александрович Мусин подарил с трогательным посвящением свою книгу «Уроки жизни»[1]. В ней он напомнил случай 70-летней давности, который произошел на репетициях к концертному исполнению оперы Верди «Сила судьбы», что готовили дирижер Штидри и его молодой ассистент Илья Мусин с оркестром и Капеллой на сцене Большого зала Филармонии в 1934 году:

«Другой эпизод произошел во время репетиции „Силы судьбы“. Но сперва расскажу о работе Капеллы над хорами оперы, а главное, о том, что в то время представляла из себя Капелла.

Работа по разучиванию хоровых партий была поручена Е. Кудрявцевой (занимавшейся у меня на симфоническом отделении). Когда я пришел на репетицию, она только что началась. В опере имеется большой хоровой номер, исполняющийся хором а капелла – „Ратаплан“, с участием солистки. Принесли хоровые партии. По этим партиям разучивался хор при первой постановке оперы, специально написанной Верди для Мариинского театра. Продолговатые синие тетради, в которых одними чернилами написан итальянский текст, затем другими чернилами – русский перевод и, наконец, красными чернилами – второй перевод. Партии нотированы в ключах – сопрановом, альтовом, теноровом и басовом. Кудрявцева дает тон, взмах руки, и хор с листа как бы начисто исполнил этот трудный для хора номер. Такова в то время была Капелла. Через несколько лет она могла петь в буквальном смысле слова лишь массовые песенки советских композиторов.

---

[1] Мусин И. Уроки жизни. СПб., 1995. Дарственная надпись: «Старейшей, талантливой моей ученице, выдающемуся хормейстеру-педагогу Лизочке Кудрявцевой. На добрую память от автора. И. Мусин 31.05.96».

Как известно, в опере „Сила судьбы“ вначале поет хор за кулисами, затем без оркестра следуют реплики солистов, затем опять хор за кулисами, опять реплики и наконец вместе с оркестром вступает хор на сцене.

Для закулисного хора пригласили около тридцати вокалистов из Консерватории, с которыми занимался профессор хоровой кафедры А. А. Егоров. Петь нужно было буквально несколько нот.

И вот приходит репетиция. Хор консерваторцев стоит пока в директорской ложе. Начинается действие. Я дирижирую консерваторским хором, затем идут реплики певцов, затем опять хор и, наконец, когда вступает оркестр, оказывается, что консерваторский хор за несколько коротких фраз успел опуститься почти на тон. Поднимается скандал. Начинаем все сначала, и опять тот же результат. Объявляется перерыв. Штидри дает указание посадить пять деревянных духовых инструментов среди исполнителей хора для того, чтобы они давали поддержку интонации.

Начинается все сначала. И, несмотря на поддержку инструментами, хор опять съезжает вниз. Тогда из хора Капеллы выделяют десять человек (по два человека на каждый голос), и они без всякого труда спели то, что требовалось. Так это осталось и на концерте. Как могло случиться, что хор, специально учивший этот короткий номер, не смог удержаться в тональности?»

М. Я. Хальфин, И. А. Мусин, М. Мехмедов, Н. Ярви, Н. С. Рабинович, А. Ихарев

Слово о Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче

Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975) – великий советский композитор, пианист, педагог и общественный деятель. Один из крупнейших композиторов XX века, оказавший огромное влияние на развитие мировой музыкальной культуры.

1986 год

Иногда поражаешься, как во времени переплетаются между собой человеческие судьбы!

В начале XX века на Подольской улице, в доме 13 жил мой отец, скромный петербургский пианист Петр Кириллович Кудрявцев. Он играл на танцевальных вечерах в Зале Дворянского Собрания, в домах знатных особ. В гостиной его просторной квартиры, занимавшей весь второй этаж, стояли два концертных рояля, на которых Петр Кириллович часами играл упражнения, музицировал. Из раскрытых окон на улицу неслись польки, мазурки, вальсы, галопы, изумительные импровизации.

Поблизости, на Подольской, дом 2, жили Дмитрий Болеславович и Софья Васильевна Шостаковичи. Именно в этом доме родились дочь Мария и сын Дмитрий. Когда пришло время серьезно учить детей музыке, Шостаковичи обратились с предложением к моему отцу. Но, как вспоминала позднее Софья Васильевна, Петр Кириллович Кудрявцев от предложения отказался:

– Я – всего лишь концертирующий тапер-пианист, – и посоветовал отдать детей в частную школу Гляссера, находившуюся поблизости на Владимирском проспекте. Софья Васильевна, узнав позднее, что я дочь Петра Кирилловича, с необычайной сердечностью и вниманием относилась ко мне до последних дней своей жизни...

Судьбе было угодно, чтобы мой отец вновь встретился со своим несостоявшимся учеником. После революции пианистическая карьера отца пошла, как говорится, прахом. Его пригласили в Капеллу настройщиком

роялей. Так, мой отец в 1926 году настраивал инструменты перед премьерой «Свадебки» Стравинского (исполнение состоялось под управлением профессора М. Г. Климова), а молодой Шостакович играл одну из фортепианных партий.

Климовская Капелла была своеобразным музыкальным центром ленинградской культуры тех лет. 20–30-е годы – великий и одновременно сложный этап нашей истории. Каждый испытывал не только большой подъем, охвативший всю страну, но и боль от незаслуженных обид и огульных обобщений. Досталось и моему учителю, профессору М. Г. Климову. Невозможно забыть, как с генеральной репетиции в 1934 году было снято и запрещено исполнение монументального полотна Танеева «По прочтении псалма».

Часто на концертах Капеллы я видела Д. Д. Шостаковича: его хрупкую фигурку, примостившуюся как бы на половинке кресла, его выразительное худое лицо, сосредоточенно отстраненное, лицо пленника, находящегося во власти наплывающих музыкальных образов. Как и Климов, он был из когорты первопроходцев. Ему-то доставалось от горе-политиков в области искусства больше всех. Это общеизвестно.

Так получилось, что к 40-м годам Дмитрий Дмитриевич был полностью в курсе моей работы с Капеллой. Он слышал многие премьеры – музыку Прокофьева, Шапорина, Юдина, Хачатуряна, слышал Мессу Бетховена, «Реквием» Берлиоза под управлением Е. А. Мравинского и многие другие произведения, подготовленные мною в те годы с Капеллой.

Мы дружески встречались на Декаде Ленинградского искусства в Москве в 1940 году, поэтому естественным было предложение в один из дней в гостеприимной квартире Е. А. Мравинского на Бородинской улице – подготовить с Капеллой новое сочинение Дмитрия Дмитриевича – оратории «Песнь о лесах». Помню, как мы втроем залпом проиграли музыку. Д. Д. очень выразительно, по-композиторски, пел за солистов, хор, оркестр. Трудно передать словами авторское исполнение – его надо было слышать! Дмитрий Дмитриевич часто показывал и играл Евгению Александровичу свои новые сочинения. Так я услышала «Десять поэм», «Песню о Партии» и многое другое.

Получив ноты оратории «Песнь о лесах», я с жаром принялась учить ее с капелльским хором и солистами, но... случилось непредвиденное. Послевоенный неустроенный быт. Жила я с семьей в коммунальной квартире без удобств в здании Капеллы. Керосинка... Кипятила ребячье белье и опрокинула на ноги таз с кипятком и щелоком. Ожог. На первых порах я еще прыгала на одной ноге через капелльский дворик на репетиции, но вскоре врачи уложили в постель.

В один из дней раздался дребезжащий звонок. Дети открыли дверь и с радостными возгласами:

– Идет дядя Женя (так они звали Е. А.) и какой-то дядя! – вбежали в комнату. Евгений Александрович присел на край постели, а Дмитрий Дмитриевич устроился на корточках у печки. Он автоматически повторял одну и ту же фразу:

– Когда же Вы поправитесь? Что же будет с моей музыкой?!

На его лице была такая боль, что все мои болячки показались ерундой.

Вскоре я завершила работу над ораторией. Помню, какой был грандиозный успех! Когда прозвучал последний аккорд сочинения и Евгений Александрович повернулся на поклон, переполненный зал поднялся и стоя приветствовал автора. Это знаменательное событие запечатлено на фотографии, экспонируемой в фойе Большого зала Ленинградской филармонии[1].

1949 год. Премьера оратории Д. Д. Шостаковича

Несколько лет спустя, с не меньшим успехом в исполнении Капеллы и симфонического оркестра Филармонии прозвучала «Кантата о партии»[2]. Как-то на квартире Мравинского Дмитрий Дмитриевич ознакомил меня с 10-ю хоровыми поэмами и предложил мне выучить их с Капеллой, а Евгению Александровичу – продирижировать в качестве хорового дирижера на премьере. К сожалению, этому замыслу Дмитрия Дмитриевича не суждено было осуществиться. Позднее эти поэмы впервые прозвучали в Москве под управлением А. В. Свешникова[3].

---

1 Первое исполнение оратории Д. Д. Шостаковича «Песнь о лесах» состоялось в Большом зале филармонии 15 ноября 1949 г. Дирижер Е. А. Мравинский.

2 «Кантата о партии» прозвучала впервые в Большом зале Филармонии в 1954 г.

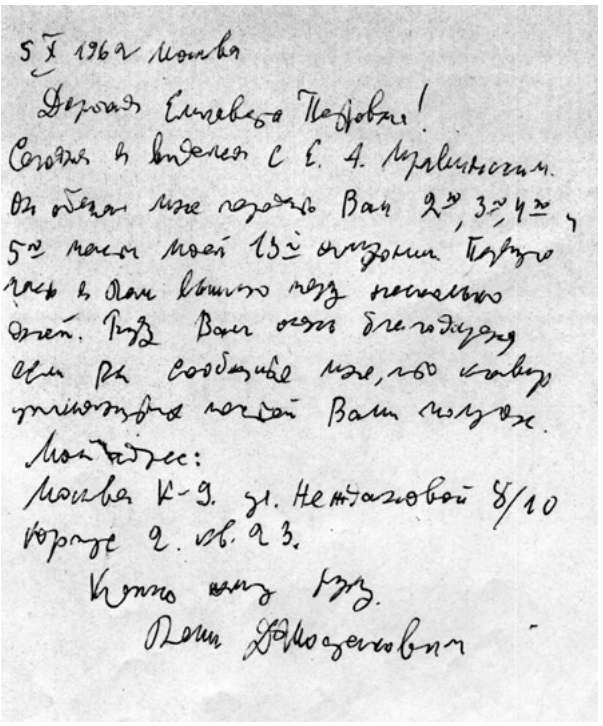
3 «Десять хоровых поэм» прозвучали впервые в Большом зале Московской консерватории под управлением А. В. Свешникова 10 октября 1951 г.

В 60-е годы Д. Д. поручает молодому, только что организованному самодеятельному коллективу Хору любителей пения Ленинграда записать все хоровые и ансамблевые эпизоды для фильма «Черемушки»[1] (подробнее об этом выше, в главе «В содружестве с Николаем Семеновичем Рабиновичем». – *Прим. ред.*)

Вскоре этот же коллектив принял участие в исполнении второй редакции оперы «Катерина Измайлова»[2].

На торжественном концерте, посвященном 100-летию основания Ленинградской консерватории, Дмитрий Дмитриевич услышал выступление руководимого мною большого общевузовского хора. В нем пели композиторы, пианисты, вокалисты, дирижеры, музыковеды. Этот же хор впервые в Советском Союзе исполнил «Военный реквием» Б. Бриттена. Дмитрий Дмитриевич подробно знал о репетициях, премьере, приезде самого Бриттена в Ленинград, о его высокой оценке исполнения.

Дмитрий Дмитриевич предложил мне приготовить с мужской группой общевузовского хора студентов Консерватории и оркестром под управлением Е. А. Мравинского 13-ю симфонию на стихи Е. Евтушенко. И здесь мне хочется сказать о необычайной чуткости Д. Д. В один из дней я получаю ноты 13-й симфонии, открываю и не нахожу первой части – «Грандиозной фрески» и «Бабьего яра». Понятны мои волнения. Звоню в Филармонию, а еще через час получаю письмо Дмитрия Дмитриевича, в котором он, зная, что я буду беспокоиться, упреждает мои волнения. Вот это письмо:


5 X 1962 Москва
Дорогая Елизавета Петровна!
Сегодня я виделся с Е. А. Мравинским.
Он обещал мне передать Вам 2-ю, 3-ю, 4-ю и
5-ю части моей 13-й симфонии. Первую
часть я дам вышлю через несколько
дней. Буду Вам очень благодарен
если Вы сообщите мне, что каждую
упомянутых частей Вами получен.
Мой адрес:
Москва К-9. ул. Неждановой 8/10
корпус 2. кв. 23.
Крепко жму руку.
Ваш Д. Шостаковичъ

(«5.X.1962. Москва.
Дорогая Елизавета Петровна!

---

1 Фильм «Черемушки» (реж. Г. М. Раппапорт). Премьера в Ленинграде, в Доме кино 30 декабря 1962 г. (Хор любителей пения, хормейстер Е. П. Кудрявцева).

2 Фрагменты из оперы «Леди Макбет Мценского уезда» (1932 г., вторая редакция 1956 г.) Д. Д. Шостаковича впервые прозвучали, после запрета в 1936 г., в Ленинграде, во Дворце культуры им. Ленсовета, 22 декабря 1962 г. в исполнении Симфонического оркестра Филармонии, солистов, Хора любителей пения Ленинграда. Дирижер Арвид Янсонс.

Сегодня я виделся с Е. А. Мравинским. Он обещал мне передать Вам 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю части моей 13-й симфонии. Первую часть я Вам вышлю через несколько дней. Буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите мне, что клавир указанных частей Вами получен.

Мой адрес: Москва К-9. ул. Неждановой 8/10 корпус 2. кв. 23.

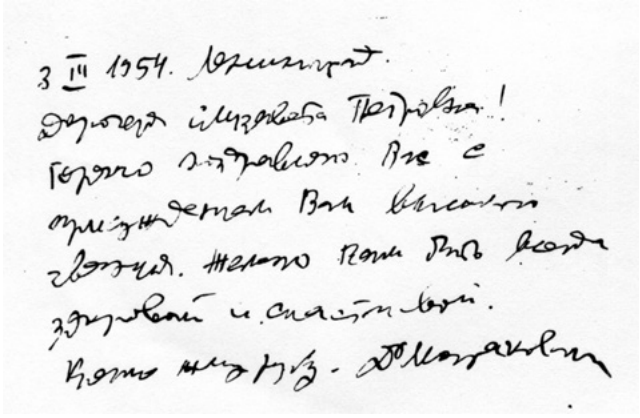
Крепко жму руку.

Ваш Д. Шостакович».)

Таким внимательным Д. Д. был всегда. Мой талантливый ученик дирижер и композитор Тимур Мынбаев послал Д. Д. одно из своих первых симфонических сочинений. Обремененный болезнью, занятый творческими, общественными и государственными делами, Дмитрий Дмитриевич с большим вниманием и скрупулезностью познакомился с партитурой молодого человека и прислал подробное, на нескольких страницах, письмо-отзыв с пожеланиями дерзаний в нелегкой композиторской жизни.

Ну, а премьера «Тринадцатой симфонии»?.. Волевым решением московских администраторов была передана другому дирижеру, другому хору и с шумным успехом прошла в столице[1]...

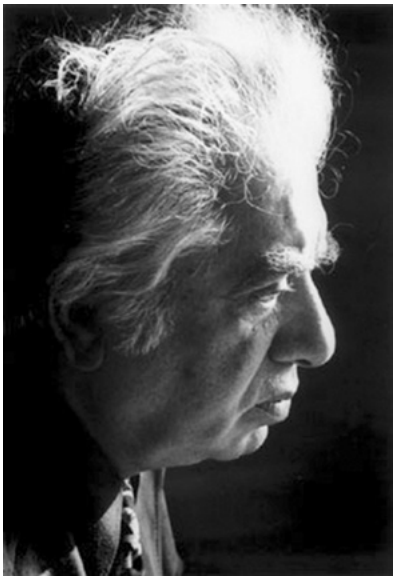
Я счастлива, что судьба подарила мне дружбу и общение с Дмитрием Дмитриевичем. Его письма, его музыка, его облик музыканта-труженика всегда со мной, ибо это уже часть нашей жизни, нашей истории.



«3.III.1954. Ленинград.
Дорогая Елизавета Петровна!
Горячо поздравляю Вас с присуждением Вам высокого звания. Желаю Вам быть всегда здоровой и счастливой. Крепко жму руку. Д. Шостакович».

[1] «Тринадцатая симфония» Д. Д. Шостаковича впервые прозвучала в Ленинграде, в Большом зале Филармонии, 25 июня 1966 г. Заслуженный коллектив Республики Симфонический оркестр Филармонии. Хор басов (в их числе басы Хора любителей). Солист Артур Эйзен. Дирижер К. П. Кондрашин.

Арам Ильич Хачатурян

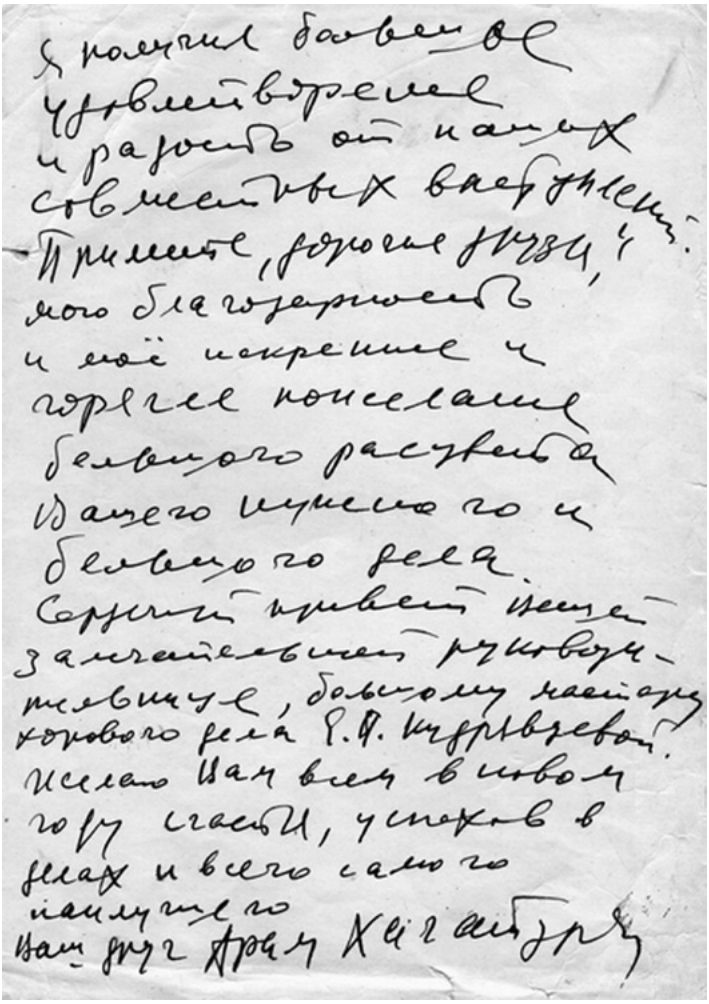


Арам Ильич Хачатурян (1903–1978) — армянский советский композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат четырех Сталинских, Ленинской и Государственной премий СССР, автор музыки Государственного гимна Армянской ССР, академик АН Армянской ССР. Один из крупнейших деятелей музыки XX века.

В 1963 году Арам Ильич Хачатурян, знавший меня по работе в Капелле, обратился с просьбой подготовить для юбилейных авторских концертов, посвященных 60-летию со дня рождения, с Хором любителей труднейшую в тесситурном отношении кантату («Оду радости») для хора, тройного состава оркестра и многочисленных арф. С большим трудом собрали по городу всех мыслимых и немыслимых арфисток и выставили на авансцену перед оркестром.

Юбилейный авторский концерт А. И. Хачатуряна. Хор любителей пения. Большой зал Филармонии. Хормейстер Е. П. Кудрявцева. 1963 год

Концерты под управлением Хачатуряна прошли в Большом зале Филармонии и в Доме культуры Горького с огромным успехом[1]. Композитор в знак благодарности подарил свой портрет и написал благодарственное письмо коллективу:


Я получил большое удовлетворение и радость от наших совместных выступлений. Примите, дорогие друзья, мою благодарность и мое искреннее и горячее пожелание большого расцвета вашего нужного и большого дела. Сердечный привет вашей замечательной руководительнице, большому мастеру хорового дела Е. П. Кудрявцевой. Желаю вам в Новом году счастья, успехов в делах и всего самого наилучшего

Ваш друг Арам Хачатурян

[1] «Ода радости» А. И. Хачатуряна впервые прозвучала в Ленинграде в авторских концертах композитора 18 и 21 декабря 1963 г. в зале Филармонии и во Дворце культуры им. А. М. Горького.

М. А. Юдин, А. Ф. Пащенко, В. Н. Салманов («Крестная мать»)

Михаил Алексеевич Юдин (1893–1948) – заслуженный деятель искусств Татарской АССР, профессор Ленинградской и Казанской консерваторий.

Андрей Филиппович Пащенко (1885–1961) – заслуженный деятель искусств РСФСР. Русский, советский композитор. Автор 10 опер, 10 симфоний. Оратория «Ленин» написана в 1940 г., исполнена Капеллой в 1957 г.

Вадим Николаевич Салманов (1912–1978) – народный артист РСФСР, профессор Ленинградской консерватории по классу композиции. Оратория-поэма «Двенадцать» (по Блоку), хоры a capella «Но бьется сердце» (1959) и др.

Мне довелось работать с хором Ленинградской капеллы, Хором любителей пения Петербурга и со Сводным хором студентов нашей Консерватории над премьерами многих кантат и ораторий композиторов XX века.

Помимо «Александра Невского» Прокофьева, «Песни о лесах» Шостаковича, «Патетической оратории» Свиридова, «Военного реквиема» Бриттена, вошедших в сокровищницу мировой музыки, мною подготовлены «Здравица», «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», «Славься, наш могучий край» Прокофьева; «Кантата о партии», «Леди Макбет Мценского уезда» (2-я редакция), 13-я симфония Шостаковича; «Реквием памяти С. М. Кирова» Юдина; «Ленин» Пащенко; «Сказание о битве за Русскую землю», «На поле Куликовом», «Доколе коршуну кружить» Шапорина; «Отчизна», «Ленин» Левитина; «Двенадцать» Салманова; «За мир» Маневича; «Атлантида» Яниса Иванова; «Всегда человек» Успенского.

К этому следует прибавить многочисленные хоры a capella моих товарищей-современников.

Многие из сочинений, их исполнительские традиции рождались на моих глазах, а в некоторых приходилось выступать в качестве редактора и хорового консультанта. Поэтому неудивительны многочисленные авторские посвящение на нотах, что хранятся в моей библиотеке.

И это не мое бахвальство, а драгоценная благодарность за труд, вложенный в их озвучание.

Вот некоторые из них:

«Дорогой Елизавете Петровне Кудрявцевой от горячо любящего и благодарного за блестящую работу над Реквиемом автора. М. Юдин. 1.XII.36» – надпись на партитуре «Реквием памяти С. М. Кирова». (На премьере в зале Филармонии сочинением дирижировал Штидри).

«„Крестной матери“ моего „Ленина“». – А. Ф. Пащенко».

«...Но бьется Сердце...» Шесть поэм на стихи Назыма Хикмета. «Елизавете Петровне Кудрявцевой от сердца, которое к ней так расположено. В. Салманов. 3.XI.60».

Три хора на слова Янки Купалы. «Дорогой Елизавете Петровне Кудрявцевой – моему соавтору этих произведений, ибо без нее и ее настойчивости они бы не появились. С большой любовью В. Салманов. 29.XII.61».

«Восьмистишия», шесть хоров на стихи Р. Гамзатова. Три хора на стихи С. Есенина. «Елизавете Петровне Кудрявцевой – хорошей теплой душе от ее почитателя. В. Салманов 26.IX.66».

«Лебедушка», концерт для смешанного хора без сопровождения. «Елизавете Петровне Кудрявцевой от души и сердца. В. Салманов. 25.XII.67».

В. Салманов. Избранные хоры без сопровождения. «Дорогой Елизавете Петровне Кудрявцевой – крестной матери не только этих хоров, но всего моего хорового творчества. С любовью и уважением. В. Салманов. 1.XII.76».

P.S. Любопытно, когда в 1935 году я работала над Реквиемом М. А. Юдина, у него в Консерватории и Музыкальном техникуме занимался Г. В. Свиридов и «свиридовское» поколение композиторов, а в послевоенные 50–60-е годы, когда я «штурмовала» «12» Салманова, у него занималась нынешняя плеяда композиторов.

Русский регент Николай Михайлович Данилин

Николай Михайлович Данилин (1878–1945) – русский хоровой дирижер, регент Синодального хора (1910–1918), профессор Московской консерватории (1923–1945), художественный руководитель Ленинградской академической капеллы (1936–37) и Государственного хора СССР (1937–1939).

Февраль 2004 года

В 1936 году в Капеллу художественным руководителем из Москвы был назначен выдающийся русский регент Николай Михайлович Данилин. В начале века он окончил у В. С. Орлова Синодальное училище и как пианист и композитор – Московское филармоническое училище у А. Корещенко.

Уже первая работа с Хором Синодального училища – премьера «Литургии Иоанна Златоуста» С. В. Рахманинова – принесла молодому музыканту широкую известность. В 1911 и 1913 годах Данилин триумфально провел гастроли коллектива в Италии, Австрии, Германии, Польше, а в 1915 году дирижировал в Москве премьеру «Всенощного бдения» С. В. Рахманинова. И вот этот деятель приехал в наш город, в Капеллу, сменив Михаила Георгиевича Климова.

Первое, что сделал Николай Михайлович, уволил из Капеллы 20 самых опытных климовских певцов и взял молодых.

– Пора избавляться от этого старого корыта! – сказал он решительно. Себе в помощники пригласил старичка Архангельского и А. И. Анисимова на должность «писаря», чтобы тот стенографировал его репетиции.

Репертуар концертов Капеллы в основном строился на старом, блестяще выученном и впетом климовском наследии. Из нового Н. М. Данилин взялся за разучивание «Увидал из-за тучи утес» Танеева, «Анчар» Аренского (к Пушкинской дате 1937 года), «Грезы» Шумана и «Песнь охотника» Мендельсона. Но жизнь брала свое. На концертах я дирижировала климовскими пьесами (большая часть репертуара), а худрук – Аренским, Шуманом и Мендельсоном.

Вскоре Капелла во главе с Данилиным и мною поехала на гастроли в Челябинск. На одном из концертов Николай Михайлович провел

до середины «Песнь охотника» Мендельсона, снял хор и под аплодисменты зала ушел за кулисы. Увидев мое удивленное лицо, сказал:

– А как слушают черти! Здорово! Внимательно слушают!!!

И таких случаев с ним было не счесть.

В Копейске, под Челябинском, после концерта Данилин долго складывал свои концертные вещи и, в конце концов, чертыхнулся, бросил сюртук, рубашки и все остальное на белоснежную скатерть, свернул ее по углам и с таким узлом пошел на вокзал. Мы опоздали на поезд в Челябинск. Зал ожидания напоминал большую деревенскую избу, но только без скамеек. Николай Михайлович посмотрел вокруг, а потом сел прямо на пол, который не отличался чистотой, дожидаться утреннего поезда. Можно представить странную картину: старик, белый узел и молодая краснощекая девица.

Через полгода Н. М. Данилин не без гордости и ехидства сказал мне:

– В Москве Свешников не может справиться с Госхором СССР! Как всегда, вызывают Данилина!!! – и уехал в столицу, так и недоучив с Капеллой хор Танеева.

Песня – жизнь. Александр Васильевич Свешников

Александр Васильевич Свешников (1890–1980) – народный артист СССР и РСФСР, лауреат государственных премий СССР и РСФСР, Герой социалистического труда, профессор, ректор Московской консерватории, председатель Всероссийского хорового общества, создатель Хора радио в Москве (1928–1936), художественный руководитель Ленинградской академической капеллы (1937–1940), Государственного хора СССР (1941–42), в 1942 году организовал Академический русский хор СССР.

Опубликовано в книге «Памяти А. В. Свешникова», Москва, 1998 год.

Еще не отгремели залпы орудий Великой Отечественной, еще звучал стальной голос Левитана, сообщавший сводки с фронтов, а русская песня, широкая и раздольная, разливалась, словно море, по нашей Отчизне. Она согревала бойцов в снежных землянках, приумножала их мужество и боевой дух, звала на новые ратные подвиги во имя великой Победы. Светлым лучом проникала в душу каждого советского человека, живительным бальзамом умаляя горести и укрепляя надежду на близкое счастье. Могущественным чародеем, возвращавшим людям отстраненный в войне волшебный мир прекрасного, явился Русский хор Союза ССР, созданный и руководимый Героем Социалистического Труда, народным артистом СССР, профессором Александром Васильевичем Свешниковым.

С первых же концертов искусство этого коллектива полюбилось слушателям, и впоследствии народ любовно называл его не иначе, как Хор Свешникова, и в этом была самая высокая оценка и признание труда вдохновенного художника. С удивительной простотой и душевностью звучала песня в исполнении хора Свешникова, раскрывая порой забытые, сокровенные, подлинно народные напевы, проникая в глубину их содержания, помогала понять неугасимый дух патриотического чувства. И недаром народ подхватывал эти песни и до сих пор хранит их в своей памяти.

А. Мурин, В. Минин, А. В. Свешников, Е. Мурина. 1951 год

Русская песня в исполнении хора Свешникова звучала не только во всех уголках нашей Родины, но и далеко за ее пределами. В каких бы странах ни проходили концерты этого коллектива – в Швеции, Норвегии, Финляндии или Японии, – всюду творчество замечательного художника и его хора становилось для всех дорогим и близким. Русская песня была понятна на всех языках и являлась символом уважения советской стране, ее великому народу.

Александр Васильевич был музыкантом поистине неиссякаемого дара, воли и энергии. Талантливый художник, интерпретатор различных сочинений. Ему были ведомы все тайники человеческой души – и в простой русской песне, и в произведениях монументальной формы – мессах Бетховена, Моцарта, ораториях Генделя, «Всенощной» Рахманинова или в кантатах Шостаковича и Свиридова.

С большой тщательностью и любовью отбирал Александр Васильевич песни для хоровых обработок. В них он находил то, что волновало сердца многих людей, создал свой самобытный, естественный «свешниковский» стиль исполнения и обработки русской народной песни. Песни «Варяг», «Узник», «Колокольчик», «Вечерний звон» и многие другие настолько значительны, что сохраняют громадную силу воздействия в течение вот уже многих десятилетий. Эти песни бытуют в народе, их поют профессиональные и самодеятельные коллективы на праздниках песни, в школах, в домашнем кругу.

Нам, ленинградцам, особенно дорого и близко искусство хора Свешникова. Он первым приехал в наш героический город сразу же после снятия блокады. «Свешниковцы» своим искусством принесли нам радость жизни и тепло людских сердец. С этого времени концерты-встречи с хором стали

для ленинградцев ежегодной традицией. Рабочие, трудящиеся, молодежь, школьники ждали концертов Свешникова как весеннего праздника музыки. И где бы ни проходили выступления прославленного коллектива – в Большом зале филармонии, во Дворце культуры или прямо в цехах заводов, – вместить всех желающих послушать русскую песню в исполнении хора под управлением Александра Васильевича Свешникова было невозможно. На каждом концерте А. В. получал массу записок с просьбой исполнить самые дорогие для слушателей песни. Он их не повторял, как бы снова «складывал» здесь же, во время исполнения.

Е. П. Кудрявцева, А. В. Свешников, Е. А. Мурина

Почему же искусство Свешникова было так любимо народом?

Да потому, что его исполнительскому мастерству были характерны страстность, любовь, убежденность, искренность и удивительная душевная простота. Но эта кажущаяся простота и доходчивость рождались в результате длительной, кропотливой, иногда мучительной репетиционной работы: поисков правдивой интонации, выразительности образного акцента музыки и слова в песне, всего того, что рождало состояние, когда музыка сама входила в сознание каждого слушателя, увлекала его за собой, делалась предельно ясной и простой. Выходя с концертов Свешникова, часто можно было слышать:

– Нет ничего лучше и понятней хорового пения!

Каким талантом надо было обладать, чтобы заставить слушать песню, ее историю, думать, чувствовать и мыслить вместе с исполнителем. Это было подвластно поистине чародею русской хоровой песни – Александру Васильевичу Свешникову.

Большую творческую, яркую жизнь прожил Александр Васильевич, много добрых дел свершил он в различных областях нашего искусства, но, пожалуй, только Александру Васильевичу было суждено поднять русскую хоровую песню на недосягаемую высоту, пронести ее через всю свою жизнь, щедро приобщая слушателей к великому таинству – пленительной магии хорового искусства.

Е. П. Кудрявцева, А. В. Свешников

Искусство Александра Васильевича Свешникова – явление неповторимое и уникальное в нашей отечественной культуре.

За это неповторимое счастье мы, ленинградцы, бережно храним в своей памяти неизбывную любовь, глубокое уважение и признательность вдохновенному художнику, выдающемуся музыканту – Александру Васильевичу Свешникову.

Поет русский хор

«Ленинградская правда», 15 марта 1962 года.

<...>

Александр Васильевич Свешников – художник большого таланта. Его искусство отличается искренностью и пленяет своей простотой. Он точно подслушал тайну русской песни, ее сокровенные интонации – то мужественные, то задумчивые, волевые, стремительные и напористые, как сама молодость. Свешникову удается раскрыть душу песни – вот почему песня в исполнении хора живет и подхватывается народом. Разве это не самая большая награда для художника?

Но не только пропаганда русской народной песни является творческой заслугой этого хора. В каждый приезд хор под управлением Свешникова радует ленинградцев новыми программами (итальянская, французская, немецкая музыка, сочинения советских композиторов – Шостаковича, Свиридова и других), доселе не звучавшими в нашем городе.

Так и в этот приезд первый концерт хора был посвящен редко исполняемым хоровым произведениям Баха и незаслуженно забытой кантате Генделя «Ода о мире». Хоровые сочинения великого гуманиста и мыслителя И. С. Баха требуют от исполнителей большого мастерства. Исполнение этих произведений Государственным академическим русским хором отличается тщательной отделкой звучания каждой партии хора, предельной выразительностью, вокально-технической свободой и глубоким раскрытием философских идей композитора.

С большой искренностью прозвучали хоры «Сердце, молчи» и «Утешение». Радостно были исполнены другие два творения Баха – «Песней мы славим» и «Пойте смелей песнь торжества», написанные для двух хоров. В заключение первого отделения концерта прозвучали финальный хор из «Страстей по Иоанну» и кантата № 50 «Весть о победе» в сопровождении заслуженного коллектива республики симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Высшей похвалы заслуживает исполнение заключительного хора из «Страстей». Это произведение, как и Месса си минор, является вершиной творчества Баха. Оно раскрывает всю глубину человеческих чувств и мыслей. Кантата «Весть о победе» была исполнена в Ленинграде впервые. Сочинение покоряет своей величественностью.

Поэтому понятен интерес к нему слушателей. Но, конечно, кульминация концерта – исполнение кантаты Генделя «Ода о мире» для солистов, хора и оркестра, написанной двести пятьдесят лет тому назад по случаю заключения Утрехтского мира в 1713 году. В основе оды лежит идея мира и дружбы народов. Музыка хорового сочинения широко трактует главную тему генделевского искусства: триумф добра над злом, силы народа, победы мира. В нашем городе оно прозвучало впервые. Хор и оркестр отлично справились с исполнением труднейшего сочинения, показав при этом удивительную ансамблевую слаженность. Александр Васильевич Свешников сумел как дирижер подчинить все главному – музыке, ее смыслу, содержанию и образности.

Приятно отметить успех солистов, молодых певцов, воспитанников Московской консерватории. Это – лауреат 1-го всесоюзного конкурса вокалистов имени М. И. Глинки Е. Егорова, Г. Королева, М. Болдин.

Концерты хора в Ленинграде заканчиваются. Но хор – наш частый гость. Впереди еще много радостных встреч с этим замечательным коллективом.

Е. Кудрявцева, заслуженный деятель искусств РСФСР

Хор под управлением А. Свешникова выступает не только на концертных эстрадах, но и непосредственно перед трудящимися ленинградских предприятий. Сейчас хор взял шефство над коллективами двух ленинградских заводов – Металлического имени XXII съезда КПСС, в цехах которого артисты хора выступили 12 марта, и Балтийского, где они побывают в гостях 16 марта.

В следующие свои приезды хор будет периодически выступать на этих предприятиях, помогать их самодеятельным, вокальным и хоровым коллективам.

Воспоминания и размышления. Георгий Александрович Дмитревский

Георгий Александрович Дмитревский (1900–1953) – заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Московской и Ленинградской консерваторий. Художественный руководитель Ленинградской академической капеллы (1943/44–1953).

Опубликовано в книге «Г. А. Дмитревский. Дирижер, ученый, педагог. В воспоминаниях и документах», Санкт-Петербург, 2000.

Мне хотелось бы поделиться воспоминаниями и размышлениями о последних десяти годах жизни (1943–1953) Георгия Александровича Дмитревского – самых драматичных и вдохновенных годах выдающегося педагога и замечательного музыканта, снять целый ряд неточностей и легенд с его светлого имени, показать полную противоречий, взлетов и терзаний неординарную русскую личность.

Итак! Идет полный военных тревог 1943 год. Позади еще более страшные годы – годы борьбы за спасение Ленинградской хоровой капеллы в неимоверно тяжкое для Родины время.

В 1943 году Капелла с многочисленными домочадцами перебазировалась из Вятки в город Горький. Там Капелла обслуживала автомобильный завод-гигант, работающий на фронт.

В октябре 1943 года Москва готовилась отметить 50-летие со дня смерти П. И. Чайковского и мне предложили с Капеллой выучить замечательное духовное сочинение композитора – «Литургию Иоанна Златоуста», которая планировалась к исполнению на торжественном концерте в Большом зале Московской консерватории под управлением Н. С. Голованова (в молодые годы он был церковным регентом).

Для Капеллы и меня это был шанс выкарабкаться в столицу. В те дни в Горький приехал с концертами Хор русской песни, руководимый А. В. Свешниковым. Я дерзнула показать исполнение «Литургии» Чайковского Александру Васильевичу Свешникову, моему коллеге по довоенной Ленинградской капелле, а также горьковским партийным руководителям. Мне рассказывали, что, придя на очередную репетицию в свой хор,

Свешников ставил нас в пример. Ну, а власти Горького наградили нас грузовиком с картошкой.

Видимо, этот эпизод из нашей жизни имел довольно положительный резонанс в Москве.

Е. П. Кудрявцева, Г. А. Дмитревский. 1947 год

Осенью в Горький приехал «богатый московский купец» Георгий Александрович Дмитревский, чтобы поглядеть на «товар» – Ленинградскую академическую капеллу. Он честно признался мне после репетиции-показа Капеллы, что несказанно удивлен качеством пения и мобильностью коллектива, в репертуаре которого было уже полсотни произведений.

О Дмитревском я знала много от Николая Михайловича Данилина, с которым работала в 30-е годы в Ленинградской капелле и от учителя Георгия Александровича, композитора и регента Павла Григорьевича Чеснокова. С их слов знала, что Дмитревский, несмотря на молодой возраст, – уважаемый педагог-профессор, создатель студенческого хора в Московской консерватории. А известные сейчас во всем мире ученики его – К. Б. Птица, В. Г. Соколов, А. В. Рыбнов – делали тогда еще первые самостоятельные шаги в музыкальном искусстве.

При встрече Г. А. Дмитревский пообещал, что добьется перевода Капеллы в Москву (все-таки, поближе к высокому начальству и к Ленинграду), и уехал в столицу, где его ждали ученики и пост проректора Московской консерватории. А я с коллективом окунулась в повседневную концертно-репетиционную работу, с радужными надеждами на будущее.

Наконец, в морозный солнечный день, 3 января 1944 года Капелла приехала в Москву. Я очень удивилась, что Георгий Александрович ничего не знает о нашем приезде. Оказалось, министерские чиновники не поставили его в известность. При разговоре в кабинете Георгия Александровича в Московской консерватории мне показалось, что он растерян, промелькнула какая-то робость перед встречей с коллективом Капеллы, а может, причиной было недомогание. По крайней мере, вскоре воспаление легких уложило Георгия Александровича на продолжительное время в постель.

Мне пришлось готовить Капеллу (совместно с Московской капеллой А. С. Степанова) к авторскому концерту С. С. Прокофьева, где исполнялись кантата «Александр Невский» и «О мальчике, оставшемся неизвестным» (на стихи П. Антокольского).

Не забыть встречи с Прокофьевым у него дома, на репетициях и замечательный концерт под управлением автора и моего учителя по Ленинградской консерватории – Александра Васильевича Гаука.

Ну, а «Литургию» Чайковского в зале Консерватории отменили. Как сообщил мне председатель по делам искусств при Совмине СССР М. Б. Храпченко, – по причине «изменившейся политической обстановки».

Г. А. Дмитревский поправился и приступил к работе.

К весне в Капеллу влилось два десятка певцов-артистов расформированного военного «Ансамбля пяти морей». На целое лето домом и репетиционным залом для Капеллы стала палуба и каюты комфортабельного теплохода «Михаил Калинин». Мы поплыли по Волге от московских Химок до Астрахани. Давали концерты по городам Поволжья, учили в каюткомпании и на верхней палубе с Г. А. Дмитревским кантату С. Танеева «Иоанн Дамаскин» и ораторию Ю. А. Шапорина «Сказание о битве за Русскую землю».

Не забыть Сталинград и концерт на руинах универмага, где был пленен фашистский фельдмаршал Паулюс, встречи с волжанами, воинами, тружениками заводов.

В Ярославле на концерт пришли певцы только что созданного эстонского Мужского хора во главе с Густавом Эрнесаксом и Юри Варисте.

Наконец, сделав обратный концертный вояж от Астрахани до Москвы, осенью 1944 года мы ступили на родную, многострадальную, ленинградскую-питерскую землю.

Г. А. Дмитревский и я получили по две комнаты в коммуналках в служебном здании Капеллы на Мойке, 20. Быт пришлось начинать с нуля, с табуретки. В комнату Георгия Александровича притащили из Капеллы старый с инвентарным номером рояль, потертый письменный стол, канцелярский шкаф, видавшую виды кушетку, на которой он отдыхал «по-походному».

Вскоре к Дмитревскому из Москвы приехала супруга, его бывшая аспирантка Клеопатра Николаевна[1], ставшая педагогом Хорового училища и Консерватории.

В сезоне 1944–45 гг. Г. А. Дмитревский решил возродить при Капелле Хоровое училище. Дело в том, что те мальчишки, которых мы втроем (Свешников, Богданов и я) собирали по городу в 1937 году в Капеллу, после

[1] Дмитревская Клеопатра Николаевна (1911–1981) – кандидат музыковедения, доцент Ленинградской консерватории. Жена Г. А. Дмитревского.

реэвакуации (с. Арбаж Кировской области) остались в столице и стали основой Московского хорового училища, ныне носящего имя своего основателя – А. В. Свешникова. Достаточно сказать, что первые выпускники Московского хорового училища были сплошь бывшие ленинградцы: А. Юрлов, В. Минин, Ф. Козлов и др.

А в Питере пришлось начинать сызнова. Дмитревский разработал программы и учебные планы возрождаемого Хорового училища, подобрал и сплотил коллектив педагогов во главе со старейшим выдающимся регентом, композитором, скрипачом, педагогом, воспитателем Палладием Андреевичем Богдановым.

Г. А. Дмитревский, Е. П. Кудрявцева. 1950 г.

На первых порах в хор и училище брали девочек (среди них: К. Изотова, Е. Мурина, В. Преображенская, Н. Номеровская и др.).

Нынешние дирижеры и хормейстеры России, Москвы, Петербурга – это в основном воспитанники послевоенной Капеллы: А. Дмитриев, В. Чернушенко, Н. Кунаев, Д. Китаенко, П. Левандо, М. Зайцев, С. Грибков, Д. Ардентов, В. Васильев и многие другие.

Г. А. Дмитревский был эрудированный во многих областях культуры интеллигент, великолепно знал мировую историю, литературу, владел латинским и греческим. Я часто видела в его руках толстенные словари – в них он «выкапывал» такие детали слов, мимо которых обычно все проходили.

От первого брака у Георгия Александровича в Москве рос замечательный сын[1], как две капли воды похожий на отца. Дмитревский тяготился тем, что лишен возможности его видеть, общаться и всю отеческую любовь переносил на капелльских мальчишек и студентов Консерватории.

[1] Дмитревский Александр Георгиевич (р. 1920) – офицер Министерства государственной безопасности СССР.

С шести утра до полуночи горело окно коммунальной комнаты Георгия Александровича, что смотрело на капелльский двор и Хоровое училище. Все знали, что Дмитревский работает за письменным столом. Его пунктуальность поражала, эрудиция музыканта-ученого была непререкаемой. Иногда его взор отрывался от книги или рукописи, и он с увлечением следил, как капелльские воспитанники до седьмого пота гоняли во дворе под окнами мяч. Придя на занятие в училище, он распекал заядлых «футболистов»:

– Что же ты смазал корнер (угловой)?

– Что ж ты прыгаешь при дирижировании, как на футболе в воротах?

– Пожадничал! Не дал пас...

Капелльские пацаны Дмитревского обожали за это, но все-таки побаивались его грозного вида.

В те годы была издана работа Георгия Александровича «Хороведение и управление хором» – самая лаконичная и емкая из трудов по дирижированию.

В 1947 году Г. А. Дмитревский с удивлением узнал, что мне, хормейстеру Капеллы, в 30-х годах не удалось окончить Консерваторию.

Именно в 1947 году по настоянию Г. А. Дмитревского я сдала все экзамены за консерваторский курс экстерном. Моим экзаменом по специальности был концерт Капеллы в двух отделениях. Председатель Государственной комиссии, мой коллега в искусстве, народный артист СССР, профессор Борис Хайкин вручил диплом, а Георгий Александрович настоял на моей педагогической работе в Консерватории, которая продолжается уже более полувека с его благословения. Это был неоценимый вклад Дмитревского в мою педагогическую судьбу.

Так уж повелось, что каждый художественный руководитель, приходящий в Капеллу после Климова, был московской школы (с «московской косточкой») – Данилин, Свешников, Дмитревский и др. Все они старались набрать свою «московскую команду» помощников и, как бы это половчее сказать, «аккуратненько» отодвинуть меня в Капелле на второй план. Но концертная жизнь, музыкальное естество вынуждали их вскоре менять это положение и снова я «молотила», тянула хормейстерскую дирижерскую лямку в Капелле.

И Георгий Александрович на первых порах привлек к работе хормейстерами своих московских учеников – В. С. Куньева, И. И. Полтавцева и др. Но их исполнительская деятельность в Капелле как-то не закреплялась, и они вскоре переходили на педагогическую работу, где и проявляли свои лучшие стороны.

Георгий Александрович был замечательным мастером хоровой миниатюры. Давно знакомые и «запетые», хрестоматийные сочинения под его

управлением приобретали первозданную красоту и божественное звучание. Достаточно вспомнить весь послевоенный репертуар Ленинградской капеллы. В то же время в крупной форме Георгий Александрович чувствовал себя как-то неуютно.

Позднее Дмитревский мне честно признавался, что первые три года работы в Капелле он сидел на моих репетициях и не решался целиком браться за крупную форму.

Так что оратории, кантаты, реквиемы для филармонических концертов с Капеллой приходилось готовить мне.

После похорон Г. А. Дмитревского. В. Г. Соколов, Е. П. Кудрявцева, В. П. Мухин, А. Б. Хазанов, И. И. Полтавцев, Ф. М. Козлов. 1953 год

«Елизавета Петровна, голубчик, выручайте!» – часто слышала я от него.

Сколько сил и здоровья вложил Георгий Александрович в свою мечту разучить и продирижировать в Большом зале Ленинградской филармонии с оркестром кантату С. И. Танеева «Иоанн Дамаскин»! Концерт был успешным. Но сам Дмитревский после него, казалось, постарел на десяток лет.

Символична в этом контексте история подготовки и исполнения Капеллой «Реквиема» Берлиоза, за который взялся Г. А. Дмитревский в последний год своей недолгой жизни.

Перед войной по просьбе тогдашнего руководителя Ленинградской капеллы А. В. Свешникова я сделала дополнительную, недостающую для полного состава смешанного хора, партию альтов в некоторых номерах «Реквиема» Берлиоза. В таком виде это сочинение прозвучало в Ленинграде, в Филармонии, под вдохновенным управлением Е. А. Мравинского, затем в 1941 году во время гастролей в Москве у Б. Э. Хайкина и в 1947 году снова в столице под управлением Е. А. Мравинского. В начале 1953 года Георгий Александрович безоговорочно принял мою редакцию, но внезапная кончина Дмитревского на генеральной репетиции 2 декабря прервала работу над «Реквиемом».

К Новому году Клеопатра Николаевна принесла фарфоровую статуэтку, что Георгий Александрович купил и собирался подарить моим ребяткам на Рождество.

Частые письма Г. А. Дмитревского, истинно русского интеллигента, и сегодня хранятся у меня. Вот последнее, датированное ноябрем 1953 года:

«Дорогая Елизавета Петровна!

Нахожусь почти все время в лежачем положении. Сегодня немножко разминаюсь „oro supplex et acclinis“* – коленопреклоненно и согбенно.

Нам с Вами везет; но, выражаясь языком одного из героев «Руслана» «...но века пройдут, и на бедный край доля дивная низойдет!», надеюсь на недалекое солнечное будущее, которое нас с Вами непременно озарит. Вот, как здорово сказано! Даже самому нравится! Это главное, а теперь второстепенное.

Дважды звонил Б. Н. Бурлаков (проректор Ленинградской консерватории. – *Е. К.*) мне с таким вопросом. Не считаете ли Вы, Елизавета Петровна Кудрявцева, для успокоения Вашего, временно поручить руководство Вашими студентами какому-нибудь педагогу по Вашему указанию или желанию?

Со своей стороны он предлагает поручить это временное руководство Кунаевым, Зархом и Шушпановой, как старшими студентами, А. А. Егорову, который, якобы, охотно соглашается на это. А Петра Петровича (моего ученика П. П. Чумакова. – *Е. К.*) поручить временно одному из аспирантов, может быть, даже Баранову, как ученику капелльской школы.

Если Вас интересует мое мнение, кандидатура А. А. Егорова среди всей остальной «плеяды деятелей» – наилучшая, и он, мне кажется, будет стараться показать свое отношение и рвение в этом деле. Впрочем, это мое мнение для Вас не должно являться обязательным и его надо рассматривать лишь, как дружеский совет.

Ответьте мне через Шурика (А. А. Мурина – моего сына. – *Е. К.*) на эти вопросы, если можно, сегодня.

Крепко жму Вашу руку. Желаю Вам (и себе) скорейшего выздоровления, привет Алексею Григорьевичу (моему мужу – А. Г. Мурину. – *Е. К.*) приказ – немедленно перестать хворать.

Уважающий Вас Г. Дмитревский

*) Дернуло в спину, махнул не то слово. Г. Дмитревский».

Владимир Павлович Степанов

Владимир Павлович Степанов (1890–1954) – заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Московской и Ленинградской консерваторий. Главный хормейстер Большого театра (1926–1936) и Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова (1936–1950).

Январь 2004 года

В мире искусства, полного зачастую зависти, интриг, злопыхательства, встречаются люди с чистым сердцем, добротой. К их числу принадлежал Владимир Павлович Степанов.

Воспитанник Синодального училища, он продолжил традиции Чеснокова, Орлова, Данилина, Кастальского.

Главный хормейстер Мариинского и Большого театров, профессор Ленинградской и Московской консерваторий, он внес заметный вклад в русское хоровое искусство, воспитал целую плеяду преемников.

Его облику свойственны интеллигентность и профессионализм. Он так много знал, умел, но этого никогда не афишировал.

Вспоминаю забавный эпизод. На моем экзамене-экстерне в Консерватории на удивление присутствовавших в комиссии профессоров Б. Э. Хайкина, А. А. Егорова, Ник. В. Михайлова, Г. А. Дмитревского Владимир Павлович, зная меня по работе в Капелле, предложил не задавать вопросов.

Мне дороги эти немногословные письма русского хормейстера.

«03.01.51. Москва

Милая Лизочка!

Очень ты тронула нас своим Новогодним поздравлением: приятно сознавать, что настоящие друзья (а ты относишься к их числу), которых мы любим и всегда поминаем добрым словом, тоже нас не забывают и, оставив маленький «закуточек» в своем сердце, иногда балуют нас своим напоминанием, вроде такой теплой, сердечной телеграммой, которую мы получили от тебя!

И мы взаимно тебя сердечно поздравляем с Наступающим Новым годом! От всей души желаем тебе и всему твоему семейству здоровья,

благополучия, удачи, а тебе и новых творческих успехов. А по Консерватории – педагогических успехов!

Целуем и благодарим – любящие А. и В. Степановы

P. S. Привет супругу и Саше!

В. П. Степанов».

«6.V.51. Москва

Дорогая Лизочка!

Большое спасибо, родная, за поздравление и добрые пожелания!

Мы послали поздравительную телеграмму на Репино, но боимся – дойдет ли она до дорогой именинницы, если бы послали на Ленинград, было бы вернее. Ну, на всякий случай мы – я и Анастасия Ивановна – от чистого сердца поздравляем дорогую и милую именинницу с днем Ангела и желаем здоровья, здоровья и здоровья!

Завтра 7-го мая, – но послали телеграмму вперед немного «с гаком», принимая во внимание дальние расстояния (ведь Репино находится на Карельском перешейке) и, если телеграмма придет точно, то будет поздравление раньше времени, а этим письмом мы «запаздываем», ну ничего, во всяком случае, знайте, что это идет от чистого сердца! (Не можем говорить «от всего сердца», т. к. наверное, уже знаете, какие результаты последовали от статьи «Неудачная опера»: Лебедев и Горянинов из Комитета, снятые с позором, директор Гос. театра Садовников снят с меньшим позором и, наконец, Ал. Ив. Анисимов с почетом назначен на пост директора Большого театра и уже несколько дней, как он говорит мне по телефону, не спит ночей...)

Относительно Вашей болезни я узнал из коллективного письма М. Д. Тушинского.

Лизочка, Ваше заболевание у всех вызывает сильное огорчение. Я вынужден уйти в отставку, вернее отойти от работы с хором, потому что мои годы не позволяют вести это сложное, нервное дело; а в Ваши же годы все это при определенном режиме придет в норму и Вы по-прежнему будете нужны нашему большому, красивому делу, Советскому хоровому искусству! И так больше щадите сердце и не перегружайтесь в работе! Желаем Вам здоровья! Крепко целуем А. и В. Степановы.

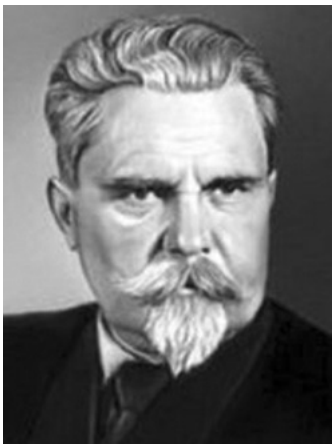
Передайте сердечный привет своему мужу и моему милому Саше Мурину[1]. Как его дела? Я слышал, что он опять работает в Малом оперном театре? Кто меня в Репино помнит – передайте привет.

В. П. Степанов».

---

1 Мурин Александр Григорьевич – главный хормейстер Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, народный артист СССР.

Григорий Романович Ширма



Григорий Романович Ширма (1892–1978) – народный артист СССР и БССР, хормейстер, педагог, фольклорист, руководил Белорусским хором Вильнюсского университета (1924–1939). Основатель Белорусского ансамбля песни и танца в 1940 году, в 1950-м преобразован в Государственную академическую хоровую капеллу БССР, художественный руководитель и главный дирижер до 1970 года. С 1978 года. Капелла носит имя Г. Р. Ширмы.

Опубликовано в книге «Г. Р. Ширма. Песня на всю жизнь», Минск, 1983 год.

Москва. 50-е годы. Пленум композиторов СССР. В зале на улице Огарева идет показ хорового творчества. Звучит музыка Г. В. Свиридова на стихи С. Есенина, С. Орлова, А. Прокофьева. На сцене Государственный Академический хор СССР под управлением А. В. Свешникова.

Рядом со мной сидит кряжистый, седой человек. Лицо отрешено, целиком захвачено исполняемой хоровой музыкой. Взгляд его поглощает слышимое с необычайной вдохновенностью и глубиной. Для него мир сфокусирован осязаемо, зрительно в исполняемых сюжетах. На глазах слезы. Овации. Сосед поворачивается ко мне, чтобы поделиться своими чувствами о музыке, исполнении, дирижере.

– Какой простор, раздолье, искренность, правдивость, хватающая за сердце и душу! – говорит он.

Наши мнения совпадают. В дальнейшем разговоре обнаруживаем, что давно знаем друг друга, много общих друзей, товарищей-музыкантов, не раз слышали коллективы, с которыми довелось работать.

Так судьба свела меня с Григорием Романовичем Ширмой.

Всякий раз, как Ленинградская капелла приезжала на гастроли в Минск, Государственный Академический хор БССР под руководством Г. Р. Ширмы в эти же дни отправлялся в поездку по другим городам. Поэтому не было объективных поводов для знакомства и встречи.

Правда, позднее Г. Р. Ширма признался мне, что слушал Капеллу под моим управлением в Ленинграде и был очарован исполнением крупных хоровых полотен Глинки, Танеева, Баха, Генделя, Лотти, но стеснялся подойти. А я, в свою очередь, рассказала о том, что слышала по радио из Минска два замечательных хоровых вечера белорусской музыки под его управлением.

Этот день стал началом нашей долгой человеческой дружбы.

В 1958 году на базе Капеллы был создан из людей различных профессий новый самодеятельный Хор любителей пения Хорового общества Ленинграда, который я и возглавила. За короткий срок коллектив завоевал авторитет у слушателей и музыкантов-профессионалов.

Помня традиции моего великого учителя профессора М. Г. Климова, контакты Капеллы и советских композиторов, я обратилась к моим друзьям Д. Д. Шостаковичу, Г. В. Свиридову, В. Н. Салманову, А. Г. Флярковскому с просьбой написать что-либо для Хора любителей пения, послала имеющиеся у меня подходящие тексты. Вскоре получила от них драгоценные подарки. При встрече с Г. Р. Ширмой я рассказала ему об этом и он обратил мое внимание на стихи Янки Купалы в переводах нашего ленинградского поэта Александра Андреевича Прокофьева.

Показала эти стихи моему большому другу ленинградскому композитору В. Н. Салманову. «Двенадцать» (по А. Блоку) и хоры на стихи Назыма Хикмета, которого готовила к премьере в Капелле по рукописям. Стихи Янки Купалы совпали с эстетическими взглядами и мироощущением Вадима Николаевича, и вскоре был готов цикл, посвященный Хору любителей пения, который и стал их первым исполнителем[1].

Во время очередного приезда в наш город Г. Р. Ширмы и А. В. Свешникова состоялась творческая встреча с Хором любителей пения, на которой и прозвучал хоровой цикл В. Н. Салманова на стихи Я. Купалы.

Никогда не забыть тех теплых бесед, которые щедро вели с участниками хора эти два великих мастера. Они не только делились своими мыслями о судьбе нашего советского хорового многонационального искусства, но и горячо поддерживали первые шаги и начинания рабочего-любительского коллектива. И символично, что вскоре хоры В. Н. Салманова вошли в репертуар Государственного Академического хора СССР и Государственного Академического хора Белорусской ССР.

Поскольку Г. Р. Ширма был выдающийся просветитель, учитель, педагог, а я с 1931 года практическую дирижерскую деятельность совмещаю с педагогической сначала в Хоровом училище Капеллы, а позднее в Ленинградской консерватории, то и здесь мы нашли много тем для размышлений о молодежи, о будущем нашего хорового дела.

Григорий Романович, облаченный массой государственных, общественных, композиторских, творческих дел, узнав, что мой помощник по Хору любителей пения Александр Мурин работает над монографией о русском композиторе А. Т. Гречанинове, находит время познакомиться с работой, высказать замечания, лично переписать белорусские песни в обработке

[1] Хоровой цикл Г. Р. Ширмы на стихи Янки Купалы (в переводе А. А. Прокофьева) (1. Песня. 2. Лесное озеро. 3. Весна) создан и исполнен в 1960 г. Хором любителей пения Ленинграда под управлением Е. П. Кудрявцевой. Издан в 1961 г. Ленинградским отделением издательства «Советский композитор».

Гречанинова, снабдить их комментариями и с добрыми пожеланиями прислать автору[1].

Помню, с какой отцовской заботой Григорий Романович относился к Алеше Когадееву, который тогда совершенствовался у нас в стенах Ленинградской консерватории и буквально «дневал и ночевал» на моих репетициях в Капелле, в Хоре любителей пения, на занятиях в дирижерском классе. Именно благодаря настойчивости Г. Р. Ширмы и появилась книга А. П. Когадеева «Техника хорового дирижирования». Когда книга была прислана мне на рецензию, я позволила высказать несколько доброжелательных, направленных на улучшение работы замечаний, но они были, видимо, изложены Григорию Романовичу тенденциозно, что и охладило наши взаимоотношения в последние годы.

Но, несмотря ни на что, я никогда не забуду Григория Романовича Ширму, музыканта, ученого, государственного деятеля, большой и щедрой души человека.

Я счастлива, что судьба свела меня с этим замечательным художником, и как напутствие молодежи звучат и сегодня строки из писем Григория Романовича ко мне, подписанные аккуратным, решительным росчерком. Вот они:

«12 декабря 1963 года, Минск.

Высокоуважаемая Елизавета Петровна!

До сих пор вспоминаю Вас, Ваш хор и Вашего Сашу. Пусть он извинит мне такую фамильярность, ведь я не знаю, как величать его по отчеству.

С первой встречи невольно проникаешься симпатией и душевным расположением к такой чистой светлой молодости, к такому большому таланту молодого художника-дирижера. Я почувствовал в Саше будущую радость на нашей запущенной ниве хорового музыкального искусства.

Л. Н. Толстой говорил: „Люблю человека с изюминкой!“ То же можно сказать применительно к Коллективу, который Вы создали и воспитали. В нем есть то, чего не найти никогда в другом профессиональном коллективе – это страстная любовь к своему искусству, простота и задушевность.

Мне досадно, что мой разговор с коллективом не получился из-за спешки. В телевидении техническая сторона без репетиции также была довольно хаотична: режиссеры и операторы тыкали объективами не туда, где поют, чтобы подчеркнуть содержание, показать активно работающих, а туда, где нет пульса музыкальной жизни, где группы поющих были на второстепенных ролях. Не знаю, какова была слышимость, как справлялись со своей задачей звукооператоры.

[1] Работа А. А. Мурина «А. Т. Гречанинов» опубликована в сокращенном виде в консерваторской газете «Музыкальные кадры».

Я очень был рад, когда узнал, что Саша написал книгу о незаслуженно забытом русском композиторе А. Т. Гречанинове. В своей работе Саша анализирует русские народные хоры Гречанинова. У меня есть 10 белорусских народных хоров в его обработке. Четыре из них посылаю, может быть, пригодятся. Гречанинов особенно умело и бережно относился к ладовой структуре народного мелоса. Я очень люблю его обработки календарных песен. Обратите внимание, как, например, сделана „Перепелка“, мелодию которой можно услышать в поле только во время жатвы.

У меня к Вам, Елизавета Петровна, большая просьба: прошу Вас и Сашу пришлите мне канон, который Вы пели с хором и в той же очередности голосовых партий, а также что-нибудь из современного репертуара, который нам можно было бы использовать в Правительственных концертах, я имею в виду и Ленинские дни. Простите за беспокойство.

С приветом и уважением, Г. Ширма».

«3 февраля 1964 года, Минск.

Высокоуважаемая, дорогая Елизавета Петровна!

Сердечно благодарен Вам за письмо и за ноты. Я очень рад, что Вам понравилось наше выступление по Ленинградскому телевидению. При той организации концерта, мы очень за него боялись. Жаль, что мы не могли выступить в Ленинграде самостоятельно.

Нотный материал будет использован. Уже поем песню Салманова и почти выучили „Весну“. Поем на белорусском языке. Передайте привет и спасибо Саше, как за письмо, так и за ноты. Он еще учится или уже кончил учебу?

Часто вспоминаю Ваш хор и радуюсь, что у нас развивается такой прекрасный коллектив. Помните, я пробовал у Вас рассказывать про хор Будапешта?

Хорошо бы получить хоровые произведения Ваших ленинградских композиторов. Передайте привет и спасибо Салманову за три хора. Если осенят его добрые музы, попросите, пусть и нас не забудет творческими милостями.

Сегодня уезжаю в Москву с коллективом. Будем участвовать во Дворце Съездов в заключительных концертах нашего театра оперы и балета. Пробудем в Москве до 16 февраля.

Прошу Вас, Елизавета Петровна, если будут интересные хоры, не забудьте нас, за что сердечно буду благодарен.

Привет Саше и всему Вашему коллективу.

Искренне Ваш, Г. Ширма».

«Март 1964 года, Минск.

Высокоуважаемая, дорогая Елизавета Петровна!

Привет и сердечная благодарность Вашему Совету от наших женщин за поздравление к 8-му марта!

Не гневайтесь, пожалуйста, на меня за то, что часто докучаю Вам своими просьбами.

Первая – не откажите передать прилагаемые белорусские хоры коллективу женского хора, который мы с наслаждением прослушали на хоровом Пленуме. Я обещал им выслать. Для этого сам переписывал. Четыре хора народных и один – „Дзьве вярбы“ – оригинальный на чудесный лирический текст белорусского поэта Павлюка Труса.

Вторая – при случае напомните Чистякову, что с нетерпением жду его хоры на текст Александра Прокофьева. Быть может, он и не достал их у Анисимова.

Третья – посоветуйте, стоит ли мне беспокоить Салманова. Удобно ли будет, если я пошлю русские переводы белорусских поэтов с просьбой написать для нашей юбилейной программы хоть пару хоров? Не будет ли композитор обижен на меня за такое беспокойство?

Как идут работы с Вашими чудесными любителями? Передайте им всем мой привет и сердечные пожелания успеха в трудах и всяческого благополучия.

Особый привет передайте славному Саше.

Будьте здоровы и благополучны.

Г. Ширма».

Густав Эрнесакс, Куно Аренг

Густав Густавович Эрнесакс (1908–1993) – народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, основатель и главный дирижер Государственного мужского хора Эстонской СССР, композитор, профессор Таллиннской консерватории.

Куно Аренг (р. 1929) – народный артист Эстонии, профессор Таллиннской консерватории, создатель и художественный руководитель Государственного Таллиннского камерного хора. Главный дирижер Праздников песни Эстонии.

Уважаемая госпожа Керзти!

С большим удовольствием выполняю Вашу просьбу и посылаю эссе о моем любимом ученике профессоре Куно Аренге. Верю, что его 70-летие будет заслуженно украшено книгой о его подвижнической деятельности.

С уважением, профессор Елизавета Кудрявцева
25 августа 1998 года

Опубликовано в книге «Куно Аренг», Таллинн, 1999 год.

С эстонскими музыкантами судьба меня свела в трудные военные годы. Старейший русский хор – Ленинградская академическая капелла, которой я руководила в то время, находясь в эвакуации, гастролировал по Волге.

В Ярославле после концерта на сцену поднялась группа эстонских хоровиков. Музыканты нашли общий язык, хотя мои коллеги почти

Г. Г. Эрнесакс и Е. П. Кудрявцева. 1968 год

Е. П. Кудрявцева и Куно Аренг. Праздник песни. 1969 год

не говорили по-русски. Среди них был и Густав Эрнесакс, которого мне представили как талантливого композитора. Он же был инициатором, уже в послевоенное время, приезда в Эстонию Ленинградской капеллы. Многие здания Ленинграда и Таллинна стояли в руинах. Помню железнодорожный таллиннский перрон. Ливень. Мужской эстонский хор. Все в длиннополых пальто, в серых шляпах, и лес черных зонтиков, который укрыл нас от непогоды, и приветственная эстонская песня.

Концерты Капеллы прошли с огромным успехом. Ответом была первая поездка мужского эстонского хора в Ленинград. Теплый прием и шквал аплодисментов после «Ильмень-озера» Мариана Коваля.

С тех пор я регулярно бывала на праздниках песни в Таллинне, а «Хор Эрнесакса» – в нашем городе. В один из приездов Густав Густавович познакомил меня со своим учеником, молодым музыкантом Куно Аренгом.

– Возьмите, дорогой профессор, его в свой аспирантский класс и дайте ему петербургскую культуру! – добавил он, имея в виду традиции нашей Петербургской консерватории, идущие от Н. А. Римского-Корсакова, воспитавшего для Прибалтики целую плеяду выдающихся музыкантов.

Так в мой консерваторский класс, в мою семью, на правах еще одного сына, став вскоре родным и любимым, вошел Куно Аренг.

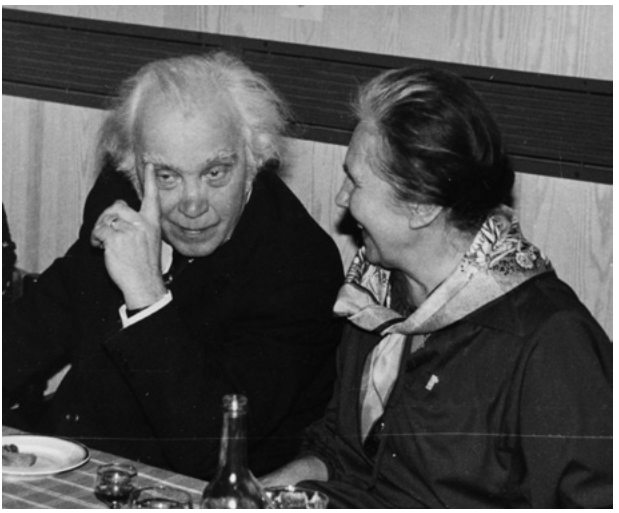
Эрнесакс в шутку звал меня «профессор – мама Куно», себе оставлял роль ревнивого отца.

В Куно меня поразила изумительная певческая народная культура, стремление к познанию, великолепный слог, музыкальное мышление, литературный талант, и этим он походил на своего музыкального отца.

Густав Густавович внимательно следил за аспирантскими успехами Куно в Ленинграде. Не было случая, чтобы при встрече или в письмах он не спросил о нашем подопечном.

А аспирантура в те годы составляла 4 года обучения (почти полный консерваторский курс), а не 2 года, как сейчас. Я как педагог-практик (совмещала

Г. Г. Эрнесакс, А. А. Юрлов, Е. П. Кудрявцева. 1972 год



Г. Г. Эрнесакс и Е. П. Кудрявцева. 1979 год

Консерваторию с работой дирижера в Ленинградской академической капелле), постаралась оснастить Куно Аренга огромным багажом мировой хоровой классики: это оратории и кантаты Баха, Генделя, Танеева, Чайковского, Реквиемы Моцарта, Берлиоза, Верди и т. д. Но, главное, мне удалось тогда, когда русская духовная музыка Бортнянского, Чеснокова, Чайковского, Рахманинова находилась под гнетом цензуры и была запрещена, привить любовь Куно Аренгу к этому гениальному пласту мировой музыкальной культуры. Куно все схватывал, казалось, буквально с лету, но за этим скрывался огромный, ежедневный, кропотливый труд. Помню, с какой детской непосредственностью он схватил и обнял подаренную ему мной редчайшую партитуру «Всенощного бдения» Рахманинова.

Этот жест позднее я подметила и у Густава Эрнесакса, когда поднесла ему на его 60-летие шикарно изданный издательством «Аврора» альбом русских икон.

Главный экзамен Куно Аренг сдал блестяще – это был уже в Эстонии – концерт с камерным хором, его замечательным и всемирно известным ныне детищем. Куно был первым эстонцем в моем классе, а потом были и Сильвия Меллик, и Тыну Кальюсте, и Ольга Тунгал, и, наконец, в моем аспирантском классе появился ученик профессора Куно Аренга Томас Каптен.

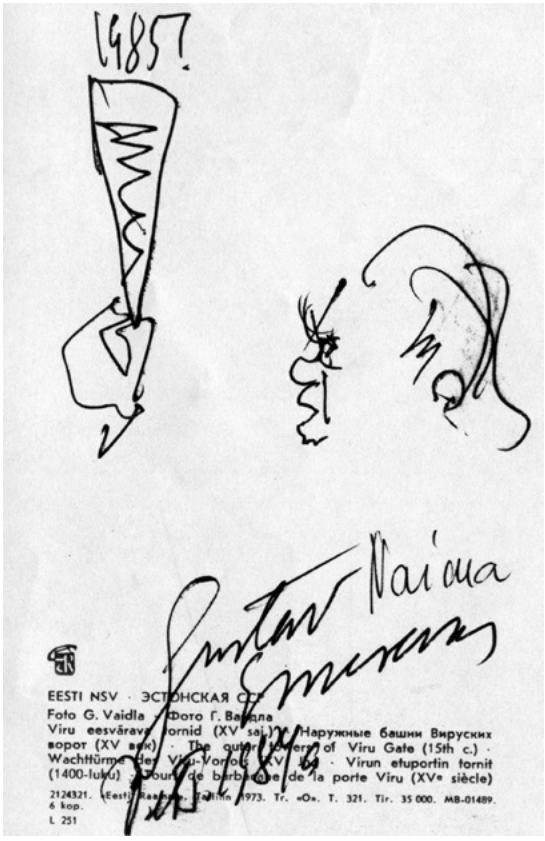
После аспирантуры Куно Аренг подарил мне маленькую фотокарточку, где он без очков, без пышной шевелюры (а-ля Эрнесакс) с краткой надписью «Спасибо за все! Куно».

С тех пор я постоянно получаю из Таллинна написанные каллиграфическим почерком и изысканным русским стилем весточки от Куно и его очаровательной супруги Лилиан.

А недавно узнала, что российские музыканты-хормейстеры в Москве объединились в хор и в знак признания и уважения пригласили Куно Аренга руководить ими.

Вот так и замкнулся этот дружеский круг, начатый Н. А. Римским-Корсаковым в прошлом веке. Мы долгие годы переписывались с Густавом

Густавовичем Эрнесаксом, и он вместо подписи рисовал автошарж – свой курносый профиль и руку, держащую горящую свечу. Сейчас эта шуточная роспись обрела для меня знак символа.



Телеграмма:
«Густав Эрнесакс Хору Любителей пения.
Пламенный привет юбиляру.
Друзья мои, в чем притягательная сила хора?
– В том, что здесь у каждого есть возможность по мере своих сил и способностей самому активно делать музыку.
Нотные вязки переросли в дружеские связи.
Имеет громадное значение, что и как поют.
Но еще важнее, что вообще поют.
Пусть достанет сил и радости возделывать грядки твоего любимого увлечения!
Пойте в хоре!
Кто отдал пению мизинец, у того оно возьмет все сердце и уже не отдаст его никогда!
Густав Эрнесакс».

Куно Аренг, как и его великий учитель Эрнесакс, из народных просветителей с помощью хоровой песни.

И я молю Господа: «Не загаси свечу! Не загаси свечу!»

Куно я хочу пожелать традиционное русское «Многая лета!».

Герман Абендрот

Герман Абендрот (1883–1956) – великий немецкий дирижер.

1954 год. Г. Абендрот, А. Янсонс, Е. П. Кудрявцева. Репетиция 9-й симфонии Бетховена, Большой зал Филармонии

Г. Абендрот на сцене Большого зала Филармонии. 1954 год

Божественное предназначение. Мария Федоровна Заринская

Мария Федоровна Заринская (1900–1989) – заслуженный работник культуры РСФСР, русский хоровой дирижер, педагог. Организатор (1944) и руководитель детского хора Ленинградского дворца пионеров. Ныне – Женский хор ДК Капранова имени М. Ф. Заринской.

2000 год,
к 100-летию со Дня рождения

Опубликовано в книге «Музыкальная жемчужина России», СПб., 2000 год.

Мария Федоровна Заринская – замечательный русский интеллигент петербургско-ленинградской плеяды, из той когорты, что был Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Первое, что отличало ее от многих, – именно высочайшая культура, первоклассное образование и широчайшая эрудиция.

Она была прирожденный учитель. Как у индусов – «гуру», у армян – «вартеп», так и у русского народа есть высочайшее звание, которое пишут с заглавной буквы – Учитель!

В своем святом учительском служении детям, современникам Мария Федоровна была вдохновенна, полетна, неколебима; она обладала от природы тихим голосом, но ее суждения были убедительны, лучезарны, порой громоподобны.

Помню, как в 70-х годах в Таллинне на Международном конкурсе хоровых коллективов все члены жюри, а в их числе были европейские знаменитости, присудили ей специальный приз «За верность хоровому искусству», а хору – звание лауреата. Именно верность делу, любимому детищу, что прошел долгий путь от детского хора до первоклассного взрослого коллектива, и была божественным предназначением Марии Федоровны на земле.

«За процветание и развитие русского хорового искусства!» – вот тост, который подняла бы сегодня эта замечательная русская женщина.

Гюнтер Рамин

Гюнтер Рамин (1898–1956) – немецкий композитор, органист, кантор. С 1918 года органист, в 1940–1956 годах кантор церкви св. Фомы в Лейпциге, автор духовной и камерной музыки.

В 1954 году в Ленинград из церкви святого Фомы в Лейпциге приехал Томанер-хор во главе с Гюнтером Рамином. Пели сочинения Баха. На Витебском вокзале мне поручили их встречать.

– Дорогие друзья! – сказала я, – музыкальная общественность нашего города поручила мне приветствовать вас в радостный день вашего приезда в Ленинград.

Томанер-хор, старейший в мире, с честью несет классическое музыкальное наследие, великую культуру немецкого народа, которую высоко ценит советский народ, чтящий наследие мировой классики.

Ваша славная деятельность свидетельствует о том, что немецкий народ воспитывает свою молодежь в духе понимания замечательных творений ваших гениальных соотечественников – Баха и Лессинга, Моцарта и Гете, Бетховена и Шиллера.

Мы рады приветствовать вашего руководителя – Гюнтера Рамина – замечательного музыканта и современного преемника великого Иоганна Баха.

Мы с нетерпением ждем концертов вашего прославленного хора и желаем вам больших, подлинно творческих успехов.

На репетицию Ленинградской капеллы пришел кантор церкви св. Фомы, органист и композитор Гюнтер Рамин. Я исполнила с Капеллой сочинения Лотти. Капелла пела на сцене концертного зала, а в партере был один слушатель – Гюнтер Рамин.

По окончании исполнения он подошел к эстраде и сказал хору:

– Я не прошу это бисировать. То, что я услышал, неповторимо!

Немецкий друг подарил мне лейпцигские издания Баха и свой портрет. На память осталось и фото первой встречи на Витебском вокзале.

На нем Гюнтер Рамин, старейший бас-октавист капеллы Левандо, я. В уголке выглядывает круглая рожица капелльского мальчишки. Это – Леня Тепляков, в дальнейшем мой ученик по Консерватории и ныне – хормейстер Мариинского театра.

Лейпцигский хор мальчиков в Ленинграде

Газета «Советская культура»

В Ленинград по приглашению Министерства культуры СССР приехал Лейпцигский хор мальчиков – Томанер-хор во главе с художественным руководителем хора лауреатом Национальной премии профессором Гюнтером Рамином. На Витебском вокзале 12 июня гостей встречали представители музыкальной и театральной общественности, учащиеся музыкальных учебных заведений города.

С приветственным словом выступила заслуженный деятель искусств РСФСР Е. Кудрявцева.

<...>

В ответном слове профессор Гюнтер Рамин поблагодарил ленинградцев за теплый, дружеский привет.

– Мне довелось, – сказал он, – побывать в Ленинграде с органными концертами в 1932–1933 гг., и я рад, что снова могу выступить перед ленинградским зрителем.

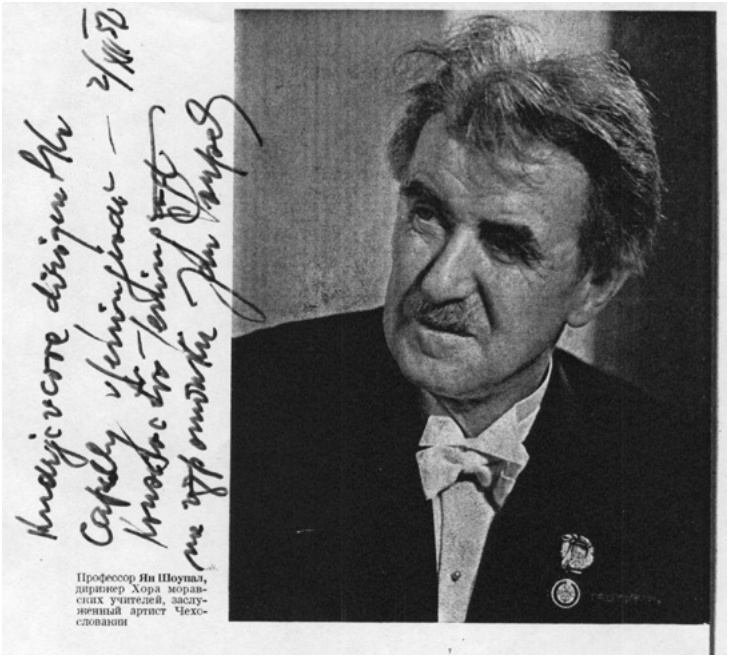
В день приезда гости осмотрели исторические памятники города, побывали на стадионе имени С. М. Кирова, ознакомились с новым

строительством на проспекте имени Сталина[1]. Вечером слушали оперу «Травиата» в Государственном театре оперы и балета имени С. М. Кирова.

В воскресенье в Большом зале филармонии состоялся первый концерт Лейпцигского хора мальчиков. Была исполнена оратория Иоганна Себастьяна Баха для солистов, хора и оркестра – «Страсти по Иоанну». Дирижировал профессор Гюнтер Рамин. Концерт прошел с большим успехом. Гостям были преподнесены цветы.

15 июня состоится второй концерт. В программе – произведения композиторов XV–XVIII вв. Д. Габриэли, И. Г. Шейна, Якоба Галлуса.

Ян Шоупал и Хор моравских учителей



Профессор Ян Шоупал, дирижер Хора моравских учителей, заслуженный артист Чехословакии

Ян Шоупал (1892–1964) – чешский хормейстер, дирижер и композитор. С 1936 года – главный дирижер Хора моравских учителей.

1962 год, текст для буклета о Хоре моравских учителей

С большим волнением и интересом мы встретили приезд прославленного коллектива – Хора моравских учителей в городе Ленинграде в 1957 году.

О высоком исполнительском мастерстве хора нам известно было от профессора А. В. Свешникова, который с восхищением отзывался о деятельности этого коллектива. Действительно, Хор моравских учителей Чехословакии, руководимый профессором Яном Шоупалом, великолепен. Он поет превосходно, исключительно стройно и выразительно. Хору равно доступно раскрытие таких сложнейших партитур, как произведения Леоша Яначека, Элгона Сухоня, так и великолепие музыки Чайковского.

[1] Ныне Московский проспект.

Концерты Хора моравских учителей в Ленинграде проходили при переполненных залах и имели огромный успех. Слушатели с восторгом и благодарностью приветствовали талантливых исполнителей.

Но главное, что поражает в этом коллективе, это та благородная миссия, которую несет каждый участник хора в воспитании молодого поколения. Ведь Хор моравских учителей объединяет преподавателей средних школ самых различных предметов, и в своей педагогической деятельности каждый учитель стремится «омузыкалить» свой предмет, посредством музыки привить любовь ко всему прекрасному. Разве это не искусство?

Пример деятельности Хора моравских учителей нашел широкий отклик и в нашей практической, педагогической деятельности. Подобные коллективы создаются в нашей стране во многих городах и республиках.

Мы, ленинградцы, с восхищением и благодарностью вспоминаем гастроли замечательного Хора моравских учителей и с нетерпением ждем новой встречи.

Пусть крепнет наша дружба во имя мира и счастья.

Поклонник музыки. М. Д. Тушинский

Михаил Дмитриевич Тушинский (1882–1962) – профессор, терапевт и инфекционист, академик РАМН.

Вокруг Большого зала Ленинградской филармонии в 40-е годы возникла своеобразная духовная аура, без которой был немыслим любой концерт.

Желающих приобрести абонемент на грядущий сезон было так много, что на улице Бродского (ныне снова Михайловской) всегда выстраивались огромные очереди жаждущих.

Публика была разнообразная: известные артисты, ученые, студенты, рабочие, были выдающиеся медики: Петров, Мельников, Булатов и др. Многие имели из года в год свои постоянные места в партере и в ложах.

Мне хотелось привести строки выдающегося терапевта, заведующего клиникой 1-го медицинского института, заслуженного деятеля науки, профессора Михаила Дмитриевича Тушинского, большого поклонника и знатока музыки:

«Дорогая, глубокоуважаемая Елизавета Петровна,

Специальность врача приучила меня к составлению эпикризов (epicrisis) – последовательного обсуждения. Специальность преподавателя приучила к оценке по пятибалльной системе.

Эпикриз моцартовского вечера – прекрасно. Оценка: оркестр 5, хор 5+, дирижер 5-, солисты – 2. Хор великолепен. Как один – это первое. Второе – сознательность. Понимали, что означают латинские слова и к чему они. Оркестр прекрасен. Дирижеру за Серенаду 5+. За Requiem неполные 5. Ведь это церковная музыка… Нельзя, нельзя «играть». А он забывался. Солисты плохи. Они не знали текста, не понимали его. В оркестре, в хоре Моцарт, а они прочитывают, что должны исполнять. Нехорошо. Безвкусно.

Вы хору привили и дали прочувствовать каждое слово.

Мое ухо классика режет слово – склоняемое Реквием – ведь это винительный падеж, а по-русски он склоняется, как будто Requiem – именительный. Я слова эти (не все) знаю с юности от Гете – Фауст.

Изумительная сцена в храме: Маргарита слышит – Dies irae… Icibex ergo emi efium… Падает в обмороке – «Соседочка, ваш пузырек» (Nachbarin! Ener Flaschchen!).

Спасибо за настоящее наслаждение от Светланы и от меня.

М. Т.

8.III.54

Привет Алексею Григорьевичу от нас.

М. Т.»

«Глубокоуважаемая Елизавета Петровна!

Вернулись вчера из Филармонии чуть живые от восторга: „Девятая“… „Гимн Радости“ – Захотелось приветствовать Вас… Хор звучал великолепно… пел каждый самоотверженно. Спасибо. Достойное исполнение гениального творения.

Ваши Тушинские 13.VI.57.»

Семен Степанович Гейченко

Семен Степанович Гейченко (1900–1993) – директор музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» (1945–1989 гг.), Герой Социалистического Труда, писатель.

Семен Степанович Гейченко часто приезжал в Ленинград по делам Пушкинского заповедника и не раз бывал на концертах Хора любителей в Капелле.

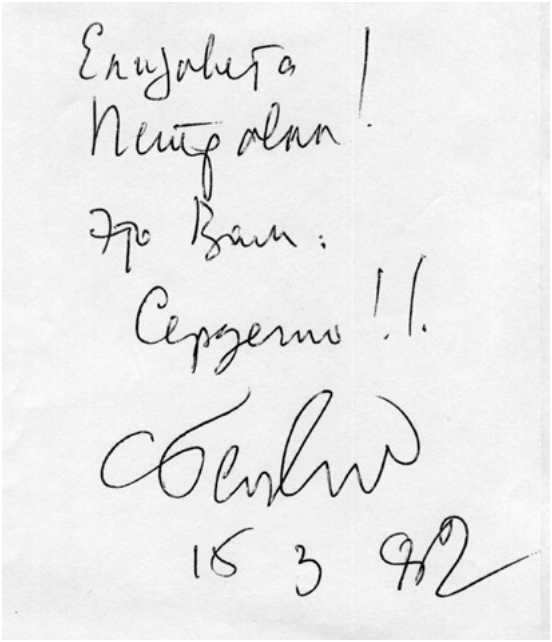
К 80-летию со дня его рождения я написала ему такие слова:

«Дорогой Семен Степанович!

Сейчас, когда отзвучали залпы торжественных салютов, и пробки шампанского, как ядра старинных фузей, разлетелись по всей матушке-России, разрешите и мне, почитательнице Вашего таланта, поздравить Вас с замечательным событием, пожелать Вам неиссякаемой бодрости и вдохновения. Ваши деяния – животворящая песня. Вспоминаются слова Толстого: „Поют мужики: «Эх, да! Ой, да! Эх-ма!», а ты слушаешь и плачешь“. Так-то и о Ваших славных делах без волнения в сердце говорить нельзя.

Дай Бог Вам здоровья на многие-многие годы!

P.S. Осенью хор студентов Консерватории под управлением моего аспиранта Сергея Прокопова в Меншиковском дворце исполнил „Литургию“ Чайковского. Пели, а мне вспомнился сорок третий год, Капелла в эвакуации готовит эту гениальную музыку по заказу Москвы к 50-летию смерти композитора. Время сложное. В эти годы с Капеллой я уже провела более пятисот концертов. В Горьком пришел на репетицию мой друг и товарищ А. В. Свешников, и мы исполнили ему „Литургию“ полностью. Он оценил мужество коллектива, низко поклонился, а на очередном занятии со своим



хором в Москве сказал: „Вот Ленинградская капелла, разутая, голодная, поет так прекрасно, а вы...“ Впоследствии Свешников мне в отместку выучил „Всенощную“ Рахманинова по моей партитуре, подаренной когда-то Климовым с автографом композитора. На днях в Меншиковском дворце прозвучали четыре духовных концерта в исполнении моего любительского хора. Сколько в жизни я испытывала благословенных минут, но здесь сама святость музыки, красота помещения и божественная акустика создали какое-то чудо.

Смею Вам об этом написать потому, что знаю Вас как поборника древней русской хоровой культуры. Надеюсь, что мы свидимся и я спою Вам эту музыку.

С глубоким уважением, Елизавета Кудрявцева.

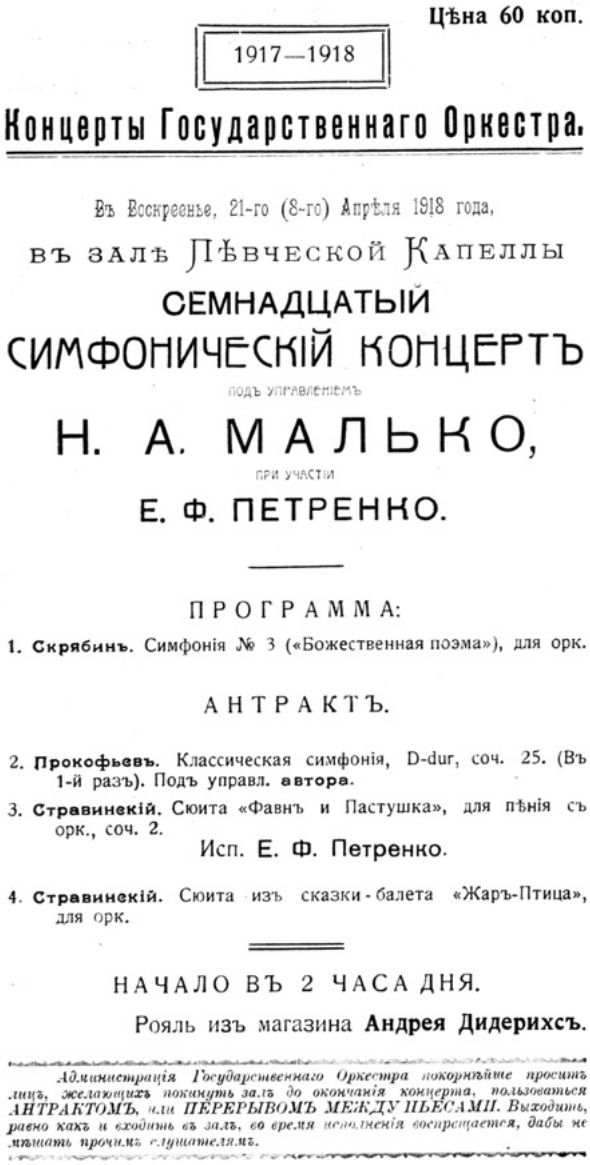
Сентябрь 1980 года».

Подарок С. С. Прокофьева

29 сентября 2004 года

Помещаю здесь подарок Сергея Сергеевича и эссе, что 50 лет спустя написал мой сын Александр.

Слова композитора «А она звучит!» созвучны фразе Галилея «И все-таки она вертится!»



Цѣна 60 коп.

1917—1918

Концерты Государственнаго Оркестра.

Въ Воскресенье, 21-го (8-го) Апрѣля 1918 года,

ВЪ ЗАЛѢ ПѢВЧЕСКОЙ КАПЕЛЛЫ

СЕМНАДЦАТЫЙ

СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

Н. А. МАЛЬКО,

ПРИ УЧАСТІИ

Е. Ф. ПЕТРЕНКО.

ПРОГРАММА:

1. **Скрябинъ.** Симфонія № 3 («Божественная поэма»), для орк.

АНТРАКТЪ.

2. **Прокофьевъ.** Классическая симфонія, D-dur, соч. 25. (Въ 1-й разъ). Подъ управл. **автора**.
3. **Стравинскій.** Сюита «Фавнъ и Пастушка», для пѣнія съ орк., соч. 2.

Исп. Е. Ф. Петренко.

4. **Стравинскій.** Сюита изъ сказки-балета «Жаръ-Птица», для орк.

НАЧАЛО ВЪ 2 ЧАСА ДНЯ.

Рояль изъ магазина **Андрея Дидерихсъ**.

Администрація Государственнаго Оркестра покорнѣйше проситъ лицъ, желающихъ покинуть залъ до окончанія концерта, пользоваться АНТРАКТОМЪ, или ПЕРЕРЫВОМЪ МЕЖДУ ПЬЕСАМИ. Выходить, равно какъ и входить въ залъ, во время исполненія воспрещается, дабы не мѣшать прочимъ слушателямъ.

А. Н. СКРЯБИНЪ.

(Род. 25 декабря 1871 г., въ Москвѣ, ум. 14 апрѣля 1915 г., тамъ-же).

1. **Симфонія № 3** („Божественная поэма"), in C, соч. 43.

I. Lento.—**Luttes**, Allegro.
II. **Voluptés**. Lento.
III. **Jeu Divin**. Allegro.

} Безъ перерыва.

Третья симфонія, или „Божественная поэма", написана въ 1902—1903 гг. (издана въ 1905 г.). Въ первый разъ исполнена въ Парижѣ въ 1905 г., подъ управленіемъ А. Никиша, затѣмъ, 23 февраля 1906 г.—въ Петроградѣ, въ Русскомъ Симфоническомъ концертѣ, подъ управленіемъ Ф. М. Блуменфельда.

„Божественная поэма" является произведеніемъ центральнымъ въ творческомъ пути Скрябина,—произведеніемъ, стоящимъ на грани двухъ его міросозерцаній, съ одной стороны, примыкая къ прошлому, съ другой—указывая пути будущаго, по которымъ впослѣдствіи направилось его творчество. Охватывая наиболѣе широкій діапазонъ переживаній автора, она заключаетъ въ себѣ и тѣ элементы, которыми ранѣе питалось его творчество, и тотъ горизонтъ, который уже виднѣлся передъ духовнымъ взоромъ его.

Эта симфонія представляетъ эволюцію Духа, освободившагося отъ ужасовъ отчаянія, отъ всего своего прошлаго, полнаго таинственныхъ образовъ и вѣрованій, которые онъ превозмогаетъ и разрушаетъ, чтобы, наконецъ, достигнуть утвержденія радостнаго, своего божественнаго я... Формула самоутвержденія: „Я есмь" выражена въ краткой интродукціи, за которой слѣдуютъ три части: Luttes—борьба, Voluptès—наслажденія и Jeu Divin—божественная игра, исполняющіяся безъ перерыва. Какъ видно изъ этого опредѣленія частей, композиторъ, если и не сопроводилъ симфонію опредѣленной программой, то, несомнѣнно, имѣлъ ее въ виду, ибо идеологическая сторона, какъ и во всѣхъ крупныхъ его произведеніяхъ, играетъ здѣсь весьма существенную роль. Исторію борьбы мятущагося Духа Б. Шлецеръ идеологически обосновываетъ слѣдующимъ образомъ.—„Я есмь" среди безмолвія прозвучали, какъ трубные звуки, эти смѣлыя слова... Но лишь родившись, они умираютъ отъ ужаса, испугавшись собственной дерзости. Изъ глубинъ небытія, гдѣ они притаились, тѣни встаютъ. Холодныя и таинственныя приближаются тѣни. Мрачной вуалью онѣ покрываютъ ликъ солнечной воли. Первая часть (борьба) рождаетъ мистическую тему. Она чуть слышится сперва, затѣмъ развивается, все громче раздается... Но вновь звучитъ тема ликующая—воли божественной. Въ этой темѣ, безпощадной, слышится рѣшимость бороться до конца, бороться и побѣдить. Снова борьба съ призраками... Съ тѣхъ высотъ, гдѣ онъ парилъ, Духъ низверженъ въ бездну среди ужаса и мрака. Но въ мукахъ агоніи сознаніе его проясняется, мысль глубокая въ немъ рождается. Раздается тема свободной, сознательной дѣятельности. Духъ поетъ свое свободное творчество. Впервые тема раздается въ полномъ своемъ видѣ (Voluptés). Но борьба не кончена: слышится страстная тема чувственности, наслажденія. Она сливается съ темой свободной дѣятельности. Мощнымъ усиліемъ воли Духъ становится надъ наслажденіями. Онъ переживаетъ ихъ, какъ созданія свои, и начинается третья часть, Божественная игра (Jeu Divin). Духъ, достигнувъ абсолютной свободы, сознательно погружается въ радость свободнаго, безцѣльнаго творчества. Это—божественная игра.

АНТРАКТЪ.

С. С. ПРОКОФЬЕВЪ.

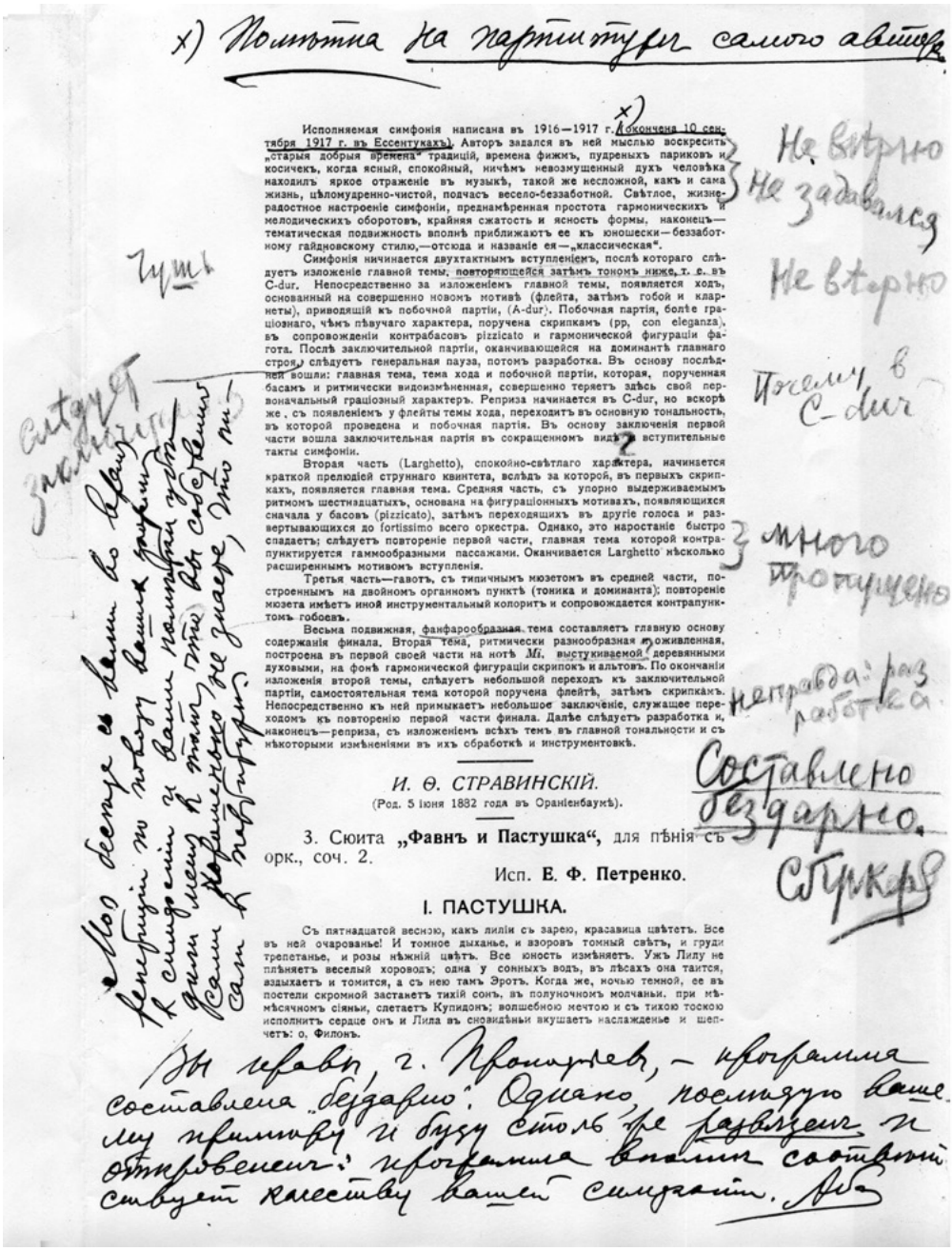
(Род. 11 апрѣля 1891 г., въ Екатеринославск. губ.).

2. **Классическая симфонія,** D-dur, соч. 25, для мал. орк. *).

I. Allegro.
II. Larghetto.
III. Гавотъ. Non troppo allegro.
IV. Финалъ. Molto vivace.

Подъ управленіемъ **автора**.

*) Въ 1-й разъ, по рукописи.



Исполняемая симфонія написана въ 1916—1917 г. (окончена 10 сентября 1917 г. въ Ессентукахъ). Авторъ задался въ ней мыслью воскресить „старыя добрыя времена" традицій, времена фижмъ, пудреныхъ париковъ и косичекъ, когда ясный, спокойный, ничѣмъ невозмущенный духъ человѣка находилъ яркое отраженіе въ музыкѣ, такой же несложной, какъ и сама жизнь, цѣломудренно-чистой, порою весело-беззаботной. Свѣтлое, жизнерадостное настроеніе симфоніи, преднамѣренная простота гармоническихъ и мелодическихъ оборотовъ, крайняя сжатость и ясность формы, наконецъ—тематическая подвижность вполнѣ приближаютъ ее къ юношески—беззаботному гайдновскому стилю,—отсюда и названіе ея—„классическая".

Симфонія начинается двухтактнымъ вступленіемъ, послѣ котораго слѣдуетъ изложеніе главной темы, повторяющейся затѣмъ тономъ ниже, т. е. въ C-dur. Непосредственно за изложеніемъ главной темы, появляется ходъ, основанный на совершенно новомъ мотивѣ (флейта, затѣмъ гобой и кларнеты), приводящій къ побочной партіи, (A-dur). Побочная партія, болѣе граціознаго, чѣмъ пѣвучаго характера, поручена скрипкамъ (pp, con eleganza), въ сопровожденіи контрабасовъ pizzicato и гармонической фигураціи фагота. Послѣ заключительной партіи, оканчивающейся на доминантѣ главнаго строя, слѣдуетъ генеральная пауза, потомъ разработка. Въ основу послѣдней вошли: главная тема, тема хода и побочной партіи, которая, порученная басамъ и ритмически видоизмѣненная, совершенно теряетъ здѣсь свой первоначальный граціозный характеръ. Реприза начинается въ C-dur, но вскорѣ же, съ появленіемъ у флейты темы хода, переходитъ въ основную тональность, въ которой проведена и побочная партія. Въ основу заключенія первой части вошла заключительная партія въ сокращенномъ видѣ и вступительные такты симфоніи.

Вторая часть (Larghetto), спокойно-свѣтлаго характера, начинается краткой прелюдіей струннаго квинтета, вслѣдъ за которой, въ первыхъ скрипкахъ, появляется главная тема. Средняя часть, съ упорно выдерживаемымъ ритмомъ шестнадцатыхъ, основана на фигураціонныхъ мотивахъ, появляющихся сначала у басовъ (pizzicato), затѣмъ переходящихъ въ другіе голоса и развертывающихся до fortissimo всего оркестра. Однако, это нарастаніе быстро спадаетъ; слѣдуетъ повтореніе первой части, главная тема которой контрапунктируется гаммообразными пассажами. Оканчивается Larghetto нѣсколько расширеннымъ мотивомъ вступленія.

Третья часть—гавотъ, съ типичнымъ мюзетомъ въ средней части, построеннымъ на двойномъ органномъ пунктѣ (тоника и доминанта); повтореніе мюзета имѣетъ иной инструментальный колоритъ и сопровождается контрапунктомъ гобоевъ.

Весьма подвижная, фанфарообразная тема составляетъ главную основу содержанія финала. Вторая тема, ритмически разнообразная и оживленная, построена въ первой своей части на нотѣ *Mi*, выстукиваемой деревянными духовыми, на фонѣ гармонической фигураціи скрипокъ и альтовъ. По окончаніи изложенія второй темы, слѣдуетъ небольшой переходъ къ заключительной партіи, самостоятельная тема которой поручена флейтѣ, затѣмъ скрипкамъ. Непосредственно къ ней примыкаетъ небольшое заключеніе, служащее переходомъ къ повторенію первой части финала. Далѣе слѣдуетъ разработка и, наконецъ—реприза, съ изложеніемъ всѣхъ темъ въ главной тональности и съ нѣкоторыми измѣненіями въ ихъ обработкѣ и инструментовкѣ.

И. Ѳ. СТРАВИНСКІЙ.

(Род. 5 іюня 1882 года въ Ораніенбаумѣ).

3. Сюита **„Фавнъ и Пастушка"**, для пѣнія съ орк., соч. 2.

Исп. **Е. Ф. Петренко.**

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатой весною, какъ лиліи съ зарею, краснвица цвѣтетъ. Все въ ней очарованье! И томное дыханье, и взоровъ томный свѣтъ, и груди трепетанье, и розы нѣжній цвѣтъ. Все юность измѣняетъ. Ужъ Лилу не плѣняетъ веселый хоровод; одна у сонныхъ водъ, въ лѣсахъ она таится, вздыхаетъ и томится, а съ нею тамъ Эротъ. Когда же, ночью темной, ее въ постели скромной застаетъ тихій сонъ, въ полуночномъ молчаньи, при мѣсячномъ сіяньи, слетаетъ Купидонъ; волшебною мечтою и съ тихою тоскою исполнитъ сердце онъ и Лила въ сновиданьи вкушаетъ наслажденье и шепчетъ: о, Филонъ.

II. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близъ пещеры, въ густой травѣ лежитъ? На жертвенникъ Венеры съ досадою глядитъ; нагнулась межъ цвѣтами косматая нога; надъ грустными очами нависли два рога. То Фавнъ, угрюмый житель лѣсовъ и горъ крутыхъ, докучливый гонитель пастушекъ молодыхъ. Любимца Купидона—прекраснаго Филона, давно соперникъ онъ... Въ пріютѣ сладострастья онъ слышитъ вздохи счастья и нѣги томный стонъ. Въ безмолвіи несчастный страданья чашу пьетъ и въ ревности напрасной горючи слезы льетъ. Но вотъ ночей царица скатилась за лѣса, и тихая денница румянитъ небеса; Зефиры прошептали—и Фавнъ въ дремучій боръ бѣжитъ сокрыть печали въ ущельяхъ дикихъ горъ.

III. РѢКА.

Одна по утру Лила нетвердою ногой средь рощицы густой задумчиво ходила. „О, скоро-ль, мракъ ночной, съ прекрасною луной ты небомъ овладѣешь? О, скоро-ль, темный лѣсъ, въ туманахъ засинѣешь на западѣ небесъ?“ Но шорохъ за кустами ей слышится глухой, и вдругъ—сверкнувъ очами, предъ нею богъ лѣсной! Какъ вешній вѣтерочекъ, летитъ она въ лѣсочекъ; онъ гонится за ней—и трепетная Лила всѣ тайны обнажила младой красы своей; и нѣжна грудь открылася лобзаньемъ вѣтерка, и стройная нога невольно обнажилась. Порхая надъ травою, пастушка робко дышетъ, къ рѣкѣ летя стрѣлой, бѣгъ Фавна за собой все ближе, ближе слышитъ. Отчаянья полна, ужъ чувствуетъ она огонь его дыханья... Напрасны всѣ старанья: ты Фавну суждена! Но шумная волна красавицу сокрыла: рѣка—ея могила... Нѣтъ! Лила спасена.

(*А. С. Пушкинъ*).

Сюита „Фавнъ и Пастушка“ сочинена въ 1907 г.; впервые исполнена 16 февраля 1908 г., во 2-мъ Русскомъ Симфоническомъ концертѣ г-жей Е. Ф. Петренко, подъ управленіемъ Ф. М. Блуменфельда.

---

4. Сюита изъ сказки—балета **„Жаръ-Птица“**, для орк.

I. Вступленіе.—Заколдованный садъ Кащея и пляска Жаръ-Птицы.
II. Мольбы Жаръ-Птицы.
III. Игра царевенъ залотыми яблочками.
IV. Хороводъ царевенъ.
V. Поганый плясъ Кащеева царства.

Балетъ „Жаръ-Птица“ написанъ въ 1910 г. по сценаріуму, составленному М. Фокинымъ на сюжетъ извѣстной русской сказки о „Жаръ-Птицѣ, Иванѣ Царевичѣ и Царевнѣ-Ненаглядной Красѣ“. Въ первый разъ балетъ поставленъ на сценѣ парижской Большой оперы 25 іюня 1910 г. (декораціи Головина, костюмы по рисункамъ Бакста и Головина).—Первое исполненіе сюиты состоялось въ Петербургѣ, во 2-мъ абонементномъ концертѣ А. Зилоти, 23 октября 1910 г., подъ управленіемъ А. И. Зилоти.

Въ воскресенье, 28 (15) апрѣля, въ залѣ Пѣвческой Капеллы состоится концертъ въ память жертвъ революціи, устраиваемый Музыкальнымъ Отдѣломъ Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію, при участіи: **Государственнаго Оркестра, Государственной Пѣвческой Капеллы, С. В. Акимовой, А. Д. Мейчикъ, А. Д. Александровича и Г. А. Боссе**, подъ управл. **Альберта Коутсъ**. Въ программѣ: **РЕКВІЕМЪ МОЦАРТА**. Начало въ **2 часа дня**. Билеты въ магазинѣ **Андрея Дидерихса** (Литейный, 60) ежедневно, съ 10 ч. утра до 5 ч. дня.

Риветропечатня А. Бровицкаго, Разъѣзжая 6.

Накануне премьеры «Классической»
К 75-летию Первой симфонии Прокофьева. Газета «Привет, Петербург», 21.04.1993 года.

В воскресенье, 21 апреля 1918 года, в весеннем Петрограде, в зале бывшей Придворной певческой капеллы, в исполнении бывшего придворного оркестра впервые в мире прозвучала Первая симфония молодого композитора. Друзья в шутку нарекли ее «классической». Они оказались пророками. Симфония эта стала классической симфонией русской музыки XX века, а молодой автор Сергей Прокофьев – «музыкальным Прометеем» нашего столетия.

Классическая симфония, самая краткая в мировой музыке (около 11 минут звучания), простая по форме, но сложная по яркому, оригинальному языку. В ней, как у венских классиков, традиционные четыре части. Крайние – космический полет человеческой фантазии; средние – шествие по ступеням в Храм любви и блистательный гавот, но не классический, а истинно народный танец на руинах рухнувшей Русской Бастилии. К моменту премьеры 27-летний Сергей Прокофьев – признанный музыкант-футурист, возмутитель спокойствия, свидетель трех революций, трех войн... Боже! Чуть не написал банальность «отразил в симфонии»... Ведь музыка лучше самых высоких слов говорит за себя, тем более музыка «Классической».

Поведаю об инциденте, что имел место на генеральной репетиции перед премьерой.

...Разгоряченный только что прозвучавшей собственной музыкой Сергей Прокофьев спустился в партер зала Капеллы и устало плюхнулся в венское кресло между Анатолием Луначарским и критиком Александром Затаевичем, положил партитуру на колени, накрыв ее огромными ладонями. Дирижер Николай Малько продолжил репетицию. Зазвучала музыка Скрябина. Затаевич незаметно подсунул Прокофьеву напечатанную в типографии программу завтрашнего концерта, где по настоянию Луначарского дал подробный разбор новой симфонии. Сергея Сергеевича больно резанула первая фраза критика:

«Композитор в симфонии возрождает эпоху фижм и пудреных париков, когда разум человека находился в прострации такой же невинной и безоблачной, как и сама жизнь...» Красным карандашом, которым только что на сцене правил ошибки в партиях оркестрантов, Прокофьев обвел эти слова, а рядом выдавил: «Не верно! Не задавался!». Продолжил читать дальше... Нашел массу ошибок, каждую откомментировал: «Чушь! Не верно! Чушь! Много пропущено! Где разработка! Выстукивать музыку? Зачем! Почему!

Чушь!» И подведя черту: «Программа составлена бездарно!!» Расписался, как всегда, пропуская буквы: «С. Пркф».

Критик минуту читал написанное Прокофьевым. Потом вспыхнул, взял у Луначарского «вечно пишущую» авторучку «Паркер» с черными чернилами и написал: «Мои беседы с Вами по поводу Ваших форм Вашей симфонии и пометки Ваши в партитуре убедили меня в том, что Вы сами собственно не знаете, что пишете. Господин Прокофьев! Буду столь же развязен и откровенен. Качество моей аннотации соответствует качеству Вашей симфонии!!» – «Бездарно! Бездарно!»

На премьере симфония не встретила у равнодушных слушателей одобрения. Следом был резкий разговор с народным комиссаром просвещения Луначарским и, как результат – долгие годы эмиграции. Менялись страны и континенты, тысячи залов рукоплескали русскому гению. Слава прокофьевской музыки ширилась с каждым авторским концертом. Но повсюду и всегда драгоценным бриллиантом сияла его Первая «Классическая симфония». Революция на пуантах. Симфония солнечного света.

А слушатель, пришедший в среду 21 апреля 1993 года в залы Капеллы, Консерватории, Филармонии, Мариинки, Малого оперного, – не ищи на стенах памятных мемориальных досок. В городе, что дал миру Прокофьева, их просто нет!

P.S. Привередливый читатель скажет: «Ну, сочинил!» И будет не прав! Концертная программка с пометками Прокофьева вот уже 50 лет бережно хранится от «дурного глаза» в семье потомственных петербургских-петроградских-ленинградских музыкантов Муриных-Кудрявцевых. В лихую годину, после очередного «провала» своей музыки, Сергей Сергеевич подарил ее молодому руководителю Ленинградской капеллы Елизавете Кудрявцевой с присказкой: «Вот видите, Елизавета Петровна, как ругали „Классическую“! А она все-таки звучит!»

Александр Мурин

Беспокойный характер. Павел Константинович Орехов

Павел Константинович Орехов (1916–1992) — профессор Ленинградской консерватории, советский российский валторнист и музыкальный педагог.

Статья Е. П. Кудрявцевой в газете «Музыкальные кадры» №8 (505) 3 сентября 1975 года

Обычно в газетах и журналах принято писать о художественных коллективах, создавать творческие портреты исполнителей – солистов, дирижеров, режиссеров. Но, пожалуй, трудно припомнить очерк об оркестранте. А ведь эта профессия имеет такую же значимость в искусстве, как и любая другая. Музыкант... Его деятельности присуща своя особая специфика, отличная, скажем, от труда хлебороба или шахтера. Но профессии эти сходны в одном: артист, так же, как и рабочий, призван служить своему Отечеству. И если токарь или сталевар создают материальные блага для народа, то музыкант формирует духовный мир своего современника. Однако творчество каждого ли деятеля искусства способствует созданию духовных ценностей? Высокое право стать участником этого важного процесса завоевывает только тот художник, который не только постоянно совершенствует свое мастерство, но, что самое главное, всегда находится на переднем крае борьбы за партийность и народность советского искусства, чутко улавливает требования времени. К таким художникам и принадлежит профессор нашей Консерватории, коммунист Павел Константинович Орехов.

На вопрос рассказать о себе он обычно отвечает: «Да что рассказывать, ведь вы все знаете». И действительно это так. Вся жизнь П. Орехова проходит на людях и среди людей. И все-таки, наверное, мало кто из читателей знаком с биографией этого человека.

В детстве он обладал великолепным голосом, и его путь в искусстве начался с Хорового училища Академической капеллы. Мальчишкой, в числе сорока юных певцов, участвовал он в 1928 году в триумфальных гастролях по странам Европы. Это был первый выезд советского коллектива за рубеж. Когда Павлуша, так мы, товарищи Павла Константиновича по хоровому училищу, всегда его называем, учился в старших классах, профессор М. Климов – проницательный и чуткий музыкант – вручил своему ученику валторну. С тех мальчишеских лет вот уже скоро полвека не расстается Павел Константинович с этим изумительным по красоте звучания инструментом. Он приносит ему много радости и счастливых минут творчества.

В 30-х годах П. Орехов окончил Ленинградскую консерваторию и аспирантуру по классу выдающегося музыканта, создателя русской, советской валторновой школы профессора М. Н. Буяновского. Он унаследовал

от своего учителя красоту звука, приближающегося по своей выразительности к человеческому голосу, любовь к ансамблевой игре. Самой большой наградой для молодого музыканта было играть рядом со своим педагогом, да еще в таком именитом музыкальном ансамбле, как заслуженный коллектив Республики симфонический оркестр Ленинградской филармонии. Встречи с крупнейшими музыкантами нашего времени – композиторами и дирижерами, такими, как С. Прокофьев и Д. Шостакович, Н. Мясковский и Б. Асафьев, Е. Мравинский и Ф. Штидри, Г. Абендрот и О. Клемперер и многие другие, огромный репертуар, которым овладел Павел Константинович за годы работы в оркестре, – все это способствовало формированию его как творческой личности, воспитанию в лучших традициях советской исполнительской школы.

В годы войны П. Орехов – защитник нашего города, участник исторического исполнения Седьмой симфонии Д. Шостаковича в блокадном Ленинграде. Ныне валторна, на которой музыкант играл это легендарное сочинение, вместе со стихами Ольги Берггольц и Николая Тихонова находится в Музее истории нашего города. Именно в те годы, когда смерть смотрела в глаза каждому ленинградцу, крепнет и мужает характер этого человека – патриота и гражданина, именно в это трудное для страны время он решает вступить в ряды Коммунистической партии.

В первый послевоенный год Павел Константинович начинает свою педагогическую деятельность в Консерватории, совмещая ее с исполнительской работой в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова. За тридцать лет преподавательской деятельности он воспитал целую плеяду замечательных музыкантов, ныне украшающих лучшие оркестры страны – Большого театра Союза ССР, Государственного оркестра Союза ССР, Ленинградской филармонии. Среди его учеников лауреаты всесоюзных и международных конкурсов: И. Лифановский, И. Удальцов, А. Демин, И. Алиев, Б. Шевелович, В. Шалыт, С. Седристый и другие.

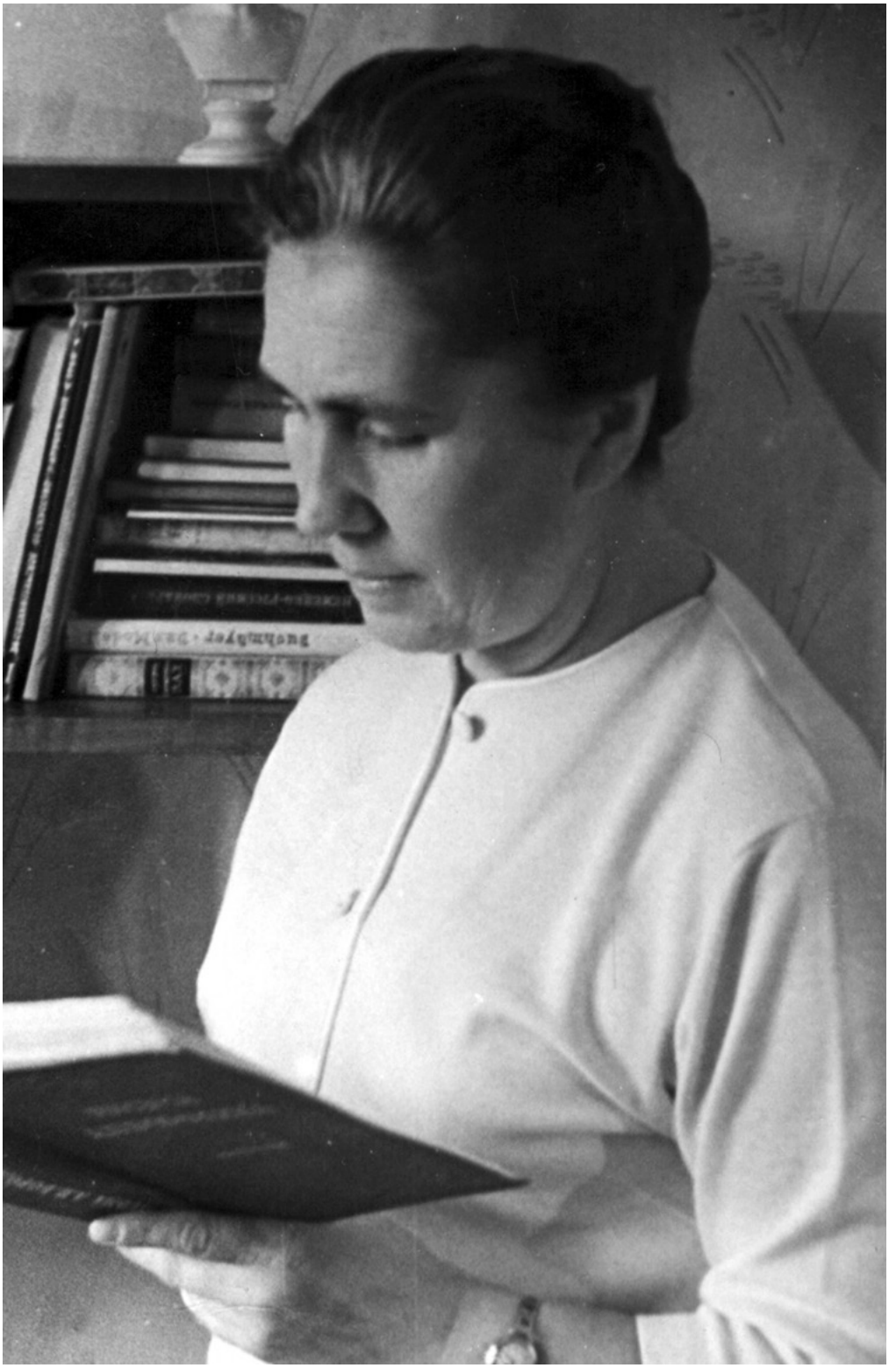
Много сил отдал Павел Константинович организации кафедры духовых инструментов Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории.

Педагогическая деятельность П. Орехова тесно связана с его общественно-партийной работой. Он избирался секретарем партийного бюро в театре и нашем вузе, председателем группы народного контроля в Консерватории, членом группы народного контроля Октябрьского РК КПСС, членом партийного бюро Консерватории. П. Орехов стал инициатором движения наставничества в нашем вузе.

Казалось бы, зачем Павлу Константиновичу – профессору, имеющему свой собственный класс, более чем достаточное количество общественных нагрузок, брать на себя еще одно поручение. Однако в интересах дела коммунист П. Орехов дает свое согласие возглавить оркестровый факультет.

На этом хлопотливом посту декана он с первых же дней развивает активную деятельность. Его волнует многогранная жизнь коллектива – и то, как работают кафедры, а их на факультете четыре, и то, как ведется воспитание студентов в специальных классах, как обстоят дела с успеваемостью и почему пропускают занятия оркестранты. Павел Константинович вникает буквально во все мелочи студенческой жизни. Плохо посещаются занятия симфонического оркестра, и он предлагает создать общественный орган, который отвечал бы за деятельность этого коллектива – совет оркестра, сам приходит на репетиции. Декана часто можно видеть беседующим с воспитанниками факультета. Он интересуется условиями, в которых они живут и трудятся, беспокоится о тех, кто нуждается в стипендии, но почему-то «не дотянул» во время сессии, по-отечески отчитывает нерадивого и всегда находит доброе слово поддержки для человека, огорченного неудачей.

Конкретность, бескомпромиссность в постановке жизненно важных проблем деятельности вуза и особенно касающихся воспитания молодых специалистов, сочетаются у П. Орехова с удивительно доброжелательным отношением к людям. В любом деле Павел Константинович нетерпим к недостаткам, принципиально честен. Символично, что на Доске почета лучших людей Октябрьского района среди фотографий рабочих, конструкторов, ученых висит и портрет музыканта, профессора нашей Консерватории П. К. Орехова.



Глава IV
Ученики

Каждый из многих моих учеников, если обобщить их большой творческо-педагогический и исполнительский опыт, достоен отдельной объемной публикации.

В заметках мне было трудно отобрать материалы, которыми я располагаю, так как многие из моих подопечных являются яркими индивидуальностями, занимая в музыкальном искусстве весомое положение. Ныне они разбросаны по всему миру. Александр Верещагин в Сан-Франциско возглавляет Хор и Камерный оркестр, Евгений Сироткин – хормейстер в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, Дмитрий Китаенко и Глеб Скворцов в Швейцарии, Андрей Шевчук – в Париже, Андрей Борейко – в Канаде, десятки воспитанников – в Гаване, Пекине, Сеуле, в ближнем зарубежье. Большинство верой и правдой служат Родине – матушке-России.

Одни стали руководителями филармонических оркестров, оперных театров, другие возглавляют профессиональные хоровые коллективы, музыкальные детские студии, заведуют кафедрами консерваторий, институтов, училищ.

Приведенные здесь заметки, письма и некоторые рецензии показывают эволюцию становления того или иного музыканта.

Елизавета Кудрявцева.
Октябрь 2003 года

Александр Дмитриев

Александр Сергеевич Дмитриев (р. 1935) – народный артист СССР и РСФСР, профессор Петербургской консерватории, лауреат Всесоюзного конкурса дирижеров (1966), с 1960 года по 1970 год – дирижер, с 1962 года – главный дирижер Симфонического оркестра Карельского радио и телевидения. С 1971 года главный дирижер Академического Малого театра оперы и балета. С 1977 года возглавляет Академический симфонический оркестр Филармонии им. Д. Д. Шостаковича.

Сразу после Ленинградской блокады в капелльском училище появился мальчик с абсолютным, уникальным, моцартовским слухом. Это был Саша Дмитриев. Его отец играл на ударных в оркестре Мравинского. Так сказать, держал железный ритм в партитурах Шостаковича, Равеля, Чайковского, Вагнера, Прокофьева. Маленький Саша дневал и ночевал на репетициях и концертах прославленных дирижеров. Видел и слышал всех легендарных композиторов. Иногда отец позволял маленькому музыканту на репетиции «вдарить» по барабану или по тарелке.

В капелльской школе Александр блестяще учился. Освоил скрипку, фортепиано, а в оркестре Мравинского изучил в совершенстве звучание и специфику всех инструментов.

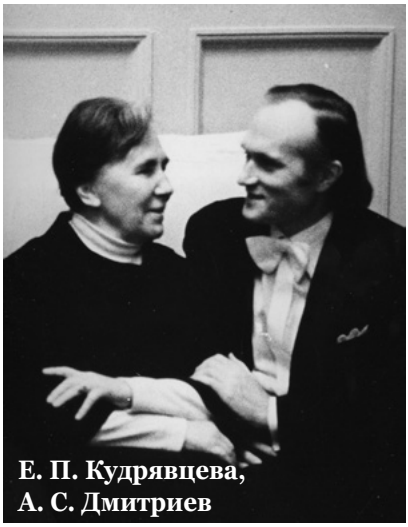
В 1953 году Александр Дмитриев стал студентом моего класса, а через три года он, дирижер-хоровик, выиграл конкурс по дирижированию консерваторским хором и оркестром кантаты Чайковского «Москва».

Вскоре с успехом окончил два факультета Консерватории – теоретико-композиторский и дирижерско-хоровой. На государственном экзамене дирижировал своими композициями: «Песней» на стихи Кольцова и яркой аранжировкой «Паванны» Равеля для хора и флейты.

Аспирантура на дирижерско-симфоническом у Н. С. Рабиновича. И вот молодой дирижер руководит оркестром Карельского радио в Петрозаводске.

Евгений Александрович Мравинский делает Александра своим ассистентом. С успехом прошли концерты оркестра в Европе. И рядом с неповторимым Мравинским достойно дирижирует концертами его молодой коллега.

Благожелательные отзывы европейской прессы и годовая стажировка в Венской академии.



Е. П. Кудрявцева, А. С. Дмитриев

Следующий этап – руководство Малеготом (Малый театр оперы и балета), премьеры: «Ярославна» Тищенко, «Эфигения в Тавриде» Глюка, «Не только любовь» Щедрина и многие другие.

Евгений Александрович Мравинский часто доверяет Саше свой оркестр. Он ценил и любил в Дмитриеве талант, помноженный на искренность, честность, верность слову, порядочность.

С 1988 года Александр Сергеевич возглавляет Оркестр Филармонии. Тысячи концертов, премьер, фестивалей, гастролей и после всего увлекательный рассказ мне.

Самый большой подарок для меня, его учителя, был в зале Мариинского дворца, когда А. С. Дмитриев и я в торжественной обстановке получили звание народных артистов.

Я об этом не преминула сказать тогда, на вручении.

Выступление Е. П. Кудрявцевой на торжестве по случаю вручения А. С. Дмитриеву Государственной премии России за 2002 год

Мне очень импонирует дирижерское мастерство Александра Сергеевича Дмитриева. Он уже давно приносит мне как его учителю большое эстетическое удовлетворение и радость. Мастерство Дмитриева вдохновенное и удивительно «чистое».

Специальность дирижера очень сложна и требует от музыканта не только одаренности, но также – и это главное – больших и разносторонних знаний. Ими Александр Сергеевич одарен сполна.

Значительное место в становлении музыканта, особенно дирижера, имеет владение им певческой хоровой культурой. Многие знают, что А. С. Дмитриев – отличный хормейстер, прекрасно знающий природу человеческого голоса.

Многое можно было бы сказать об облике этого тонкого музыканта.

Его творческому почерку свойственны неустанный поиск, увлеченность, требовательность к себе и большая любовь к людям.

В этом я вижу счастливое будущее Дмитриева.

Дебют дирижера
«Вечерний Ленинград», 18 октября 1969 года.

Концерты заслуженного коллектива республики симфонического оркестра Ленинградской филармонии всегда вызывают горячий интерес у любителей музыки и являются заметным художественным событием в музыкальной жизни нашего города. Состоявшееся недавно первое в нынешнем сезоне выступление прославленного коллектива во главе с его руководителем народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии Е. Мравинским было посвящено П. Чайковскому и С. Прокофьеву.

А. Г. Мурин, А. С. Дмитриев. 1958 год

Второй концерт заслуженного коллектива явился как бы своеобразной репетицией перед гастролями оркестра за рубежом. «Слово» на концерте было предоставлено одному из молодых дирижеров, ныне стажеру Ленинградской филармонии Александру Дмитриеву.

Короткая музыкальная биография дебютанта уже достаточно насыщена событиями, отражающими этапы нелегкого пути дирижера к овладению высотами профессионального и художественного мастерства. Он окончил Ленинградскую консерваторию, затем аспирантуру при кафедре симфонического дирижирования у профессора Н. Рабиновича. Свой самостоятельный творческий путь молодой музыкант начал в Петрозаводской филармонии, где был главным дирижером. На Втором Всесоюзном конкурсе дирижеров он завоевал почетное звание лауреата.

Программа концерта, в котором дебютировал А. Дмитриев, представляла немалые трудности для молодого дирижера. Нелегко, например, в таком популярном произведении, как Четвертая симфония Чайковского, показать свою индивидуальную трактовку, попытаться прочесть партитуру заново, «свежими глазами», отойти от привычных штампов, чтобы донести до слушателя с максимальной художественной правдой и убедительностью заложенное в сочинении глубокое идейно-образное содержание. Наряду с классикой в концерте звучала и современная музыка – «Токката» польского композитора Б. Шабельского (одного

из представителей старшего поколения польской композиторской школы) и Концерт для фортепиано с оркестром советского композитора Р. Щедрина. Все это потребовало от дирижера глубокого знания различных стилей.

Уже в первом произведении программы – «Токкате» Б. Шабельского – дирижеру удалось проявить себя с самой лучшей стороны. Он уверенно вел оркестр, продемонстрировал артистическую собранность и вместе с тем большую свободу в передаче сложных ритмов и звуковых нюансов, которыми богата партитура этого сочинения. Особенно хорошо были выделены А. Дмитриевым выразительные мелодические реплики струнных на фоне непрерывного динамического звучания всего оркестра и поочередно солирующих групп – деревянной, медной и ударной. В целом эта небольшая пьеса прозвучала живо и интересно, хотя и чуть тяжеловато из-за некоторой перегрузки оркестровой ткани медными инструментами.

В Концерте для фортепиано с оркестром Р. Щедрина молодой дирижер с большим художественным тактом показал богатство и разнообразие ритмов и оркестровых красок, не заглушая солирующий инструмент. Он выявил интересные детали, щедро разбросанные в партитуре, объединил различные, часто парадоксально и смело звучащие стилистические элементы в единое художественное целое. (В третьей части, к примеру, композитор сталкивает музыкальные образы классического стиля с джазом). А. Дмитриеву нужно было не только аккомпанировать солисту (в этот вечер выступил один из даровитых молодых пианистов Николай Петров), но и «солировать» самому, так как партитура Концерта очень изобретательно расцвечена и разработана Р. Щедриным. Из частных удач можно отметить яркую оркестровую кульминацию перед концом первой части, красивое сопоставление как бы соревнующихся между собой оркестровых групп во второй части, где нежная кантилена флейты сменяется вступлением смычковых, труб и литавр.

Особо следует остановиться на исполнении Четвертой симфонии Чайковского. В трактовке этого произведения более всего раскрылся внутренний дирижерский облик музыканта. А. Дмитриев дирижирует очень просто, с большим увлечением, избегая всякой внешней аффектации и подчиняя все средства своего искусства раскрытию внутреннего содержания исполняемой музыки. Это сказывается в естественных темпах, в стремлении к выразительности мелодики (широкий «певучий» жест дирижера), в соразмерности построения кульминаций, в отличном умении выделить полифонические подголоски.

Прекрасно были раскрыты задушевная лирика и элегичность второй части (прозвучавшей вообще чрезвычайно цельно), красочность жанровых картин – в третьей, требующей резкой смены звуковых контрастов и почти иллюстративной яркости в передаче разнохарактерных музыкальных

образов. В отличном темпе, на едином дыхании, с большим эмоциональным размахом провел А. Дмитриев финал, в музыке которого ему удалось выявить удаль и безудержную силу русского народа.

Однако не все стороны дарования молодого музыканта раскрылись в одинаковой степени полно. Так, в трактовке первой части дирижер не сумел выявить внутреннюю конфликтность, «взрывчатость» и патетику, присущие музыкальной драматургии Чайковского. Недостаточно мощно и драматично прозвучала кульминация этой части. Пока в исполнительской манере А. Дмитриева преобладают элегичность и лиризм.

Выступление молодого музыканта оставило в целом самое благоприятное впечатление. Заслуженному успеху талантливого дирижера во многом способствовала отличная игра оркестра Ленинградской филармонии.

Орест Евлахов,
профессор

Лучшие из своей большой страны

«Ленинградская правда», 20 октября 1974 года.

<...>

Это была очень напряженная поездка. За 18 дней мы побывали в трех странах, дали 12 концертов, которые посетило около 20 тысяч слушателей.

<...>

Из ФРГ мы поехали в Австрию. Первый концерт состоялся в Линце, в «Брукнерхаузе». Вот что писала «Нойес фольксблат» о концерте, которым дирижировал А. Дмитриев: «...нам удалось пригласить один из выдающихся оркестров нашего времени. Одним из основных преимуществ ленинградцев является редкая гибкость звучания оркестра. Уже в первой же вещи разнообразной программы – увертюре к опере „Хованщина“ Мусоргского – оркестр в сольных местах гобоя и кларнета своим бархатным, едва слышным пианиссимо создал захватывающее впечатление. Успех Девятой симфонии Шостаковича несомненно зависел от прекрасного исполнения. Молодой Александр Дмитриев принадлежит к тому современному типу дирижера, который, будучи чуждым любому чисто внешнему эффекту, всегда на первое место ставит произведение и никогда не делает дирижирование самоцелью. Так называемый Страсбургский концерт Моцарта попал в прекрасные руки Виктора Третьякова, являющегося представителем лучшей русской скрипичной школы».

В Австрии мы были девять дней и дали пять концертов: тремя дирижировал Мравинский, двумя – Дмитриев. После концертов в Зальцбурге и Граце мы приехали в Вену, где дали два концерта.

Музыкант, педагог, человек

«Советская музыка», 1981 год, № 6.

В нынешнем сезоне исполняется 50 лет творческой деятельности профессора Ленинградской консерватории, руководителя ленинградского Хора любителей пения Елизаветы Петровны Кудрявцевой. Редакция обратилась к бывшим ученикам Е. Кудрявцевой с просьбой рассказать о педагогической и исполнительской деятельности учителя.

А. Дмитриев, главный дирижер Симфонического оркестра Ленинградской филармонии:

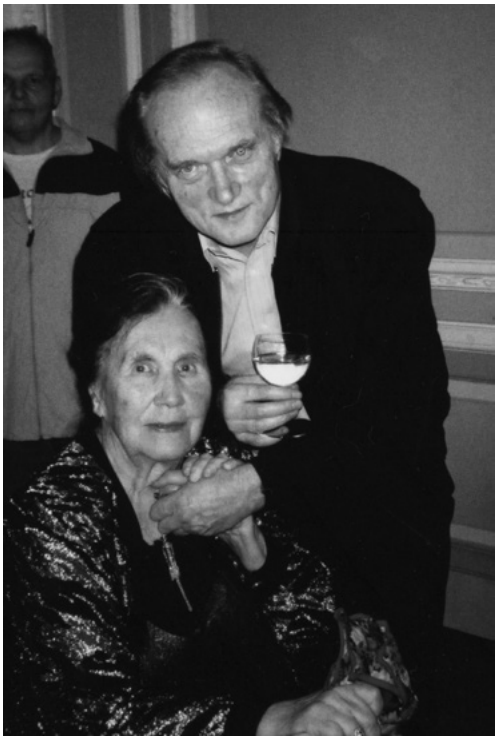
– Впервые с Елизаветой Петровной Кудрявцевой – педагогом – я встретился в начале 50-х годов. В то время, наряду с работой в Академической капелле, она вела курс чтения хоровых партитур в хоровом училище, где я учился.

А. С. Дмитриев, Е. П. Кудрявцева
2001 год

Название курса – «чтение партитур» – было весьма условным. Здесь мы знакомились и с хоровой литературой, и с анализом форм. На уроках Елизаветы Петровны мы не только постигали секреты рациональной фортепианной аппликатуры, хорового legato, тонкой педализации, но и учились вникать в суть произведения, связывать характер исполнения с содержанием поэтического текста.

Вспоминаю, что обычно в качестве домашнего задания мы должны были переписывать в свои тетрадки ту партитуру, которую играли на фортепиано. Такая работа казалась нам тогда сизифовым трудом. На самом же деле она весьма способствовала тщательному усвоению произведения, в особенности его голосоведения, не говоря уже о выработке четкого нотописания, что в работе хормейстера играет и сегодня не последнюю роль. Это было и воспитание бережного отношения к нотам – сделанное собственным трудом сберегалось надолго.

В Консерватории Кудрявцева взяла меня, первокурсника, в свой класс в декабре 1953 года после безвременной кончины профессора Г. Дмитревского. Переход к другому педагогу по специальности почти всегда сопряжен со многими трудностями, часто с ломкой навыков, уже ставших



**А. С. Дмитриев,
Е. П. Кудрявцева.
6 мая 2004 года**

«своими». Ничего подобного не произошло со мной, и не потому только, что я мало занимался у Дмитревского. Обладая яркой художественной, артистической индивидуальностью, Кудрявцева не воспитывает студентов по «своему образу и подобию», не подавляет их поисков собственных средств выражения, может быть, вначале и не всегда убедительных, а стремится в первую очередь развить в своих воспитанниках те индивидуальные черты, которые могут затем определить творческое лицо будущего музыканта.

Еще одна важная особенность Кудрявцевой-педагога заключается, на мой взгляд, в том, что, будучи дирижером с великолепной мануальной техникой, базирующейся не только на хоровом опыте, но и на занятиях в симфоническом отделении у А. Гаука, она не допускает, чтобы ее студенты пользовались «кастовыми» жестами, понятными зачастую только в хормейстерской среде, чем иногда грешат дирижеры-хоровики.

Елизавета Петровна придерживается того мнения, что между хоровым и симфоническим дирижированием не должно быть никакой разницы, ибо в основе и того и другого лежат идентичные принципы звукообразования.

На занятиях Кудрявцевой, как правило, присутствовал весь класс (ведь можно учиться и на чужих ошибках). По просьбе Елизаветы Петровны мы часто подменяли за фортепиано наших концертмейстеров, что помогало

развитию навыков читки с листа и игры «под руку». В классе всегда царила атмосфера доброжелательности, каждого из своих учеников Кудрявцева окружала вниманием и заботой. Она всегда знала, как идут у нас занятия по другим предметам, все ли благополучно дома, как мы провели каникулы, какие концерты и спектакли послушали. Не секрет, что и студенты и даже концертмейстеры класса между собой называли Елизавету Петровну мамой. Сочетание в ней душевной доброты и высокой требовательности не позволяло нам даже подумать о том, чтобы пропустить занятия по дирижированию или прийти в класс неподготовленными.

Есть у Елизаветы Петровны еще одно детище – Хор любителей пения, где она пользуется безграничным уважением и авторитетом. Отдав три десятилетия работе дирижера-хормейстера в Академической капелле, что уже само по себе очень много значит, она не могла остаться без живого «инструмента», с которым имела бы возможность музицировать. В хоре проявляется кипучая энергия Кудрявцевой, ее темперамент, артистичность, способность увлечь любую аудиторию, все равно, говорит ли она, играет или дирижирует. Рассказ о работе этого коллектива – тема для отдельной статьи. Скажу только, что он подобен одной большой семье, которая собирается на репетиции и концерты как на праздник.

Хочу пожелать Елизавете Петровне крепкого здоровья, творческих успехов, радостей и сказать – спасибо, Учитель!

Дмитрий Китаенко

Дмитрий Георгиевич Китаенко (род. 1940) – русский дирижер, народный артист СССР, лауреат Первого конкурса дирижеров Герберта фон Караяна в Западном Берлине, профессор Московской консерватории.
1970–1976 – главный дирижер Московского музыкального академического театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.
1976–1990 – главный дирижер и художественный руководитель Академического симфонического оркестра Московской филармонии.
1990–1996 – главный дирижер симфонического оркестра Франкфуртского радио (Германия).
1990–1998 – главный дирижер Бергенского филармонического оркестра (Норвегия).
1990–2004 – главный дирижер Бернского симфонического оркестра (Швейцария).
1999–2004 – главный дирижер Симфонического оркестра Корейской Радиовещательной Корпорации (Южная Корея).

Над моей служебной квартирой в послеблокадной Капелле на Мойке, 20, на третьем этаже, жил музыкальный мальчик Дима. Целыми днями с потолка слышались вместо ребячьей беготни многочисленные этюды Карла Черни и заковыристые импровизации на рояле на все мыслимые мелодии. У Димы была малюсенькая собачонка, которую он регулярно выгуливал на изящном поводке по дворам и набережной. Капельские ребята по неписаной традиции мальчишечьей бурсы за эту собачонку дали Диме прозвище Щен, которое он сохранил и по сей день до седых волос. Когда он учился в старших классах капелльского училища, у Георгия Ивановича Китаенко возникла идея пустить его по технической части. Я многократно отговаривала родителей от этой мысли и оказалась права. Наконец, на меня обрушились каскады фортепьянного концерта Грига и божественные аккорды «Ночевала тучка золотая...» Чайковского, на которой Дима Китаенко впорхнул в мой консерваторский класс.

Годы учебы, сомнений, терзаний. С 1958 года Дима – мой помощник по Хору любителей в Капелле, а в 1964 году – ассистент при подготовке

«Военного реквиема» Бриттена с общевузовским хором Консерватории. В том хоре пели будущие вокальные светила – Образцова, Атлантов, Нестеренко и другие. А далее – аспирантура в Москве, музыкальная академия в Вене, конкурс, победа, признание, Фельзенштейн в Москве ставит «Кармен», за пультом дирижер Дмитрий Китаенко, премьера, министр культуры Фурцева дышит в затылок дирижеру, «Кармен» в Берлине в «Комише-опер», театр Немировича и Станиславского – главный дирижер, оркестр Московской филармонии – главный дирижер.

Гастроли, концерты, успех, почетные звания…

Его главная черта с юношеских лет – петербургская коммуникабельность, необычайная легкость (не легковесность) в общении с людьми. Через пять минут он свой и с певцами Хора любителей, и с сотрудниками дипломатической миссии в Вене, и со многими знаменитыми европейскими и американскими оркестрами. Все обращают внимание на его «поющие» руки и неизменную покоряющую улыбку на лице, а когда надо и «караяновскую поступь» диктатора в отстаивании композиторских концепций.

В последние годы у Димы вспыхнула новая страсть – живопись. И кистью он владеет так же профессионально, как и дирижерской палочкой.

Мне, учителю, приятно читать сегодня отзывы Караяна, Светланова, Власова о Диме, да и его лестные слова в мой адрес в многочисленных интервью.

Как обидно, что популярный и любимый в мире дирижер Дмитрий Китаенко совсем почти неизвестен новому поколению молодых российских музыкантов и ценителям музыки.

Его письма ко мне из Москвы и Вены 60-х годов в начале карьеры и сегодняшние из Швейцарии, где он живет ныне, чрезвычайно поучительны для молодежи.

Октябрь 2003 года

«06.07.1963 г.

Многоуважаемая Елизавета Петровна!

Прошу Вас простить меня за столь долгое молчание, все время занимался, не имея возможности передохнуть ни на минуту. Вчера вечером закончился последний экзамен: история КПСС. Окончил экзамены я так же, как и начал, завершив и придав им законченность по форме (начало 5 - - - конец 5, а вот середина). Несколько слов о „серединных“ экзаменах. Как я Вам уже сообщал, по работе с хором я получил 4. Мой конкурент тоже получил 4, но я видел его работу и он мне напомнил перед хором А. А. Козловского. Постарайтесь представить? Вся работа его сводилась к следующему: басы повыше „ре“, тенора погромче, женщины помягче. Мне

показалось, что К. Б. Птица был доволен такой работой. Елизавета Петровна, такого „трофейного“ хора, пожалуй, больше нигде не услышишь. Мне даже не поверилось, что такое может быть в столице. Чуть-чуть еще о первом экзамене. Я готовился с огромным желанием „выдать“ все свои знания. Как Вы меня учили, я прошел все „Реквиемы“, кантаты, хоры, оратории, в общем, мог сыграть и рассказать о многом, твердо памятуя все Ваши соображения об этих сочинениях. Наступил экзамен. Вошел, „поздоровкался“. Мне предложили продирижировать что-нибудь. Я сказал, что вначале хотел бы сыграть что-нибудь. Сыграл партитуру Танеева, дирижировал Берлиоза. Сложность заключалась в том, что встреча с концертмейстерами была за 40 м. до экзамена. Была срочная замена одного внезапно заболевшего концертмейстера. После дирижирования меня выпустили и дали билет: Верди „Реквием“ и последние теоретические труды А. А. Егорова, вопросы о строе и интонации в хоре. Я был очень доволен. Наконец, дверь 19 класса захлопнулась за мной вторично. Ко мне устремился Агажанов, сыграл последовательность на слух, затем чтение с листа голосом и руками, транспорт голосом и руками, масса теоретических вопросов по гармонии и полифонии. Я отвечал с остервенением и ждал разбора „Реквиема“ Верди, но, к сожалению, меня попросили рассказать только о драматургии, о регистрах в партиях и разобрать последнюю фугу. Все пришлось объяснять „всухую“ и только фугу удалось разобрать и сыграть на фортепиано. В общем, я был занят на ответе 45 минут. Конечно, хорошо бы ввести и нам такие экзамены. Безусловно, это был настоящий коллоквиум, но я был готов к большему, и не удалось выступить так, как давно хотелось.

Трудный был диктант по сольфеджио. Я даже не предполагал трехголосного. Ведь мы писали и слушали хоровую фактуру и 4х-голосные диктанты, а здесь я растерялся и не знал, что делать. Наконец, я опомнился и начал писать все, что слышу, не соблюдал, конечно, голосоведения. Гармоническую задачу пришлось писать вместе с теоретиками и композиторами. Я особенно не пытался „усложняться“ и решил ее простыми средствами. Результаты письменных работ неизвестны. Их будет рассматривать ученый совет при зачислении, а пока меня ждал английский язык. Язык сдавали письменный и устный. Я никогда не знал, что много так слов в этом английском. Что ни слово, то словарь. Даже противно. То ли дело наши негритянские песни, все понятно и просто, а здесь все переводные тексты, как клубки колючей проволоки. Мне удалось пройти и через эту „геенну“. Я, оказывается, удовлетворил требования комиссии, ну и слава Богу, вспомнив нашего Лешу-тенора[1]: „А на большее ты не рассчитывай!“ Последние дни подготовки, экзамен истории КПСС и вот все кончено. Экзамены сданы и мне остается ждать приказа.

[1] Семенов А. М. – певец Хора любителей пения.

Здесь очень хорошие люди. Очень внимательно и тепло ко мне относятся Александр Васильевич[1], Анна Федоровна[2], очень хорошая диспетчерская. Но все-таки, конечно, Ленинград, Консерватория, знакомые и хорошие люди у нас в хоре сидят у меня внутри крепко. В Москве я очень ясно чувствую, что я из Ленинграда, выпускник Ленинградской консерватории и что пока я один, маленький, никому ненужный китаенко. Елизавета Петровна! Я от всего сердца благодарю Вас за все, что Вы для меня сделали, терпеливо и с необыкновенным энтузиазмом и любовью воспитывали меня, растили и обучали. Я так себя спокойно чувствовал, когда репетировал с концертмейстерами, дирижировал на экзамене и работал с хором. Перед каждым экзаменом я мысленно советовался с Вами, заряжался Вашей энергией и уверенностью. Елизавета Петровна! Вы мне очень помогли сдать все эти экзамены. Большое Вам за все спасибо. Я всегда чувствую себя Вашим учеником и везде буду стараться брать пример и учиться у Вас.

В Ленинград, очевидно, прибуду не раньше 9–10 июля. Здесь в Москве со мной мама и папа. Папа здесь в командировке на несколько дней. В Москве очень холодно, идут дожди. Мне здесь уже поднадоело. Живем мы далеко – за МГУ, т. е. довольно долго ехать в центр. Ну вот и все мои „отклонения и модуляции“. Большой привет всей Вашей семье. По приезде в Ленинград тотчас позвоню.

Ваш ученик Дима.

P.S. Сердечный поклон Вам и семье от моих родителей. Елизавета Петровна! Удалось ли записать Успенского[3]? Часто думаю о хоре и как Вы там справляетесь одна!»

«Многоуважаемая Елизавета Петровна!

Простите меня, пожалуйста, за столь долгое молчание, но все это время пришлось мне непрерывно заниматься устройством всех бытовых дел в Москве. А опыта, как Вы знаете, в таких делах у меня почти нет.

Столкнулся с непредвиденными трудностями по вопросу перевода Иры[4] в Московскую консерваторию. Приходилось ходить, узнавать, ждать, объяснять, советоваться и т. д. Но пока этот вопрос так и остался неразрешенным. Очевидно, еще надо немного подождать. Пока на четвертом курсе нет места, и придется его ждать. Конрапунктом к этому вопросу является вопрос с жильем. Все время ищу себе подходящую изолированную несмежную комнату. Это вызвано ухудшением моих отношений с хозяевами. Сначала все было хорошо, но вот стало холоднее на улице, и может

---

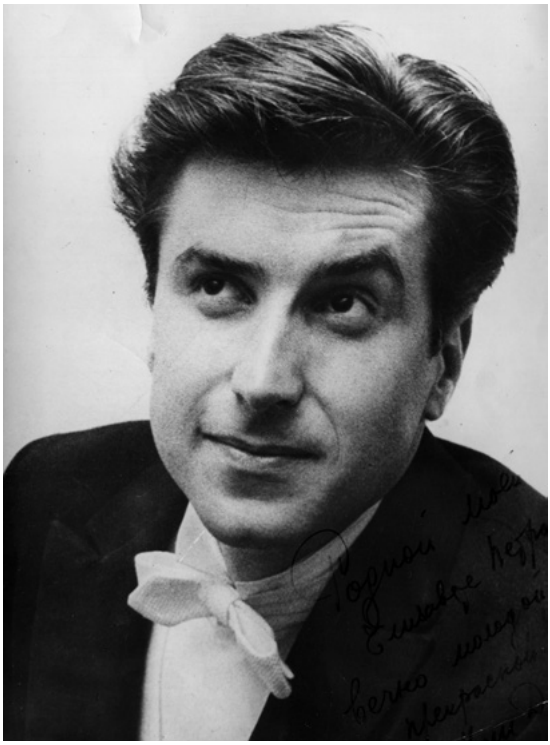
1 Свешников А. В. – дирижер, хормейстер, народный артист СССР.

2 Чураева А. Ф. – заместитель директора Московской консерватории.

3 Успенский В. А. – композитор, музыкант-этнограф.

4 Байгер Ирина – супруга Д. Г. Китаенко.

быть, поэтому они стали выпивать по-рабочему и крепко. Ну а уж после рапсодий наслушаешься на весь вечер. Я деликатно пробовал их успокаивать, но все безрезультатно. Очень жалко, что я не обладаю физической силой. Нужна она мне стала, а ее нет. В сильные моменты беру, какие под руку попадутся ноты, и начинаю сольфеджировать. Помогает. Все время катаюсь по Москве и разговариваю с различными квартиросъемщиками: тонкими и толстыми, низкорослыми и длинными, с тенорами и басами, с альтами и сопрано. Приобрел уже некоторый навык разговоров с ними, а комнаты пока нет. Однако надежды не теряю, ищу комнаты, как пограничник нарушителя. Кроме всего этого, я все время был без преподавателя, и это меня сильно волновало. Вдруг мне сказала Валентина Максимовна[1], чтобы я зашел в класс Хазанова и, что он якобы согласился взять меня в свой класс. Я зашел, подождал и вот, наконец, и сам Хазанов, окруженный двумя телохранителями-концертмейстерами. Сзади, понуро опустив голову, шли две тени – два студента. Хазанов встретил меня очень приветливо и рассказал, что на заседании Хорового общества в Краснодаре, сидя в президиуме, он получает от Вас записку следующего содержания: „Прими к себе в класс Китаенко“, на которую он и ответил согласием.



Елизавета Петровна! Я хочу еще раз горячо поблагодарить Вас за все, что Вы для меня сделали в Ленинграде, в Консерватории и в хоре. И вот теперь Вы так неожиданно помогли в моем устройстве в Москве. Большое Вам спасибо за Ваше доброе и заботливое ко мне отношение. Теперь я скоро составлю план работы и приступлю к изучению музыкального материала. Александр Борисович[2] сказал, что в основном будет задавать оперы из репертуара Большого театра и вообще давать консультации по оперной литературе. Вопрос с педагогом решился. Остальные занятия идут

[1] Валентина Максимовна – лаборант Московской консерватории.

[2] Хазанов А. Б. – профессор Московской консерватории, народный артист России.

полным ходом. Вовсю занимаюсь английским языком и философией. Узнаю огромное количество интересных и полезных для себя знаний. Вы даже не представляете, каким я чувствую себя серым человеком, ничего не знающим кроме своей узкой специализации. А кругом так много интересного и полезного. Я стараюсь „запускать“ свой длинный нос во все отрасли. Пока все хаотически нагромождается, но думаю, что скоро установлю порядок в своих занятиях в этой области. Был на репетиции хора студентов Консерватории. Работали аспиранты. Экзамен прошел очень неинтересно и бледно. В программе было всего три-четыре вещи, довольно неинтересные. Очень много Чеснокова, Новикова, Проснака, итальянские песни (плохие), и других композиторов-любителей. Даже не верится, что такая разница между Ленинградом и Москвой. Сравнение явно не в пользу последней. И я вспомнил наш хор, который так мне много дал и подарил много, очень много радостных, счастливых минут. Я вспоминаю репетиции, отбор репертуара, концерты, на которые все так стремились, чудных людей. В памяти ясно стоят и наши сборы на концерты. Я приходил к Вам домой, и мы в пути. Как вы объясняли Шурику[1] и мне, что и когда и где сделать, приобщали нас к концертной работе. А какое чувство удовлетворения бывало по вечерам, когда, возвращаясь с концерта, мы разбирали выступление по мелочам, и Вы указывали нам на наши ошибки, и все мы были счастливы, что приносили людям хорошее настроение и прививали любовь к музыке. К сожалению, мне в Москве никакого общения с хором „не грозит“. Даже не знаю, что и делать. Так и хочется пойти к кому-нибудь в хор и попроситься поработать. Просто зуд в руках.

Елизавета Петровна! Передайте всем милым любителям, что я их очень люблю и вспоминаю очень часто. Обязательно напишу письмо хору. Так и вижу, как все в понедельник и четверг бегут и „ныряют“ в дверь. Потом еще рывок по коридору и вот – зал. Все рассаживаются и ждут дирижера. Все готово. Можно начинать. За дверью жалостливо блестят глаза опоздавших. Приходится пустить. А потом все своим чередом. Когда немного „скисал“, то брал сил у наших певцов-юмористов. Георгий Георгиевич[2] исполняет трель в третьем негритянском спиричуэле. Василий Алексеевич[3] – фортиссимо во втором куплете „Белеет парус“. И так далее.

Желаю всему хору больших успехов, и буду встречать в Москве Вас обязательно уже я, а не Шурик.

Поздравляю Катю[4] и всю Вашу семью с заслуженным большим успехом Кати в Англии. Очень интересно было бы узнать обо всех условиях и обо

---

1 Мурин А. А. – сын Е. П. Кудрявцевой, журналист, хормейстер, преподаватель.

2 Мартихин Г. Г. – участник Хора любителей пения.

3 Васильев В. А. – участник Хора любителей пения.

4 Мурина Е. А. – дочь Е. П. Кудрявцевой, пианистка, народная артистка России.

всех трудностях конкурса, которых было, конечно, огромное количество. Катя просто молодчина.

Большой поклон нашему классному оркестру: Людмиле Борисовне[1] и Августе Николаевне[2] и дирижерам класса.

Староста, будь бдителен. Все классные праздники отмечай должным образом. Все вопросы по этому поводу у Людмилы Борисовны.

Уважающий Вас, Дима Китаенко».

«8 апреля 1964 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Елизавета Петровна!

У меня огромная радость. Вышел приказ о моем официальном переводе на симфонический факультет. Большое Вам спасибо за ту огромную помощь и заботу, которую Вы мне оказали и помогли при переводе в симфоническую аспирантуру. Мне просто не верится, что сбылась моя самая заветная мечта. Все эти события совершились мгновенно. После Вашего отъезда из Москвы, после пленума, Александр Васильевич собрал бригаду студентов, бывших в г. Североморске, и после беседы с ними сказал мне, чтобы я поговорил с Гинзбургом о возможности моего перевода в симфоническую аспирантуру. Я „затрясся“ от желания и „утонул“ в партитуре „Неоконченной симфонии“. Через день я был у Гинзбурга, он меня принял хорошо, а когда узнал, что я Ваш ученик, даже от удовольствия заикаться перестал. Он сказал: „Ученик Елизаветы Петровны – это для меня лучшая рекомендация“. Я встал за пульт. Все в классе затихло: студенты на меня смотрят во все глаза и как бы говорят: „Что еще за явление?“ Концертмейстеры смотрят тоже с ироническим интересом. Я мысленно себе сказал: „Ну, Дмитрий Георгиевич из Петербурга, давай!“ Подумал, собрался, моментально вспомнил Ваши наставления и представил, что вы сидите в классе, и что я буду дирижировать Вам. Успокоился, загорелся… Вроде бы вышло неплохо для первого раза. Л. М.[3] дал мне задание на оркестр, где должен произойти экзамен. Учил я „Фингалову пещеру“. После репетиции Тэриан и Гинзбург составили протокол и все, дело пошло развиваться уже без моего вмешательства. На репетиции я понял, сколько много мне дало общение с коллективом (манера поведения, разговор, темп работы и другое). Хорош бы я был, если бы не работал в нашем хоре. Ведь особыми знаниями в области оркестровой игры я еще не могу похвастаться.

Елизавета Петровна! Глубоко благодарен Вам за Вашу неистощимую творческую энергию, которую Вы все время хотите передать, и передаете

[1] Лепянская Л. Б. – концертмейстер класса Е. П. Кудрявцевой.

[2] Мозжухина А. Н. – концертмейстер класса Е. П. Кудрявцевой.

[3] Гинзбург Л. М. – профессор Московской консерватории.

своим ученикам, огромную работоспособность, желание передать все свои знания и талант и вложить в нутро своих студентов. Я вспоминаю все Ваши уроки, на которых надо было все время активно работать, соображать, отдавать всего себя. Вы „разожгли“ во мне огромную любовь к искусству, к работе, к знаниям, передали умение подойти к музыкальному материалу, найти в нем главные стороны. Я просто поражаюсь, глядя на других студентов, удивляясь их полной беспомощности и элементарной необученности. Все это кажется таким естественным и простым. Все то, чему Вы меня учили, я вижу и испытываю на практике. Только надо было быть со мной еще строже и давать мне значительно больше работать. Я этого раньше не понимал. Какое огромное количество произведений можно пройти у Вас в классе! Совершенно искренне хочу передать всем ребятам нашего класса, чтобы они работали больше всего по специальности в классе и в хоре. Больше они этому нигде не научатся. НЕ У КОГО!

Теперь я учу вовсю симфоническую литературу. Скоро надо будет договариваться с оперной студией насчет оперы. Работы навалом. Читаю специальную литературу (оркестровку, технику игры, штрихи, и т. д.), хожу на репетиции. В классе у Лео[1] надо дирижировать только наизусть. Дирижирования по нотам он не признает и гонит с пульта. Надо знать все крепко. Очень хорошо. Вот так надо и всем нашим ребятам в классе. Получил задание и в следующий раз наизусть. Сейчас учу „Кирие“ и h-moll мессы (1-е). Скоро думаю приехать в Ленинград. Живу в общежитии. Все в порядке. Была сцена с Хазановым. Узнав, что я ухожу от него, он страшно заверещал и закопошился: „Как? Почему? На каком основании? Ты меня обманул! Я в глупом положении!“ Я выдержал этот натиск и сказал, что хочу развиваться, расти, узнавать новое и т.п. В общем, заговорил его. Я это тоже умею. Так что, все в порядке. Во время всех моих дел очень большую помощь мне оказывали Анна Федоровна[2] и Валентина Максимовна. Когда приедет Александр Васильевич, то я обязательно поблагодарю и его. Он так мне помог. Еще, Елизавета Петровна, сердечно благодарю Вас за все, что Вы для меня сделали и помогли мне встать на ноги. Только Вы сделали из меня такого влюбленного в искусство, и всем, что я умею и знаю, я обязан Вам и глубоко за все благодарен. Сердечный привет Катюше, Алексею Григорьевичу и Шурику. Может быть, через несколько лет Вы мне разрешите сыграть концерт с Катей!

Глубокий поклон нашим любителям. Их здесь очень ждут и хорошо помнят, а меня часто расспрашивают о нашем хоре, как мы занимаемся, как достигли таких поразительных результатов.

---

1 Гинзбург Л. М.

2 Чураева А. Ф. – заместитель директора Московской консерватории.

Кланяюсь нашим концертмейстерам Людмиле Борисовне и Августе Николаевне („Нет хормейстера без концертмейстера“) и всем уважаемым дирижерам.

Ваш ученик Дима Китаенко.

P.S. Елизавета Петровна! Если Вас не затруднит, напишите несколько слов Гинзбургу. Он хотел бы получить от Вас письмо».

«07.06.1964 г.

Москва.

Глубокоуважаемая и дорогая Елизавета Петровна!

Вчера сдал экзамен. Получил отличную оценку. Теперь за меня взялся Гинзбург. Скоро предстоит концерт. Мне Анна Федоровна сказала, как вы за меня беспокоились относительно экзамена. Рад, что не подвел. Сердечно Вам благодарен за Ваше доброе ко мне отношение. Сейчас вовсю буду работать по специальности. Жалею страшно, что не смогу быть в Ленинграде на общем торжестве дорогих любителей, но мысленно вместе со всеми. Еще раз благодарю Вас за большую поддержку и за „зарядку“ рабочей энергией. Большой привет Вашей семье. В Москве сейчас жара. Наверное, сейчас у Вас дома настоящий ботанический сад: масса зелени и цветов. Когда приеду в Ленинград, то сразу же объявлюсь.

С искренним уважением, Дима».

«Вена, декабрь 1966 г.

Многоуважаемая и дорогая Елизавета Петровна!

Уже скоро два месяца, как я нахожусь в Вене. После приезда несколько дней только выглядывал из окна комнаты, не зная с чего начать. Сразу же после праздников пошел в Академию музыки и представил себя на смешанном англо-русско-немецком языке. Профессора мало, конечно, поняли, кто я и что я. И тут же устроили мне вступительный экзамен минут на 60. Я уже имею солидный опыт в сдаче экзаменов и поэтому чувствовал себя довольно уверенно, хотя и волновался внутри. В экзамен вошло следующее: гармония (модуляции с импровизацией), сольфеджио, полифония, игра на фортепьяно с листа клавира и партитуры и несколько практических дирижерских вопросов. Экзамен я выдержал неплохо, и меня зачислили на последний курс Академии. Так как у меня не было денег, местных шиллингов, то я погрузился в долги, из которых рассчитываю выбраться. За все надо платить: за обучение, общежитие, экзамены, библиотеку, студенческую книжку, на случай болезни, хотя я здоров, как Суворов, и т. п. Пришлось позаботиться и о бытовых вопросах, и начал заниматься.

Г. Караян, Г. Алендорф, Д. Китаенко, О. Каму. Западный Берлин. 1969 год

Поселили меня в общежитие технической школы с одним австрийцем. Общежитие находится за зданием Венской оперы. Сосед мой в первое время, впрочем, как и я, ничего не понимал, и мы только улыбались друг другу. Постепенно начинаю что-то лепетать по-немецки. Странно, но все здесь говорят по-немецки, а я здесь иностранец.

В Академии посещаю дисциплины: техника дирижирования, оперное дирижирование, игра оперных клавиров, лекции по современной музыке. Мне очень помогает, что я могу играть на фортепьяно, так как здесь нет никаких концертмейстеров, и сначала сыграй в темпе, а уже потом дирижируй. За инструментом я себя чувствую спокойно, и профессор говорит: „Зер гут!“ Сейчас изучаю „Кармен“, „Фиделио“, „Травиату“ и „Так поступают все“. Впереди еще много опер. В оркестре дирижировал симфонию Гайдна и Первую симфонию Шумана. Каждый вечер я посещаю спектакли или концерт. Прослушал 20 оперных и 5 симфонических концертов. Среди опер: „Кавалер роз“, „Саломея“, „Пеллиас и Мелизанда“, „Волшебный стрелок“. Вспомнил выступление Хора любителей с программой Вебера. На сердце как-то приятно, и руки вспоминают знакомые фразы и мелко подрагивают, желая дирижировать. В оперу я получаю недорогие пропуска в партер на стоячие места и слушаю, слушаю, стараясь все запомнить и впустить в уши, не выпуская.

Впечатлений музыкальных масса. Сейчас в Венской опере много дирижирует Клюитанс. В январе концертами будет дирижировать Ансерме. Я в курсе и гуще всех музыкальных событий, ничего не пропускаю. Немного уже стал распухать от впечатлений.

Профессора довольны моими занятиями и не скрывают удивления относительно моей обученности. Я им в ответ: „Учился в Ленинграде у профессора Кудрявцевой, где получил настоящую музыкальную и дирижерскую

школу“. Делаю все, что спросят: пою, играю, дирижирую. Сперва профессора боялись выпустить меня на оркестр без знания языка. Я сказал, что постараюсь руками что-нибудь сделать. Все прошло хорошо, и скоро произошел весьма знаменательный для меня случай. Студенты последнего года обучения имели запланированный концерт 15 декабря в Большом концерном зале и тщательно репетировали программу. Так как я приехал позже, то, естественно, не был включен в этот концерт. Накануне концерта вечером профессор вызвал меня и предлагает дирижировать завтра первую часть Скрипичного концерта Брамса, так как его австрийский студент не может совладать с оркестром и солистом. Риск был велик. Первый раз дирижировать Брамсом, незнакомый оркестр, солист, одна репетиция и самый большой зал в Вене. Однако, выбора у меня не было, и я решился. Ночь штудировал партитуру, тщательно просмотрел всю скрипичную партию. Утром получил тридцатиминутную репетицию, и моя фамилия была включена в афишу. На концерте присутствовали все студенты и профессора Академии. Я был предельно внимателен, и все прошло как нельзя лучше. Мое положение в Академии значительно упрочилось, и все относятся ко мне с уважением. Рассчитываю получить весной сольный концерт.

В программе – русская и советская музыка.

С большой благодарностью вспоминаю вас, моя дорогая и любимая учительница! Вы мне столько дали!

Крепко Вас целую и очень люблю.

Всегда Ваш и преданный Вам, Китаенко Дима».

«Март 1967 г., Вена.

Многоуважаемая и дорогая Елизавета Петровна!

Сижу я „на горушке-на горе“ и пишу Вам письмо. Сегодня воскресенье, я вышел за город, примостился на пеньке на солнышке, под рукой конверты и бумага. Тишина кругом, „не слышно шума городского“... Что делает Китаенко на чужбине? Первое и основное – слушаю музыку почти каждый вечер то в опере, то в филармонии. Значительно расширил свой оперный репертуар. Много клавиров после прослушивания досконально проигрываю и просматриваю. Скоро закончу „Тоску“ и „Летучего голландца“. Позади – „Волшебная флейта“, „Похищение из Сераля“, „Травиата“. Вглядываюсь в симфонический репертуар. Большой радостью была для меня поездка в Зальцбург на „Валькирию“ с Караяном. Стал значительно больше понимать в дирижировании. Интересно, что хоть самому и не очень часто приходится дирижировать, но чувствую, как растет мой технический багаж. В Караяне поражает необыкновенная сила, постоянное и непрерывное ведение музыкального материала. Ваши слова вспоминаю: „Не выключайся ни на минуту“. В апреле предполагается концерт

с оркестром Академии, но программа еще не утверждена. В учебном порядке дирижировал Брамса, Вторую симфонию, Шумана – Четвертую, Брукнера – Пятую, „Фавна“, 3 и 4 акт „Богемы“. С „Богемой“ было трудновато. Опера и так довольно сложна, а тут еще певцы пели по-немецки, а в партитуре стоял итальянский текст. Был предельно внимателен на оркестровой репетиции, и все прошло хорошо. Все остались довольны. Следующей будет Четвертая Брамса.

Свой оперный репертуар хочу довести до 10–12 названий. Так, чтобы в Союзе можно было при сравнительно небольшом времени встать при необходимости за пульт. Хочу знать все подводные камни всех оперных спектаклей. Профессора и студенты Академии относятся ко мне с симпатией и уважением. Очень хочется работать и на практике применить все полученные знания. Перед 8 марта организовал в Советском посольстве хор, и с большим удовольствием взмахнул новым коллективом в концерте. Теперь надо готовить программу к 1 мая. Все время у меня загружено. Хочется везде успеть, побывать, посмотреть. В апреле в опере будет премьера „Воцека“. Я в этой музыке еще ничего не понимаю. А ведь вроде уже пора...

В Вене часто дирижирует Клюитанс, был Ансерме, приедет Бернстайн. Местные дирижеры не очень интересны в дирижерском отношении, но все крепкие музыканты. Я познакомился с игроками нашей сборной по хоккею, и они проводят меня на игры мирового чемпионата без шиллингов. Постараюсь получить диплом об окончании Венской академии, но это еще не точно. Нужно кое-что „подавить“.

Елизавета Петровна! Все время и всегда буду благодарить Вас, своего дорогого учителя, прекрасного музыканта! Сколько Вы сделали для меня, сколько сил потратили, чтобы из зажатого организма сделать подобие музыканта. Как мне сейчас многие вещи кажутся легкими, не требующими напряжения. То, что я умею и могу, это все Ваш огромный труд, большого мастера, педагога. За все Вам великое спасибо! Для Вас я сделаю всегда все, что будет в моих силах.

Всегда Ваш и преданный Вам Китаенко Дима».

«Дорогая Елизавета Петровна!

С праздником Первого мая Вас крепко поздравляю и целую. Всего Вам самого доброго, Катюше и всем малышам. Надеюсь, что в сезоне 75–76 года смогу побывать в Ленинграде. Забот музыкальных и организационных, как всегда, много. Сейчас выезжаем на гастроли с оперой в ФРГ и Швейцарию. Срок, правда, небольшой, но очень плотный график выступлений. Узнал, что Катюша будет играть в Москве в абонементе Первый концерт Рахманинова. Попросил Кузнецова[1] поставить меня в этот концерт.

[1] Кузнецов А. К. – директор Московской филармонии.

Не знаю, сделает ли он это! Сейчас в Москве мама и папа, а я немножко раскис в сторону гриппа, но долго болеть не могу, третьего уже в путь. Этот год был очень плотным по работе в театре и в концертных делах.

На этой открытке очень хорошо видно, как на свою чудную Белоснежку смотрят неразумные, но преданные гномы. Родная моя Елизавета Петровна! Я крайний слева в этом строю и всегда очень близко с Вами.

Крепко Вас целую и обнимаю.

Ваш Дима.

Мама, папа и Неля[1] поздравляют Вас и целуют.

Всем любителям низкий поклон!»

«Берн, 3 ноября 1998 г.

Дорогие друзья! Дорогие юбиляры!

Несравненная Елизавета Петровна!

Концертом 31 октября 1998 года вы отпраздновали 40-летие своего музыкального рождения! За эти годы Хор любителей пения стал гордостью Ленинграда (Санкт-Петербурга), символом высокой музыкальной культуры России.

Я никогда не забуду репетиции, концерты с вами, дорогие Любители! – „Барашеньки-крутороженьки…“, „Во лузях…“, „Веники-помелики…“,

[1] Супруга Д. Г. Китаенко.

„Ave Maria“, Глинка, Танеев, Чайковский, Чесноков, Вебер, Малер, Мендельсон, Салманов, Шостакович… Да и невозможно перечислить, сколько же вами сделано для русской хоровой культуры, какой огромный репертуар хоровой музыки вы исполнили в концертах! А праздники песни, а импровизированные концерты на площадях и набережных Невы во время белых ночей!!

Я всегда с особой благодарностью вспоминаю, как терпеливо, благожелательно и с большим доверием вы относились к моим первым дирижерским шагам и как всегда радовались удачной репетиции или успешному концерту. Эти годы я никогда не забуду.

Хор любителей пения является коллективом высочайшего профессионального класса, творческим содружеством людей, все сердцем и душой любящих музыку, созданный и воспитанный ЛЕГЕНДАРНОЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ ПЕТРОВНОЙ КУДРЯВЦЕВОЙ!

Я, как и вы, по сей день восхищаюсь ее божественным музыкальным и человеческим даром!

Счастья, здоровья, душевной бодрости и постоянного творческого CRESCENDO!

С искренним уважением и любовью, Ваш Дима Китаенко».

«Дорогая Елизавета Петровна!

Опустил письмо в почтовый ящик и помчал в Москву (как Радищев) из Петербурга. Не хотел Вас тревожить, т. к. время раннее, да и праздник все-таки. Позвоню Вам из Москвы либо сегодня вечером, либо завтра.

Крепко Вас целую и Ваше семейство.

Ваш Дим-Щен-Кит».

«Май 2004 г.

Дорогая Елизавета Петровна!

Сколько птенцов Вы выходили, научили их летать и петь! Сколько доброты, сил, терпения и Вашего неповторимого и уникального музыкального и человеческого таланта Вы вложили в каждого из нас – укрепляя наши дирижерские крылья, приучая наши клювы к борьбе, сердца к доброте и голоса к эмоциональному пению.

Мы, все Ваши многочисленные ученики, которые разлетелись из родного гнезда, сегодня летают и поют по всей нашей планете, поют – „СЛАВУ“ – Великой Академии Музыки, которую Вы создали и превратили в образец служения Искусству!

Все Ваши воспитанники разных годков; и у некоторых и клювики не так уж остры, да и глазки не больно востры, но все: будь то еще желторотые птенцы или оперившиеся птахи или седовато-лысоватые орлы – обожают

дорогую Елизавету Петровну, которая в каждого вложила частицу своего дара, своей души и научила нас честно трудиться, много работать, стараться быть в искусстве и в жизни на самых больших высотах.

И я счастлив и горд, что принадлежу к дирижерско-певческой семье, которую пилотируют к творческому Олимпу – Царица Лебедь – моя дорогая и любимейшая Елизавета Петровна!!

Ваш Китайчик.

P.S.: а ведь есть классы, где тоже воспитывают птенцов, но они почему не летают, а только кудахтают?!»

Воспоминания Дмитрия Китаенко

Для газеты «Музыкальные кадры», 1989 год.

Я поступил в Ленинградскую консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова в 1958 году. В это время в Консерватории работали многие профессора, которые воспитывались в те годы, когда в стенах Консерватории преподавали Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Лядов, А. К. Глазунов и другие корифеи русской музыки, когда в классах Консерватории звучали первые композиторские опусы «титанов» XX века – Стравинского, Прокофьева, Шостаковича. Все это создавало особую атмосферу возвышенного и трепетного отношения к музыке, к профессии, к знаниям. В зале, который теперь носит имя А. К. Глазунова, нередко проходили экзамены и студенческие концерты. Одно сознание, что в «этом ряду» и на «этом кресле» сидел А. К. Глазунов, порождало не только холодок страха в душе, но и пробуждало большие творческие силы, высокую ответственность, желание оправдать звание студента Ленинградской консерватории. Так мне казалось тогда, – так я думаю и сейчас.

Наверное, в жизни каждого музыканта есть человек, который оказал наибольшее воздействие на формирование личности, художественного вкуса, отношения к профессии, к коллегам, кого по праву можно назвать самым главным своим учителем. В моей жизни таким человеком стала Е. П. Кудрявцева. Будучи одним из крупнейших хоровых дирижеров страны, ученица замечательного мастера русского хорового искусства М. Г. Климова, энциклопедически образованный человек, Е. П. Кудрявцева олицетворяла для нас, студентов ее класса, связи времен, передавая то трепетное отношение к искусству, в сочетании с высоким профессионализмом, которое всегда отличало больших русских музыкантов.

Класс Кудрявцевой... Для меня это целый мир, полный прекрасных открытий. Попав в ее класс, я пришел в семью. Мы, студенты ее класса, несли к ней все свои радости и неприятности, все – от проблем трактовки хоровых сцен Бородина до вопросов, связанных с совсем непростым нашим студенческим бытом. Души Елизаветы Петровны хватало на все и на всех.

Никто не был обойден ее вниманием, участием, советом и реальной помощью, – поэтому для нас, ее студентов, это была семья. Должен сказать, что все мы этим очень гордились и дорожили. Но главное, конечно, были занятия, часто переходившие из стен Консерватории к ней домой и заканчивавшиеся далеко за полночь. Ее уроки – это целая поэма! Огонь, жар, сжигающие и ее самою и студента, совместные поиски исполнительской трактовки, ибо для нее не существует готовых рецептов, выявление в первую очередь того, что заложено в тебе самом, а не слепое повторение авторитетных трактовок, святое, до исступления стремление к совершенству – всем этим были наполнены все пять лет учебы, ставшие одними из самых счастливых лет в моей жизни. Не все, конечно, было безоблачно, порой выпадали «осадки» и довольно сильные, когда вместо привычного «Дима – ты» звучало стальное, холодное «вы», и тогда было ясно – грядет гроза! Сейчас, уже спустя более двадцати лет, я об этом вспоминаю с благодарностью и какой-то ностальгической улыбкой, но тогда... Это была настоящая доброта поразительно красивого человека.

Творческий и эмоциональный заряд, полученный в стенах Консерватории, я продолжаю нести и сегодня. Эта «кудрявцевская закваска», столь сильная в ее учениках, помогает мне и в моей сегодняшней работе главного дирижера и художественного руководителя Академического симфонического оркестра Московской государственной филармонии и в педагогической работе со студентами в Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

Годы моей учебы в Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова – один из самых счастливых периодов в моей жизни. Общение с замечательными музыкантами-педагогами Консерватории, открытие и приобщение к миру музыки, незабываемые дискуссии, «бдения», споры со своими товарищами-студентами, увлеченными и жадными в поисках истины, в общем все то, что составляет студенческую жизнь – яркую, шумную, беспокойную – все это я несу в своей душе и никогда не смогу этого забыть.

«Музыкант, педагог, человек»
Журнал «Советская музыка», 1981 год, № 6.

Когда я думаю о Елизавете Петровне Кудрявцевой, то вспоминаю «музыкальную колонию» известного русского фортепианного педагога Николая Зверева, у которого учился Рахманинов. Та же бесконечная самоотдача педагога, та же атмосфера почитания его учениками, рожденная непререкаемым авторитетом учителя. Занятия никогда не исчерпывались у Елизаветы Петровны учебными часами. И в Капелле, и в Ленинградской консерватории питомцы ее имели счастливую возможность много

общаться с профессором – в классе, в ее доме, впитывая музыку, впитывая высокопрофессиональное к ней отношение, впитывая беспримерное умение Елизаветы Петровны общаться с людьми.

В период, когда я готовился к поступлению в Консерваторию, Елизавета Петровна регулярно занималась со мной по два часа в день. Сколько музыки переиграли мы в четыре руки – чаще всего Гайдна и Моцарта, сколько я пел и дирижировал под ее руководством! Не знаю, кто более волновался – сам я, мечтавший поступить в класс Елизаветы Петровны, или она, всегда так болевшая за каждого своего воспитанника, так много каждому помогавшая.

Если я могу, без опасения прослыть нескромным, сказать сейчас, что обладаю как дирижер достаточно свободными руками, то это качество появилось у меня благодаря великолепной методике занятий в классе Кудрявцевой.

Когда я перешел на пятый курс Консерватории, я услышал:

– Пойдем к Грикурову показываться. Будешь дирижировать оперно-симфоническую сцену.

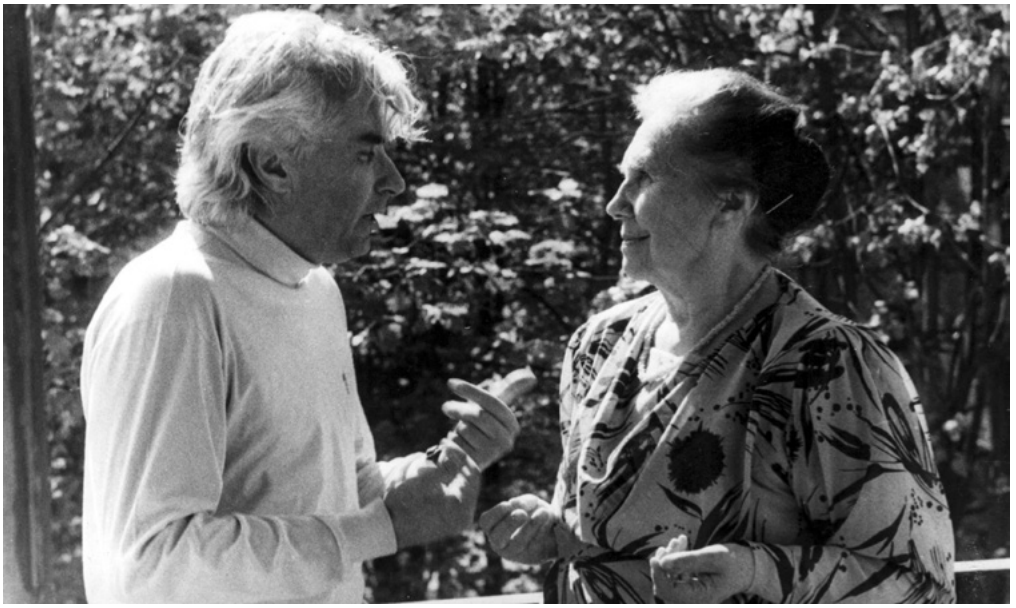
Выучил я первую сцену из «Бориса». Пришли вместе с Елизаветой Петровной в класс профессора Грикурова. Особого энтузиазма Эдуард Петрович не выказал, прослушав новоявленного «дирижера». Но Кудрявцева сумела все-таки его убедить начать со мной занятия. Учась на пятом курсе дирижерско-хорового факультета, я посещал и класс Грикурова. Елизавета Петровна постоянно интересовалась, доволен ли Эдуард Петрович моими успехами. Продолжал я в то же время работать и в Хоре любителей пения, о чем еще скажу позже. Кудрявцева вообще придерживалась убеждения, что студентов очень полезно нагружать работой, что интенсивность самостоятельной творческой деятельности не станет для них тогда столь неожиданной.

Все вроде бы складывалось у меня как нельзя хорошо. Заканчивая Консерваторию, я был среди лучших на факультете, прочился в аспирантуру, был даже примечен Александром Васильевичем Свешниковым; Елизавета Петровна непременно приводила его на репетиции Хора любителей пения, когда он гастролировал в Ленинграде. И вдруг – новая неожиданность. «Ты поедешь в Москву, – услышал я от Кудрявцевой. – Надо, чтобы тебя прослушал Лео Морицевич Гинзбург...» Она стала убеждать Гинзбурга взять к себе в аспирантуру молодого человека, который не кончал консерваторского курса по оперно-симфоническому дирижированию. И убедила – никто, видимо, не мог противостоять сильному воздействию личности Елизаветы Петровны.

Ловлю себя на мысли, что, взявшись говорить о Елизавете Петровне Кудрявцевой, я то и дело сбиваюсь на разговор о самом себе. Но что поделать,

если все основные, все переломные моменты моей творческой жизни так или иначе связаны с нею?

...1969 год. В Западном Берлине предстоит Международный конкурс дирижеров имени Караяна. Советуюсь и с Гинзбургом, и, конечно, с Кудрявцевой, чье «благословение» много значит для меня. Она специально приезжает в Москву, чтобы «благословить».



Д. Г. Китаенко, Е. П. Кудрявцева. 1989 год

Я не говорил бы всего этого, если бы не был уверен, что с такой же душевной щедростью Кудрявцева и относилась, и относится ко всем своим ученикам. С каждым новым консерваторским выпуском она обрастает новыми «семьями», оставаясь центром огромного уже теперь содружества музыкантов, именуемого «школой Кудрявцевой». Конечно, как у каждого педагога, у Елизаветы Петровны бывали студенты разных способностей. Но характерно, что нет среди ее выпускников ни одного, кто бы не выявил своих способностей в полной мере, кто бы не шел по избранному пути вперед, кто духовно опустился бы. Сказывалось воздействие ее волевой, сильной, исполненной оптимизма личности. Как много музыкантов грешат тем, что вечно хнычут: далеко живу, плохие студенты, нерадивые артисты хора (оркестра) и так далее и тому подобное. Кудрявцева никогда не позволяла себе быть в позиции недовольного – такой иной раз удобной и выгодной позиции.

Вскоре после того, как Елизавета Петровна возглавила в Ленинграде Хор любителей пения, она взяла меня в этот коллектив хормейстером.

Здесь мне открылось, что участники хора боготворили Елизавету Петровну ничуть не меньше, чем мы, ее студенты. В Хоре любителей пения очень скоро после прихода Кудрявцевой создалась такая же единая дружная семья, как и в консерваторском ее классе. После трудного дня, наполненного занятиями в Консерватории, заботами по дому, обязанностями одного из руководителей Ленинградского хорового общества, обязанностями депутата Ленсовета, Елизавета Петровна появлялась на вечерних репетициях «своего» хора неизменно бодрая, подтянутая, улыбающаяся. И так два раза в неделю – с семи до десяти вечера... А когда репетиция завершалась, ее провожала до автобусной остановки вереница хористов. Энергии Елизаветы Петровны хватало на то, чтобы блестяще организовать работу штаба хора, чтобы звонить руководителям предприятий и организаций, где работали ее хористы, разъяснять тем, кто недопонимал, какое важное значение в жизни человека может и должно занимать искусство, музыка. Она была одним из самых активных организаторов ленинградских праздников – Дней песни. Ежегодно в период белых ночей Хор любителей пения пел где-нибудь за полночь на набережной Невы, привлекая своими импровизационными выступлениями большие аудитории.

Именно благодаря Елизавете Петровне понял я великую силу коллектива, огромную пользу творческого организма, все участники которого работают с полной самоотдачей, на началах доверия и взаимного уважения.

В Хоре любителей пения открылись мне и лучшие свойства Кудрявцевой – исполнителя, дирижера, музыканта. Елизавета Петровна обладает удивительным даром дирижера. Она без всякого видимого напряжения увлекает за собой коллектив, заставляет каждого его участника работать на пределе своих художественных возможностей, ее руки владеют секретом пения, секретом передачи хору образного содержания звучащей музыки.

Меня всегда поражало в концертах Кудрявцевой редкое ощущение музыкальной формы. Что бы ни исполнялось под ее управлением – обработка русской народной песни «Веники», блистательно выполненная Ф. Рубцовым, или «Ave Maria» Брукнера, чувство формы, «конструкции» целого никогда не изменяет дирижеру. В ее броском, очень эмоциональном жесте нет ничего жесткого, «ударяющего» по музыке. Яркость дирижерского дарования Кудрявцевой магически влияет не только на артистов хора, но и на публику. Не случайно на концертах Хора любителей пения всегда царит какая-то особая приподнятая атмосфера. Это всегда праздники, во имя которых, как мне кажется, живет и трудится Елизавета Петровна.

И еще одна черта творческого облика музыканта – всегдашнее желание сказать свое слово в интерпретации хорошо известных произведений – от песен «В темном лесе» или «Белеет парус одинокий», от хоров Чеснокова и Кастальского до капитальных партитур ораториального жанра. Быть

может, именно эта черта Кудрявцевой более всего ценится в ней участниками такого профессионального и такого до капризности требовательного к дирижерам коллектива, как Хор дирижерско-хорового факультета Ленинградской консерватории. Здесь все знают все – так, по крайней мере, кажется студентам-хормейстерам, участникам этого хора. Но приходит Кудрявцева, звучат хрестоматийно известные «Вечер» Танеева или «Венецианская ночь» Глинки, и нет числа новым краскам, нюансам, полутонам, которые она в избытке обнаруживает в этих партитурах. А как радостно, как азартно относится Елизавета Петровна к импровизациям своих студентов-дирижеров!

Полвека творческой деятельности – это уже само по себе подвиг. Полвека творческой деятельности с такими блистательными результатами, как у Кудрявцевой – хормейстера и педагога, – это подвиг вдвойне. Ведь ее любительский хоровой коллектив стал давно уже необходимой составной частью музыкальной культуры Ленинграда – города, который никак не может пожаловаться на недостаток хороших хоров – и самодеятельных, и профессиональных. Ведь среди учеников Кудрявцевой – дирижеры Александр Дмитриев и Тимур Мынбаев, Равиль Мартынов и Алексей Степанов, хормейстер Куно Аренг, художественный руководитель ансамбля Киевского военного округа Александр Пустовалов, руководители эстрадных ансамблей Александр Броневицкий и Теймураз Мегвинетухуцеси...

Примите же, дорогая Елизавета Петровна, самый сердечный привет и самые теплые поздравления от одного из многочисленных своих учеников и здравствуйте еще очень долго на благо нашего всеми любимого музыкального искусства! И пусть еще многие поколения студентов, артистов Хора любителей пения, слушателей будут опалены горячностью Вашего сердца, заражены Вашей жизненной и творческой неудержимостью!

26 февраля 2007 года, Швейцария

Окончив Хоровое училище имени Глинки в 1958 году, я поступил в Ленинградскую консерваторию на хоровое отделение в класс Елизаветы Петровны Кудрявцевой. Это была мечта всех абитуриентов – попасть именно в класс Кудрявцевой. Думаю, я даже не предполагал, какое это невероятное счастье и везение судьбы – оказаться в классе Елизаветы Петровны. Я попробую сейчас остановиться на нескольких пунктах и рассказать, как занималась Елизавета Петровна со своими студентами, со своими, как она называла нас, «малышами».

Я начну с примера, который у меня навсегда остался в памяти. Елизавета Петровна предложила мне на первый урок принести хор из оперы «Князь Игорь» Бородина, «Хор поселян» из 4-го акта оперы. В классе музыкой руководили две прекрасные исполнительницы-пианистки

Людмила Борисовна и Августа Николаевна, опытнейшие, знающие репертуар, обожающие Елизавету Петровну, действительно незаурядные женщины, терпеливые, остроумные и невероятно профессиональные. Вот, встав за пульт, я начал, как мне тогда казалось, дирижировать «Хор поселян» – «Ох, не буйный ветер завывал». Рядом по сцене находится Ярославна, текст которой «Ах, плачу я...», очень, кстати, близкая ариоза к народным причитаниям. Я не только дирижировал, я изображал, действительно завывал, как буйный ветер, и плакал, как Ярославна, приседал, краснел, пыхтел. Шла просто какая-то невероятная работа, которая как мне казалось, должна была получить должную оценку слушателей в классе, где всегда было много народа, и, конечно, прежде всего, Елизаветы Петровны. Я остановился в ожидании. И вдруг раздался голос Людмилы Борисовны:

– Гнать надо!

Елизавета Петровна никак не отреагировала на эту точную абсолютно реакцию на содеянное мной, посмотрела строго, как мне показалось. Людмила Борисовна замолчала, и Елизавета Петровна сказала:

– Ну что ж, будем работать.

И началась работа. В чем она заключалась? Не в один миг, не за одну неделю, месяц, а примерно год, а, может быть, и больше Елизавета Петровна снимала с меня эту мышечную зажатость, эту квазимузыкальную демонстрацию мимики, скорби, восторга, гримасы, страдания, когда, продирижировав небольшой хор, я испытывал огромное утомление, мне было трудно дышать, я должен был восстановить дыхание, и мне казалось, что именно так и должно быть, такое сопереживание в момент дирижирования необходимо. Елизавета Петровна была невероятно терпелива и искала все время приемы, чтобы освободить руки, как она говорила, чтобы освободить тело от зажатости, от мышечного напряжения, чтобы человек, стоящий за пультом, дышал ровно, смотрел естественным взглядом. Например, такие способы: встать, прижавшись вплотную спиной к стене, чтобы руки свободно, без участия всего корпуса могли двигаться во всех направлениях, или сесть на стул, прижаться к спинке стула, и делать тоже самое, ноги на полу, и никаких движений ни ногами, ни туловищем, только свободное движение рук во всех направлениях и поворот головы, перед тобой – воображаемый коллектив, который находится на больших расстояниях или высоко, которому нужно показать жестом свои намерения. И в момент таких упражнений Елизавета Петровна заставляла меня петь какую-то хоровую партию из этого сочинения или разговаривала со мной на другие темы, а руки должны были в этот момент свободно двигаться в различных плоскостях. Это было не так легко, потому что музыка и музыкальные эмоции забирали свое, и иногда хотелось продемонстрировать эту эмоцию, уже наработанными какими-то, нажитыми неправильными

приемами. Было очень трудно избавляться от этого, и мне казалось, как же так – я руками вроде бы как машу во всех направлениях, а что же получается с музыкой, что происходит?

И вот, прошло буквально несколько месяцев длительных, усердных занятий не только с моей стороны, но именно со стороны Елизаветы Петровны, потому что она контролировала каждое движение. Она не ругала, она не одобряла, но и не хвалила, а именно радовалась, что идет правильный процесс раскрепощения и освобождения. Причем степень этой зажатости была практически у всех, но избавляться от нее надо было разными приемами. Если мне ближе была классическая музыка, то мой сокурсник Леня Балай[1], который тоже поступил в класс Елизаветы Петровны, тяготел к композиции, к современным сочинениям. Елизавета Петровна давала ему такую музыку, раскрепощая его на том, что ему ближе. Почему это надо было делать в первые же месяцы занятий? Елизавета Петровна говорила, что свобода жеста дает ясность дирижерских намерений. Ты можешь общаться спокойными глазами с исполнителями, ты, прервав репетицию, не должен восстанавливать дыхание, ты дышишь нормально, в этот момент, когда ты свободен, ты слышишь ошибку, где она происходит, в какой группе хора, и тут же можешь, спокойно продолжая дирижировать, найти рецепт, как от этой ошибки избавиться, что нужно сказать. Она была крайне недовольна, если зажатость прерывала дыхание, если человек, который останавливался при дирижировании, как бы запыхавшись, начинал что-то творить, делать какие-то замечания. Все это было напрочь исключено, потому что свобода дирижерского аппарата и свобода, ясность и точность посыла дирижерского жеста в любом направлении: наверх, в сторону, назад, за голову, как угодно – это была демонстрация, что твой аппарат действительно начинает быть готовым к передаче твоих исполнительских желаний.

Одним из первых проверочных тестов на мою раскрепощенность была работа над 9-й симфонией Бетховена, последней частью симфонии. Не удивляйтесь, что я говорю о хоровом классе – «вся симфония Бетховена». Ее, конечно, надо было знать, но дирижировал я в классе Елизаветы Петровны 4-ю часть. Елизавета Петровна всегда давала большие сочинения, большие разделы, будь то оперная сцена, то это был не только небольшой хоровой кусочек, а развернутая сцена, где есть и солисты, и оркестровые фрагменты. И вот я возвращаюсь к 9-й симфонии Бетховена. Я продирижировал всю часть. Елизавета Петровна не перебивала дирижера-студента, он начинал дирижировать и должен был закончить все сочинение или тот фрагмент, который был задан на урок. После этого начиналась разборка. В данном случае я продирижировал финал и ждал, что, как всегда,

[1] Балай Леонид Петрович – композитор.

Елизавета Петровна начнет говорить какие-то места, которые надо повторить, или обратить внимание на что-то. Но, наоборот, я продирижировал, и Елизавета Петровна сказала:

– Дима, пожалуйста, еще раз.

Я удивился, но продирижировал еще раз. Когда я продирижировал два раза, она спросила:

– А третий раз тебе не трудно будет?

Я сказал:

– Нет.

Она говорит:

– Вот теперь довольно. Теперь мы будем работать. Значит, ты смог два раза продирижировать, ты не задохнулся, у тебя не было никаких лишних движений, я следила за твоей постановкой, я следила за твоими ногами.

Кстати, не во всех классах профессора так внимательно следили за фигурой дирижирующего, за его осанкой, за его постановкой. Часто можно видеть, как неэстетично стоит дирижер, широко раздвинув ноги, как на физкультуре в посадке «ноги на ширину плеч», или не буду говорить, перед каким аппаратом стоят иногда мужчины, раздвинув ноги.

И после этого Елизавета Петровна, довольная достигнутым, стала уже вдаваться в детали, и мы сделали (я говорю «мы», но в большей степени Елизавета Петровна) огромный шаг к следующему этапу, когда можно реализовать свои знания, свою музыкальность, свои ощущения, свою эмоцию, и передавать исполнителю.

Кстати, на секунду отвлекусь. Когда я уже занимался в Московской консерватории на оперно-симфоническом отделении, приезжал в Россию с концертами замечательный музыкант и дирижер Игорь Маркевич. Он проводил несколько мастер-классов с дирижерами. Мне было невероятно интересно наблюдать его методу работы с молодыми дирижерами. Так же как и когда-то я, большинство из них были крайне зажаты, напряженная спина, мычание, стоны, кряхтение. Он заставил всех лечь на пол и делать такие же упражнения руками, освобождая руки от напряженного тела. И только меня он не тронул, потому что он сказал:

– А у вас все в порядке.

И я понял, что все, что было сделано со мной Елизаветой Петровной в классе, это действительно было невероятно. Все восхищались: «Ах, какая новизна, какое открытие!» Да никакого открытия, мне было понятно, что Елизавета Петровна все это давно знала, все это в ее методике было абсолютно ясным и конкретным материалом, как избавлять людей, которые занимаются или хотят заниматься дирижированием, от этой зажатости.

Следующий этап – безусловно, это знание партитуры, умение работать с ней, слышать движение голосов. Обязательно надо было играть на рояле

партитуру, Елизавета Петровна учила играть четыре голоса. Она умело показывала, как сделать голос, который нужен был ей, который она считала наиболее важным, более выпуклым и ярким в фортепьянной абрикатуре. Это было невероятно интересно. Звучат четыре голоса, Елизавета Петровна сама прекрасно владела инструментом, она играла, и вдруг ты слышишь, что альтовый, средний голос или теноровый во всем квартете голосов вдруг звучит ярче, это было феноменально. И этому она нас учила и заставляла терпеливо это постигать. Мы пели всеми голосами: и сопрано, и альт, и тенор, и бас. Мы должны были играть во всех ключах: сопрановый, альтовый, теноровый, а это не так просто. Елизавета Петровна настаивала, чтобы мы играли партитуры симфонической литературы, где много различного транспорта: и кларнеты, и валторны, и английский рожок, что в дальнейшем нам всем пригодилось. В других классах это не всегда культивировалось, потому что считалось, наверно, не столь важным.

Интересна очень была работа над словом и буквами. Елизавета Петровна всегда внимательно следила, как дирижер разговаривает, как он общается с коллективом, как он доступно, ясно, четко и кратко может изложить свою мысль. Допустим, буквы М или Н без дополнительно усилия сливались и были просто такими звучащими носовыми буквами. Елизавета Петровна требовала усиления буквы Р.

– Никогда не бубните себе под нос, смотрите на исполнителей открыто, прямо. Поднимите подбородок. Никогда не брюзжите, не обижайтесь и не показывайте, что вы обижены. Вы должны знать партитуру и все вокруг нее так хорошо, чтоб вы могли ответить на любой вопрос, который может быть вам задан.

И поэтому, когда мы изучали какое-нибудь произведение, Елизавета Петровна очень образно нам говорила о литературных сочинениях, которые были созданы в этот же период, об историческом этапе, о театральных постановках, о живописи, и все обогащалось, и сочинение было готово к работе не только с точки зрения звучащих нот, а все было продумано, все было просмотрено, все было сделано будто очень сильным пристальным рентгеном.

Вообще Елизавета Петровна обладала уникальным видением и говорила всегда, достигает ли исполнителя этот жест, это обращение, этот посыл или взгляд, будут ли они ясны или не будут приняты должным образом. Она всегда точно говорила:

– Я не поняла. Нет, я не спою так. Нет, это не правда. Нет, пробуй еще!

Она никогда не пыталась заставить своего студента сделать копию с ее жеста, и поэтому мы все разные, у нас у всех «кудрявцевская» техника дирижирования, то есть она свободная, индивидуальная, ясная, удобная для контакта с оркестром или с хором, или с певцами, или с солистами, и она

не несет в себе никакого трюкачества. Я ходил в другие классы, у нас было очень распространено посещать классы других профессоров хорового дирижирования, и в симфонических классах я бывал. Того, что было в классе Елизаветы Петровны, я ни у кого не встречал. В одном классе я слышал какие-то странные теоретические фразы типа «долевая пульсация», «отбивание кистью восьмых нот» или образность – «мало солнца» или «здесь должен быть сильный ветер», в общем, какая-то такая интересная методика, может быть, но совершенно непонятно, что за этим скрывается, что значит «мало солнца».

У Елизаветы Петровны все было ясно, было и солнце, и ветер, и ясность, и чистота. Я это все потом видел и наблюдал, да и не только я, все ее ребята наблюдали в ее работе с коллективами. Я был очень много лет в Хоре любителей, Елизавета Петровна взяла меня туда хормейстером, и я видел действительно, как ее жест, объяснение, энергия, умение вовремя услышать и точно сказать, – это все подтверждалось на практике. Поэтому полное доверие тому, что делалось в классе, было у каждого из нас. Конечно, мы, молодые ребята, мы не в первые годы все брали, все правильно понимали, иногда кто-то ленился, не до конца разрабатывал партитуру, не прорабатывал все детали. Был такой замечательный музыкант в классе, тогда выпускник, Александр Иванович Пустовалов, мы так его и звали, Алексаван, Пас. Я иду в класс, тащу эти ноты, встречается мне Пас, немного взъерошенный, встревоженный, и говорит:

– Мама Лиза сегодня на «вы»...

Это значит – внимание, Елизавета Петровна может через несколько минут, увидев, что ты недостаточно готов или пытаешься немножко запудрить мозги, нарисовать какой-то туман (а это она моментально чувствовала, слышала, видела в твоем дирижировании неуверенность, расплывчатость), из нормального «ты» перейти на дипломатическое «вы». И вот это было так, я бы так сказал, опасно, потому что после этого следующая стадия – ты мог получить партитурой по голове и вылететь из класса со словами:

– Подумайте, должны ли Вы заниматься у меня в классе вообще!

Все эти огромные чувства, эти перепады любви, уважения, симпатии, строгости, определенной жесткости, которые испытывала Елизавета Петровна к нам – это действительно была невероятная полифония чувств одареннейшей натуры, которая видела, как надо лепить и что нужно делать, чтобы этот молодой музыкальный организм расцвел.

У меня была кличка в классе – Щен, потому что я всем интересовался, бегал, вилял хвостом, мне страшно было все интересно. И вот этого Щена надо было сделать породистой собакой, послушной, сторожевой, умелой. Мы, студенты, в классе никогда друг на друга не обижались, у нас не было

никакой зависти, у нас была интересная конкуренция, спортивно-дирижерско-музыкальная конкуренция. Когда была пауза, Елизавета Петровна отдыхала немножко, а мы садились и играли в четыре руки симфонии Гайдна или Моцарта. Приходила Елизавета Петровна, к нам присоединялась, она рассказывала с увлечением о своей работе с Шостаковичем, Прокофьевым, свои годы работы с Климовым, когда были сочинения в Капелле такие, как «Месса» Бетховена, «Осуждение Фауста» Берлиоза, сочинения Генделя. И это все проводилось у нас в классе, у всех ее воспитанников, был невероятно обширный репертуар: это был и «Реквием» Берлиоза, и «Осуждение Фауста», и «Дамаскин» Танеева, и хоры танеевские, и Чайковский «Москва», и 9-я симфония Бетховена, и «Страсти по Матфею», и «Месса» Баха, и оратории Генделя, и «Александр Невский», и оперы «Руслан», «Иван Сусанин», «Борис», «Хованщина», «Царская» и «Снегурочка», и огромное количество хоровых акапелльных сочинений.

Елизавета Петровна учила, как заниматься самому дома. Ведь это сегодня легко – поставил диск, встал перед зеркалом и поехал, и через несколько месяцев ты считаешь себя дирижером или получаешь лицензии, или тебе говорят, что ты гениальный, замечательный, выдающийся. А раньше все было по-другому. Ты должен был все сам сыграть, ты должен был все сам пропеть, услышать, никакого зеркального дирижирования, никакого трюкачества. Ведь ну что греха таить, даже в той же Ленинградской

Кельн. 2004 год

консерватории, да и в Московской консерватории, это сплошь и рядом – выходили из классов других профессоров дирижеры, которые все были очень похожи друг на друга, они копировали своих профессоров, их приемы дирижерские, отрабатывали эти квазиприемы-трюки. И можно было спокойно сказать, да, этот человек учился в классе профессора N, этот в классе профессора X, это Y. У Елизаветы Петровны этого не было, она помогала и терпеливо искала то, что свойственно именно этому музыканту, именно его конституции, именно его «лапам», как она говорила:

– Ну что ты лапами машешь? Лапы должны быть направлены! Ты собираешь пальцы в кулак – это одно. Ты пальцы растопыриваешь – что это такое? Что ты тычешь? Рука – это продолжение твоей мысли. Должна быть летящая рука.

И когда ты что-то делал не так, она говорила:

– Я это не принимаю, это не твое. Поищи. Сделай еще что-то.

И ты сам должен был очищать, отрезать от себя лишние наросты вот какого-то ненужного, я не побоюсь этого слова, «лжемахания». И вот когда конкретный жест, как удар рапиры или клинка, точно достигал своей цели, Елизавета Петровна просто была счастлива. Говорила:

– Да, я поняла! Да я так спою! Я знаю, что ты хочешь. Молодец!

И это была одна из самых сильных форм, когда Елизавета Петровна говорила «Неплохо» или «Молодец». И мы были все, конечно, очень счастливы.

Мы виделись не только в классе, я видел Елизавету Петровну не только в работе с хором, и я, как и все другие, учился ее феноменальному умению доходчиво и талантливо общаться с людьми. Как она выступала, как она говорила, как она завораживала своим темпераментом, эмоцией и искренностью! Она действительно была невероятно искренним, солнечным, ярким человек. Она согревала всех, и даже когда ругала, ты был ей за это благодарен, потому что это было не с желанием обидеть, а с желанием тебя еще раз разогреть, подтолкнуть, разбудить где-то еще спящие в тебе скрытые ресурсы.

1 мая, 7 ноября, 7 мая (в день рождения Елизаветы Петровны) мы всем классом вваливались в небольшую квартиру на Мойку, 20. Алексей Григорьевич, муж, Шурик, Катюша, мы там все собирались. Огромное количество отварной картошки, селедки. И разговоры-разговоры, и только какие-то творческие, музыкальные разговоры, розыгрыши, шутки. Это действительно была семья. Я вспоминаю по литературе, как воспитывал Зверев Рахманинова и Скрябина. Их там было только двое, а нас-то было много. И мы приходили, и были первокурсники, и пятикурсники, но все равно это все были «кудрявчики».

Елизавета Петровна в своей методике достигла невероятного – она нас всех, разных, ее учеников, воспитанников, детей музыкальных, соединила невидимой ниточкой помощи, уважения и доверия. Многие ее ученики разбросаны по всему миру. Но мы все знаем, если ты ученик Кудрявцевой, если ты у нее учился и тебе нужна помощь, то ты можешь обратиться к своему коллеге, независимо от того, какого он возраста. Так происходит и по сей день.

На всех уроках Елизаветы Петровны было, конечно, очень много приходящих, «прихожан», как можно сказать. Все приходили с желанием что-то услышать, увидеть, как занимается Елизавета Петровна, много было иностранцев, студентов других классов, и мы с первых же лет переставали бояться публики, мы не зажимались. В некоторых классах приходишь – профессор, два концертмейстера, студенты класса профессора, да и никого больше нет. У нас же класс был всегда переполнен. Причем приходили не только дирижеры-хоровики, приходили певцы, приходили инструменталисты, потому что то, что знала Елизавета Петровна, то, что она рассказывала, было уникально. Ее эрудиция, ее память, ее мгновенная возможность переключаться с одного яркого примера на другой, ее дар импровизации. Когда она сама, неожиданно для себя, может быть, находила какой-то новый прием, вдруг этот студент, который стоял, как колонна или как дерево на автостраде, и ничего не мог, начинал шевелиться, и светилось что-то. Елизавета Петровна в отличие от многих профессоров редко сидела в кресле за столом, она двигалась по классу, она подходила, она смотрела на тебя, она перемещалась, ты должен был за ней следить, посылать ей дирижерские эти импульсы. Она, как антенна, поглощала все правильное, и, как щит, отражала все фальшивое и ложное.

Мне, может быть, повезло больше всех, потому что мы жили в одном подъезде, и я пользовался этой привилегией, и Елизавета Петровна часто меня приглашала к себе на этаж ниже, и еще раз дополнительно объясняла мне. Я помню, как она мучительно со мной проходила «Ночевала тучка золотая». Я эту «Тучку» никогда не забуду! Когда эта «Тучка» уже у меня сидела сначала на голове, на плечах, а потом и в печенке. Ну не получалась у меня эта «Тучка», потому что я из нее делал какой-то цементный раствор, а играть ее надо было, слышать и напевать очень нежно. Сколько симфоний в четыре руки с Елизаветой Петровной мы переиграли у нее дома!

Я учился потом в Вене и с удивлением заметил, что первые импульсы, первые толчки в вопросе венской классики и как к ней относиться стилистически, я получил в классе Елизаветы Петровны, а не у прославленных венских профессоров или услышав исполнение ее в оркестре. Она знала и смогла мне объяснить особенности музыки венских классиков Гайдна,

Моцарта, Бетховена, Шумана, Шуберта. Уникальные знания, дарования, и помимо всего прочего умение это все передать – это ведь очень трудно. Можно знать очень многое и не уметь это передать своему студенту. Елизавета Петровна обладала именно этой последовательностью методики. Она никогда не начинала с каких-то деталей или с мало, на первый взгляд, значимых вещей. Для нее важно было, чтоб дирижер мог спокойно, свободно управлять своим дирижерским телом и руками, чтобы он мог спокойно, быстро соображать во время дирижирования и знать, что сказать при остановке, чтобы он мог фиксировать и свои ошибки, чтобы он мог точно определять темп, потому что правильно выбранный темп – это больше, чем 50 процентов успеха исполнения. Никогда не начинай дирижировать до того, пока ты не понял и не услышал движения, в котором пойдет, будет звучать сочинение.

Е. П. Кудрявцева, Д. Г. Китаенко, Е. А. Мурина. Швейцария, 1999 год

Одно из самых огромных достижений методики Елизаветы Петровны – это то, что она научила нас всех работать индивидуально, дома. И по сей день, я знаю, что нужно делать и в какой последовательности и как правильно «препарировать» партитуру. Она требовала досконального анализа и изучения всего материала, который ты выносишь на репетицию. Она требовала досконального знания особенностей, допустим, применения дыхания, цезур, остановок, фермат. Ведь фермата – это может быть кульминация, вот эта тишина, сколько надо выдержать, это все отмерялось.

У нее было такое чувство меры и такое ощущение пропорции. Даже если она дирижировала какое-то акапелльное сочинение многокуплетной формы, она никогда не повторяла в концертах одинаково то, что было в предыдущем концерте, и артисты хора это точно воспринимали и следовали ну просто за каждым движением не только ее руки, но и взгляда, бровей, ресниц, наклона тела. Я учился, как и все другие, именно вот всему этому.

Методика Елизаветы Петровны отличалась кардинально от других классов, потому что была связана с конкретной практикой и действительно работала. И никакого теоретического погружения в схоластику дирижирования. Хотя она требовала кристально графической точности схемы, трехдольности, четырехдольности, и никогда не допускала, чтобы были ленивые третья или четвертая доля, или четвертая доля, сокращенная по времени, она за этим следила очень точно. Она следила очень точно за ритмической стабильностью дирижирования. Она допускала импровизацию в классических сочинениях, но до определенной степени и меры, чтобы это не впадало в какую-то любительщину, и чтоб вот эта рубатность не носила характер такого огромного... как знаете, она говорила:

– Ну что так много крема ты вот сегодня навалил?

И мы понимали, что все-таки действительно что-то там с этим тактом или периодом натворил, а вот построение классического такта, классических разделов ставилось очень под усиленный контроль.

Мы мало говорили, как должна кисть двигаться на восьмых, на четвертях, но мы знали, что кисть – это ведущая часть руки, она должна двигаться плавно, не дергано, не дрожать. Никаких упражнений конкретных для этого не было, но был постоянный поиск своего индивидуального жеста, именно твоего жеста, прежде всего именно поиск с ее стороны, она отбрасывала в тебе все ненужное.

Ведь интересно, у нас в классе не было зеркала перед дирижером. То есть зеркала были, но мы не смотрели в них, потому что нашим зеркалом была Елизавета Петровна. Она, как великий скульптор, от этой движущейся дирижерской фигурки отсекала все лишнее, не подходящее этой фигуре. Поэтому иногда после урока ты уходил совершенно удрученный, что у тебя ничего не получалось и не получается, и это чувствовали все, и это чувствовала Елизавета Петровна тоже, но она находила потом какой-то момент, чтоб тебя поддержать и сказать несколько ободряющих слов, чтобы ты действительно не потерял интерес и настроение для дальнейшей работы. Сейчас-то можно сказать, что действительно все уж не так было легко и просто и хорошо. Ну, если каждый урок, каждую неделю, месяц говорить: «Да нет, у тебя это не получается. А что ты здесь сделал? А что ты натворил?», то умирает и энергия что-то делать другое. Елизавета Петровна, наоборот, искала с нами, видела, что еще не найдено, но все равно

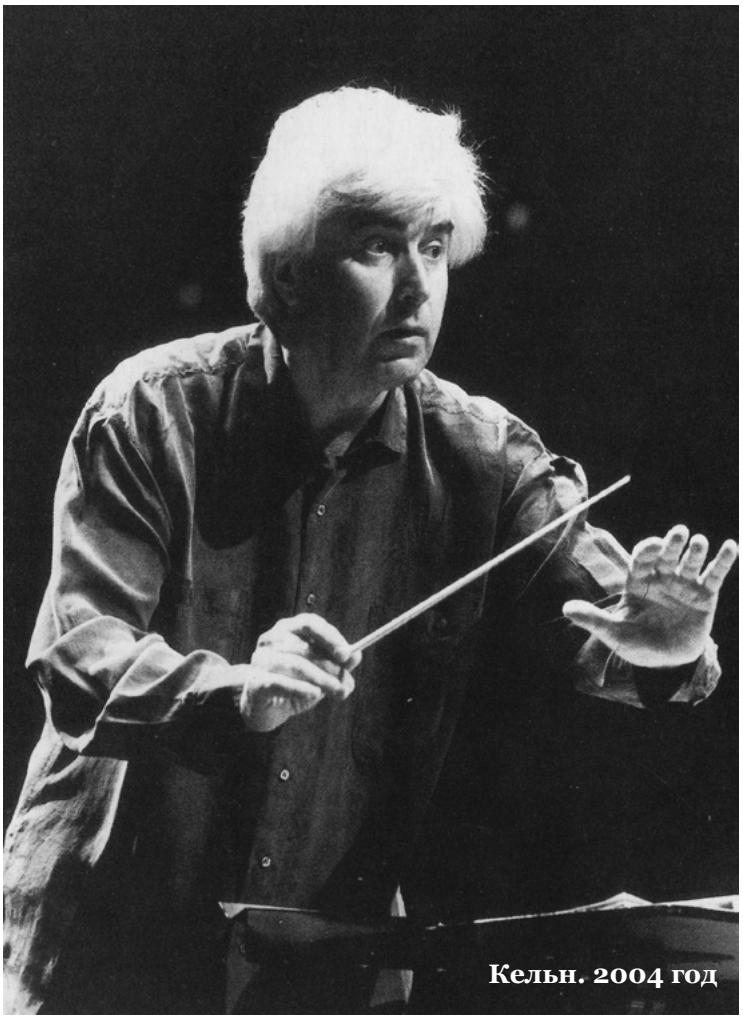
давала тот небольшой запас положительной энергии, и ты уходил после урока домой, зная, что ты все-таки что-то сделал и должен сделать еще лучше. Вот этот позитивный настрой, потому что негатив на занятиях в классе или окрик профессора иногда играет скверную роль.

Елизавета Петровна приходила всегда на урок энергичная, заряженная какой-то особой энергией, как казалось, направленной именно на тебя сегодня, хотя, может быть, у нее не всегда было и хорошее настроение, и проблемы на кафедре ох-ох-ох какие были, там же тоже были разнокалибровые педагоги, не все могли так владеть материалом, столько знать и столько мочь и быть настолько талантливыми, как Елизавета Петровна. Поэтому все человеческие слабости иногда проявлялись, но класс Елизаветы Петровны отличался невероятной энергетикой, он отличался невероятной музыкальной порядочностью и музыкальной качественностью. На переходных, полугодовых или заключительных экзаменах студенты Елизаветы Петровны выглядели законченными артистами, которые могли не только управлять коллективом, не только красиво выглядели на сцене, но могли красиво говорить и связно объяснить свою позицию. С ними можно было говорить на другие темы, не только про сопрано-альт-тенор-бас.

Пожалуй, такого музыкального объединения, каким был класс Елизаветы Петровны, не было в Консерватории. И не каждый мог быть студентом класса Елизаветы Петровны, потому что планка ответственности и качества была поставлена очень высоко. Из класса Елизаветы Петровны не вышел ни один музыкант-шарлатан.

Вот Леню Балая, она, обучая приемам и дирижерской профессии, отправила параллельно учиться в класс композиции к Салманову. В свое время Саша Дмитриев был с ее доброй руки отправлен на дирижерско-симфонический факультет. Елизавета Петровна страшно переживала, что меня не приняли в дирижеры-симфонисты Ленинграда и настоятельно требовала, чтобы я уехал учиться в Москву и там поступил в московскую аспирантуру оперно-симфонической кафедры. Хотя, может быть, я бы мог остаться в Ленинграде и работать в Хоре любителей, но она видела, что мне нужно не это.

Я никогда не забуду ее приезд на мою первую большую ответственную премьеру, после которой меня назначили главным дирижером театра Станиславского, когда я дирижировал «Кармен». Она приехала на два дня, чтобы меня поддержать, повидать, вдохнуть в меня энергию, уверенность. И я помню, мы сидели с ней в скверике перед Большим театром, и она мне дала столько энергии, доброты, силы, уверенности в себе, что премьера прошла хорошо, и меня очень хорошо оценила пресса, театральная и музыкальная общественность. Ну и, безусловно, Елизавета Петровна для нас для всех осталась на всю жизнь первым настоящим учителем, который



Кельн. 2004 год

никогда не забывается, голос которого слышится. Когда я работаю с партитурой или иду на репетицию или на концерт, я задаю себе вопрос: «Что бы сказала Елизавета Петровна? Как бы она к этому отнеслась? Как бы она оценила мою работу?» Это не каждый педагог оставляет в своих воспитанниках такую память и такую жажду трудиться и работать и пытаться приблизиться к ее высочайшим достижениям в творчестве.

То, что сделала Елизавета Петровна в музыке, в музыкальном мире, в Консерватории, как она создала Хор любителей, как она с ним работала – это особая отдельная глава, особый отдельный разговор. Но методика Елизаветы Петровны отличается не схоластикой, не пустым теоретизированием, а ясно и точно поставленной задачей, которую нужно преодолеть и применить на практике. И когда на практике ты действительно убеждался в том, что сказанное в классе, сделанное, объясненное, найденное тобой в классе, работает и отвечает, ты по-настоящему был счастлив.

Поэтому мы, все воспитанники Елизаветы Петровны, склоняем голову и с обожанием вспоминаем то время, ее образ. И этот образ навсегда останется в моей жизни и в жизни всех, кто встречался с Елизаветой Петровной.

Начало пути

Журнал «Советская культура», 27 ноября 1973 года, № 95.

Советская дирижерская школа, созданная Александром Гауком, ныне признана во всем мире. Многочисленные импресарио охотно приглашают наших дирижеров на гастроли, предлагают им быть участниками крупнейших музыкальных фестивалей, проходящих в странах всех пяти континентов. Более того, в последнее время в Министерство культуры СССР все чаще и чаще поступают просьбы о возможности постоянной работы советских дирижеров в качестве руководителей ведущих западных симфонических оркестров.

Мне всегда бывает немного досадно, что наши любители искусства редко бывают непосредственными свидетелями высочайшего триумфа, которым, как правило, сопровождаются выступления советских музыкантов за рубежом. Причем сказанное относится не только к уже известным, но и к молодым талантливым мастерам дирижерского искусства. Об одном из них и пойдет речь.

Дмитрий Китаенко проявил свои незаурядные способности еще в стенах Московской консерватории. О нем, как часто говорят, шла хорошая молва. Занимаясь в классе опытнейшего профессора Лео Гинзбурга (на счету его немало достойных воспитанников), молодой дирижер многое воспринял от своего учителя. Затем как одного из лучших студентов Китаенко направляют в Венскую «мейстершуле» (это практикуется уже несколько лет, подобно стажировке молодых советских вокалистов при миланской «Ла Скала»). Нечего и говорить, что значит для музыканта попасть в Вену – город Моцарта, Бетховена, Шуберта, Брамса, Брукнера, Малера, Штраусов. Город, в котором свято хранятся великие традиции, завещанные корифеями музыки. Совершенствуя свое мастерство, Китаенко жадно впитывал все, что могла дать ему музыкальная Вена. Это было время интенсивного творческого труда, большой внутренней работы над собой. Он посещал курсы, проводимые знаменитым Гербертом фон Караяном, который сразу обратил внимание на одаренного юношу. Караяновские семинары значительно расширили технический арсенал Китаенко, а главное – углубили его восприятие исполнительских традиций, прежде всего сочинений немецких классиков. Вернувшись в Москву, молодой дирижер отлично заканчивает Консерваторию и поступает в аспирантуру. Почти

одновременно его приглашают в Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, где через короткое время он становится главным дирижером.

Работа в оперном театре – хорошая практическая школа для дирижера. Постижение «тайн» вокала, управление сложным механизмом, каким является оперный спектакль, контакты с людьми разных творческих профилей, наконец, человеческие контакты – всего не перечислишь! Китаенко проявил себя здесь с новой стороны, раскрыв разные грани своего дарования. Дирижер провел уже много спектаклей, в которые ему приходилось, как это бывает, «входить» довольно оперативно и основательно. Но, конечно, с наибольшей полнотой оперный дирижер может проявить себя в новой постановке, которую осуществляет от начала и до конца самостоятельно. Такими спектаклями явились для Китаенко «Кармен» (в оригинальной редакции режиссера В. Фельзенштейна), балет Прокофьева «Золушка» и последняя премьера театра – «Богема» Пуччини. Я не буду подробно разбирать работу дирижера в этих спектаклях: они получили уже широкий и положительный резонанс музыкальной общественности. Хочу лишь подчеркнуть некоторые весьма примечательные факты. После московской премьеры «Кармен» Китаенко был приглашен дирижером-постановщиком этой оперы в берлинскую «Комише опер», где ведет спектакль по сей день.

«Золушка» вот уже долгие годы украшает сцену Большого театра Союза ССР. Тем не менее, это не помешало создать яркий, самобытный спектакль, найти свое решение шедевра Прокофьева труппе Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Немалая заслуга в этом и дирижера, сумевшего тонко, поэтично и в то же время необычайно естественно прочесть партитуру великого композитора. И, наконец, «Богема». У многих в памяти осталось неизгладимое впечатление от спектакля «Ла Скала», показанного на гастролях в Москве. Душой его, конечно, был в первую очередь маэстро Караян. С тех пор прошло около десяти лет. И вот недавно москвичи тепло приветствовали появление «Богемы» в репертуаре театра на Пушкинской улице. Конечно, скажем прямо, обратиться к опере Пуччини после блистательного исполнения миланцев – дело рискованное. Но риск этот полностью себя оправдал. И здесь нельзя не выделить успех дирижера спектакля.

Ценнейшую инициативу проявил он в дни проведения в стенах театра симфонических концертов, посвященных юбилейным датам Бетховена, Скрябина, Рахманинова. Мне, отдавшему работе в Большом театре много лет, хорошо известно, каких трудов стоит организовать подобные концерты, не нарушая сложный, предельно насыщенный график повседневной работы музыкального театра. Молодой дирижер с блеском осуществил

свой благородный замысел, и концерты эти стали значительным событием в музыкальной жизни столицы.

Напряженную работу в театре Дмитрий Китаенко постоянно совмещает с симфонической деятельностью. Помимо выступлений в Москве, Ленинграде, других городах нашей страны, он с успехом выступал во многих концертных залах мира. Неоднократно принимал участие в зарубежных гастролях ведущих советских оркестров. Пожалуй, больше всего это относится к Государственному академическому симфоническому оркестру Союза ССР, с которым дирижера связывают постоянные контакты.

Могу сказать, что наш коллектив считает Китаенко своим дирижером, испытывая большую симпатию к этому музыканту и человеку, веря в его большой творческий потенциал. Заметные дирижерские успехи Китаенко на протяжении весьма небольшого отрезка времени логично завершились большой победой на Международном конкурсе имени Караяна. Причем этот конкурс безусловно является самым авторитетным и самым трудным по своим условиям. Само участие в нем, а тем более высокую награду (Китаенко получил вторую премию) трудно переоценить.

Что же определяет творческий облик молодого дирижера, что характеризует его как художника-артиста? На первое место я бы поставил исключительно серьезное, ответственное отношение к своей профессии. Он очень требователен к себе. Часто бывает не удовлетворен результатом своей работы. А ведь в этом всегда заложен противозаслон всяческой самоуспокоенности и самодовольству, тем паче зазнайству! Китаенко становится за пульт только тогда, когда он полностью готов к работе с оркестром. Этому предшествует напряженная работа дирижера «один на один» с партитурой. Естественно, возникает вопрос: а как же может быть иначе, если стремиться к максимально точному исполнению авторского замысла, к совершенству в искусстве музыканта-исполнителя? Конечно, так оно и должно быть постоянно, всегда, всю жизнь, пока ты служишь Большой Музыке!

К сожалению, иногда приходится сталкиваться с иным «методом» работы молодых дирижеров, которые считают, что на освоение любой партитуры им достаточно двух-трех часов, после чего они готовы появиться перед оркестром. Что тут добавить? Конечно, такая «система» работы дает и соответствующие результаты. Никогда нельзя надеяться лишь на талант и вдохновение!

Дирижерская техника Китаенко безупречна. Предельно ясные руки, ничего лишнего, все понятно и четко. «С ним играть удобно», – часто можно слышать такую крылатую фразу среди оркестровых музыкантов, на своем веку немало видевших различных маэстро. Эти слова можно адресовать и Китаенко. Свойственная ему дирижерская манера, строгая, сдержанная

и благородная, выгодно отличает его от некоторых молодых коллег, часто «вылезающих из фрака» без особых к тому оснований. Мое глубокое убеждение, подтверждаемое искусством больших дирижеров: меньше всего исполнительский темперамент должен проявляться внешне, хотя, конечно, у определенной части публики такие дирижеры все еще пользуются успехом.

Репертуар Китаенко неуклонно растет. Он с большим энтузиазмом исполняет произведения советских композиторов. На его творческом счету уже немало премьер.

Дмитрий Китаенко хорошо начал свой путь в музыке. Перед ним увлекательные творческие перспективы, воплотить их в жизнь ему, что называется, «по плечу». В нем сочетаются все те качества, которые дают основание видеть в нем достойного представителя советского дирижерского искусства.

Евгений Светланов, народный артист СССР

Алексей Степанов

Алексей Михайлович Степанов (род. 1948) — дирижер, с 1977 по 2005 год — дирижёр Большого театра, заслуженный артист России

Алексей Михайлович Степанов (старший) – талант плюс ленинградско-петербургская интеллигентность, плюс необычайная в наше суматошное время скромность.

Его письма из Большого театра – самобытный, полный самоиронии взгляд ленинградского музыканта на московские события.

Октябрь 2003 года

«Январь 1974 года

Дорогая Елизавета Петровна! Посылаю Вам эту веточку сирени ко дню 8 марта вместе с самыми добрыми пожеланиями и надежду на скорую встречу в Ленинграде.

По Вашему совету я встретился недавно с А. С. Дмитриевым. Он любезно пригласил меня в свой кабинет, где и расспросил обо всем, что касается моих планов. Возможность моего дебюта в Малом оперном театре он не отверг, но и не дал повода питать особых иллюзий, сказав, что пока в театре вакансий нет. Предложил вернуться к этому разговору еще раз через месяц, а пока рекомендовал обратиться к Вам с просьбой узнать через А. Г. Мурина, нет ли вакансии или места второго ассистента-стажера в Кировском театре. Несмотря на эту рекомендацию, расстались мы очень тепло. Перед уходом я прослушал часть репетиции „Дон Жуана“ и унес с собой восторженное впечатление от искусства главного дирижера.

Ваш Алексей Степанов».

«Декабрь 1975 года

Дорогая Елизавета Петровна! Вы первая, кого я поздравляю с наступающим Новым годом! Как всегда, мне хочется Вас чем-нибудь обрадовать, сообщить Вам какую-нибудь приятную новость. На этот раз я нахожусь в затруднительном положении: Юрий Хатуевич[1], видимо, не догадываясь об этом моем намерении, подал заявление об уходе из оркестра, тем самым лишив актуальный вопрос о моем ассистентстве. Правда, он намеревался

[1] Темирканов Ю. Х. — руководитель Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии, народный артист СССР.

дать мне концерт с симфонической программой. Но пока Е. М. Личкус запланировала на 28 марта дневной концерт с моим участием. И только. В этой связи возникла необходимость съездить на родину В. И. Ленина и для начала организовать себе концерты с Ульяновским оркестром. Место главного там по-прежнему вакантно. Лео Морицович[1] отнесся к этой идее с энтузиазмом, на который он только способен. Частичное объяснение этому нахожу в том, что профессор „устал“, как он сам любит выражаться в последнее время. Класс у него большой. А впереди конкурс, заставляющий снова (в который раз!) подумать об ответственности. Чувство некоторого облегчения после моего отъезда из Москвы, профессор, при всей любви ко мне и к себе, не может не испытать. Впрочем, к Новому году это уже не имеет прямого отношения.

Ваш Алексей Степанов».

«Февраль 1976 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Ставлю Вас в известность относительно моих самых добрых Вам пожеланий по случаю наступающего праздника. 28 марта для Ваших маленьких я продирижирую сюитой из „Снегурочки“ Николая Римского-Корсакова, пьесами Лядова и музыкальной драмой „Лягушка-путешественница“ Леонида Балая. Я буду изо всех сил стараться понравиться Вашим внучатам. Зайдете?

Ваш Алексей Степанов».

«Ноябрь 1977 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Мой отъезд из Ленинграда сразу после окончания концерта не позволил мне сказать Вам по телефону то, что я излагаю теперь на бумаге. Мысли, высказанные Вами по поводу „Реквиема“ Моцарта, оказали мне неоценимую помощь в работе. Те из них, которые показались мне созвучными моим собственным досужим измышлениям, придали мне необходимую уверенность, без которой было бы страшно прикасаться к такому сочинению. Еще раз приношу Вам свою искреннюю благодарность за Вашу консультацию, далеко не первую, и буду надеяться – далеко не последнюю. Дай Бог Вам здоровья, а мне – почаще поводов обращаться к Вам за советом.

Ваш Алексей Степанов».

---

[1] Гинзбург Л. М. – профессор Московской консерватории.

«Январь 1977 года

Дорогая Елизавета Петровна! От всей души поздравляю Вас с новым почетным званием[1], о присвоении которого я узнал сегодня из „Советской культуры“. Давно я не испытывал такого удовлетворения при чтении этой газеты! Как и весь советский народ, я горячо одобряю и поддерживаю последнее решение партии и правительства. Думается, однако, что читатели вправе ждать дальнейших сообщений в печати, свидетельствующих об еще более полном признании Ваших неоспоримых заслуг, всей Вашей неутомимой плодотворной деятельности, ибо масштабы ее таковы, что граница РСФСР уже требует своего пересмотра.

С уважением и самыми добрыми пожеланиями Ваш Алексей Степанов».

«Декабрь 1977 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Посылаю Вам вместе с новогодним поздравлением два документа, свидетельствующие о том, что в уходящем году, „под занавес“, Ваш прилежный ученик впервые опустился в яму – сначала Дворца съездов, а затем и Большого театра. Оба раза без репетиций и, как утверждают очевидцы, успешно. Моя нескромность объясняется исключительно тем, что Вам, моему учителю, факт моего удачного дебюта в новом амплуа может показаться приятным.

Желаю Вам почаще приятных сообщений отовсюду, где властвуют Ваши питомцы!

Ваш Алексей Степанов».

«1981 год

Дорогая Елизавета Петровна! Первым делом благодарю Вас за приглашение на праздник, в сравнении с которым непременно должны будут поблекнуть грядущие торжества по случаю 64 годовщины Октября. Я был счастлив оказаться рядом с Вами в этот знаменательный вечер и воочию убедиться в том, что Вы по-прежнему молоды и полны сил, по-прежнему царственно величественны, неувядаемы и прекрасны, как сама русская культура, которую Вы собою олицетворяете.

Безусловно, прошедший юбилей был данью традиции, а не подведение итогов. Вы – „на коне“! Так и должно быть. Мужики в преклонении перед Вами стоят с обнаженными головами, а баб (простите за грубость) рядом и не видно: они попросту сливаются с фоном. Серов абсолютно прав, как и Степанов, непременно желающий Вам доброго здоровья».

На открытке репродукция картины В. А. Серова «Елизавета на охоте».

---

[1] Звание народной артистки РСФСР.

«Март 1982 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Шлю Вам сердечный привет и самые добрые пожелания по случаю дня официального поклонения женщине. Должен признаться, что лично Вам я поклоняюсь круглый год, начиная со дня первой встречи с Вами. Поэтому, наверно, и прозевал этот международный праздник.

В этом сезоне дирижировал „Игорем“, „Онегиным“, „Мертвыми душами“ и „Сусаниным“ (в том числе тем, за который Нестеренко должен получить Ленинскую премию). Нестеренко сказал, что это был у него первый настоящий „Сусанин“. Что он имел в виду, утверждать не берусь. Кухарский тоже остался доволен.

Вчера в зале Чайковского приводил в экстаз старших школьников с помощью Скрябина и оркестра Дударовой. Скрябин был представлен кроме „Экстаза» фортепьянным концертом, Рахманинов – „Утесом“ и „Каприччо на цыганские темы“. В апреле, кажется, наконец, дирижирую „Борисом“. Это все камешки в Ваш огород.

Обнимаю Вас. Алексей Степанов».

«1982 год

Дорогая Елизавета Петровна!

На сей раз мои новогодние поздравления поступают лишь к 1 января по старому стилю.

Чем бы мне Вас порадовать?

В этом сезоне к спектаклям, которыми я дирижировал (все еще не разучился!) здесь прибавилась „Царская“ и в ближайшее время прибавится „Бал-маскарад“, „Борис Годунов“ и „Дон Карлос“. В отношении „Бориса“ дело пока ограничивается оркестровым прогоном спектакля. Но после того, если все пройдет нормально (тьфу х 3!), появлению моей фамилии на афише „Бориса“ сможет помешать только мой грипп, либо доброе расположение ко мне Симонова. Кроме того, буду участвовать в работе над „Катериной Измайловой“, которую ставит Г. Н. Рождественский (премьера в следующем сезоне).

Лелею мысль в феврале оказаться в Ленинграде и повидать Вас.

Ваш Алексей Степанов».

«1983 год

Дорогая Елизавета Петровна!

С Новым годом.

Доброго Вам здоровья, радости и успеха во всех делах Ваших.

Вчера состоялась премьера „Китежа“. Просто не верится, что такое стало возможным! Честь и хвала Светланову (который, кстати сказать, очень

тепло отзывался о Вас, когда я сообщил ему, что я – из-под Вашего крыла)! На премьере присутствовал и Патриарх Всея Руси со свитой.

Обнимаю Вас.

Ваш А. Степанов».

«17 января 1983 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Уже несколько дней перечитываю Ваше письмо, а насытиться все не могу. Не знаю просто, как выразить Вам свою признательность!

Тяжко было! Выпуск „Дуэньи“; отсутствие Рождественского; и разного рода интриги моих, мягко говоря, недоброжелателей.

Теперь все уже позади.

Два первых спектакля провел мастер (и сразу же уехал), два следующих – подмастерье, т. е. я. Вчера на спектакле был М. Бялик. Прессу приостановили из-за свержения Покровского, изгнание которого (из храма) готовилось, видимо, давно и тщательно… Как эта акция скажется на спектаклях, поставленных Покровским, предугадать не трудно. Уже сняли „Игрок“, на постановку „Китежа“ приглашен другой режиссер (не помогли и протесты Светланова). „Дуэнья“ в январе пройдет четыре раза, в феврале уже только один раз, и в марте – тоже один.

Удастся ли Рождественскому защитить „Катерину Измайлову“, сказать трудно. Не случилось бы так, что ему придется защищать себя в этом театре.

О „Мертвых душах“ позаботился живой автор музыки, не позволяющий исчезать своему произведению из репертуара Большого театра более, чем на ½ года…

Извините меня за скверную читабельность.

С неизменным благоговением,

Ваш Алексей Степанов».

«18 марта 1983 года

Дорогая Елизавета Петровна, здравствуйте!

Ваш звонок сюда, в госпиталь, был настолько неожиданным и приятным, что иначе как подарок судьбы я воспринимать его не могу.

Ваш приезд в Москву совпал с моим заточением.

В тот день, когда вы позвонили, состоялся консилиум. Меня осмотрели и прослушали крупные специалисты…

…назначили мне новые препараты, извинились, что не могут сейчас же направить меня в санаторий; расспросили о моей работе.

В частности, был задан вопрос, сколько раз я меняю рубашку за спектакль. Я сказал, что аналогичный вопрос был задан покойному

Б. Э. Хайкину, когда он был уже в преклонном возрасте. Его ответ: „Когда я был молодым, менял рубашку в каждом антракте, т. е. четыре за один спектакль, а теперь в одной дирижирую четыре спектакля!“ Мне приходится следовать по этому же пути, и в настоящее время (уже!) я обхожусь одной рубашкой, правда, не могу сказать, чтобы она была совершенно сухая!

Пошутили и разошлись.

Надеюсь, скоро быть уже дома.

Не знаю, сколько еще пробуду в госпитале…

Обнимаю Вас, сердечно благодарю за внимание и желаю Вам доброго здоровья, уповая на Божью помощь!

Ваш Алексей Степанов».

Январь 1984 года

Надпись на программке концерта 13.1.84 г. с Гос. Академическим симфоническим оркестром Союза ССР (худ. рук. Е. Ф. Светланов) и Русской хоровой капеллой им. А. Юрлова (худ. рук. С. Гусев). В программе: Мясковский – 13 симфония; Свиридов – «Патетическая оратория». Дирижер Алексей Степанов (Большой зал Московской консерватории):

«Дорогой Елизавете Петровне Кудрявцевой, с именем которой связано постижение самых существенных тайн профессии дирижера у одного из ее счастливых учеников А. Степанова».

24.1.1984 г. Большой театр. Премьера. Н. Римский-Корсаков «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», муз. руководитель Е. Ф. Светланов. Режиссер-постановщик Р. И. Тихомиров, художник И. С. Глазунов. Дирижер А. М. Степанов.

Надпись на программке: «Самому дорогому учителю моему профессору Елизавете Петровне Кудрявцевой после первого выступления в роли дирижера самой дорогой мне оперы Николая Андреевича Римского-Корсакова. „Китеж“ стал двенадцатой (12) оперой, дирижируемой мной в Большом театре.

Это обстоятельство дает некоторое право надеяться на то, что великое творение автора и вместе с ним замечательный спектакль Евгения Федоровича Светланова не слишком пострадали в этот вечер.

Алексей Степанов

24 января 1984 г.»

«21 декабря 1984 года

«Дорогая Елизавета Петровна, здравствуйте!

Здравствуйте в этом старом, но еще грозном году (отмеченным знаком Касьяна)!

Здравствуйте в Новом 1985 году.

Ваш А. Степанов со всем семейством.

P.S. После длительного (в году) перерыва Светланов вновь решился на два спектакля „Китежа“. Был чрезвычайно удовлетворен его состоянием и демонстративно (в микрофон на весь театр) поблагодарил меня, едва только закончилась репетиция. Потом ему пришла в голову идея пойти в дирекцию и на правах постановщика „Отелло“ добиться того, чтобы в его отсутствие, а также в отсутствие М. Эрмлера этим спектаклем дирижировал я, а не Симонов! Кроме того, Е. Ф.[1] запланировал на следующий сезон с его оркестром мой вечерний концерт в Большом зале Консерватории с „серьезной“ программой: Вторая Брамса, Шестая Бетховена, Увертюра Вебера и классический концерт.

Ваш А. Степанов».

«Апрель 1985 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Двадцать лет назад, примерно в это время, я готовился к поступлению в Консерваторию с твердым намерением попасть только в класс профессора Кудрявцевой. Опасаясь всякого рода „случайностей“, я положил на стол приемной комиссии специальное по этому поводу заявление непосредственно перед самым экзаменом по специальности, то есть до того, как будет выяснено, возьмут ли меня вообще. Всю серьезность этого шага я оценил позднее. И с каждым годом все яснее понимаю, не будь я таким умницей, быть мне дураком всю последующую жизнь.

Седьмого мая, в день Вашего рождения, я хотел бы оказаться в Питере, с тем, чтобы с пущей непосредственностью выразить Вам мою глубочайшую признательность и убедиться в том, что вы превосходно выглядите.

С пожеланием доброго здоровья и счастья, преданный Вам Алексей Степанов».

«5 октября 1985 года

Здравствуйте, дорогая Елизавета Петровна!

Сегодня в Большом театре открытие сезона. В этом году оно совпало с Днем учителя, и я, невольно связав между собой два этих маленьких праздника, сразу вспомнил о Вас и о том, что давно не писал Вам (по непонятным причинам).

Начало моего девятого (9) сезона в театре уже сулит кое-какие перемены для меня, обусловленные тем, что Ю. Симонова, наконец, освободили из театра, который отдал ему 15 лет своей жизни. Пока этой жизнью руководит дирижерская коллегия. Одним из вопросов, уже решенных ею,

[1] Светланов Е. Ф. – художественный руководитель Государственного оркестра СССР.

но еще не оформленных в виде приказа, стал вопрос о переводе в дирижеры А. Степанова (занимающего должность дирижера-ассистента) и соответственно распределение между коллегами спектаклей текущего репертуара. Пока не знаю точно, что именно попадет в мои руки, но, кажется, среди прочих это будет „Дон Карлос“, уже назначенный на 26 октября. В паре с другим буду дирижировать „Кармен“, „Сельской честью“, „Паяцами“, „Вертером“, „Повестью о настоящем человеке“. В новую редакцию вошла почти вся кантата „А. Невский“. Это из новых для меня названий. Старые остаются за мной.

В этом сезоне Московская филармония не перегружает меня работой: один концерт 7 февраля в Зале Чайковского с оркестром Е. Ф. Светланова и бывшей Свешниковской капеллой (возгл. Агафонниковым). В программе, предложенной мне, Бетховен, «Кориолан», Первая симфония, два скрипичных романса и Фантазия для ф-но, хора и оркестра. Таковы планы.

В сентябре побывал в Ленинграде. Звонил Вам, но никого не застал дома. Вероятно, Вы были еще на даче. Хочется думать, что Вы хорошо отдохнули и укрепили свое здоровье. Мысленно рисую себе Вас розовощекой, улыбающейся и преисполненной сил.

С уважением, Ваш Алексей Степанов».

«Январь 1986 года

Дорогая Елизавета Петровна!

На дворе 1986 год (первый день) и очень хочется, чтобы он выдался благополучным.

В декабре (прошлогодние новости) дирижировал „Онегиным“, „Повесть о настоящем человеке“, дважды „Зорями“, тремя „Карлосами“ и „Китежем“, пытаюсь не опозорить славного Вашего имени.

Со всеми неизменными прошлогодними чувствами

к Вам, А. Степанов».

«27 марта 1987 года

Здравствуйте, дорогая Елизавета Петровна!

Каково там Вам в Питере живется да можется в пору весенних недомоганий, резкого усиления ветра демократии и половодья, так наз. гласности?

Моя десятая в Б. театре весна началась весьма бурно. За две недели успел продирижировать „Доном Карлосом“, „Снегурочкой“, „Князем Игорем“, двумя „Мазепами“ (в первый раз), двумя „Вертерами“, „Иваном Сусаниным“ и „Хованщиной“ (тоже в первый раз и без репетиции), „Сельской честью“ и „Паяцами“. Теперь на всякий случай надо в срочном порядке изучить „Тоску“.

А пока некоторые итоги. 20 спектаклей побывало в моих руках (5 из них освоил в этом сезоне). При другом стечении обстоятельств можно было бы обогатить свой репертуар еще пятью-шестью названиями.

В конце апреля опера собирается в ФРГ и Данию. Будут „Борис Годунов“ и „Тоска“ (по-итальянски).

Кондуктора: Лазарев и Степанов.

Всем семейством шлем Вам сердечный привет и пожелания доброго здоровья Вам и чадам Вашим.

Ваш А. Степанов».

«Wiesbaden. 30 апреля 1987 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Не знаю, сколько времени потребуется этому письму, чтобы оказаться у Вас в руках?..

Ко Дню Вашего рождения желаю Вам доброго здоровья и полного счастья – елико возможно!

Тут, в средней полосе, у немцев весна в самом разгаре. Все зелено уже. Все цветет. Все радуется и благоухает. Солнышко палит аж по-летнему. Авось ента самая весна и до Питера докатится – этак к 7 мая.

Вчера вечером самолетом прибыл во Франкфурт и сразу сюда.

Завтра открытие гастролей Б. театра. У меня три „Бориса“ (третий в Бонне). Хотелось бы ограничиться этим количеством, чтоб иметь возможность отдохнуть. Уже тянет.

В Москве задержался из-за творческого вечера Архиповой, в котором поделили программу с Эри Класом: у него итальянская часть, у меня – русская. А то мог бы уже целый день гулять и чувствовать себя здесь, как на курорте. Почему „как“? Висбаден и есть самый что ни на есть курорт.

Желаю Вам курортного настроения и соответствующего самочувствия!

Мысленно 7-го перенесусь на берега Невы, чтобы побыть рядом с Вами.

Ваш А. Степанов».

«Апрель 1994 года

Христос воскресе! С Днем Рождения и с Днем именин, дорогая Елизавета Петровна! 7 мая (24 апр. по ст. стилю) вся православная церковь будет возносить молитвы ко св. преп. Елизавете чудотворнице, Константинопольской игуменье, Вашей небесной покровительнице. Быть в Петербурге в этот день я, к сожалению, опять не смогу. А вот побывать в одном из московских храмов мне вполне по силам. В ожидании дня моих сугубых молитв за Вас шлю самый сердечный привет Вам и Вашему семейству. Всегда (и везде) Ваш Алексей Степанов».

«25 декабря 1994 года

Дорогая Елизавета Петровна, прошу Вас принять это традиционное мое послание в канун Нового года и Рождества как выражение любви и преданности Вам, включающее в себя все самые добрые пожелания! Сердечный привет и наилучшие новогодние пожелания Екатерине Алексеевне, Александру Алексеевичу и всем (наилучшим) представителям молодого поколения славного клана! Ваш Алексей Степанов.

P.S. После двух разводов (не по-итальянски) готовлюсь к свадьбе (уже по-итальянски). Le mozze de Figaro должна будет находиться в моих опытных (по части брака) руках, начиная со второго же спектакля».

«23 мая 1994 года

Дорогая Елизавета Петровна! Все вспоминаю замечательный вечер в Большом зале филармонии, устроенный в Вашу честь. Намедни возвратился из Нижнего Новгорода, куда последний раз меня заносило аж 20 лет назад. Там, на вотчине боярина Зивы, пять ден, я уточнил программу концерта, в которой наряду с Симфоническими танцами значилась и та самая увертюра (Воскресная) бедного Николая Андреевича, что так безвинно пострадал в тот памятный вечер, который он, вместо того чтобы украсить, чуть было благодаря мне не испортил. Так вот, по возвращении восвояси могу

себя немного утешить тем, что хотя и с досадным опозданием, но все же, наконец, я как бы реабилитировался. Это был еще один вечер в Вашу честь, дорогая Елизавета Петровна, на котором, думается, Вам присутствовать было бы не только не стыдно, но даже иногда и приятно. Во всяком случае, кажется, удалось воздать должное и моему дорогому учителю, и нашим уважаемым композиторам, чьи сочинения звучали в тот вечер. С сердечным приветом и добрыми пожеланиями всему семейству. А. Степанов».

«Январь 1996 года

Дорогая Елизавета Петровна, примите мои сердечные поздравления в канун Нового 1996 года и в преддверии Рождества Христова. Да хранит Вас Бог! А мои самые добрые пожелания Вам и всему Вашему семейству неизменны, как и чувства глубокой симпатии и преданности. По-прежнему сохраняется и моя невольная, так сказать, привязанность к Большому театру, весьма мешающая моему передвижению в пространстве, зато позволяющая Вашему Алексею Степанову хранить себя сразу в двух экземплярах (на всякий случай).

P.S. Оба экземпляра Вашего издания, похоже, совершенно идентичны, что в известной мере объясняет получение Вами того или иного поздравления по почте в одном экземпляре. Что касается меня лично, то с этого сезона я стал чаще появляться на концертной эстраде с симфоническими программами благодаря тому, что (наконец) принял на себя обязанности второго дирижера в оркестре Павла Когана. Оркестр сейчас в очень приличной форме, и я вполне доволен нашим положением. Предложений взять на себя обязанности главного не поступало и поэтому считаю излишним передавать Вам...»

«Май 1997 года

Христос Воскресе! Дорогая Елизавета Петровна, радость праздника св. Пасхи весьма велика и поглощает все прочие праздники и даты. Однако такая дата, как 7 мая для тех, кто помнит, с кем она связана, способна радовать вполне самостоятельно. И не только христиан, как представляется... Поздравляю Вас разом (non arpeggiato) и со светлым Христовым Воскресением, и с Днем рождения, и с Днем Ваших именин! Сразу после спектакля открою дагестанского бутылку и перечту... (по пальцам одной руки) людей, кого можно было бы поставить рядом с Вами. А если на трезвую голову – то рядом никого нет. И близко что-то никого не видится.

Что же касается моей реликвии, то этот коньяк – драгоценность особого рода и только в случае, если в пределах досягаемости окажется кто-либо из Ваших учеников, чей возраст превысит коньячный ровно в 10 раз, я смогу

(с известным усилием, правда), сделать его своим собутыльником и таким образом уже не в одиночестве соблюсти то, чего требует древний ритуал, и пожелать Вам крепкого здоровья и осуществления всех Ваших планов ближайших, связанных с Брукнером (кстати говоря, известным христианином) и перспективных, в чем да поможет Вам Господь! Сердечный мой привет и поздравление Екатерине Алексеевне и Александру Алексеевичу, а также Вашей тезоименинниице[1] в Великобритании. Ваш Алексей Степанов со всем семейством».

«Декабрь 1997 года

Дорогая Елизавета Петровна!

С наступающим Рождеством Христовым и Новым 1998 годом! Мои наилучшие пожелания Вам и Вашему семейству! Пишу Вам между „Аидой“ с „Князем Игорем“ и „Богемой“ с „Любовью к трем апельсинам“, непосредственно после „Тоски“. В таком компоте я как перезрелый фрукт, упавший с Вашего дерева, надеюсь показаться Вам слаще. Что-нибудь иное, более привлекательное, к Вашему праздничному столу, увы, предложить не могу (пока все еще). А вот мой тезка и однофамилец[2] мог бы поделиться с Вами такой новостью, если бы не был столь молчалив: на днях ему присвоено звание засл. арт. России. Заведение, в котором мы с ним служим, называющее себя по-прежнему Б. театром, скоро закрывается на ремонт, в связи с чем „переезжает“ в крохотное здание по соседству, выстроенное совсем недавно. Как его можно будет назвать тогда, сказать не берусь. Не настало ли время уходить в другой монастырь? Хотелось бы все же не в Новодевичий в таком случае. Правда, помышлять об уходе, хотя и стало уже в наши дни довольно популярным занятием, все же с недавних пор оно должно расцениваться не иначе, как вольнодумство и праздномыслие. На последнем у меня в этом (уходящем) году спектакле „Иоланта“ присутствовал наряду с уже упомянутым еще один мой тезка святейший патриарх Алексий II, и по окончании спектакля я неожиданно удостоился высочайшего благословения и дальше трудиться в этом отнюдь не Божьем храме. В присутствии всего нашего безбожного директората я благоговейно поцеловал руку святейшего... В предстоящих (в первой половине нового года) гастролях Большого театра в С.-Петербурге мое участие не планируется, что не лишает меня, однако, возможности появиться в Питере, так сказать, с неофициальным визитом. Тем более что встреча с Вами предоставляет для этого такой заманчивый повод!

Сердечный привет Екатерине Алексеевне и всем домочадцам!

Всегда Ваш Алексей Степанов».

---

1 Мурина Елизавета Андреевна – внучка Е. П. Кудрявцевой.

2 Степанов А. М., хормейстер Большого театра.

«1998 год

Мое жизнеописание никак не укладывается на бумагу, которая, как известно, терпит многое, но далеко не все и не всегда, особенно в предпраздничное время, хотя, конечно, пора бы уже хоть что-нибудь написать Вам о себе – приличия ради. Поэтому в нескольких словах. Слава Богу, жив и здоров (как мне кажется). По-прежнему дирижирую преимущественно в яме, в среднем 5–6 спект. в месяц. Мои коллеги по опере трудятся прибл. столько же или меньше, что с недавних пор не считается преимуществом, т. к. оплачиваются только проведенные спектакли. Никакого гарантированного оклада больше ни для кого (кроме администрации, разумеется) не существует. С приходом в Б. театр дирижирующего пополнения – в опере это Андрей Чистяков и совсем молодой Павел Сорокин – мне пришлось поделиться своим репертуаром. Теперь от него остались только „Орлеанская дева“ с „Иолантой“ – в этом сезоне, в частности, – „Золотой петушок“, „Свадьба Фигаро“ да „Тоска“ с „Богемой“. В прошлом сезоне была „Жизнь за царя“. А в этом – был приглашен М. Ф. Эрмлер для постановки новой, т. е. восстановления старой, с большими купюрами (не путать с ден. знаками), редакции. Теперь остается только вспомнить, как хороша была опера Мих. Ивановича до обрезания... В январе собираюсь все же дважды вылезти из ямы. В Зале Чайковского пойдет Девятая Бетховена с его же Фантазией (как тут не вспомнить моего профессора Екатерину Алексеевну с благодарностью за науку и Хор учителей, по-прежнему скромно именующий себя Хором любителей), а в Большом зале Консерватории – Четвертая симфония Брукнера и Виолончельный концерт Дворжака. О дорогом моем профессоре Елизавете Петровне регулярно получаю сведения от Людмилы Федоровны Никитиной, чрезвычайного и полномочного представителя Хора любителей в Москве. Она не дает мне забыть о моем происхождении (да я и сам всегда помню). Жена Тамара тоже не забывает свое хоровое ремесло, у нее два хора в Москве: один из латышей, живущих в Москве, „прописанный“ в Посольстве Латвии, а другой из девушек, обучающихся в Педагогическом колледже. Дочь – на 2-ом курсе Лингвистического университета (бывший Институт иностранных языков им. Мориса Тореза). Когда меня нет дома, играет на фортепиано. Все трое, включая меня, шлют Вам сердечный привет и кланяются».

«9 октября 1998 года

Дорогая Елизавета Петровна, здравствуйте!

С превеликим удовольствием отмечаю вместе с Вами и всем не только хоровым обществом круглую и внушающую почтение дату в жизни Хора любителей. Шлю Вам свои поздравления и отдаю весь свой голос партии басов, чтобы вместе со всем Хором и примкнувшей к нему посторонней

публикой спеть многие лета Вам, создателю сего чуда! Вспоминая былое, радуюсь тому, что некогда, поставленный Вами (на ноги) перед этим замечательным коллективом, устоял в течение нескольких благословенных для меня лет и до сих пор имею счастье извлекать из того достопамятного стояния нечто весьма полезное мне. Радуюсь неизменному успеху, сопровождающему Ваши выступления вот уже сорок (!) лет, и шлю – наряду с приветствием и поздравлениями – пожелания новых творческих удач артистам родного мне хора: и старой гвардии и молодому, новому поколению любителей! Пусть так же преданно, как и всегда, любят ее величество Музыку и ею – музыкой – возведенную на престол ныне здравствующую Государыню Императрицу Елизавету Петровну, т. е. Ваше Величество! Музыка, хранящая молчание, до поры остается одной из знаковых систем и всегда ждет своего часа, чтобы, если угодно, „воскреснуть из мертвых“. Она оживает и возводится на подобающий ей пьедестал только благодаря усилиям достойно стоящего на своем пьедестале (подиуме) интерпретатора. Не без участия, разумеется, и отвечающего ее требованиям, с позволения сказать, инструментария... Сожалею, что не смогу присутствовать на предстоящем юбилейном концерте и стать свидетелем реанимации многих шедевров хоровой музыки, т. к. вынужден, несмотря на свои верноподданнические устремления, сидеть в Москве, ибо остаюсь пока крепостным музыкантом, усердным отбивателем четвертных, главным образом, и половинных долей такта, что сильно мешает осуществлению записанной в Конституции свободы передвижения. Хотел бы надеяться на то, что основатель и бессменный художественный руководитель Хора любителей с Божией помощью преодолеет без ущерба для здоровья все испытания, связанные с этими юбилейными торжествами, и перед следующими, очередными – сможет позволить себе известную роскошь полностью погрузиться в семейное счастье. Сердечный привет Екатерине Алексеевне, Александру Алексеевичу, Виктору и Лизаньке, а также моему юному тезке[1], to the best of London's dandy think[2]! С подобающими поздравлениями (уже не юбилейного свойства).

Всегда Ваш А. Степанов.

P.S. Так приятно было – не могу не признаться Вам – услышать в телеф. трубке дорогой и, как всегда, бодрый голос Ваш! Благодарю Вас за этот звонок и добрые слова! На службе и дома без видимых перемен и, слава Богу, благополучно. Продолжая сидеть в своей глубокой яме (оркестровой), время от времени вынужден утешать себя мыслью, что, должно быть, с каждым годом все глубже и глубже проникаю в тайны собств. ремесла, и это как бы заодно может служить некоторым оправданием сидящему.

[1] Алекс Уинделл, правнук Е. П. Кудрявцевой.

[2] Лучшему денди Лондона (англ.)

Впрочем, я в яме не сижу, а стою, и голова, стало быть, из ямы торчит. В этом еще одно небольшое утешение… Чадо мое на днях, преодолев резко возросшее в последнее время (в результате так наз. финансово-экономического кризиса) земное притяжение, оторвалось-таки от родной земли и улетело в Германию поучиться (на полгода). Долетело без приключений, других известий пока не поступало.

Свой 70-летний юбилей отметил сегодня в Б. театре Е. Ф. Светланов, не делая из этого никакого секрета для средств массовой информации, президента, Госуд. Думы и правительства. Все было чрезвычайно помпезно и, как мне показалось, не слишком весело и радостно. У Вас же все должно быть и радостнее и веселее, я в этом более чем уверен».

«11 апреля 1999 года

Дорогая Елизавета Петровна!

Христос Воскресе! Пишу Вам в день светлого Христова Воскресенья после всенощного пребывания в храме. Поздравляю Вас сердечно и желаю Вам доброго здоровья и постоянного пребывания в радости и твердой уверенности в том, что любовь к Вам всех, кто Вас знает, нелицемерна и велика, как и благодарность со стороны всех тех, кому Вы напоминали о Боге во времена, когда велено было о Нем забыть! Страстная седмица, в нарушение канонов правосл. церкви, была испорчена двумя спектаклями в языческом храме, зато теперь в течение целого месяца у меня – ни одного, и я смогу праздновать Пасху аж до самого Вознесения. Мои поздравления и поклон Вашему семейству! Ваш голос в телефонной трубке сегодня – это настоящий подарок, за который моя Вам сугубая благодарность.

Ваш А. Степанов».

«22 декабря 2003 года

Здравствуйте, дорогая Елизавета Петровна! И да здравствуют вместе с Вами Ваши дети, внуки и правнук(и)! Примите самые сердечные поздравления к Новому году и Рождеству Христову! Пусть приподнятое настроение, всегда сопровождающее празднующих, приподнимет с постели болящих, если таковые еще возлежат, и утвердят в мысли о скором выздоровлении, чего всячески и желаю Вам и Вашим Родным! (И не один я, думается).

Наступающий год для меня и всех моих однополчан (а их уже немало и с каждым годом в нашем полку все прибывает) видится исключительно как юбилейный – по понятным причинам. Не предвижу никаких других событий, которые можно было бы по значимости соотнести, сопоставив с тем, которое все мы собираемся отметить 7 мая. Разумеется, никто в нашей стране и даже за рубежом не может быть уверен в завтрашнем дне

вполне, но в дне, запланированном на 7 мая, сомневаться не приходится. Уже сегодня вряд ли можно рассчитывать на свободное место за Вашим столом, но под столом, надеюсь, еще не все места забронированы. Очень просил бы включить меня в число претендентов. И если потребуется, готов сдать вступительные экзамены. Что касается моей возможной занятости в каком-нибудь спектакле, то в этом случае спектакль пойдет 7 мая без дирижера. Публика, которая нынче посещает Большой театр, вряд ли, что называется, заметит разницу. А дирекция – и подавно. Это в случае, если кто-то из многочисленных представителей управленческого аппарата вдруг (по недоразумению) окажется на спектакле. Однако рассматривать такую возможность вовсе не стоит. Уже давно ложа дирекции на спектаклях пуста, зияюще пуста. Впрочем, Новый год, может быть, внесет что-нибудь новенькое и в театральное искусство или хотя бы в искусство управления искусством. В чем не приходится ожидать никаких новостей, так это в искусстве дирижирования. С тех самых пор, как я окончил (или, лучше сказать, прервал в силу известных жизненных обстоятельств) курс обучения в Вашем классе, ничего нового для себя в этой области я уже открыть не мог, хотя кое-какие попытки, как Вам известно, и предпринимались. Не думаю, чтобы я был одинок или в этом смысле индивидуален. Сколько моих коллег сейчас могли бы сделать такое же признание! Хорошо, что не все они осели в Москве, а как-то удачно рассредоточились по миру, а то можно было бы предполагать (в первой декаде мая) немалые трудности здесь в приобретении ж/д или авиабилетов. (Лично я по-прежнему отдаю предпочтение поезду). Зато в Питере возможны новые пробки на дорогах, ибо 7 мая все пробки, надо полагать, как всегда в это время, а особенно в наступающем (юбилейном) году ведут на набережную Лазарева. Крепко обнимаю Вас и передаю Вам самые добрые пожелания от всего моего семейства. Ваш Алексей Степанов».

Дебют А. Степанова
«Советская музыка», 1975 год, № 8.

«Самый торжественный момент в подготовке концерта наступает тогда, когда вы устанавливаете первый контакт с оркестром, с которым вы не знакомы... За эти короткие мгновения осуществляется наше молчаливое общение, которое проникает в самую глубину сердца и создает атмосферу симпатии, дружелюбия и доверия» (Ш. Мюнш).

Многие начинающие дирижеры мечтают об этих мгновениях, и когда они наступают, далеко не каждому удается показать себя зрелым музыкантом, способным увлечь оркестр, завладеть его вниманием и – что самое

главное – его доброжелательностью. Думается, что последнее немаловажно для успеха концерта.

Именно так произошло на концерте, где дебютировал Алексей Степанов (9 марта, Большой зал Ленинградской филармонии). Заслуженный коллектив республики с полной отдачей и готовностью следовал его указаниям.

А. Степанов прошел отличную подготовку в Московской консерватории у профессора Л. Гинзбурга. Программа концерта, с которой выступал дебютант, привлекала продуманностью подбора произведений по принципу контраста стилей, эпох, содержания – от жанровой конкретности бриттеновских Вариаций и фуги на тему Перселла, через оптимистическую ясность Концерта для скрипки с оркестром Т. Хренникова к монументальной драматургии музыки Вагнера.

Отлично проявили себя все оркестровые группы благодаря предельно ясным, но в то же время мягким, без схематизма жестам дирижера. Очень подвижная кисть позволяет ему достигать тонкой выразительности в нюансировке. Обратили на себя внимание внутренняя собранность, строгий вкус при проведении туттийной величественной темы Перселла.

В Концерте для скрипки с оркестром Т. Хренникова дирижер показал себя хорошим аккомпаниатором. Солировал В. Пикайзен.

Увертюра к опере «Тангейзер» может считаться одной из самых грандиозных оперных увертюр во всей истории жанра. Программная конкретность и в то же время большая обобщенность требуют от дирижера максимальной чуткости по отношению к строгим пропорциям формы, умения охватить ее как целое, не сглаживая рельефных деталей. Дирижерская концепция артиста оказалась близкой вагнеровскому пониманию «инструментальной драмы».

Очень удачно были подобраны фрагменты из оперы «Нюрнбергские мейстерзингеры». При этом дирижер словно следовал вагнеровской тенденции постепенного укрупнения форм к концу оперы или акта. Сдержанные темпы во вступлении к третьему действию усилили дальнейшее напряжение. Вспомним программные пояснения Вагнера о мелодических оборотах «Песни башмачника», которые должны исполняться «очень нежно и в очень замедленном темпе, как будто человек, отрываясь от занятия повседневным трудом, обращает взор свой ввысь и забывается в нежно чарующих мечтаниях». И здесь интерпретаторский замысел совпал с композиторским. Нельзя не отметить также прочувствованного исполнения Монолога Закса (солист Г. Селезнев).

Знание основ вокальной выразительности, специфику которой А. Степанов изучил, окончив дирижерско-хоровой факультет Ленинградской консерватории в классе профессора Е. Кудрявцевой, проявилось в звучании

хорового фрагмента, который увлеченно спел Хор любителей пения Ленинградского хорового общества.

Дирижерская техника А. Степанова отличается уже сейчас точными показами вступлений, тонким владением динамикой, отсутствием эффектных движений. Вместе с тем, когда это необходимо, его жест становится внешне очень выразительным и амплитуда его расширяется.

В настоящее время А. Степанов заканчивает оперно-симфоническое отделение Московской консерватории.

Хочется пожелать ему дальнейшего творческого роста и активного продолжения успешно начатого самостоятельного пути.

Н. Кузнецова

Равиль Мартынов

Равиль Мартынов (1946–2004) – народный артист РСФСР, профессор Петербургской консерватории, лауреат Всесоюзного конкурса дирижеров (1983), художественный руководитель и главный дирижер Санкт-Петербургского государственного академического оркестра (с 1986 года).

Моей мечтой было исполнение оратории Онеггера «Царь Давид» и ми минорной Мессы Брукнера.

Так складывались обстоятельства, что эти сочинения с 30-х годов XX века не звучали на эстраде. Я неоднократно говорила об их звучании с моими друзьями-дирижерами. Наконец Месса и Оратория нашли своего интерпретатора в лице замечательного музыканта, дирижера с огненным темпераментом Равиля Мартынова. Любое сочинение крупной формы под руками этого дирижера звучит убедительно, как будто это первое прочтение, отличается красотой идей.

Мартынов обладает отличной памятью, умением быстро охватить музыкальный материал и донести его до слушателя.

Не так давно я убедилась в исключительной памяти дирижера. Равиль сел за рояль и сыграл «Всенощное бдение» Рахманинова так талантливо, что, казалось, это гениальное сочинение вышло из-под его пера.

Елизавета Кудрявцева
Ноябрь 2003 года

Должен ли оркестр любить дирижера?
23 января 1998 года
Интервью с Равилем Мартыновым

Даже одно слово из чужого языка может иногда очень выручить. Я убедился в этом на собственном опыте, когда на моем концерте в Филармонии при полном зале произошел жуткий случай. По протекции Госконцерта в Питер приехала японская пианистка. Нам предстояло исполнить концерт Моцарта. На репетиции она играла бегло, не более того. Но вечером

с первых же тактов я стал очень нервничать, потому что она превратилась в автомат, который в любой момент мог выйти из строя. Под конец она заиграла в другой тональности и остановилась.

Ужас заключался в том, что оркестр в той ситуации не мог ее выручить. И тут я вспомнил японское слово: ХАДЗИМЭКАРА. Так судья в карате подает команду «Схватка начинается сначала».

Японка смотрит на меня безумными глазами. И я говорю ей:

– Хадзимэкара!

И в ответ слышу – по-русски:

– Какой кошмар...

Она заново стала играть финал, и мы дотянули до конца. Но с тех пор, наблюдая по телевизору схватки каратистов, я всегда вздрагиваю, когда слышу это японское слово.

Есть такая старая хохма. У оркестранта спрашивают:

– Что сегодня дирижирует Караян?

– Мы не знаем, что он дирижирует, – отвечает музыкант, – но мы играем Пятую Бетховена.

В любой шутке есть доля правды. Между дирижером и оркестром действительно существует порой антагонизм хотя бы потому, что многие сидящие перед ним музыканты мечтали встать за дирижерский пульт. И между собой они шутят насчет того, что самый хороший дирижер тот, которого уже нет в живых. А начинающих они вообще еле терпят. В молодости я работал в Казанском оркестре. Музыканты встретили меня почти враждебно. Но я был тверд и не без труда, но добивался своего, не прощая ни одной мелочи. День первого концерта запомнился тем, что лица перед собой я видел чужие, но играли все – великолепно. Месяца через три-четыре оркестр меня полюбил, хотя на короткой ноге я ни с кем не был. Но я не понимал, почему мне не нравится, что меня любят. В конце сезона случайно мы играли ту же программу, что была в начале. После концерта ко мне выстроилась очередь, все мне улыбались и говорили комплименты. Но я был убит тем, что играли-то они скверно.

Позднее, став стажером Мравинского, я рассказал ему эту историю. Он чуть улыбнулся и заметил:

– А оркестр и не должен любить дирижера. Он должен его уважать и немного бояться.

К Мравинскому отношение среди профессионалов было разное. Но даже те, кто его не любил, все равно приходили на его концерты. Вышло так, что Евгений Александрович не первым играл 15-ю симфонию Шостаковича. Ее московская премьера не блистала совершенством. В день исполнения симфонии в Ленинградской филармонии среди слушателей был Грикуров, не питавший особых симпатий к Мравинскому. Поздно вечером

ему из Москвы позвонил Хайкин, лежавший в больнице с переломом бедра. Он жаждал узнать, как прошло исполнение.

– Ну что тебе сказать, Боря, – заключил Эдуард Петрович, – рентген был точен... Нравится – не нравится, но Мравинский сделал все, что было в партитуре. А это мало кому по-настоящему удается.

На Мравинском была маска грозного человека, но на самом деле он был беззащитен. Я видел, как перед каждым концертом он нервничал.

– Вы знаете, – признался он мне однажды, – я всю жизнь мечтал дирижировать так, чтобы за мной был занавес. Ну хотя бы из тюля, чтобы я не отвлекал слушателей от музыки...

Его аскетизм тоже был объясним. За пультом он боялся своими страстями внести в оркестр хаос, погубить гармонию.

Мне вспоминается, как я впервые пришел к нему домой. В прихожую посмотреть на гостя вышло множество кошек.

– Вы их не боитесь? – спросил он.

– Нет, нет, – сказал я. – У меня дома тоже есть кошка.

Но когда я сел на диван, мне стало как-то не по себе. Шесть кошек, никаких там не сибирских, а самых обычных, разбрелись вокруг меня. А одна из них – он звал ее Катькой – вспрыгнула на диван, стала ходить за мной по спинке и принюхиваться. Ощущение было почти мистическое. Мравинский сказал:

– Интересные твари. Все знают, все слышат, но ничего не говорят.

Поссорившись с кем-то, он переживал, готовился к примирению. Но бывало и так. Вот он подходит к человеку, чтобы протянуть ему руку. Но вдруг в последний момент словно какая-то буря поднимается в нем. И он довершал разрыв, теперь уже навсегда. Его осуждали. Но проходил год или два, и возникал повод убедиться, что человек, с которым он так поступил, действительно – полное дерьмо. Мне иногда казалось, что чутье у Мравинского было, как у его кошек.

Ну а сам-то я стал дирижером случайно. Родители мои к этой профессии отношения не имели. И все могло сложиться иначе, если бы в детстве я не жил на Петровской косе. Там делает кольцо 7-й троллейбус и рядом расположен Дом ветеранов сцены. Хорошо помню красивую старушку, которой было тогда лет сто. Я дружил с ее собакой Вислой, немецкой овчаркой, которая позволяла мне кататься на ней верхом. Однажды ехал я со своей бабушкой на «семерке» через Дворцовый мост и на весь троллейбус орал какую-то песню. Бабушка стала меня утихомиривать. А ехавшая с нами старушка из Дома ветеранов сцены за меня заступилась и посоветовала отвести меня в Хоровое училище при Капелле. Этот дом через Дворцовую как раз был виден в окно троллейбуса. Меня туда привели. Я сдал экзамены, поступил, чтобы теперь уже каждый день петь с девяти утра. Потом увлекся фортепиано. Уже в консерваторские годы, когда надо было подрабатывать на жизнь, меня пригласили концертмейстером в класс оперно-симфонического дирижирования.

Студенты на первых порах дирижируют не оркестром, а двумя роялями. На занятиях сразу видно, кто из них безнадежен. И, попадая на занятия к таким бездарям, я испытывал неодолимое желание что-то сделать, чтобы они меня не мучили. Короче говоря, им я и обязан тем, что сам встал за дирижерский пульт.

Все большие дирижеры неповторимы даже в своих причудах. Бориса Эммануиловича Хайкина любили и побаивались за острое слово. Однажды на его репетиции киксанул валторнист. Ну, это с кем не бывает. Но вот он срывается второй раз, третий... Хайкин останавливает оркестр и укоризненно смотрит на музыканта. Тот клянется, что вечером все будет в полном порядке.

– Что, всплывет? – иронически уточняет Хайкин. Такие фразы становятся в нашем кругу музыкальным фольклором.

Неподражаем в общении с публикой был Натан Григорьевич Рахлин. Он любил овации. Я был свидетелем такого эпизода. После концерта ему горячо аплодировали, но когда он стал уходить со сцены, интенсивность хлопков заметно угасла. Тогда, не дойдя до кулисы, маэстро вернулся. Он учил публику аплодировать до конца.

Конечно, не был равнодушен к аплодисментам и Мравинский. Но даже в такие моменты он казался невозмутимым. Встречу с ним я считаю подарком судьбы. И у меня не было повода сожалеть, что я сотворил себе кумира.

Интервью взял Олег Сердобольский

Музыка вдохновения
Концерт в Филармонии 5 марта 1997 года. «Классика», апрель 1997 года.

«Музыка должна помогать людям жить».
(Артюр Онеггер)

У творцов музыкального искусства XX века есть сочинения, обращенные к миллионам и миллионам землян, невзирая на границы, взгляды и убеждения.

«Всенощное бдение» Рахманинова, «Александр Невский» Прокофьева, «Ленинградская симфония» Шостаковича, «Свадебка» Стравинского, «Патетическая оратория» и «Курские песни» Свиридова, Ахматовский «Реквием» Тищенко, «Кармина Бурана» Карла Орфа, «Перезвоны» Гаврилина, «Военный реквием» Бриттена.

К ним по праву можно отнести и «Царя Давида» великого швейцарца Артюра Онеггера.

Прозвучавший впервые в 1921 году в горном швейцарском сельском театре «Жора» в исполнении простых крестьян, студентов, музыкантов, эта музыка начала свое шествие по миру. Вскоре с ней познакомил Россию профессор Михаил Климов. Капелла и оркестр вдохновенно исполнили это сочинение.

И вот спустя три четверти века «Царь Давид» покорил новое поколение исполнителей и слушателей.

Это произошло благодаря энергии двух замечательных музыкантов, профессора Елизаветы Кудрявцевой, мечтавшей об этом уже давно, и ее ученика и единомышленника, профессора Равиля Мартынова.

Как и при первом исполнении в Швейцарии, пел 100-голосый Хор любителей пения Петербурга, солисты, замечательный чтец Алексей Емельянов, Государственный Академический симфонический оркестр.

Великолепный перевод текста сделал консерваторец Константин Никитин.

Ведомые вдохновенной рукой Равиля Мартынова, они творили таинство, именуемое Великой Музыкой.

Концерт был посвящен 30-летию со дня основания Санкт-Петербургского государственного Академического симфонического оркестра, который мы чаще всего называем просто – «Оркестр Мартынова», и в этом высокое признание заслуг музыкантов.

Вечер стал тем явлением духовной жизни нашего города, которое запомнится надолго.

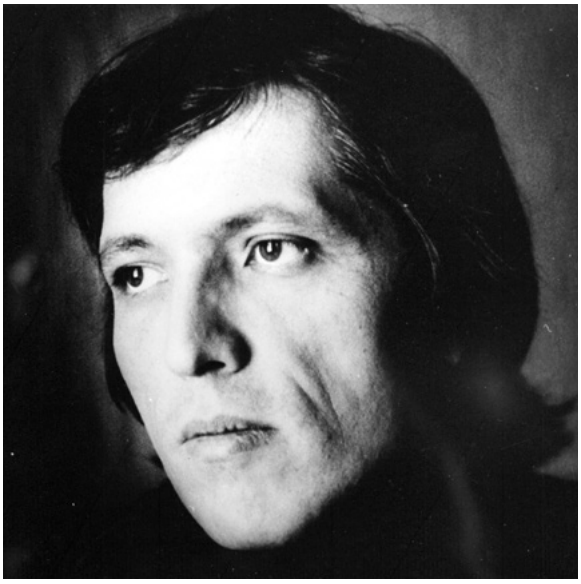
Слова Артюра Онеггера, сказанные давно, были необычайно актуальны в наше, полное тревог, время.

«Если музыка не хочет превратиться лишь в театральный задник для мелкого буржуа (читай: лавочника. – *А.М.*), пусть она повернется к своему великому общественному назначению: шествия, народные спектакли, фабричные и полевые работы, стадионы, фильмы, танцы».

«Музыка должна помогать людям жить» – эти мысли композитора витали в тот вечер в ауре Большого зала Филармонии.

Александр Мурин

Тимур Мынбаев



Тимур Каримович Мынбаев (род. 1943) — дирижер, композитор, музыковед, заслуженный деятель искусств Казахстана, профессор.

Тимур Мынбаев – дирижер, которого охотно приглашают сегодня мэтры нашего искусства музицировать со своими оркестрами.

Он талантливый, признанный композитор. Его музыковедческая диссертация «Полифония Бриттена» «тянет» на самое высокое звание.

В прошлом Тимур Каримович поднял полусамодеятельный оркестр Республики Казахстан до столичного, европейского уровня.

Познания и обаяние Мынбаева при выступлениях как телеведущего напомнили мне такого просветителя, как Леонард Бернстайн.

Октябрь 2003 года.
Елизавета Кудрявцева

«Дорогая Елизавета Петровна!

Спешу поделиться с Вами радостной для меня новостью – Ленинградская Филармония предлагает мне дебют!!! 1-го июня с такой программой:

I. Дворжак. Концерт для виолончели с оркестром h-moll.

II. Бетховен. Четвертая симфония.

Нет нужды объяснять Вам, как я взволнован и горд этой большой честью, безусловным этапом музыкальной жизни моей.

Подтверждается правильность избранного пути, перемены места и, надо сказать, чрезвычайно трудной и ответственной деятельности. Пишу симфонию для М. И. Тэриана („Струнная симфония“) в IV частях с интермедиями минут на 20. Готова одна часть (не первая), пытаюсь внести „свое“ в сонатность, к тому же породнить фольклорные элементы с современными средствами, где ощущаю внутреннее родство с принципами Бартока среднего периода (Музыка для струнных, ударных, челесты, V–VI квартеты, микрокосмос). „На носу“ ответственные праздничные концерты

и подготовка к гастролям по Сибири (Новосибирск, Томск, Барнаул). С Димой[1] полный контакт к обоюдному удовольствию (он Вам кланяется сердечно! – так же Мила и Евулька – здоровая пятилетняя девочка – „солдат“).

Мне кажется, что оркестр здесь значительно прибавил в классе игры, есть надежда пробиваться на Союзную аудиторию. Коплю репертуар, занимаюсь общественной деятельностью, пока что не выдохся, стараюсь.

Вам верный Т. Мынбаев

P.S. Излишне было бы напоминать Вам, что я был бы счастлив оказанной Вами чести – не только мне лично, но и „казахскому искусству“ – посещения моего концерта».

«Алма-Ата, 1980 год

Дорогая Елизавета Петровна!

Счастлив сообщить Вам, что благороднейший и упорный труд Ваш по воспитанию музыкантов принес очередной и кажется удачный плод, коего имя Вы сможете прочесть на лицевой стороне афиши в левом нижнем углу, причем, плод сей, выступая при полном аншлаге в здешней Филармонии, сумел продемонстрировать аудитории многое из того, чему смог научиться у Вас еще в эмбриональном состоянии студенчества, и за это можно только благодарить Судьбу в Вашем лице, Судьбу, дающую главное оружие музыканта – интонационное мышление, овладев которым, эмбрион превращается в плод и имеет шанс развиваться до человеческого состояния понимания музыкальной логики, в то же время прекрасно сознавая и меру ответственности и в особенности глубокую благодарность Вам – выдающемуся Музыканту и Воспитателю.

Преданный Вам ученик Т. Мынбаев.

P.S. „На закуску“ сыграли „Тангейзера“ – вышло очень недурно.

Т. М».

«Алма-Ата, 1980 год

Дорогая Елизавета Петровна!

Посылаю Вам сей маленький сувенир в качестве скромного поздравления и посвящения его Вам в связи с праздником 8-го марта!

Поелику программа сия была на должном уровне, осмелюсь так же приложить к тому вырезку из газеты со смешанным газетно-мынбаевским комментарием. Желаем мы все, „рабы“ и ученики, Ваши Многия Лета Вашему Музыкальному Величеству!!!

Т. М».

[1] Китаенко Д. Г. – ученик Е. П. Кудрявцевой (см. Главу III. «Ученики. Дмитрий Китаенко»).

«Дорогая Елизавета Петровна!

С огромным удовольствием посылаю Вам „швецка лва“[1] в американской упаковке 1980 г., с которым неизменно связаны прекрасные воспоминания о „Любителях“ о работе под Вашим руководством, которая так много мне дала!

Желаю Вам, Вашей семье, Вашему коллективу максимум здоровья и творческих побед, а я не подведу!

Ваш Тимур.»

15.11.80.

Обработка Т. Мынбаева Петровского канта «Радуйся, Росско земле!» издана в Америке:

«Дорогая Елизавета Петровна!

С бесконечной благодарностью и любовью

к Вам – моему Учителю.

Т. Мынбаев

1 июня 1975 г.»

Надпись на программе концерта в Ленинградской филармонии.

Дебют Т. Мынбаева в Ленинграде.

«11.09.1983

Алма-Ата.

Дорогая Елизавета Петровна!

К сожалению, общение по телефону не состоялось ни летом, ни теперь, тем не менее, мне приятно – в виде чисто музыкантского общения – преподнести Вам только что вышедший из печати сборник, составленный из двух небезызвестных сочинений для хора Вашего покорного слуги. Надеюсь, он доставит Вам не только несколько минут не самых плохих воспоминаний, но может быть и сослужит практическую службу, приобщая новое поколение ценителей и исполнителей хоровой музыки к некоторым нестандартным ее аспектам, ведущим к ясному пониманию непостижимости, непознаваемости и величия Хора.

Со времени создания „Бесов“ и „Языческой песни“ я больше не пишу для хора „а капелла“, целиком посвятив себя инструментальным и сценическим жанрам крупной формы, – тем ценнее и дороже мне эти сочинения незабываемого ленинградского периода.

Только что с большим успехом прошла премьера моей „Симфонии-концерта для фортепиано и оркестра“, закончил вторую симфонию, которая примет участие в одном крупном международном конкурсе произведений для оркестра, состоялась также с успехом московская премьера „Сонаты

[1] Слова из Петровского канта «Радуйся, Росско земле!»: «Сокруши и швецку льву зубы изощрены».

для скрипки соло“, которую я рассматриваю как крупный эскиз будущего скрипичного концерта, а в прошедшем сезоне я дирижировал своим виолончельным концертом в ГДР, где он был исключительно высоко оценен.

Дирижерская сфера также постоянно расширяется, в этом сезоне приступаю к исполнению цикла всех симфоний Д. Д. Шостаковича, прозвучат 5 и 6-я симфонии Малера, 2, 4 и 7-я – Брукнера, «До мажорная» Большая симфония Шуберта, весь Бетховен. Намечены авторские вечера А. Шнитке и Э. Денисова, множество сочинений современных советских и зарубежных авторов. На сольные гастроли по стране и за рубежом я предпочитаю выносить симфонии Брамса и Прокофьева, так как в моем оркестре эти сочинения звучат постоянно, словом, Вы видите, что для всего перечисленного явно не хватает еще одной жизни, но благодаря усердным медитациям спасительной Йоги я пока еще жив.

С удовольствием выполняю старый долг и посылаю Вам свою фотографию, надеясь на то, что помимо домашнего архива, она может быть полезной для новых телепередач о Вашем замечательном творчестве Дирижера и Педагога.

Низко кланяюсь Вам, дорогая Елизавета Петровна, с самыми неизменным чувствами почтения и преданности.

Т. Мынбаев».

«28.09.84
Ярославль
Дорогая Елизавета Петровна!
Добрый Ангел!

Только что, глубокой ночью, на служебной пишущей машинке Ярославской филармонии, закончив писание Отзыва на Милу, – спешу отправить Вам: время дорого, жизнь невероятно уплотнилась и представляется теперь чем-то вроде сгустка сверхтяжелой сверхзвездной сверхматерии, внутри которой – АЗ ГРЕШНЫЙ, тяжко и трудно время сие, паки на Тя, Господи уповахом да не постыдимся во-веки: церковнославянский язык требуется для внедрения в исконно русский город церквей и старины, а пуще того, – для продвижения в престольную столицу, куда и стремлюсь из последних сил. Согласен на любую работу в московских оркестрах и, кстати, прошу Вас о любезности поговорить с Китаенко при случае – не согласится ли он взять меня – очередным дирижером, мне всего-то и нужно „пустяк“ – Работы! (Прописку и жилье тоже, особенно – первое, что в его власти безусловно, жилье – буду менять, есть разрешение).

Вспоминаю свое волнение в Юрмале с Концертом Рахманинова – спасибо КАТЕ[1] – все обеспечила, даже провела со мной курс дирижирования,

[1] Мурина Е. А. – дочь Е. П. Кудрявцевой.

умница, молодец, талантище, спасибо ей! Играть с ней – такое удовольствие, что и сказать Вам не могу, было – ОЧЕНЬ ХОРОШО, надеюсь, еще и не то – БУДЕТ!

Дорогая Елизавета Петровна, добрый ангел наш, не болейте, берегите себя, мы все готовы отдать Вам свое здоровье, – только бы все было хорошо. Крепко Вас обнимаю, целую нежно и очень люблю Вас.

Всегда Ваш
Т. Мынбаев».

Музыкант, педагог, человек
Журнал «Советская музыка», 1981 год, № 6.

В класс профессора Елизаветы Петровны Кудрявцевой мне посчастливилось попасть «из рук» другого замечательного музыканта климовской школы – Л. Михайловой; таким образом процесса адаптации удалось избежать. Я просто вышел на новый виток музыкальной спирали, уходящей основанием в «старейшее и первейшее в смысле художественного облика самостоятельное музыкальное учреждение России», как назвал Глазунов Ленинградскую (Петербургскую) капеллу эпохи М. Климова.

Прежде всего в Кудрявцевой восхищает глубина музыкального мышления, философский склад ума. Мудрость слуха, помноженная на богато одаренную натуру, и огромный практический опыт делают творческий облик профессора неповторимым. Все, кто имеет радость общаться с нею, испытывают магическое воздействие ее личности, поражаются ее умению увидеть суть исполняемого сочинения любого жанра, стиля, эпохи...

Редким по ясности и благородству представляется мне у Кудрявцевой чувство формы, ей свойственно особое осмысление течения музыкального времени – процесса интонирования в асафьевском понимании – и наряду с этим – отчетливое понимание, видение формы как пространственной перспективы, восприятие ведущей роли музыкальной горизонтали, которое идет от многочисленных образцов полифонии строгого письма.

Стало уже стереотипом видеть главную особенность хоровой музыки в ее неразрывной связи со словом.

Отсюда порой возникает стремление раскрыть содержание хоровой партитуры прежде всего через фабулу, через словесный текст, хоровую артикуляцию. Своим художественным и педагогическим авторитетом Кудрявцева борется с этой точкой зрения.

Отношение Елизаветы Петровны к музыке вообще, хоровой в частности, исполнено благородства, нежности и чистоты. Без устали доказывает она, как утонченна, изысканна и трудна эта область исполнительства, какую вершину предстоит покорить музыканту, отважившемуся стать профессиональным хормейстером.

Желание воспитать музыкантов широко мыслящих, многое умеющих, до тонкости знающих ремесло заставляет ее предъявлять высокие требования к ученикам. Не каждый выдерживает это испытание. Но тот, кто сумел пройти этап «послушничества», познает и подлинную цену приобретения. К примеру, студент, дирижирующий в классе C-dur'ной мессой Бетховена, должен, помимо владения оркестровой партитурой, детально освоить не только общую историю жанра, но и симфонии композитора того периода, его фортепианную и камерную музыку. Да и чисто технические, мануальные проблемы ставятся и решаются Кудрявцевой как проблемы дирижерские, а не хормейстерские, что особенно заметно в работе над операми, симфониями с хором, ораториями и кантатами. Ее знаниям в области музыкальной литературы может позавидовать любой дирижер оркестра. Кудрявцева воспитывает в учениках сочетание оркестровой at tacca с певческой пластикой, которой в совершенстве владеет сама.

Мне выпало счастье работать хормейстером в руководимом Кудрявцевой ленинградском Хоре любителей пения, и должен сказать, эти годы оставили особый след в моей творческой биографии.

Репертуарный диапазон коллектива огромен: от «Венецианской ночи» Глинки – Балакирева до Тринадцатой симфонии Д. Шостаковича, от русских народных песен до ораторий Генделя, симфоний Малера. Все, за что берется коллектив, он делает превосходно. В его пении подкупают широта и тембристость звука, сочность проработанных до мелочей нюансов, потрясающий энтузиазм участников. За всем и над всем этим – личность и дарование Елизаветы Петровны, умеющей зажечь своей увлеченностью девяносто душ, максимально мобилизовать творческие силы каждого певца. Работа Кудрявцевой с «любителями пения» – ярчайшая страница нашего хорового, да и не только хорового, искусства. Ленинградские композиторы ныне считают своим приятным долгом сотрудничать с ее коллективом. Внушителен список сочинений, созданных специально для него или посвященных ему. Хор продолжает традиции российского пения, развивает и несет славу отечественного певческого искусства по городам и весям.

В россыпи драгоценных талантов, украшающих нашу страну, талант Елизаветы Петровны Кудрявцевой сияет всеми своими гранями. Быть учеником такого Учителя – не только великое благо. Это обязывает всегда стремиться к новым творческим высотам.

Т. Мынбаев,
главный дирижер Госоркестра Казахстана

Встречи, доставившие радость
«Советская музыка», 1980 год, № 1.

...Высокий уровень профессионализма, отличающий ныне игру оркестра, как и живой, приподнятый тонус его музицирования, достигнуты, в большой мере, благодаря таланту и усилиям художественного руководителя коллектива Т. Мынбаева. С Ленинградом у дирижера прочные связи. Здесь учился он в школе и Консерватории, здесь начинал самостоятельную творческую работу как композитор, хоровой дирижер и музыковед (автор исследования о полифонии Бриттена). Сюда несколько раз приезжал для выступлений с оркестром Ленинградской филармонии. Последние годы принесли музыканту лауреатство на Всесоюзном конкурсе дирижеров, звание заслуженного деятеля искусств, премию Ленинского комсомола.

Творческие возможности дирижера и оркестра весьма полно раскрыло исполнение Четвертой симфонии Брамса. Обратил на себя внимание чуть более медленный по сравнению с принятым темп первой части и более подвижный – второй. В обеих этих частях, сближенных и по характеру, Мынбаев выявлял шубертовскую бесконечную кантиленность музыки. И в драматических эпизодах, и в созерцательных впечатляла лирическая проникновенность, «герой» симфонии предстал романтически самоуглубленным и сосредоточенным. Возникла инерция лирической выразительности, но ее резко прервала третья часть, с ее вихрем живых и красочных образов. Правда, благодаря острой акцентуации музыки, небольшому «ожесточению» ритма, в радостной танцевальности ее слышались некоторая надсадность, излишняя возбужденность. Многозначительно прозвучал короткий эпизод в середине Scherzo (poco meno presto), как реминисценция и продолжение той лирической кантилены, которой были наполнены две предыдущие части. Исполнительский замысел был очень удачно завершен в финале. Как известно, всякий финал должен нести в себе новое качество. Мынбаев услышал его в неуклонности устремления к трагедийному концу. Строгую целенаправленность вариационной конструкции он подчеркнул выдержанностью – насколько она возможна – темпа отдельных вариаций и стратегически целесообразным распределением динамики для создания интенсивного crescendo от начала к концу. Но финал должен заключать в себе и продолжение, развитие того, что уже было. В данной исполнительской версии – это прежде всего та трепетность лирического выражения, которая господствовала в первых двух частях и достигалась певучестью в звучании не только ведущего голоса, но и подголосков, не только струнных, но и духовых. О третьей части напоминали подчеркнутость ритма, акцентировка танцевального начала – там, где оно присутствует – и придание ему макабрического оттенка. После углубленных поисков истины в жизненной борьбе и созерцании, после переключения

в мир беспечного веселья, но и не без зловещих предчувствий, «герой» симфонии постигает неотвратимость конца. Но принимает он его без покорности, вступая в трагедийную схватку и ведя ее с огромным мужеством – до последнего вдоха. Интерпретация финала была наибольшей удачей дирижера и оркестра, в значительной степени определившей смысл и достоинства целого.

Упоминавшееся выше стремление дирижера по возможности пропеть, «очеловечить» основные голоса, образующие звуковую ткань симфонии, отнюдь не делает его исполнение «смягченным». Обаяние интерпретационной манеры Мынбаева как раз заключается в мужественности, строгости, волевой собранности, в том, что прочувствованность звучания всегда далека от чувствительности. Правда, динамическая шкала звучания могла бы быть шире, если бы начиналась не с mf, а со звучности гораздо более тихой (несколько раз оркестр брал нежнейшее pianissimo, подтверждая свои возможности в этом отношении).

Под управлением Мынбаева и при участии Ленинградской академической капеллы имени Глинки прозвучал моцартовский «Реквием». Хорошо зная хор, обладая большим опытом работы с ним, дирижер постоянно сохранял гармоничное соотношение вокального и оркестрового пластов. Исполнение было отмечено благородной мужественностью.

Мынбаев продирижировал и собственным сочинением – оркестровой «Фреской» (часть крупного цикла). Несомненны национальные истоки этой музыки. Пьеса впечатляет редкой концентрированностью энергии. В воображении всплывают картины всадников, сражений, состязаний в национальных видах спорта, знакомые по эпосу, историческим романам М. Ауэзова, по непосредственным жизненным впечатлениям. Старое, почвенное воспринимается в очень органической связи с настоящим.

М. Бялик

Александр Анисимов

Александр Михайлович Анисимов (р. 1954) – народный артист Республики Беларусь, профессор Минской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР. Главный дирижер Минского театра оперы и балета (с 1991 года).

В мой консерваторский класс буквально влетел высокий, худой юноша. Пытливый взгляд из-под его очков в мгновенье охватил все вокруг – и два рояля, за которыми играли в восемь рук партитуры четыре студента, и ноты на пюпитрах, и портреты мэтров на стенах и даже, казалось, крышу соседнего здания, что виднелась через окно. Это был Саша Анисимов.

И в Капелльском училище, и в Консерватории он поглощал все, стремился всюду успеть познать, переварить. За энциклопедические знания ребята в шутку прозвали его «Дом Советов!». Всеядность этого музыканта была безгранична. Его талант позволил стать дирижером Ленинградского Малого оперного театра, поставить в Пермском оперном театре «Войну и мир» и «Огненного ангела» Прокофьева, вывезти эти оперы и другие спектакли в Ленинград, продирижировать в Москве монументальные «Колокола» Рахманинова, а в Америке «Военный Реквием» Бриттена.

Восторженные итальянцы после успешных конкурсов и оперных постановок в Риме вручили Александру Михайловичу Анисимову дирижерскую палочку самого легендарного Леонарда Бернстайна, а Ольстерский университет в Англии впервые за 400 лет присвоил почетный диплом лауреата музыканту.

Саша Анисимов и ныне стремителен, спешит охватить время, чтобы не упустить нового в искусстве.

Елизавета Кудрявцева
Октябрь 2003 года

«Дорогая Елизавета Петровна!

Вам, видимо, передали, что я звонил. Мне хотелось поблагодарить Вас за упоминание обо мне в радиопередаче, посвященной Хору любителей пения. Несмотря на то, что мне не пришлось управлять им, как Леше[1], Робику[2] и другим, тем не менее, я храню теплые воспоминания о поездке в Таллинн, посещениях репетиций и, конечно, концертах. Все это не прошло бесследно для нас, Ваших учеников – как продолжение и непременное добавление классных занятий.

И сейчас, в связи со сменой моего географического положения, я, надеюсь, мне удастся встречаться с Вашим хором.

Елизавета Петровна, я бы с огромной радостью продирижировал бы и „Весной“, и „Москвой“, и Гайдном, и Россини, но, учитывая консерватизм наших концертных организаций, хочу предложить попробовать получить сцену и оркестр МАЛЕГОТа[3]. (В театре иногда отдают в выходной день – вторник – сцену разным Ретюнским и т. п.); почему бы им не дать такое ярко театральное сочинение, как „Stabat mater“ Россини у себя в концертном исполнении с участием ведущих солистов театра).

Правда, в театре есть свой хор. Но надо думать, что его руководитель, учтя малый опыт концертных выступлений своего коллектива и большой объем текущей работы, не станет возражать против желания своих хористов стать зрителями такого исполнения. Я также слышал о работе Вашего коллектива над „Свадебкой“. И в этом случае можно было бы добиться интересных результатов, привлеки мы к этому интересных хореографов-постановщиков – Виноградова, Замуэля, молодых энтузиастов из числа артистов балета.

Прекрасные программы: „Свадебка“ – старинная русская хоровая музыка; „Свадебка“ – обработки советских композиторов русских народных песен; „История солдата“ – „Свадебка“; – стали бы украшением любого концертного зала. (Минин и Григорович готовят концертное исполнение „Свадебки“ в Москве).

Но это – будущее. А настоящее (для меня) – последние – они же первые – репетиции госэкзамена по дирижированию. Подытоживается целый период пятилетнего пребывания в Москве. Очень бы хотел увидеть Вас на экзамене 25/IV. Концерт для оркестра Бартока и скрипичный концерт Мендельсона определились – осталась нетрудная классика (наверно медленная часть Бетховена или Брамса).

---

1 Степанов А. М. (старший) – дирижер Большого театра.

2 Лютер Р. Э. – дирижер Мариинского театра.

3 Театр оперы и балета им. М. П. Мусоргского.

В Ленинграде я буду 28/IV и выхожу на работу. Очень рад буду Вас увидеть. Оля и мама шлют Вам большой привет и поздравления с наступающим праздником.

До свидания – Саша.
19.IV.75. Москва».

«Дорогая Елизавета Петровна!

Скоро наступит очень радостный и волнующий день нашего приезда в Ленинград и, надеюсь, нашей встречи.

Я посылаю расписание наших спектаклей и прошу Вас побывать на тех, что будут в МАЛЕГОТе – с 28 мая по 6 июня, т. к. дальше в Выборгском нам дадут маленькую оркестровую яму, боюсь, это будет не то. Свои спектакли я подчеркнул. Наша дирекция обращается к Вам с просьбой откликнуться на наши гастроли на страницах „Лен. правды“ либо о каком-то спектакле („Хованщина“), либо в целом о „музыкальном хозяйстве“ нашего репертуара.

Если конечно Вам позволит Ваша нагрузка и здоровье.

Я Вас обнимаю, привет Екатерине Алексеевне.

Ваш – Саша».

«Дорогие Елизавета Петровна и Екатерина Алексеевна!

Сердечно поздравляю Вас и ваших родных и близких с Новым годом. Желаю здоровья, счастья, больших успехов и Вам, и Вашим ученикам.

Елизавета Петровна, перед вами небольшой отчет о проделанной работе:

1) Сан Саныч (маленький, но уже не очень) выучил наизусть и рассказывает с завидным выражением большую книжку.

2) Гастроли оркестра театра с балетом (первый выезд в истории пермского оркестра за рубеж) в Праге и Братиславе весной на „Пражской весне“ прошли успешно.

3) Осенью вышел новый „Евгений Онегин“, который пользуется большой популярностью.

4) Почти весь октябрь сидел в Баку в жюри конкурса Глинки.

5) В ноябре выпустил „Отелло“, который пользуется просто чудовищным успехом.

6) Ну, а „Хованщина“ 4 января вышла на всесоюзный экран. Надеюсь, вы видели и не сильно меня ругали.

7) За все эти безобразия меня послали на… звание. Ждали немало, подождем еще.

Дорогие Кудрявцевы и Мурины, я вас очень люблю, обнимаю и целую.

Ваш Анисимов».

«1992 год. Рим.

Дорогая Елизавета Петровна!

Я рад сообщить Вам из Рима, что концерт с одним из лучших европейских оркестров прошел хорошо. Особенно приятно, что в знак особенно успешного результата нашей работы и продолжения возникшей дружбы оркестр Национальной академии Санта-Чичилия преподнес мне дирижерскую палочку Леонарда Бернстайна, который долгое время был почетным гостем этого оркестра.

Всегда благодарный Вам за все, что Вы даете своим ученикам!

Анисимов Саша».

Каждый вечер у пульта

Попасть на этот спектакль очень сложно. Маленький внутренний зал Дворца культуры работников просвещения не может вместить всех желающих быть зрителями. Идет триптих итальянских камерных опер с музыкой Д. Чимароза, Д. Панзиелло и Д. Перголези.

Приветливо распахиваются двери, ведущие в театр бывшего Юсуповского дворца. На лестнице, спускающейся к залу, гостей приветствуют актеры в костюмах и париках восемнадцатого столетия. На сцене играет придворный оркестр. В капельмейстере с трудом можно узнать дирижера Александра Анисимова, которого мы привыкли видеть за пультом. Под музицирование камерного оркестра публика рассаживается на места, актеры, только что приветствовавшие зрителей, закрывают двери в зал, поднимаются на сцену, и действие начинается.

Удивительно, как мы быстро привыкаем к обстановке, которая должна окружать ту или иную профессию. Вот дирижер – он всегда, само собой разумеется, руководит оркестром, ансамблем, хором. А вот когда дирижер

оперы находится не в оркестровой яме, а расхаживает по сцене, одетый в костюм капельмейстера XVIII века, – мы удивляемся. Анисимов свободно передвигается по сцене, разговаривает с коллегами-артистами вполне поставленным голосом, в общем, принимает участие в действии на равных с актерами.

– Дирижер не должен замыкаться в рамках собственной профессии. Его деятельность не ограничивается выходом на эстраду и репетиционной работой. Дирижер не имеет права быть успокоенным человеком. Он должен быть в курсе всего, что происходит вокруг, – говорит Анисимов.

Замысел создания «театра в театре» возник у Александра Анисимова в связи с рождением малых сцен в драматических театрах города. Большое фойе Малого оперного театра было выбрано местом первого показа будущей работы. И в свободное от работы в театре время группа артистов-энтузиастов собиралась на репетиции, а потом к ним присоединились такие же энтузиасты – артисты оркестра. Успех был полным! Зрители увидели оперный спектакль с оркестром на сцене, а не в оркестровой яме, впервые актеры театра, оторвавшись от принятых штампов, спокойно передвигаются по залу между зрителями и всем своим видом призывают их к общению. А инициатор и художественный руководитель этого замечательного спектакля уже замышляет новые постановки, в том числе оперы малоизвестных русских композиторов XVII–XVIII столетий.

По данным ЮНЕСКО, рассказывает Анисимов, труд дирижера приравнивается к труду кузнеца. Сам же он приравнивает свою профессию к труду хирурга. Каждый неточный жест может стоить жизни произведению, каждая оплошность его сотоварищей на сцене и в оркестровой яме может повлечь за собой провал всего спектакля. Может, поэтому А. Анисимов так ответственно относится к каждому своему спектаклю. Сам для себя он отмечает все свои промахи и недочеты, фиксируя их в тетради после каждого спектакля. Это своего рода дневник дирижера, который помогает ему в работе.

К настоящей музыке Анисимов пришел через сцену. В детстве он пел в хоре, активно выступал в школьной самодеятельности, но не думал серьезно о музыке. Помог случай. На смотре самодеятельности пионерских лагерей выступление десятилетнего Саши было отмечено, и он получил рекомендательное письмо к профессору Московской консерватории А. В. Свешникову. Встреча с маститым музыкантом сразу определила дальнейшую судьбу Анисимова. Сначала обучение в Московском хоровом училище, затем переезд в Ленинград и поступление в хоровое училище имени Глинки. Любовь и театральному действию проявлялась и здесь. Он с большим удовольствием принимает участие во всех поэтических вечерах. В старших классах хорового училища появилась мечта

о симфоническом дирижировании. С отличием окончив училище, Анисимов поступает на дирижерско-хоровой факультет Ленинградской консерватории, в класс профессора Е. П. Кудрявцевой. Елизавета Петровна в каждом из своих учеников старается видеть дирижера больших возможностей, и, может быть, поэтому многие ее ученики уходят в большое дирижирование – дирижирование симфоническим оркестром. Так было с Дмитрием Китаенко, Александром Дмитриевым, Тимуром Мынбаевым. Стал дирижером-симфонистом и Анисимов. Мечта воплотилась в быль. Сразу после окончания Ленинградской консерватории поступает на дирижерско-симфонический факультет Московской консерватории, где он учится у О. А. Димитриади и Л. М. Гинзбурга. Успешно заканчивает аспирантуру у Г. Н. Рождественского.

Вот уже пять лет Александр Анисимов является дирижером Академического Малого театра оперы и балета. В его репертуаре много ответственных спектаклей. Среди них оперы «Царская невеста», «Майская ночь», «Травиата», «Трубадур», «Виринея», балеты «Сильфида», «Арлекинада», «Конек-Горбунок» и другие. Но он по-прежнему неуспокоен. Он ищет, мечтает, планирует. Мечтает о создании в Ленинграде театра камерной оперы, о детском музыкальном театре, о новых программах для камерного оркестра, организованного Анисимовым при Дворце культуры работников просвещения, о вечерах старинной музыки, в которых сам дирижер часто исполняет партию органа.

Выступая с симфоническими концертами в разных городах нашей страны, Анисимов всегда мечтал выступить в прославленном Большом зале Ленинградской филармонии. В позапрошлом году состоялся его дебют с заслуженным коллективом республики Академическим симфоническим оркестром Ленинградской филармонии. В программе концерта было первое исполнение в Ленинграде Виолончельного концерта Бориса Тищенко в редакции Д. Д. Шостаковича. Интерес к музыке ленинградских композиторов проявился у Анисимова еще в студенческие годы. Заканчивая Ленинградскую консерваторию, в качестве дипломной работы он выбрал ранее не исполнявшуюся «Оду Ленину» Вадима Салманова. Придя в театр, он сразу же включился в работу над «Виринеей» Сергея Слонимского. А в творческих планах дирижера – исполнение Второй симфонии Бориса Тищенко.

Кроме основной работы в театре, Анисимов постоянно ведет активную общественную деятельность. В студенческие годы был связан с газетой «Музыкальные кадры». Сразу же после поступления в театр принял активное участие в работе только что созданного при театре молодежного творческого клуба. «Джанни Скикки» был первым премьерным спектаклем молодого дирижера. Был членом шефской комиссии театра

по Гатчинскому району. Взяв на себя руководство Гатчинской народной филармонией, он осуществил ряд интересных оперных постановок. Успевает он принять участие в работе бюро секции творческой молодежи Дворца работников искусств, организовать филармонию школьника в общеобразовательной школе...

А каждый вечер – театр. Репетиции, спектакли, музыка...

В. Андриевская

Андрей Аниханов

Андрей Анатольевич Аниханов (р. 1965) – заслуженный артист РСФСР. 1992–2008 – главный дирижер Театра оперы и балета им. М. П. Мусоргского. С 2009 года – главный дирижер Государственного симфонического оркестра Санкт-Петербурга, постоянный приглашенный дирижер Большого театра, Новосибирского театра оперы и балета, Казанского оперного театра.

Трудно припомнить случай, когда 25-летний музыкант становится главным дирижером Академического театра оперы и балета. Да и театрализацию «Реквиема» Верди на оперной сцене что-то не припомню.

Эти события неразрывно связаны с именем молодого петербургского дирижера Андрея Аниханова.

Ему свойственны пытливость, смелость, удивительная работоспособность и глубокое уважение к исполнителям.

Стали традиционными концерты оперного оркестра, хора солистов под управлением Аниханова на сцене Большого зала Петербургской филармонии.

В театре Андрей Анатольевич продолжает лучшие традиции своих предшественников – дирижеров С. А. Самосуда, Э. П. Грикурова, А. С. Дмитриева по пропаганде сочинений современных авторов.

Елизавета Кудрявцева
Ноябрь 2003 года

Андрей Аниханов
Приношение Учителю
«Вестник Золотой книги Санкт-Петербурга», 2004 год, № 6.

Жизнь человека быстротечна, и особенно ясно это начинаешь понимать, перешагнув условный половинный рубеж. Но когда идет речь о дате 90-го дня рождения, даже самый убежденный пессимист невольно повернет свой взор в сторону юбиляра, тем более, если юбиляр – человек известный и уважаемый.

В первую декаду мая мы отмечаем исторически сложившиеся праздники: Первомай и, конечно, в большей степени, День Победы. Но для многих людей в нашей стране и за ее пределами в этот период есть еще одно важное событие – 7 мая, день рождения Елизаветы Петровны Кудрявцевой, народной артистки России, известного хорового дирижера, профессора Санкт-Петербургской консерватории, Учителя.

И в этом случае совершенно не будет высокопарным сравнение дня рождения одного человека с всенародными праздниками, ибо в душе каждого из нас есть свои знаковые моменты и незабываемые мгновения. Десятки лет, отданные отечественной музыкальной культуре, уникальный педагогический дар, высочайший профессионализм и редкие душевные качества снискали Елизавете Петровне славу одного из самых авторитетных и уважаемых музыкантов нашей страны.

Вот уже много лет в день 7 мая на набережной Адмирала Лазарева в небольшую (скромную) петербургскую квартиру с самого раннего утра и до позднего вечера приходят люди, чтобы принести слова благодарности человеку, которого искренне любят.

Это и убеленные сединами профессора, и петербургские композиторы, и известные дирижеры, и хормейстеры, артисты театров, студенты, многочисленные почитатели. Телефонный аппарат не смолкает ни на минуту, принося поздравления со всех концов света.

А соседи давно уже знают, что в этот день они услышат много задушевного пения и шумных здравиц.

В этом году, когда здоровье не позволило Елизавете Петровне быть в Консерватории, весь факультетский хор пришел в полдень к балкону и под удивленные взгляды прохожих спел концерт любимому Учителю.

Для сотен людей, среди которых есть и люди очень известные, и простые музыканты и те, кто не связал свою судьбу в силу житейских обстоятельств с музыкой в дальнейшем, общение с Елизаветой Петровной стало очень важным в их жизни явлением. Смысл этого общения заключен не только в личности Артиста, его обаянии и значимости, но и в удивительных, особенно в наше время, качествах Человека с большой буквы. Сочетание искренности и доброты с принципиальностью и непримиримостью, чуткое понимание важных жизненных вопросов, спокойная, мудрая простота – вот далеко не полный портрет Елизаветы Петровны Кудрявцевой.

В пору романтического юношества переступают порог ее класса в Консерватории молодые люди, имеющие еще очень малый жизненный и музыкальный опыт. С этой минуты они попадают не только в особую музыкальную ауру, но и в обстановку сердечности и взаимопонимания. Не могу сказать, что требовательность и строгость отсутствуют, так как о «летучих» и «веских» определениях Елизаветы Петровны ходит много рассказов.

Несколько десятков поколений выпускников класса Кудрявцевой – это особое сообщество людей, хранящих и передающих дальше полученные знания, а главное – многие сущностные понятия, связывающие жизнь с музыкой, человека с человеком, человека с окружающей средой. Елизавета Петровна не пишет книг о педагогике, не любит всякого рода съемки: может быть потому, что педагогика не терпит штампов, она всегда индивидуальна, а подчас и непредсказуема.

Тем ценней человек, передающий «вживую» то, что получил от Учителя. Думаю, со мной согласятся коллеги-соученики: в каком бы возрасте и положении мы не находились – личность Елизаветы Петровны оказывает на нас определенное воздействие. Прямо или косвенно мы часто сверяем по ней решение многих собственных проблем.

Несмотря на правительственные награды и общественное признание, жизнь Елизаветы Петровны не была легкой. С 17 лет начался ее творческий путь в Капелле, руководимой М. Г. Климовым. Затем Великая Отечественная война, во время которой Кудрявцевой выпала судьба быть хранительницей Капеллы. В послевоенные годы задача восстановления культуры была не менее трудной, чем восстановление экономики. И поколение, в которое вошла Елизавета Петровна Кудрявцева, своим многолетним служением Отечеству не только достойно справилось с этой задачей, но и определило уровень просвещенности и интеллигентности в нашей стране надолго вперед. Справедливым было бы поставить имя Елизаветы Петровны в один ряд с такими выдающимися деятелями культуры, как: Д. С. Лихачев, М. К. Аникушин, Е. А. Мравинский, Н. М. Дудинская, А. А. Мыльников, Д. А. Гранин и многие другие, профессиональная деятельность и человеческие качества которых составляют истинно петербургское культурное пространство.

Искренне можно верить в то, что для людей в облике Елизаветы Петровны Кудрявцевой живут и будут жить всегда вечные понятия Музыки, Доброты, Красоты и Надежды.

Воспоминания Андрея Аниханова

Связь Учителя и ученика – явление тонкое, оно существует повседневно в моменты общения, но, скорее всего, окончательно проверяется временем. И чем дальше время отдаляет людей, тем яснее ощущается ценность того, что ты получил в юности от истинно, во всех смыслах, уважаемого тобой человека.

С каждым днем жизнь открывает нам новые свои грани, новые стороны бытия и профессии. И как бы неповторим не был наш персональный опыт, и как бы самодостаточно не развивалась личность каждого, все же нельзя

терять те незримые духовные связи, определяющие во многом истинный смысл человеческого общения.

Впервые я увидел Елизавету Петровну Кудрявцеву весной 1981 года, еще будучи учеником 10-го класса Хорового училища: она была председателем выпускной экзаменационной комиссии. Конечно, все выпускники мечтали продолжить образование в консерваторском классе Кудрявцевой. Я должен был заканчивать училище на следующий год, но все же, набравшись смелости, подошел к Елизавете Петровне в нашем вестибюле и робко попросил разрешения посетить ее уроки.

Статная высокая дама, с легкой проседью, закутанная в эффектную шаль, строго посмотрев сквозь чуть туманные очки, сказала:

– Вы приходите лучше пока на репетиции Хора любителей, мы занимаемся здесь, в Капелле. Это Вам будет сейчас и удобнее, и полезнее.

Я, осчастливленный, отвалил в сторону, а Елизавета Петровна в окружении многочисленной свиты проследовала на экзамен. Она была абсолютно права: увидеть живую практическую работу с коллективом, почувствовать профессиональное и человеческое общение – это было очень важно для начинающего музыканта, будущего дирижера. А ведь практики не хватало студентам во все времена.

Весь следующий учебный год, насколько позволяло время и собственные занятия, я посещал Хор любителей, ставший впоследствии настоящей школой в профессии и жизни, и конечно, проник в Консерваторию на несколько уроков. Хочу лишь добавить, что мой замечательный училищный педагог Ф. М. Козлов не только был в курсе этого, но и одобрял мое рвение, всячески интересовался подробностями моих визитов в Консерваторию.

Со временем, увидев удивительное творческое и человеческое общение этих двух людей между собой, я осознал многие сущностные вещи. Поэтому эти строки о духовных нитях, связывающих настоящие личности, здесь не случайны.

Летом 1982 года я окончил Хоровое училище, поступил в Консерваторию и был зачислен в класс Елизаветы Петровны.

Атмосфера класса была удивительна. Такого понятия, как «45 минут академического часа» просто не существовало. Мы все приходили в 10 утра и все уходили в 15:00. Таким образом, мы изучали и «свое», и «не свое», принимая участие в занятии во многих качествах: непосредственно дирижируя, аккомпанируя товарищу на фортепиано, отвечая на любые вопросы профессора по ходу дела, принимая участие, по мере возможности и объема знаний, во всех дискуссиях о профессии и о жизни. При всем этом времени хватало на всех. Работники библиотеки, например, твердо знали, что если приходит студент класса Кудрявцевой, то нужно будет принести очень много партитур или достать какие-либо редкие ноты. К слову

сказать, многие из нас частенько направляли библиотекаря к нужной полке. Музыкальные раритеты, которые были интересны и которых не было в библиотеке Консерватории, просто переписывались от руки в других библиотеках города, так как их нельзя было выносить из помещения, а понятие «ксерокс» тогда было еще довольно секретным.

А. С. Дмитриев (2), И. А. Мусин, (4) Е. П. Кудрявцева (5), А. А. Аниханов (6), В. С. Фомин (8). После концерта А. А. Аниханова

Из числа студентов класса был создан камерный хор, в котором участвовали и студенты других факультетов, и все интересующиеся. Мы практиковались, таким образом, на себе, что было особенно продуктивно, исполняли сочинения молодых композиторов-консерваторцев и даже давали концерты.

На репетициях же большого факультетского хора, когда сдавали экзамен студенты класса Елизаветы Петровны, и все знали, что она обязательно сама «приложит руку», всегда был полный «аншлаг» и абсолютное творческое воодушевление.

Описать все подробности занятий класса в короткой заметке, конечно, невозможно, это составило бы целый научно-педагогический труд. Но некоторые важные моменты нельзя не обозначить.

Во-первых, тот опыт, который накопила Елизавета Петровна за многие десятилетия (и в частности опыт ее работы в Капелле), был поистине

уникален. Словно бы приоткрывалась дверь класса и в него «входили» многие выдающиеся мастера прошлого, с которыми Кудрявцеву связывали замечательные профессиональные и искренние отношения. И мы видели не просто выразительные лица на портретах, мы чувствовали живых людей, из рук которых рождалась Музыка, надолго остававшаяся в памяти других.

Одной из главных тем уроков было изучение сочинений так называемой крупной формы, произведений кантатно-ораториального жанра и оперных сцен. Крупная форма обозревалась не фрагментами (только то, что «положено»), а целиком.

А. А. Аниханов и Е. П. Кудрявцева после концерта

Памятны занятия, посвященные Мессе h moll, Magnificat, кантатам Баха, «Реквиемам» Берлиоза и Верди, Мессе c moll Моцарта, кантате Танеева «По прочтении псалма», «Всенощной» Рахманинова, операм Мусоргского и Чайковского и многому другому.

Знаменательно то, что занятия не ограничивались только решением сугубо хоровых и дирижерских задач. Это было широкое, общекультурное обсуждение вопроса с использованием большого количества музыкальных и исторических параллелей, это было глубокое проникновение в сущность музыки.

Особенно ценным мне представляется раскрываемое Елизаветой Петровной с особым внимание понятие «музыкальная интонация». Оно было для нее чрезвычайно важным звеном в прочтении и исполнении музыки и включало в себя целый комплекс вопросов, отображающих сущность музыкального звучания: эмоциональное состояние, сочетание литературного текста и звука (для вокальной музыки), роль интервалики в мелодии, понимание ритма в контексте художественной задачи, построение музыкальной фразы, нюансировка и ее роль в общей фактуре и т. д. Каждое из этих направлений в представлении Кудрявцевой может стать темой отдельной работы.

В любом музыкальном жанре, будь то хоровая миниатюра, ария, большая хоровая сцена или даже часть симфонии, Елизавета Петровна выстраивала для нас непрерывно развивающуюся музыкальную мысль, показывала, что есть стиль, а что есть интерпретация.

Кроме того, Елизавета Петровна учила нас чувствовать музыканта: хориста, оркестранта, певца-актера, учила понимать законы исполнительства и видеть подчас очень сложные взаимоотношения творческих личностей между собой, направляла нас, как будущих организаторов работы коллектива. С особой благодарностью я вспоминал уроки Елизаветы Петровны, работая впоследствии в Театре над «Реквиемом» Верди.

Исполнительская задача многократно усложнилась тем, что сценическая версия «Реквиема» представляет собой полноценный и очень сложный театральный спектакль. Интересное режиссерское решение, подразумевающее активное действие хора, использование всего пространства сцены, «живые» персонажи-солисты: все это требовало не только тщательной музыкальной работы, но и более внимательного, а подчас и иного звукового осмысления партитуры. Даже в условиях обычного концерта, где дирижер, солисты и хор контактируют в непосредственной близости, партитура «Реквиема» достаточно сложна для исполнения. Сценическое решение же требует от музыкантов самого внимательного следования законам ансамбля.

Выверенность фразировки, звуковой баланс, общая убежденность в определенной выразительной интонации, четкое слышание полифонических эпизодов, понимание проблем вокалиста – без всего этого трудно удержать такой спектакль в нужном эмоциональном и качественном исполнительском состоянии.

И еще одна тема всегда волновала музыкантов: тема исполнения сочинений духовной музыки на концертной эстраде или театральной сцене, тема интерпретации. Реквием, заупокойная месса, была представлена Верди людям как явление удивительной жизненной силы, полное эмоций и чувственных всплесков, насыщенное колоссальным трагедийным смыслом и вместе с тем бесконечным светом и человеческой теплотой.

Думается, спектакль этот стал любимым многими людьми благодаря тому, что они «увидели» это богатство чувств через театральное решение, которое помогло услышать Музыку в наше сложное время, где все меньше и меньше «вслушиваются».

Часть души Елизаветы Петровны, несомненно, есть в нем. Она успела увидеть этот спектакль и очень высоко его оценила.

Много впечатлений мы получили от Елизаветы Петровны и об оперной музыке. Конечно, Елизавета Петровна не была режиссером-профессионалом, но ее понимание театральной драматургии, ощущение образов и характеров, слышание динамики музыкального развития в спектакле пробуждало в нас самый горячий интерес к этому жанру. Особенно к русской опере. Не могу не вспомнить увлекательнейшее путешествие по страницам «Бориса Годунова», «Хованщины», «Пиковой дамы», «Орлеанской девы», «Мазепы», «Жизни за царя».

В год 250-летия со дня рождения Моцарта оркестр, концертный хор и солисты театра под моим управлением подготовили и записали на компакт-диск музыку Большой мессы с moll Моцарта. К этому сочинению, одному из самых любимых Елизаветой Петровной, в классе было особое внимание. Не одно поколение имело счастье принять его из рук Елизаветы Петровны, ощутив удивительную сущность этой музыки: трогательную трепетность сольных эпизодов, торжественную приподнятость хоровых и его великую общечеловеческую идею.

А человечность, эмоциональность и доброта – эти качества были основными в личности Кудрявцевой. И они, подкрепленные высокой музыкальной культурой, совершенно естественно проникали в «ее» музыку, они ее порождали, были основой всех творческих представлений.

Человечность и Музыка соединились в Елизавете Петровне самым замечательным образом, а мудрый и спокойный взгляд на мир помогал нам развиваться и преодолевать сложности жизни.

18 ноября 2006 года

Владимир Зива и Андрей Борейко

Владимир Зива (р. 1957) – заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственной премии России. В 1990–1992 годах – главный дирижер Санкт-Петербургского театра оперы и балета им. М. П. Мусоргского. С 1997 года – художественный руководитель и главный дирижер Московского симфонического оркестра. Художественный руководитель и главный дирижер Краснодарского музыкального театра (с 2002 года) и Ютландского симфонического оркестра (Дания, с 2006 года).

Андрей Борейко (р. 1957) – дирижер Симфонического оркестра Ульяновской филармонии, главный дирижер Симфонического оркестра Свердловской филармонии, возглавлял Познаньский филармонический оркестр, Йенский филармонический оркестр, являлся дирижером Российского национального оркестра. В 2001–2006 годах – главный дирижер Виннипегского симфонического оркестра, возглавлял Гамбургский симфонический оркестр. С 2004 года музыкальный руководитель Бернского симфонического оркестра, первый приглашенный дирижер Симфонического оркестра Штутгартского радио.

Владимир Зива и Андрей Борейко были неразлучными друзьями в Хоровом училище Капеллы, в Ленинградской консерватории, на воинской службе и по сей день, когда каждый из них занимает весомое место на дирижерском небосклоне.

Они обладали и обладают незаурядными актерскими и режиссерскими способностями и неудивительно, что в дальнейшем В. Зива как актер и дирижер ставит оперы Бриттена в Москве, а Андрей Борейко – в Ульяновске создает Музыкальный камерный театр, в котором принимает участие не только как дирижер, режиссер, но и как актер-исполнитель и сценарист.

Это помогло в их дальнейшей разносторонней деятельности.

Владимир Зива проводит в Горьком 1-й фестиваль музыки Альфреда Шнитке.

Святослав Рихтер и Ирина Антонова приглашают его к сотрудничеству в «Декабрьских вечерах» в Музее изобразительных искусств им. Пушкина.

Андрей Борейко руководит Балтиморским симфоническим оркестром в Канаде, с большим успехом гастролирует в США и Европе. Жаль, что он мало знаком российским любителям музыки.

Елизавета Кудрявцева.
Ноябрь 2003 года

А. Борейко, Е. П. Кудрявцева, В. Зива

Владимир Зива

Сколько радости, оптимизма и законной гордости за ученика получила я, прочитав эти строки в московской программке:

В. Зива обладает сильной волей, энергетикой, артистизмом и огромной работоспособностью. Его отличительным дирижерским качеством является умение создать мягкое звучание оркестра (что сегодня большая редкость), при скрупулезном внимании к деталям «прочертить» и выявить драматургию сложнейших сочинений. Владимир Зива входит в пятерку лучших дирижеров России (газета «Музыкальное обозрение»).

В. Зива (р. 1957) – выпускник Ленинградской (класс проф. Е. Кудрявцевой) и Московской консерватория (класс проф. Д. Китаенко). В 1984–1987 – ассистент-дирижер Симфонического оркестра Московской филармонии,

в 1986–1989 – преподаватель оркестрового факультета Московской консерватории. С июня 1988-го возглавляет АСО Нижегородской филармонии, одновременно в 1990–1992 – главный дирижер Санкт-Петербургского театра оперы и балета им. М. П. Мусоргского. С 1997 года – художественный руководитель и главный дирижер Московского Симфонического оркестра.

В репертуаре В. Зивы – 13 опер, около 500 произведений различных жанров классической и современной музыки. Дирижер осуществил премьеры более чем 70 сочинений российских и зарубежных композиторов.

За время дирижерской деятельности В. Зива дал свыше 750 концертов. В них приняли участие более 200 солистов.

В. Зива осуществил оперные и балетные постановки в шести театрах, сотрудничал с 22 российскими оркестрами и 14 зарубежными коллективами, со многими из них – неоднократно. Гастролировал в крупнейших городах России, Австрии, Бельгии, Болгарии, Германии, Греции, Дании, Италии, Испании, Франции, Норвегии, Кубы, Турции, Тайваня, Португалии, США, Японии, Литвы, Латвии…

Творчество дирижера представлено на трех грампластинках и 10 компакт-дисках.

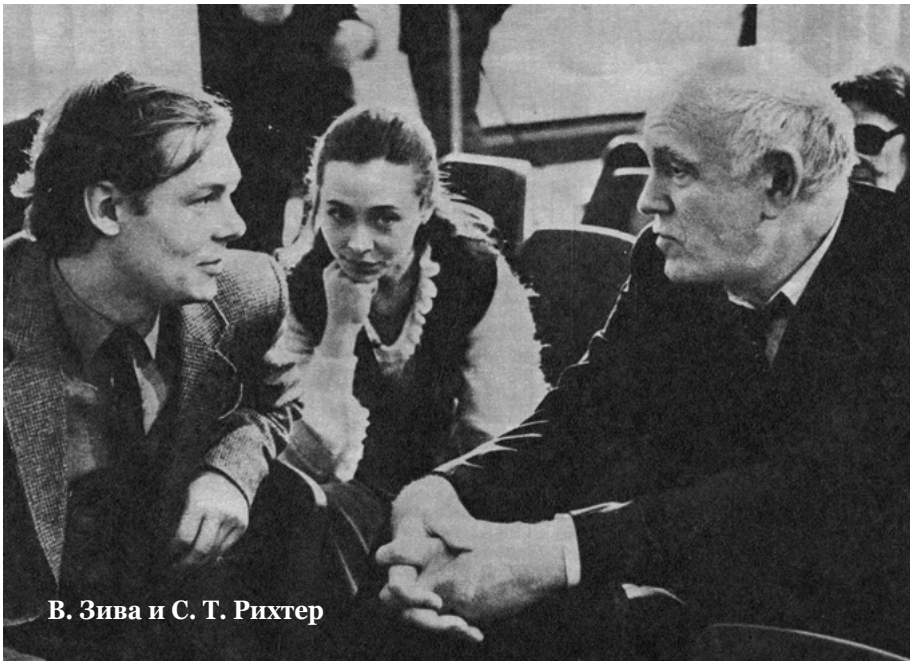
Владимир Зива удостоен почетного звания «Заслуженный деятель искусств России» (1994). Лауреат Государственной премии России (1995). Дважды (1996, 1997) был признан «Дирижером года» – номинация учреждена газетой «Музыкальное обозрение».

В. Зива руководил Первым Всероссийским мастер-классом для молодых российских дирижеров. Акцию провели газета «Музыкальное обозрение» и Московский симфонический оркестр при поддержке Института «Открытое общество».

«26 августа 1983. Москва.

Дорогая Елизавета Петровна!

В Москве, кажется, уже началась осень: ветер, тучи, идет дождь – совсем как в Ленинграде. В такую погоду я всегда думаю о Вас. „Как вы себя чувствуете? Здоровы ли?“ Думаю сейчас и о том, что это будет в первый раз, когда 1 сентября я не смогу увидеть Вас и поздравить с началом нового учебного года. А ведь это за последние десять лет стало для меня доброй и нужной традицией. Но работы сейчас такое количество, что о приезде в Ленинград не стоит даже и помышлять. Каждый день в театре у меня четыре часа уроков с певцами, три часа сценических репетиций, за которые так устаешь, что думаешь только о том, как бы скорее добраться до дивана. А ведь нужно еще самому выучить музыку за роялем (и на уроках, и на сцене я концертмейстер), к оркестровым репетициям готовиться с партитурой, которая не из самых простых. Добавлю к этому и то, что



В. Зива и С. Т. Рихтер

работать приходится сразу по двум операм Бриттена – „Альберт Херринг“ (артисты камерного театра) и „Поворот винта“ (солисты Г. Писаренко, Л. Белобрагина, М. Ленешева, Б. Тархов и двое детей). Оперы большие, несмотря на камерный состав участников; так в первой – три акта, а во второй – два. И надо успеть за оставшиеся три месяца не только выучить их, но и поставить сценически. Кстати, Святослав Теофилович для этой работы пригласил и режиссера тех опер, которыми я дирижировал („Дневник сумасшедшего“, „Игра на воде“, „Бедная Лиза“). Его фамилия Юрий Борисов и он выпускник нашей Консерватории.

...Времени с каждым днем остается все меньше и меньше, а это, естественно, не улучшает настроения. С тревогой думаю о том, как в новом году сложатся мои отношения с педагогами Консерватории, ведь сил и времени едва-едва хватает на эту работу, а тут еще прибавятся и занятия в вузе. Я думаю, что нужно выбирать главное, а это – „главное“ – для меня вопрос уже решенный: подготовка опер к фестивалю и участие в нем. Потому что, в случае успеха, надеюсь, мне простят то, что я, быть может, не очень часто бывал в консерватории. В противном же случае, я уже сам себе не прощу того, что не сумел оправдать доверие такого музыканта, каким является Святослав Рихтер.

Благословите меня, Елизавета Петровна, потому что Ваше слово для меня очень, очень много значит! Зная, что Вы поддерживаете меня, я как будто становлюсь сильнее.

В. Зива.

P.S. Кланяйтесь, пожалуйста, Екатерине Алексеевне и всем домашним. Жаль, что не могу это сделать сам. Есть ли у нас в классе пополнение?

Ваш В. Зива».

Андрей Борейко

7 мая 1983 года к моему дню рождения Андрей Борейко подарил тетрадь собственных стихов. На титуле было написано:

«Елизавете Петровне с Любовью, Нежностью, Благодарностью и еще раз с ЛЮБОВЬЮ! Посвящаю. А. Борейко. 7.V.»

Я поняла, что Господь наградил его и поэтическим даром. Вот два шедевра из этой тетради, которые я запомнила и они запали в сердце.

Елизавета Кудрявцева.
Январь 2004 года

Актеру

Вообрази себя звездой,
Сорвавшейся с небосклона,
Холодным осенним утром,
Когда уже светлеет,
Но солнце еще не взошло.
Вообрази себя деревом,
Которое устало тянется к небу,
Холодным осенним утром,
Когда уже светлеет,
Но солнце еще не взошло.
Вообрази себя лесным ручьем,
Зябко пробирающимся под сводами
Ветвей пихт и елей,
Холодным осенним утром
Когда уже светлеет,
Но солнце еще не взошло.
Вообрази себя холодным осенним утром
И, может быть, ты что-нибудь поймешь.

1979

Одному из органистов Домского собора в Риге, скончавшемуся за инструментом

Он понял. Смерть совсем уж близко.
Под балдахин, нависший низко
Вошла она –
И смотрит пристально и мудро,
И ждет, когда наступит утро, и тишина.
И, хоть нет сил, но он поднялся,
И долго, долго одевался,
Один, без слуг,
И вышел из дому с клюкою,
И сам беседуя с собою,
Пошел. Он мук
Превознемог прикосновенье...
А смерть шагала в отдаленьи
Как вечный страж.
Как друг, нагрянувший нежданно,
Как спутник молчаливый, странный,
И как мираж.
Открыл ключом собора двери,
Сел за орган, чуть-чуть помедлил –
И заиграл
Свою последнюю токкату.
И звуков гулкие раскаты,
Наполнив зал,
Под своды быстро уносились,
И с долгим эхом звонко бились
О сводов твердь.
О! Он играл как Бог, как гений,
И опустилась на колени
Седая Смерть.
Забыв о муках и болезнях,
Он все, чем людям был полезен,
И мог отдать,
Вложил в последние мгновенья,
И, умирая, он рожденье
Обрел опять.

Но не успел аккорд последний
Сыграть...

Рассвет занялся бледный –
И – умер Он.
А Смерть стояла в изумленье,
И был почтителен
Ее поклон.

1978–1981

«Профессору Е. П. Кудрявцевой
Дорогая Елизавета Петровна! Любимый Учитель!

На обороте не я, а Баренбойм, но мог бы быть я, так как вчера состоялся мой дебют с Chicago Symphony.

Где бы я ни был, и каких бы успехов не достиг (а похвастаться есть чем!), я всегда помню ВАС, Елизавета Петровна!

Спасибо Вам за то, что Вы увидели во мне музыканта и заставляли работать. Без Вас меня бы попросту не было.

Андрей Борейко».

«Дорогая Елизавета Петровна и Все, Все, Все!

Шлю весточку из очень молодого и энергичного города Ванкувера. Последние три года я дирижирую здесь по 4 недели в году, являясь приглашенным главным дирижером – это единственный большой канадский город, где никогда не бывает снега. Вот и сегодня здесь +12 , а в Виннипеге, где мы сейчас живем – 20!! Концерты в Чикаго прошли настолько удачно, что меня пригласили опять в следующем сезоне. Жаль, что родной Питер об этом не знает. Я Вас крепко обнимаю, желаю большого здоровья и мечтаю увидеться!! Екатерине Алексеевне, Вите, Лизочке и ее потомку – Привет!!

Андрей Борейко».

«6.12.96. Эйндховен.
Дорогая Елизавета Петровна!

Ну как не воспользоваться такой возможностью: это письмо через несколько дней должно попасть прямо в Ваши руки. Сегодня здесь, в Эйндховене, у меня концерт, в котором принимает участие несколько молодых людей из С.-Петербурга. Программа, кстати говоря, очень нетрадиционная: сначала ансамбль народных инструментов играет сольную программу на 40 минут, а после перерыва – две пьесы для балалайки с симф. оркестром и «Картинки с выставки» Мусоргский – Равель.

Давно я не слышал Вашего голоса, а уж тем более не имел возможности Вас повидать... (Знаю, что не по-русски, увы, уже 5 лет я в основном говорю (а тем более пишу) на иных языках).

У меня сейчас период благоденствия (тфу-тфу-тфу). Много интересных концертов, встреч с замечательными солистами; новые города, страны. Дома (т. е. в Познани, где мы все еще живем) бываю очень мало. Сказал бы даже слишком мало, чтобы ощущать себя отцом и мужем. Сейчас я в Голландии, куда приехал из Финляндии. Конец года, к счастью, проведу дома, а потом опять разъезды – Канада, Эстония и т. д. В Петербург-Ленинград меня по-прежнему не зовут. Зовут в Москву, где я был несколько дней в октябре и предполагаю быть в апреле.

Дочка (звать Ася от Настасьи, а не от Анастасии) – уже 5,5 лет. Говорит на двух языках (польский, русский) и немножко по-английски. Смышлена, сообразительна. К музыке – никакого интереса. (Кажется, даже нет слуха!!!). Говорит, например: «Я не хочу быть музыкантшей, потому что из-за этой музыки я никогда не вижу свою маму и папу...» Не в бровь, а в глаз. Жена Юлия играет в струнном квартете – она скрипачка. Когда может, ездит вместе со мной.

Говорят, я не очень изменился. С гордостью могу сказать, что похудел на 8 кг и от «благородного» животика и следов не осталось. И слава Богу!

Видел в Копенгагене в сентябре Андрея Петренко. (Ему бы тоже диета не помешала?!). Надеюсь, он передал Вам о нашей встрече и все мои новости на тот момент. Вот собственно и все. Был счастлив получить от Вас весточку с новостями про всех всех всех. Екатерину Алексеевну, Лизочку, Витю и всех, кто меня помнит – крепко обнимаю и целую!!!

Ваш Вечный Должник – А. Борейко».

Май 2004 г.

«Родная Елизавета Петровна!

Что тут много говорить – я обязан Вам в моей жизни практически всем. Без Вас меня бы просто как музыканта не было, не состоялось бы. Единственное, о чем жалею, что глуп был чрезмерно, и из „волшебного источника“ пил не всегда полными горстями.

В этот день, день весенний, День, пахнущий распускающейся сиренью на Марсовом поле, день светлый и сияющий – позвольте мне Вас, Елизавета Петровна, крепко обнять и долго не отпускать из своих объятий!!!

Выходя на сцену в Берлине или Амстердаме, Токио или Брюсселе – я всегда помню то место, где меня «учили летать» и того Учителя, которому мы все, Ваши ученики, своим трудом воздвигаем ежедневно великий Памятник! Памятник Человеку, Женщине, Матери!

Елизавета Петровна! Я сегодня не рядом – это ужасно – простите меня, Бога ради...

И „Многие Лета“ Вам, Дорогой мой Человек!!!!

Борейко».

Александр Верещагин

Александр Владимирович Верещагин (р. 1950) – дирижер, преподаватель училища им. Римского-Корсакова, Консерватории, хормейстер Хора любителей пения, Хора дирижеров, Капеллы, с 1991 года – художественный руководитель Русского камерного оркестра и Камерного хора в Сан-Франциско.

А. В. Верещагин – мой ученик по Консерватории и в течение десяти лет ближайший помощник по Хору любителей пения Ленинграда.

Если определить тремя словами его облик, то это талант, профессионализм, ранимость.

Саша приезжал десять лет в Капелльское училище мальчиков и пять лет в Консерваторию из милого областного городка Гатчина, что недалеко от Петербурга.

В Гатчине в конце XVIII века в музыкальных директорах у Павла Петровича (будущего императора Павла I) и его талантливой супруги Марии Федоровны служил композитор, хормейстер, педагог Дмитрий Бортнянский. В конце XIX века здесь жили и творили писатель Александр Куприн и композитор, директор Московской консерватории Михаил Ипполитов-Иванов. В наши дни в гатчинской школе вел пение замечательный музыкант-педагог-новатор Дмитрий Огороднов.

Гатчина «поставила» в мой класс Леонида Теплякова (ныне засл. арт. РСФСР, хормейстер Мариинского театра), Юрия Шметкова, педагога-хормейстера, замечательного теоретика-аналитика.

На первых порах Александр Верещагин в классе не проявлял каких-то особенных «талантов». Был молчалив, задумчив, как «черепаха в панцире».

Но в конце первого полугодия К. Н. Дмитриевская, которая вела у хормейстеров сольфеджио и гармонию, обратилась ко мне с восторженными словами:

– А Ваш-то Верещагин удивил меня своими композициями и импровизациями. Я вижу в нем большой композиторский талант!

Эти слова заставили меня по-особенному взглянуть на моего тихого Сашу Верещагина. Меня радовало обнаруживать в моих учениках «неординарность». То Тима Кухолев обнаружит блестящие задатки пианиста «à la Рахманинов», то Витя Плешак и Толя Королев блеснут как незаурядные композиторы.

Саша Верещагин мог с легкостью собрать студентов-оркестрантов в камерный коллектив и совместно с Хором любителей продирижировать в зале Капеллы «Магнификат» Шютца. Когда я заболела, он с большим успехом провел гастроли Хора любителей пения Ленинграда в еще не разоренной Югославии.

После окончания Консерватории он поступил на композиторский факультет. Но вдруг через некоторое время он мне сказал:

– У этого профессора мне делать нечего! – и покинул факультет.

Получив место хормейстера в престижном коллективе, он вскоре оставил этот пост после «некорректного» замечания художественного руководителя.

Эта человеческая ранимость таланта Александра Верещагина не позволила ему стать значимой фигурой в нашем русском хоровом искусстве.

Ныне он руководит одним из лучших камерных оркестров Америки, в который собрал музыкантов-инструменталистов, лауреатов международных конкурсов, бывших солистов многих престижных коллективов бывшего Союза. В его руках также созданный им профессиональный камерный хор. В США Александр Верещагин возглавляет Ассоциацию камерных оркестров страны. Он часто присылает приветы и афиши новых, исполненных им программ.

И снова банальная фраза. Как жаль, что такой музыкант «не востребован» на Родине.

А его обработку «Вдоль по Питерской» я неизменно исполняю в концертах Хора любителей пения на бис!

Елизавета Кудрявцева.
30 декабря 2003 года

«04.05.1977.

Здравствуйте, Елизавета Петровна!

Спасибо Вам за Вашу заботу и за Ваше беспокойство. Извините, что поздно даю знать о себе. Сам я позвонить не мог раньше, а мама не могла до Вас дозвониться. После нашего разговора по телефону я хотел Вам написать, но выяснилось, что я не знаю Вашего адреса, поэтому получается так поздно.

У меня поврежден мениск, нога в гипсе, 10 мая должны гипс снять, и я надеюсь, что все будет хорошо. Чувствую я себя нормально. Мне очень досадно, что все это произошло в такой ответственный момент, и я не могу снять с Вас хоть какую-нибудь часть того груза, который сейчас так тяжел и который весь ложится на Ваши плечи. Я прямо вижу, как Вы волнуетесь за концерт, как напряженно репетируете, как много надо сделать, как вы устаете.

Дорогая Елизавета Петровна! Я надеюсь, что все будет хорошо, что в эти солнечные дни Вы себя хорошо чувствуете, а в пасмурные – еще лучше.

В Ваш день рождения я хочу пожелать вам много, много здоровья, столько, сколько необходимо Вашей энергичной натуре.

Ваш Александр Верещагин».

Андрей Петренко

Андрей Александрович Петренко (р. 1950) – заслуженный деятель искусств России, главный хормейстер Мариинского театра, был руководителем хора Смольного собора, являлся приглашенным дирижером Конгресс-оркестра Петербурга, преподавал в Санкт-Петербургской государственной консерватории. С 2008 года – приглашенный дирижер хора Французского радио.

Я знаю Андрюшу с возраста, который обычно показывают рукой в полуметре от пола! Его мама Нина Петренко пела в Хоре любителей пения Ленинграда. В 6 лет она отвела сына в Хоровое училище Капеллы, а через десять лет в мой консерваторский класс. Он был моим помощником по хору. Не чурался никакой работы. Был неистов и исполнителен. Эти черты позволили ему успешно продвигаться к вершинам хорового исполнительства. Руководить несколько лет Камерным хором Смольного собора и в наши дни без раскачки, без стажировки взять на себя руководство Хором Мариинского театра, взвалить на свои плечи ту титаническую нагрузку, какую сегодня несет один из лучших (если не лучший) театров мира.

Калейдоскоп премьер, фестивалей, гастролей, выступлений на «пленере» и т. п. «Тандем» Гергиев – Петренко сегодня у всех на устах, Хор звучит зычно, мобильно, необычайно сценично и актерски разнообразно. Это отмечают все критики мира. После гастролей во Франции газеты писали: «Хор, руководимый А. Петренко, – это волшебство от Бога!»

Мне везет на учеников с фамилией Петренко. Мой класс успешно окончила супруга Андрея Лена, их сын Павлуша – мой выпускник 2004 года. Уже помогает отцу в театре. У него большое будущее – как дирижера и хормейстера. А в прошлом году другой Петренко – Вася, кстати, не родственник, а всего лишь однофамилец, в Барселоне в Испании на конкурсе дирижеров-симфонистов получил главный приз и тут же контракты дирижировать с лучшими оркестрами мира.

Ну а первый Петренко, Андрей Александрович, с большим успехом провел как оперный дирижер спектакли «Борис Годунов» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Пиковая Дама» Чайковского в Национальном оперном театре Финляндии в Хельсинки и заслужил хвалебные отзывы в прессе.

Елизавета Кудрявцева.
29 декабря 2003 года

А. А. Аниханов, А. А. Петренко, Е. П. Кудрявцева. Дрезден. 1989 год

Дмитрий Хохлов

Дмитрий Дмитриевич Хохлов (р. 1946) – художественный руководитель и главный дирижер Санкт-Петербургского государственного академического русского оркестра им. В. В. Андреева. Окончил Ленинградскую консерваторию в 1971 году (класс Е. П. Кудрявцевой) и Московскую консерваторию в 1976 году (класс профессора Б. Э. Хайкина). Дирижер Государственного оркестра Казахстана (1974–1976), Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова (1977–1979), Ленинградской филармонии им. Д. Д. Шостаковича. Народный артист России.

Ходатайство на присвоение почетного звания народного артиста России

Артистическое имя дирижера Дмитрий Хохлова известно в России и за рубежом. Художественный руководитель и главный дирижер Академического русского народного оркестра имени Андреева Дмитрий Хохлов за время своей деятельности возродил коллектив, поднял его профессиональное мастерство, приумножил традиции, утвердил славу как одного из лучших творческих коллективов.

Высокая культура, интеллигентность и обширные знания позволили Дмитрию Хохлову вместе с современными композиторами создать для оркестра ряд новых программ, привлечь к исполнению известных певцов, солистов-инструменталистов, поднять исполнительское мастерство каждого оркестранта.

Оркестру под управлением Дмитрия Хохлова аплодировали многочисленные слушатели России, Европы, Америки, Японии.

Высоко оценивая исполнительскую деятельность Дмитрия Хохлова, поддерживаю выдвижение его на звание «Народный артист России».

Народная артистка России,
профессор
Санкт-Петербургской
консерватории
Е. П. Кудрявцева-Мурина.
Май 2001 года

**Д. Д. Хохлов с сыновьями.
1988 год**

**Д. Д. Хохлов и Оркестр
им. В. В. Андреева**

В. В. Успенский и В. О. Семенюк

В. О. Семенюк и В. В. Успенский

Валерий Всеволодович Успенский (р. 1939) – народный артист России, профессор, заведующий кафедрой хорового дирижирования Петербургской консерватории, руководитель хора факультета.

Владимир Онуфриевич Семенюк (р. 1937) – заслуженный артист РСФСР, профессор Академии имени Гнесиных, руководитель студенческого хора, заведующий хоровой кафедрой.

Особое место сегодня занимают студенческие коллективы дирижерско-хоровых кафедр консерваторий и музыкальных институтов. Руководить таковыми чрезвычайно трудно. Их состав ежегодно обновляется и объединяет разнообразных по таланту и способностям людей. Руководитель должен обладать творческим и дирижерским интеллектом высокого уровня.

Трудно перечислить программы, исполненные в России и за рубежом, разученные, трактованные за 20 лет руководства хором дирижерско-хорового факультета нашей Петербургской консерватории профессором, заслуженным деятелем искусств России В. В. Успенским.

Любой руководитель довольно ревниво относится к работе со «своим» коллективом дирижеров-хормейстеров со стороны. И здесь нельзя не отметить уникальный мастер-класс, проведенный на петербургском хоре ведущими музыкантами страны, моими учениками В. Семенюком, Т. Кальюсте, Н. Корневым, Б. Абальяном, А. Петренко, В. Успенским в честь моего 70-летия творческой деятельности в 2001 году. Это «вторжение» обогатило палитру коллектива, раскрыло его многогранные исполнительские возможности.

Другой хор дирижерско-хорового факультета Московской академии им. Гнесиных, возглавляемый много лет профессором В. О. Семенюком,

стал кузницей молодых кадров в столице. В этом неоценимая заслуга Владимира Онуфриевича Семенюка.

А недавно я прочла его труд «Заметки о хоровой фактуре» – книгу, которая, надеюсь, станет настольной для хоровиков.

От таких музыкантов, как В. В. Успенский и В. О. Семенюк, во многом зависит будущее нашего русского хорового искусства.

Елизавета Кудрявцева.
15 января 2004 года

Надпись на книге В. Семенюка «Заметки о хоровой фактуре»:

«Дорогой Учитель!

Смиренно и с надеждой на снисхождение позвольте представить Вам моего „гадкого утенка“.

Всегда помню, люблю и восхищаюсь.

В. Семенюк
Москва, 2000 г.»

«Дорогой мой Учитель!

Дорогая Елизавета Петровна!

Милая наша Мама!

Не корите и не браните... Только пару дней назад в моем достославном учреждении, именуемом ГМПИ им. Гнесиных, где бываю почти ежедневно, раздалась фраза: „Ой, а Вам уже давно здесь какое-то письмо!“ Чуть не расплакался, когда его прочитал с опозданием на полтора месяца...

Дорогой мой Учитель! Не было в моей жизни более светлых, высоких дней (в полнейшем их смысле), чем дни, проведенные в Вашем классе, рядом с Вами. Я отчетливо помню даже мой самый первый урок (№ 2 из „Времен года“ Гайдна, хор из „Ем. Пугачева“ Коваля), мою влюбленность в Вас, когда настроение целой недели окрашивалось тем, как прошел последний урок. Я жил и учился в атмосфере глубокой приподнятости, торжественности, заботы, внимания – во всем том, что царило в нашем классе. Поверьте – это стараюсь сохранять в себе, передавать сейчас ученикам своим, как эталон служения делу. Часто рассказываю ученикам своим о Вас, о том, как мы все, очень разные, со всеми своими несерьезностями, свойственными молодости, не могли позволить себе войти в Ваш класс без галстука, открыть дверь, когда звучала музыка. А уж день, когда я пришел почему-то (вот ужас!) небритым, и слова, которые услышал, помню на всю жизнь...

Высочайшая профессиональная и этическая культура, звонкая Ваша эмоциональность помогли нам, в первую голову, стать людьми и музыкантами. Низкий Вам поклон! Долгих Вам лет здоровья, радостной работы! И завидую всем Вашим нынешним ученикам – им ведь предстоит

пережить то, что для нас уже – увы! – урок оконченный. Но окончен он по журналу и учебному плану, т. к. (и это не к случаю сказано!) я всегда с большой гордостью говорю: „Окончил Ленконсерваторию по классу Елизаветы Петровны Кудрявцевой“.

С Новым Годом Вас! Пусть он принесет Вам здоровья, много сил и удач! Будьте счастливы!

С глубоким уважением, с чувством самой искренней благодарности за все, Ваш ученик, ныне и присно и во веки веков

В. Семенюк

P.S. К сожалению, „Доц“ еще не „Доц“, а только ослиное „И-О!“ Возможно, это и есть классическое соответствие формы и содержания…

1980 г.»

К 65-летию профессора В. В. Успенского:

«Дорогой Валерий Всеволодович!

Поздравляю и приветствую Вас в день Вашего юбилея. Время стремительно бежит: помню Вас капелльским пацаном, а сейчас Вы – замечательный мастер хорового искусства, руководитель лучшего студенческого коллектива страны.

Вы отлично справляетесь с изобилием индивидуальностей и талантов нашего дирижерского факультета. Здоровья Вам и новых творческих свершений!

23 января 2004 года
Елизавета Кудрявцева».

Аницетас Арминас и литовские ученики

Аницетас Винцович Арминас (1931–1998) – народный артист Литвы, профессор Вильнюсской государственной консерватории, с 1974 года – главный дирижер Заслуженного коллектива Литвы Мужского хора «Варпас» («Колокол»), главный дирижер Певческих праздников, главный хормейстер Вильнюсского театра оперы и балета.

Петрас Броневич Вайлионис (р. 1941) – заслуженный артист Литвы, профессор Литовской консерватории, организатор и главный дирижер хора «Лиепайтес», главный дирижер Праздников песни.

Люция Юлиевна Палинаускайте (р. 1942) – заслуженный артист Литвы, руководитель хора «Лиепайтес», дирижер Певческих праздников в Вильнюсе.

Валерия Пуслене (р. 1951) – руководитель хора г. Клайпеда, преподаватель музыкального училища.

Юозас Кубилиус (р. 1950) – руководитель детского хора г. Клайпеда, преподаватель музыкального училища.

Повилус Матайтис (р. 1932) – основатель и художественный руководитель Песенно-хорового фольклорного театра Литвы «Сутартине».

Вместе с Куно Аренгом в моем классе обучался аспирант из Литвы Аницетас Арминас. Мне импонировало его умение свободно читать за роялем различные оперные партитуры. Он знал наизусть и мог исполнить любую хоровую сцену из русских опер.

Я оснастила Аницетаса логикой дирижерского мышления, направила его темперамент и увлеченность в русло более глубокого познания музыкальных стилей, раскрыла перед ним пласт русской духовной музыки.

Арминас стал главным хормейстером Вильнюсского оперного Литовского театра, народным артистом Литвы, создал лучший мужской хор Литвы «Варпас», как профессор и заведующий кафедрой Вильнюсской консерватории воспитал целую когорту учеников, привив им страстную любовь к красоте хорового пения. Многих он направил в мой класс.

Петрас Вайлионис и Люция Палинаускайте создали образцовый девичий хор «Лиепайтес» («Липочка»).

Ныне Петрас Вайлионис – основатель и художественный руководитель Литовской певческой школы мальчиков в Вильнюсе. Хор школы под руководством профессора Петраса Вайлиониса неоднократно гастролирует

Валерия Пуслене

за рубежом, участвует в престижных фестивалях и конкурсах, завоевал многочисленные призы и награды.

Валерия Пуслене и Юозас Кубилиус в Клайпеде воспитали замечательный юношеский хор.

Особо хочу упомянуть о моем аспиранте Повилусе Матайтисе.

В Литве совместно с женой, народным художником, он создал уникальный фольклорно-хоровой театр «Сутартине». Они выступают в старинных костюмах, играют на древних инструментах и поют песни в редчайшем стиле – сутартине. Кто слышал это пение – запомнил его надолго.

Всех литовских моих учеников отличает, помимо педагогической деятельности, страстная любовь к воспитанию детей, будущего поколения музыкантов.

«12.05.1964. Вильнюс.

Уважаемая Елизавета Петровна!

Кажется, так недавно я был в Ленинграде, но уже прошло пять лет. Часто вспоминаю о нем, о Вас, но приехать, набраться творческих сил так и не пришлось. Но вот этот час, наверно, пришел. Я написал диссертацию (насколько я был способен, конечно), и мне нужна Ваша и теоретической кафедры помощь, а если будет найдено, что моя работа что-то стоит, – и защита. Как Вам известно, она называется „Некоторые черты развития литовской национальной хоровой культуры“ (до советского периода). Напечатанная на пишущей машинке без примеров и иконографического материала 290 страниц. Старался работать очень тщательно. Только использованных источников всего 400, не считая всей прочитанной литературы по этому вопросу. Кое-что читал на кафедре, а также для хоровиков города. Мою работу они приветствуют и хвалят. Но, конечно, это решающего значения еще не имеет. Главное, что скажет Ленинград. Краткий конспект „Хрестоматия литовской хоровой литературы“ (17 стр.) напечатан на русском и литовском языках. Вводная же статья выйдет летом во втором томе

хрестоматии. За это время написаны несколько статей и рецензий в газетах и журналах. Все трудно перечислить, да и нету смысла. Об этом говорю лишь потому, что печатные труды нужны перед защитой.

Я очень прошу Вас, Елизавета Петровна, как можно быстрее написать мне: могу ли я получить еще до защиты консультанта-руководителя и все это оформить. Нужна ли помощь нашей Консерватории в смысле финансовом, что я должен сделать, если работа будет одобрена и защищена. Я собираюсь приехать в Ленинград в конце мая или начале августа. Очень хотел бы до этого времени знать обо всем поподробнее. За это время еще раз прошу Вас по возможности написать пару слов. Выяснив не только некоторые неясности изложения материала, но и особенности технического дела, – летом перевел бы на русский язык, а осенью можно было бы говорить поподробнее. Между прочим, мою работу хотят всю напечатать.

Желаю творческих успехов, здоровья и счастья в семейной жизни.

Очень радуюсь успехам Вашей славной Катюши.

С уважением А. Арминас».

«15.10.1981. Вильнюс.

Уважаемая Елизавета Петровна,

Я самый плохой из Ваших учеников и потому, что мало пишу. Зато вы самая лучшая моя учительница. Часто об этом вспоминаем уже с Вашими „внуками“ Люцией и Пятрасом. Очень хотел к Вам попасть заниматься из Клайпеды Ф. Мислокавичюс, но его „конфисковал“ Авенир Василич[1].

Было бы много о чем поговорить, но в письменном виде это невозможно. Надеюсь, что летом посетите Литву. А пока с большой просьбой к Вам. Мой мужской хор „Варинас“, засл. кол. республики, Лауреат межд. конкурса в Италии, очень хотел бы спеть в зале Капеллы. От имени Совета хора и от нашего Министерства культуры (оно по надобности будет ходатайствовать) очень прошу Вас поговорить с теми, от которых это зависит.

Для нашего хора В. Салманов написал три интересных произведения. Хотелось бы их спеть именно в Ленинграде. Недавно Москва издала нашу полнометражную пластинку. По необходимости мог бы прислать.

Надеюсь, что Вы, Елизавета Петровна, напишете коротко и укажете дорогу в зал Капеллы.

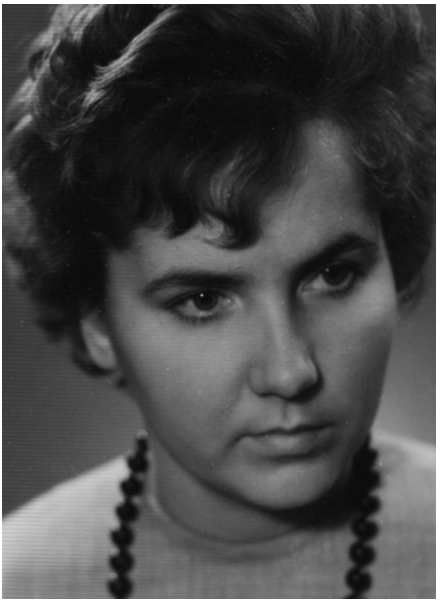
С глубоким уважением
А. Арминас».

[1] Михайлов А. В. – профессор Ленинградской консерватории, хормейстер.

Куно Аренг и эстонские ученики

Тыну Кальюсте (р. 1953) – профессор Таллиннской государственной консерватории, художественный руководитель и главный дирижер лауреата международных конкурсов Камерного хора Государственной Таллиннской филармонии «Эллерхейн». Окончил Таллиннскую консерваторию в 1976 году и аспирантуру в 1978 году в Ленинградской консерватории. Дирижер Республиканских Праздников песни.

Томас Каптен (р. 1964) – профессор, заведующий хоровой кафедрой Таллиннской консерватории, дирижер Праздников песни Эстонии.



Сильвия Меллик (р. 1933) – заслуженный деятель искусств Эстонии, руководитель Женского хора Таллиннского политехнического института, дирижер Праздников песни Эстонии.

Ольга Тунгал (р. 1954) – заслуженный деятель искусств Эстонии, проректор по учебной работе Таллиннской консерватории.

Воспитание в Петербургской консерватории эстонских и литовских музыкантов имеет давнюю традицию, идущую от Н. А. Римского-Корсакова.

В 60-х годах прошлого века в мой консерваторский класс были зачислены аспиранты из Эстонии Куно Аренг и из Литвы Аницетас Арминас.

По прошествии многих лет Куно Аренг – глава эстонской хоровой культуры, народный артист, главный дирижер певческих праздников, создатель и руководитель всемирно известного Камерного хора, профессор, заведующий кафедрой Консерватории, воспитавший целую плеяду учеников. Некоторые из них прошли аспирантуру у меня.

Тыну Кальюсте. Я помню его еще мальчиком, сидящим за роялем у хора, которым руководил его отец. Он сформировался в крупнейшего музыканта. С хором «Эллерхейн» он объездил многие страны Европы. Кальюсте как дирижеру подвластны и мотеты Баха, и оперы Тормиса, 27-й опус Танеева и хоры Валерия Гаврилина. Он первый исполнитель многих хоровых сочинений современных авторов. Мне особенно дорого было на юбилейном концерте, посвященном 70-летию моей исполнительской и педагогической деятельности, получить от Тыну Кальюсте гору компакт-дисков его хора и среди них полное собрание сочинений Танеева на стихи Полонского. Это говорит о многом.

Томас Каптен – разносторонний музыкант, дирижер Тартуской оперы, певческих праздников, ныне заведующий хоровой кафедрой Таллиннской консерватории.

Сильвия Меллик – «Сильвочка» – так подписывала она письма ко мне. Хормейстер Тартуской оперы, создатель и руководитель Образцового женского хора Таллиннского политехнического института.

Ольга Тунгал, продолжатель дела отца – хормейстера Джона Тунгала, руководителя русских хоров в Эстонии. Она обладает яркими организационными способностями, возглавляя учебную часть Таллиннской консерватории.

Мне отрадно было получить недавно видеокассету Праздника песни Эстонии в Таллинне, на котором дирижировали вышеназванные мастера.

Я привожу переписку с Куно Аренгом и его статью в «Советской музыке».

«Август 1981 г.

Дорогой мой Куно!

Спасибо Вам несказанно за Вашу теплоту и щедрость сердца. Я получила „Советскую музыку“ № 6. Прочитала Вашу статью. Как Вы все меня обрадовали. Спасибо, что не забываете. Мне дорого, что каждый из моих

учеников обрел самостоятельность, неповторимый облик Художника, Музыканта, занял свое место в искусстве и определяет направленность, общий настрой высокого профессионализма.

Особенно хочется отметить, что каждый из вас – большая, интересная личность со своими мыслями, думами, темпераментом и сердцем. Вы, Куно – мудрый и бесконечно преданный служению высшей форме музицирования – хоровому искусству. Я глубоко ценю это в Вас. Только не бережете Вы себя. Так нельзя. Работать надо с полной отдачей за счет мастерства, мобилизации внутренних ресурсов. Самосгорание – вещь опасная. Прислушайтесь, Солнышко, ко мне.

Начался новый учебный год. Думаю, он будет не из легких. Ну ничего. Для меня год особенно радостный – Катюше[1] дали звание «Заслуженной» и доцентуру. В октябре едет в Цейлон, возглавлять жюри международного конкурса. А пока 13 сентября играет в Большом зале Филармонии сольный концерт. Дай Бог ей успеха!

Куно, родной! Часто думаю о Вас. Желаю успеха и благословляю во всех Ваших делах. Какие Ваши планы? Будете ли с Мужским хором в Ленинграде? Сообщите мне, пожалуйста.

Еще и еще раз благодарю Вас за доброту и сердечность.

Передайте наилучшие пожелания моим друзьям – Густаву Густавичу[2], Юрию Иоханесовичу[3], Арво[4], Венно[5], Сильвочке[6].

Поцелуйте милую Лилиан!

Обнимаю Вас,

Елизавета Кудрявцева».

«Дорогая Елизавета Петровна.

Прошу извинения, что так долго Вам не писал. Вышло так, что в этом году в Ленинграде не удалось побывать.

Для меня лично принес этот год очень многое. Самым волнующим событием было для меня и для Таллиннского Камерного хора дни, проведенные на международном хоровом конкурсе в итальянском городе Ареццо, где завоевали два первых места (по категории смешанных хоров и по категории народных песен). На этом конкурсе участвовали хоры почти со всех стран Европы, а также из США и Латинской Америки. Кроме

1 Мурина Е. А. – дочь Е. П. Кудрявцевой.

2 Эрнесакс Г. Г. – народный артист СССР, главный дирижер Государственного мужского хора Эстонской ССР, композитор, профессор Таллиннской консерватории.

3 Варисте Ю. И. – профессор Таллиннской консерватории, народный артист Эстонии.

4 Ратасепп А. И. – профессор Таллиннской консерватории.

5 Лаул В. Я. – главный хормейстер Театра Эстонии.

6 Меллик С. В. – руководитель Женского хора Таллиннского политехнического института, дирижер Праздников песни Эстонии.

участия на конкурсных концертах мы имели в Ареццо и в городе Монтеварни несколько самостоятельных концертов. Нас принимали везде с теплотой. Завоеванные премии были денежные и эти деньги мы затратили для путешествия по Италии. За свой счет мы побывали в Риме, в Венеции и в курортном городе Равенна, где также выступили с концертом. Как полезны все-таки такие международные встречи!

Куно Аренг

После возвращения домой поехал сразу обратно в Италию и Швейцарию, где с Гос. академическим мужским хором имели серию концертов. И эта поездка остается долго в памяти.

Теперь идет жизнь опять своим обычным порядком. Работы очень много. Не знаю, долго ли выдержу эту нагрузку?

По поручению нашей кафедры у меня к Вам одна большая просьба: мы бы хотели, чтобы Вы приехали в новом семестре в Таллинн и выступили бы на нашей кафедре с несколькими лекциями. Нас, прежде всего, интересовали бы вопросы организации учебного процесса на хоровой кафедре Ленинградской консерватории (для педагогов нашей кафедры). Темой Вашего второго выступления могло бы быть ознакомление с новым хоровым творчеством всего состава нашей кафедры (включая студентов). В первую очередь нас интересовали бы новые хоровые произведения советских авторов, их интерпретация и т. д.

Если у Вас есть возможность в течение весеннего семестра к нам приехать на пару дней, то прошу Вас мне об этом дать весточку, приблизительно в какое время мы могли бы эти мероприятия запланировать.

Просто хотелось бы с Вами встретиться и поговорить по разным нас интересующим темам.

Желаю Вам всего хорошего в Новом Году.

Передайте мои сердечные пожелания и супругу и детям, а также Вашим студентам Консерватории.

Ваш невоспитанный
Куно».

«Декабрь 1994 года. Таллинн

Дорогая моя Елизавета Петровна!

Желаем Вам и всей Вашей семье много, много радости, счастья и творческого успеха в наступающем Новом Году! Как хочется со всеми вами встретиться.

Между прочим, я осмелился ставить в ноябре с нашим Радиохором „Всенощную“ Рахманинова целиком. Успех был значителен, не все желающие попали на концерт. Пресса отозвалась очень похвально. Я был доволен и счастлив. Также присудили мне хоровую премию им. Густава Эрнесакса за 1994 год. Этот год был у нас по хоровой музыке действительно разнообразен и интересен. Планируем и в следующем году целый ряд мероприятий как в элитарной, так и в самодеятельной хоровой музыке.

Будьте все здоровыми и счастливыми!

Лилиан и Куно».

«7 мая 1999 года. Таллинн.

Уважаемая Маэстро!

В день Вашего славного юбилея все Ваши ученики (где бы они ни находились) думают о Вас, вспоминают те счастливые годы молодости, когда Вы научили их понимать и любить по-настоящему хоровое искусство. Бывает часто так, что лишь по истечении многих лет начинаешь понимать, насколько Ваша личность музыканта влияла на судьбу всех нас – Ваших учеников. Ваш огромный профессиональный авторитет и творческое горение навсегда с нами.

Вас поздравляют Ваши бывшие воспитанники аспиранты, сегодняшние хоровые дирижеры из Эстонии. Мы и сегодня Ваши ученики.

Желаем Вам все новых и новых возвышенных мгновений, творческого счастья, простого человеческого тепла и здоровья.

Преклоняемся перед Вами, Маэстро!

Спасибо – Учитель!

Kuno Areng, Toomas Kapten, Olga Tungal».

Музыкант, педагог, человек

Журнал «Советская музыка», 1981 год, № 6.

Личность Елизаветы Петровны Кудрявцевой – хорового дирижера и педагога – хорошо известна музыкальной общественности нашей страны. Ее многогранная музыкальная и общественная деятельность способствовала формированию и развитию богатых традиций хоровой музыки не только Ленинграда, она бесспорно имеет всесоюзное и международное значение.

Творческий путь мастера был связан с такими известными хоровыми дирижерами Ленинградской государственной академической хоровой капеллы имени М. И. Глинки, как М. Климов, А. Свешников, Г. Дмитревский.

Выпускница знаменитого хорового училища при Капелле, Кудрявцева длительное время работала здесь хормейстером-дирижером. Именно в эти годы в процессе решения практических задач обогащался, формировался и закалялся ее музыкантский характер, вырабатывались и кристаллизовались ее художественные принципы.

Тогда же началась и педагогическая деятельность Кудрявцевой. Вряд ли она сама точно знает, сколько студентов и аспирантов, окончивших класс хорового дирижирования, чтут и помнят ее как педагога и воспитателя. Обычно бывает так, что лишь по истечении времени начинаешь понимать, насколько велико влияние того или иного наставника на формирование твоего внутреннего мира и творческих убеждений. Есть преподаватели, чей огромный профессиональный авторитет, чье творческое горение навсегда остаются в памяти. Их неповторимая индивидуальность и необъяснимое обаяние с течением времени воздействуют еще сильнее. Я убежден, что о Кудрявцевой – профессоре Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова – именно так вспоминают все ее бывшие ученики.

Мне посчастливилось совершенствоваться под руководством Елизаветы Петровны в аспирантуре Ленинградской консерватории. Часто я невольно сравнивал двух своих основных преподавателей по специальности – Е. Кудрявцеву и Г. Эрнесакса. Они совершенно разные музыканты, но в их педагогических и дирижерских натурах есть и что-то общее. Возможно, заключается оно в редком синтезе необычайно глубокого самовыражения и огромного практического опыта.

На занятиях Кудрявцевой царит атмосфера музыкальной активности. Она не терпит непонятливости, лености мысли, лицемерия.

На ее уроках нет места абстрактному теоретизированию, все живет и дышит музыкой. Елизавета Петровна учит искать и находить заключенную в произведении основную мысль, идею, которую исполнитель обязан передать и донести до слушателей. Соответственно Кудрявцева-педагог

призывает своих учеников прежде всего постичь и прочувствовать образно-эмоциональную основу произведения. Только опираясь на такую основу, следует начинать искать, формировать и анализировать технические средства и приемы исполнения. Натура беспокойная, прямая, ищущая, Елизавета Петровна находит сразу же прочный и тесный контакт со студентами, в особенности, если они обладают теми же, что и у нее, качествами. Она любит, чтобы на ее занятиях присутствовали все студенты. Такой коллективный метод невольно воспитывает в каждом из них творческий задор, умение общаться друг с другом, артистическую смелость – качества, столь необходимые каждому дирижеру в практической работе. Огромный авторитет педагога зиждется на эмоциональности, артистичности, как и на совершенном владении огромным репертуаром. Особенно впечатляет ее естественная способность ориентироваться в исполнительских проблемах, связанных с крупными вокально-симфоническими формами. Если в методе Кудрявцевой и есть какой-то «секрет», то заключается он в том, что ее педагогические принципы, как я уже говорил, тесно связаны с бесценным практическим опытом. Именно поэтому так плодотворны результаты ее работы в воспитании молодого поколения дирижеров. Некоторые из ее учеников – такие, как Д. Китаенко, А. Дмитриев, – стали выдающимися оркестровыми дирижерами, признанными и ценимыми в нашей стране и за рубежом.

Исполнительская и педагогическая деятельность Е. Кудрявцевой тесно связана и с хоровой музыкой Советской Эстонии. Десятки лет существуют и углубляются ее творческие контакты со многими известными мастерами хорового пения республики. Она и руководимый ею Хор любителей пения не раз бывали участниками наших певческих праздников и хоровых фестивалей. Нередки творческие встречи заслуженного мастера с преподавателями и студентами кафедры хорового дирижирования Таллиннской консерватории. Елизавета Петровна в курсе всех актуальных задач эстонской хоровой музыки, помогая словом и делом в их решении. Многие эстонские хоровые дирижеры совершенствовали свое профессиональное мастерство под руководством Е. Кудрявцевой в Ленинградской консерватории (А. Ратасепп, Т. Кальюсте, С. Меллик, О. Тунгал). Поступить к ней в аспирантуру всегда остается мечтой многих и многих наших студентов-хоровиков.

Самодеятельный Хор любителей пения, созданный в Ленинграде в 1960 году, прошел под руководством Е. Кудрявцевой большой и славный путь. На хоровых фестивалях, конкурсах, смотрах коллектив не раз завоевывал звание лауреата, ему присвоено почетное звание народного. Вместе с Симфоническим оркестром Ленинградской филармонии он неоднократно исполнял сложные крупные вокально-симфонические сочинения. Только руководитель хора может понять и прочувствовать, сколько энергии,

творческих способностей, отдачи и даже фантазии нужно затратить, чтобы сохранять, укреплять и творчески развивать в течение длительного времени самодеятельный коллектив.

Неустанная исполнительская, педагогическая и общественная деятельность Елизаветы Петровны Кудрявцевой продолжается уже полвека. Это поистине подвиг – ведь такая работа требует ежедневной полной отдачи сил, огромной воли, терпения и нетерпимости, суровой решительности и душевной мягкости, педагогического такта и таланта психолога.

Бесконечно много дали Вы, дорогой Учитель, людям. В Вашей жизни, несомненно, было много возвышенных минут творческого счастья. Ваше сердце согревали творческие устремления и свершения бесчисленных Ваших учеников. Ваша жизнь беспокойна, но духовно очень богата.

Куно Аренг,
хормейстер Государственного мужского хора Эстонии

Николай Кунаев и Александр Пустовалов

Николай Иванович Кунаев (р. 1931) – народный артист России, руководитель Ансамбля песни и пляски Ленинградского военного округа.

Александр Иванович Пустовалов (р. 1937) – народный артист Украины, руководитель Ансамбля песни и пляски Киевского военного округа.

Один из первых моих учеников по хоровому училищу Капеллы и в Консерватории после блокады был Коля Кунаев. Ныне – народный артист России, бессменный в течение 30 лет руководитель Ансамбля песни и пляски Ленинградского военного округа, фактически второго подобного коллектива (после Александровского) в стране.

Родом Коля Кунаев был из интеллигентной потомственной петербургской семьи. Его отец (до кончины в 1966 году) был протодьяконом Спасо-Преображенского всей гвардии собора на Литейном. Жили они в бывшей квартире В. В. Стасова на Суворовском проспекте, стены которой помнили Мусоргского, Римского-Корсакова, Кюи, Бородина, Балакирева и многих других великих людей России.

Эта аура наложила на будущего хормейстера черты высокой петербургской интеллигентности. И это было видно во всем. И в поведении, и в отношении к музыке.

Через его ансамбль прошли многие знаменитые сегодня народные артисты, лауреаты престижных международных конкурсов – дирижеры, вокалисты, хормейстеры, инструменталисты, артисты балета. А начинали все они свою карьеру «у Кунаева». Десятки тематических программ, сотни концертов в СССР и гастроли за рубежом. Вот любопытная статья из газеты в Германии 1989 года в момент объединения страны и вывода Советских войск из ГДР:

«Русские идут.

Вы слышите: грохочут сапоги!.. Приказ к отступлению отказались исполнять майор Николай Кунаев и его солдаты. С полной выкладкой они двинулись в Германию и, как нам известно, с немецкой точностью берут города. Их встречают, оповещая стариков и детей: „Русские идут“. А провожают так, что грохот рукоплесканий забивает грохот сапог... „Майор

Кунаев стреляет как артист“ – сказал о нем один из немцев, побывавший на концерте Ансамбля песни и пляски Ленинградского военного округа. Это, кажется, решило судьбу контракта и день начала заграничного похода. Не было никаких сомнений в форме одежды: самая модная на Западе – русская военная форма, и обязательно – с сапогами.

Где бы они ни были, на концерты приходят и бывшие солдаты – тоже. О чем они думают, что чувствуют, когда наступает Майор Кунаев?»

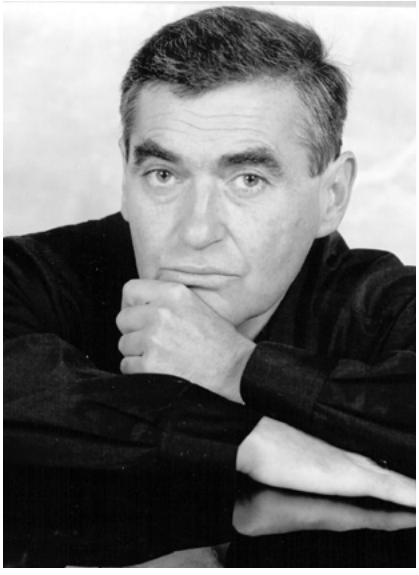
Е. П. Кудрявцева с учениками на встрече с Н. Кунаевым

В Ансамбле Кунаева делал первые шаги и другой мой ученик, ныне народный артист Украины Александр Иванович Пустовалов – руководитель Ансамбля песни и пляски Киевского военного округа.

В программах Ленинградского и Киевского ансамблей должное место занимала русская классическая хоровая музыка, и этим они отличались от многих коллективов страны.

Заметки о русском хоровом исполнительстве (Николай Корнев, Борис Абальян)

Николай Николаевич Корнев (р. 1948) – заслуженный деятель искусств РСФСР, организатор и художественный руководитель Камерного хора Петербурга (основан в 1977 году), руководитель Симфонического оркестра Петербурга.



Борис Григорьевич Абальян (р. 1948) – организатор и художественный руководитель Камерного хора Петербурга Lege Artis, преподаватель Петербургской консерватории, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Для русской музыкальной ментальности характерны многочисленные, большие по количеству певцов хоры. Трудно представить, чтобы «Славься!» из «Жизни за царя» Глинки, монументальные хоровые сцены из опер Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Прокофьева, Шостаковича прозвучали в камерном исполнении, или оратории, кантаты Чайковского «Москва», «Иоанн Дамаскин» и «По прочтении псалма» Танеева, «Александр Невский» Прокофьева, хоры Танеева, Шостаковича, Свиридова, Гаврилина, Гречанинова, Чеснокова, Пащенко исполнялись камерным коллективом певцов.

На память пришел такой случай из моей дирижерско-хоровой практики. В 1934 году к нам в Ленинград приехал на гастроли из США

смешанный Вестминстерский хор. Нас он поразил следующим: своим одеянием – мужчины во фраках, а женщины в длинных белых платьях, отороченных светлым мехом; хор стоял на стационарных, привезенных из-за океана станках, достаточно высоких; выходили тоже необычно по голосам – сопрано, альты, тенора и последними взбирались на верхотуру басы.

У Ленинградской капеллы тогда не было концертной формы. Каждый одевался во что горазд. Лишь бы что-либо потемней. Пели без всяких станков. Впереди дети, затем женский хор и сзади – мужские голоса. Выходили тоже все сразу с двух сторон. Стремительно и без суеты. За полминуты хор был на сцене.

Вестминстерский хор привез оригинальный репертуар. Многое мы у них позаимствовали тогда. «Эхо» Орландо Лассо, «Мотет» Баха и др.

В конце гастролей американцы предложили устроить встречу-концерт с нашей Капеллой, но поставили условие – место – гостиница «Европейская», где они остановились. Климов резонно возразил:

– Хотят встречу! Пусть приходят к нам в концертный зал Капеллы.

И ни в какую гостиницу он не пойдет! В этих вопросах Михаил Георгиевич был чрезвычайно щепетилен и принципиален. Пришлось на встречу с американцами, в концертный – банкетный зал «Европейской» идти мне, двадцатилетнему помощнику руководителя Капеллы.

Вначале пели гости. Но когда в нашем исполнении прозвучали русские песни, обработки и аранжировки Климова, «В темном лесе» Пащенко и его же «Буря на Волге», где три наших октависта «поставили» в конце мощное контр-«Ля» и держали долго на цепном дыхании, американцы буквально обезумели. В конце встречи мужчины Вестминстерского коллектива подняли меня на руки на сцене и пронесли через весь зал.

В 70-х годах к нам приехал другой американский хор – «Оберлен-Колледж» под управлением замечательного маэстро Роберта Фаунтена. В антракте концерта в Большом зале Филармонии ко мне подошли два старых хориста и признались:

– Мы помним Вас краснощекой девушкой! В 34-м году студентами выступали с Вестминстерским хором и тогда нас потрясла Капелла своим мощным многоголосым звучанием и особенно запомнились низкие басы в песне о Волге! Это было незабываемо!!

Именно эти черты, присущие русскому хору, запомнились надолго американцам.

Хоры Мельникова и Архангельского в Петербурге, Синодальный хор в Москве, Хор Пречистинских рабочих курсов, симфоническая Капелла Булычева были большими певческими коллективами. Именно для них писали свои шедевры Танеев, Чайковский, Рахманинов, Гречанинов, Чесноков, Кастальский.

На Руси были традиции и камерного, «салонного» домашнего хорового музицирования, – достаточно вспомнить «Петербургские серенады» Даргомыжского, миниатюры Чайковского, Рубинштейна, Кюи. Но мода на камерные профессиональные хоры пожаловала к нам с Запада. И вот как это было.

В 1957 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в конкурсе академических хоров выступали большие коллективы из Ленинграда, Одессы, Пекина, Праги и др. городов. Хор студентов из Белграда исполнил большим составом с оркестром «Кармину Бурана» Карла Орфа, а потом камерным составом (26 человек) негритянские спиричуэлсы и современную музыку. Дирижировал замечательный музыкант главный маэстро Белградской оперы Богдан Бабич. А через некоторое время приехал к нам Камерный хор из США под управлением композитора и хормейстера Роберта Шоу. Они очаровали нас исполнением музыки композиторов Америки и негритянскими спиричуэлсами. А вот в исполнении Мессы h-moll Баха, несмотря на виртуозное пение 27 музыкантов, «не хватало» баховских хоровых масс, что ломают гранит скал и сдвигают континенты. Вот с них и пошла мода на камерные хоры у нас в стране.

Вскоре появились Камерный хор Института Гнесиных в Москве под управлением В. Н. Минина, в Ленинграде – камерные хоры под управлением В. А. Чернушенко и в Библиотечном институте им. Крупской под управлением Н. Н. Корнева. Из молодых преподавателей и студентов училища Консерватории создал коллектив Lege Artis Б. Г. Абальян. В Таллинне – Камерный хор Куно Аренг, в Риге – Ave Sol Имант Кокарс и многие другие. Часть из них стали профессиональными коллективами, каждый идет своим непростым путем и отличается «лица не общим выражением».

Остановлюсь на двух петербургских коллективах, что основаны и возглавляются по сей день моими учениками Н. Н. Корневым и Б. Г. Абальяном.

Петербургский камерный хор п/у Н. Н. Корнева. Ему присуща профессиональная просветительская деятельность. Продолжая традицию концертов Капеллы графа Шереметева, Н. Н. Корнев и руководимый им хор и симфонический оркестр регулярно дают благотворительные выступления в Большом зале Филармонии. Всю тяжесть организаторской, репетиционной и дирижерской ответственности взял на себя Николай Николаевич и успешно с этим справляется.

Закономерно к хору пришел международный успех – он стал лауреатом четырех международных конкурсов и обладателем пяти престижных премий: в Дебрецене (Венгрия), Марктобердорфе (Германия), Ареццо (Италия). Во время гастролей по Италии хор был принят Папой Римским

Н. Н. Корнев

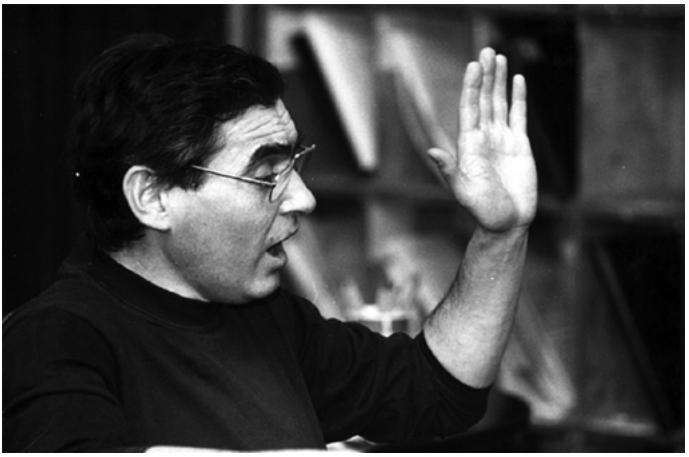
Иоанном Павлом Вторым. Концерт в Ватикане продолжался более часа и произвел огромное впечатление на всех присутствующих.

Трудно перечислить все фестивали, в которых участвовал Петербургский Камерный хор под управлением Николая Корнева и все награды и призы, которыми был отмечен их успех.

Вот что писала газета Chicago Tribune после гастролей хора в Америке в статье «Посланы небесами»: «...важнейшая роль в концерте, безусловно, принадлежала хору. Русские артисты, впервые пристав к этим берегам, пришли, спели и победили, подарив нам праздник духовной музыки... Цельный, сбалансированный, с практически совершенным ансамблем и интонированием хор под управлением дирижера и основателя коллектива Николая Корнева посвятил первое отделение номерам «Всенощной» и «Литургии» Рахманинова (опусы 37,31)...

Искренняя и благодарная манера исполнения, восходящая к страстной оперной декламации, получила соответствующий полнозвучный, мощный отклик в неизвестных нам «жемчужинах» Чеснокова, Бурмагина, Толстякова и других. Корнев проявил себя хормейстером в полном смысле этого слова, тонко формируя все крещендо и диминуэндо, достигая эфирного мерцания в массе голосов... Такое хоровое пение, как бы склонны думать, больше всего напоминает звучание ангелов, по крайней мере на этой земле».

Коллектив Lege Artis п/у Б. Г. Абальяна – хор высочайшей квалификации. Большинство участников имеет дирижерско-хоровое консерваторское образование. Лауреат и победитель многочисленных престижных конкурсов, хор зарекомендовал себя как пропагандист музыки эпохи



Б. Г. Абальян

Возрождения и современных авторов. Хор Абальяна не может похвастать таким богатством голосов, как хор Корнева, но его тонкое и современное прочтение любых, отдаленных от нас во времени сочинений, как будто написанных сегодня, вызывает наше сопереживание. Хор Lege Artis поет без суеты, без показной аффектации и достигает желаемого результата. Стиль Б. Г. Абальяна настолько правдив и искренен, что кажется сочинения написаны самим дирижером.

«24 октября (2003 года) в Оксфорде состоялся концерт хора Lege Artis из Санкт-Петербурга. Как восхитительно звучал этот хор – настоящий „Роллс-Ройс“ среди русских камерных хоров – в зале, который помнит столько замечательных концертов.

Основанный в 1987 году, коллектив из 25 музыкантов выступает под искусным руководством Бориса Абальяна, истинного архитектора хорового звука».

Но что любопытно! Для исполнения и записи «Всенощного бдения» Рахманинова первоклассный Камерный таллиннский хор Куно Аренга вынужден был пополнить свои ряды (и значительно) певцами. А для премьеры «Перезвонов» Гаврилина (в январе 1984 года) в Ленинграде Мининский хор присоединил хор студентов Института им. Гнесиных п/у В. О. Семенюка. «Мессию» Генделя на благотворительном концерте в Большом зале Филармонии пели два камерных хора Корнева и Абальяна. Эти примеры можно продолжить. Это подтверждает мою мысль, что хоры в России должны быть большие.

Елизавета Кудрявцева.
22 декабря 2003 года

The Washington Post, 14 ноября 1996 года.

Во вторник вечером в Вашингтонском кафедральном соборе прошел незабываемый концерт русской хоровой музыки a capella в исполнении Санкт-Петербургского Камерного хора со знаменитым баритоном Дмитрием Хворостовским в качестве солиста. Благодаря Washington Performing Arts Society этот концерт состоялся именно в соборе, а не в концертном зале Кеннеди, так как это была программа духовной музыки, которая должна исполняться в соответствующей обстановке и в живой акустике.

Николай Корнев дирижировал своим 40-голосным хором, как опытный кукловод, используя невидимые знаки для создания точнейшей формы и динамики оттенков в трех номерах из «Литургии» и в восьми из «Всенощной» Рахманинова. Русские певцы используют вибрато гораздо более рельефно, чем большинство западных хоров, придают особую теплоту звучанию и, будучи хором высочайшего уровня, не боятся петь piano, щадя голосовые связки, на фоне которого пассажи на forte, по контрасту, производят еще более сильное впечатление. Пожалуй, наилучшей аналогией для Корнева было бы сравнение с органистом. Временами хор звучит как орган, с его ровным дыханием, с его прозрачной ясностью фразировки и объемным звучанием сопрано и мощным рокотом басов. Лица певцов реагируют на эту волнующую музыку экстатичным выражением, вызывающим в памяти живопись Эль Греко.

В связи с тем, что в эпоху советской власти духовная музыка была фактически запрещена, традиции русской хоровой музыки XIX века в лучшем случае были на время забыты, а в худшем – утрачены полностью. Хотя в песнопениях Чеснокова, Архангельского и Бурмагина (трех композиторов, произведения которых можно было услышать на концерте) немало заимствовано из западной светской музыки, можно сказать, что сейчас происходит формирование нового, в равной мере имеющего право на существование стиля.

Хворостовский, который пел с хором во втором отделении программы, исполнял свои партии в романтическом, оперном, свободном духе. Этот репертуар не позволил ему в полной мере показать свой яркий и мощный голос, но все же хорошо раскрывал эмоциональность исполнения с необыкновенным колористическим разнообразием. Все это можно охарактеризовать, по сути, как оперную манеру, наложенную на основу церковного пения, характерную для русской православной церкви.

Эти песнопения были записаны на диск Credo, и благодаря этому названию можно надеяться на повторение успеха другого диска, а именно записи грегорианских хоралов, исполненных испанскими монахами, который неожиданно стал бестселлером. Но, судя по тому, что мы услышали во вторник, творческий союз Камерного хора и Хворостовского это нечто гораздо большее, чем очередное коммерческое предприятие.

Православная духовная музыка с налетом «звездности»
New York Times, ноябрь 1996 года.

Несмотря на звездное присутствие баритона Хворостовского, для серии концертов «Великие исполнители» выступление Санкт-Петербургского хора в Линкольн Центре, в Элис Тулли Холле, в четверг вечером оказалось движением в новом направлении, и притом весьма удачным. Чтобы доказать серьезность этой новой цели, в марте в цикле концертов будет представлен аналогичный коллектив – Хоровая Академия – но без участия звезды.

<...>

В музыкальном отношении хор и солисты установили невероятно высокий уровень в первом отделении, исполнив произведения, являющиеся вершиной мировой музыкальной литературы: три номера из «Литургии» и восемь из «Всенощной» Рахманинова. Коллектив полностью записал оба произведения для фирмы Philips, которая замаскировала их под тенденциозными названиями «Вечерняя звезда» и «Размышления в полночь».

Прошедший концерт оказался именно таким, какого и можно было ожидать от таких великолепных исполнительских сил. Хор из 40 исполнителей под управлением Николая Корнева показал изумительную точность и слитность интонирования во всем широком динамическом диапазоне, а басы достигали низких нот с удивительной легкостью. <...>

Вадим Пчелкин

Вадим Пчелкин (р. 1972) – организатор Хоровой студии мальчиков и юношей, руководит ею по настоящее время.
Дирижер хора Капеллы. Отмечен губернаторскими наградами и грамотой патриарха Алексия Второго.

Всем известны крылатые слова великого русского педагога Ушинского: «Запоет школа – запоет народ!» Но этот тезис требует сегодня определенных государственных усилий в стратегии политики в области искусства, и в частности в развитии детского хорового певческого дела.

В России всегда были светочи, маяки, хормейстеры, регенты, воспитывающие подрастающее поколение посредством песни – Д. Бортнянский, Г. Ломакин, М. Климов, П. Богданов, А. Свешников, Г. Беззубов, М. Заринская, Д. Огороднов и др.

Мне самой довелось много заниматься с детьми. 25 лет преподавать в Хоровом училище Капеллы, вести семинары в Институте повышения квалификации учителей, неоднократно выступать по этому вопросу на различных форумах и собраниях, от заседаний исполкомов до съездов композиторов и Хорового общества. На своей личной практике ощутила тяжесть и ответственность учительского труда. Но сколько радости доставлял мне результат, когда из вчерашних мальчишек, капелльских пацанов – Саши Юрлова, Вовы Минина, Феди Козлова, Пети Левандо, Вовы Баранова, Саши Дмитриева и других – вырастали корифеи русского хорового искусства.

Среди моих учеников многие посвятили себя этому благородному делу – делу воспитания детей. Это и литовцы Петрас Вайлионис и Люция Палинаускайте из Вильнюса, Юозас Кубилиус и Валерия Пуслене из Клайпеды, эстонцы Тыну Кальюсте и др., Сергей Прокопов из Харькова, Андрей Федосцев, что много лет возглавлял Ансамбль песни и танца в Аничковом дворце, основаный еще в 1937 году композитором И. О. Дунаевским.

Больших успехов достиг сегодня Вадим Александрович Пчелкин, который на окраине города Петербурга, в рабочем районе, собрал четыре сотни мальчишек, пристрастил их к пению, отвратив от улицы и других

пороков. В студии В. А. Пчелкин выполняет всевозможные обязанности – от плотника до дирижера и директора.

Здание бывшего ДПШ, где был всего один сторож-пьянчуга, а по классам бегали голодные крысы, превратился в подлинный очаг культуры. В. А. Пчелкин с такими же, как он, фанатиками отремонтировали здание, создали домашний уют. И вчерашние хулиганы, мальчишки из неблагополучных семей становятся артистами-личностями.

В. А. Пчелкин с воспитанниками

Хоры студии, руководимые Вадимом Александровичем, исколесили с большим успехом пол-Европы, показав красоту русского пения. И что характерно, мальчишки, у которых ломался голос (с детского на взрослый), возвращаются в студию, и хор Пчелкина украсился новыми красками – мужскими с юношескими голосами, тенорами и басами.

«Имеющий в руках цветы – плохого совершить не может!» – эта истина стала credo («Верую!») Вадима Пчелкина и его товарищей.

В начале XX века при содействии Ф. Э. Дзержинского педагог А. С. Макаренко из преступников и бандитов создал свою трудовую коммуну, а музыкант А. В. Свешников с благословления В. Г. Короленко на Украине под Полтавой – свою, где через музыку, пение исправлял и души падших детей.

Сегодня в начале XXI века эту благородную миссию выполняет в Петербурге В. А. Пчелкин. Жаль только, что у него нет столь высоких покровителей, как у Макаренко и Свешникова.

Елизавета Кудрявцева.
Январь 2004 года

На сцене – молодость, вдохновение, мастерство
«Петербург-Классика», 2001 год, № 4.

Это был необычный концерт. Зал Капеллы на набережной Мойки переполнен. Но любимая питерцами маэстро народная артистка России, профессор Елизавета Петровна Кудрявцева сидит среди слушателей, а на сцене чудодействуют ее ученики. Не всякий руководитель доверит маститый коллектив молодым! А вдруг растеряются? Скомкают хорошо знакомое произведение. Но Е. П. Кудрявцева уверена в своих учениках.

Вот ее кредо:

«Мне горестно, когда о человеке 22–25 лет говорят, что он молод, неопытен и нуждается в снисходительном отношении. Считаю, что более всего он нуждается в самостоятельности и доверии. Нужно раньше начинать. Юность – пора не только учения, но и активной деятельности. Если б я не начала работать так рано, кто знает, вынесла ли бы ту нагрузку, что выпала мне в войну!»

И вот... февраль 2001... На сцене Капеллы хор мальчиков Санкт-Петербурга, созданный и руководимый Вадимом Пчелкиным. Хор с триумфом представлял русское хоровое искусство в Германии, Франции, Швейцарии, Голландии. Они с блеском исполнили программу произведений русских композиторов-классиков. Надо было видеть и слышать, с какой любовью и самоотдачей две сотни мальчишеских глаз следуют за рукой в буквальном смысле слова богочтимого дирижера-руководителя. Вадим Александрович Пчелкин, педагог, по праву названный Учителем года, который отлучил четыре сотни мальчишек от улицы и ввел в Храм Искусства. А когда «пчелкинцы» запели русские песни с присущим только мальчишкам металлическим тембром, то ностальгически защемило сердце.

Во втором отделении концерта зрителей ждал сюрприз – премьера! Хор любителей пения Санкт-Петербурга, созданный 43 года назад Е. П. Кудрявцевой, исполнил «Цыганские песни» и «Вальсы любви» романтика Иоганнеса Брамса. Эмоционально, темпераментно, артистично провел их талантливый дирижер Алексей Ньяга. А когда на бис, перед Хором любителей прошел калейдоскоп молодых студентов-консерваторцев: Екатерина Артюшкина, Павел Годун, Павел Петренко – аплодисментам не было конца. Замечу, в хоре долгие годы пела Нина Петренко, делал первые шаги в искусстве ее сын, Андрюша Петренко, ныне главный хормейстер Мариинского театра Андрей Александрович и вот третье поколение семьи – белокурый Паша... Зал восторженно приветствовал профессора Е. П. Кудрявцеву и ее учеников. А мне казалось: в сердцах слушателей вместе с овациями зала звучит мелодия Бетховена из 9-й симфонии:

Радость, искрой божьей света
Ты слетаешь к нам с небес!
Мы в восторге беспредельном,
Входим в Храм твоих чудес!

Да! Это было воистину введение в Храм Большого искусства молодых петербургских хормейстеров. В заключение концерта сводный хор под управлением Вадима Пчелкина исполнил русскую народную песню «Ах ты, матушка зима!», записанную в русской глубинке и им обработанную, и «Героический хор» из оперы «Набукко» Дж. Верди.

А. Мурин

Концерт, устремленный в будущее
«Петербург-Классика», 6/2002.

Вечер, что состоялся в апреле в Петербургской певческой капелле, можно по праву назвать «Будущее поколение музыкантов». В концертной программе прозвучала русская хоровая музыка от конца XVIII века до наших дней. На сцене два известных в России хоровых коллектива. Хор любителей пения, художественный руководитель н. а. России профессор Е. П. Кудрявцева, и Хор мальчиков Петербурга под руководством В. А. Пчелкина. Первое отделение было отдано русскому духовному концерту. Звучит сочинение основоположника этого жанра Д. С. Бортнянского: «Господи! Силою твоею да возвесилится царь!», созданное специально для коронации Павла I в 1796 году. Именно за эту музыку император пожаловал композитору должность начальника Петербургской капеллы, которую последний возглавлял почти 30 лет.

Следом прозвучали духовные концерты А. А. Архангельского и А. Т. Гречанинова. В первом вдохновенно солировал с хором Дмитрий Ралко, а второй с большой эмоциональной отдачей прозвучал в исполнении н. а. России профессора Г. В. Селезнева. Великая молитва Гречанинова вызвала буквально шквал оваций переполненного зала.

Дирижер Хора любителей пения Петербурга, лауреат международного конкурса Алексей Ньяга с предельной теплотой и проникновенностью бережно донес содержание этих бессмертных творений до публики. Его дирижерской манере свойственна убедительность, четкость воплощения замысла, воля.

Второе отделение. В необычном тембровом звучании (юноши и мальчики) полилась песня Г. В. Свиридова. Ее сменили хоры С. И. Танеева «Вечер» и «Посмотри, какая мгла!». Следом сочинения В. А. Гаврилина – фрагменты симфонии-действа «Перезвоны», «Снеги белы» и «Страшенная баба». Хор мальчиков, руководимый В. А. Пчелкиным, с завидной легкостью

покорял разнообразные трудности произведений, великолепно освоил палитру широкого дыхания, артистически справлялся с театрализацией музыки.

Отрадно было убедиться, что Вадим Александрович Пчелкин вырос в хорового мастера, которому многое по плечу. Вспомним его замечательный концерт на последнем международном Гаврилинском фестивале. Но самое главное его преимущество в том, что он подлинный Учитель. Достаточно было наблюдать за двумя сотнями мальчишеских горящих глаз, готовых за ним идти хоть в огонь, хоть в воду. Понятно, что за этим скрыт титанический труд и педагогический дар дирижера, что от Бога. В этот вечер с мэтром хорового искусства профессором Е. П. Кудрявцевой я порадовался за ее молодых учеников, достойных звания Хормейстера – хорового мастера, за опытных хористов любителей и искреннюю увлеченность певцов-мальчиков.

Е. П. Кудрявцева и В. А. Пчелкин

А. Мурин

Хоровые витражи

«Петербург-Классика», 2003 год, № 4.

Каждая встреча с Хором любителей пения обещает что-то новое, неизведанное. Поэтому так ждут его выступлений в нашем городе, а концерты всегда проходят с аншлагами. Воспитанников у руководителя хора, н. а. России, профессора Е. П. Кудрявцевой, великое множество – огромная хоровая семья. Они работают в разных концах страны, и через творческую индивидуальность каждого преломляется ее собственная. Среди них хормейстеры и дирижеры симфонических оркестров.

В концертной программе 5 марта Хор любителей пения выступил с Хором мальчиков Санкт-Петербурга, которым руководит ученик

Е. П. Кудрявцевой В. Пчелкин. (45 лет и 10 лет – столько существуют названные хоровые коллективы.)

Вадиму Пчелкину 30 лет. Он окончил Хоровое училище Капеллы в 1991 г. С детьми работает с 1988-го. Надо быть хорошим психологом и очень любить ребят, чтобы взвалить на себя груз в 400 человек – именно столько он обучает, опекает, прививая не только навыки музыкальной культуры, но и понимания собственной значимости и места в жизни. Е. П. Кудрявцева учит дисциплине в жизни и труде, а вслед за ней этому учит и Пчелкин. Что это такое – становится ясно во время концерта.

Уже первые звуки настраивают на серьезное отношение. И каждый раз – открытие, удивление слушателей и радость встречи. Начинать с петровского канта вполне естественно для города Св. Петра. Тихо вступают мальчишечьи голоса... басы... женщины поддерживают их... торжественно и весело звучит хор, но вместе с тем достаточно скромно. «Радуйся, Росско земле!». Тихая радость, глубокая печаль в произведении Свиридова «О России петь». Чуть жутковато, таинственно и мощно поет хор – это «Легенда» Чайковского на стихи Плещеева. «Что смолкнул веселия глас» П. И. Чайковского исполняют мальчики и мужчины. Голоса наслаиваются друг на друга, что-то угрожающее в их звучании, но ближе к концу – просветление. В «Грезах» Бородина, переложенных для смешанного хора Г. Дмитревским, готика сменяется умеренным движением голосов и светлой, спокойной мелодией. Контрастные по музыкальному языку «Ave Maria» Брукнера и «Ave verum» Элгара (с органом) дают богатую пищу исполнителям. Партия органа (Сахарова) соответствует возможностям мальчишеских голосов. А меня особенно восхищает младшая группа хора мальчиков. Контрастно ко всему первому отделению, торжественно празднично, упоительно прозвучал хор из оперы Верди «Набукко» (сверх программы). Хотелось по итальянской традиции встать.

Если в первом отделении преобладало мерцание «хоровых витражей», то программа второго четко делится на спокойные, «кроткие», пейзажные вещи и яркие, взрывные, музыкальные фрески. Казалось, в Большом зале Филармонии нашлись дополнительные источники света, и то, что раньше искрилось и мерцало, вдруг полыхнуло пожаром. И романс Калинникова, и два сочинения эстонского композитора Тормиса замечательно подходят для мальчишеского хорового пения.

В произведениях Гаврилина глубокая тоска и боль за судьбы России соседствуют со взрывами искрометного юмора и ярости потомков Булавина, Разина, Пугачева. И это состояние динамических сдвигов замечательно передано смешанным хором, где взрослые становятся мальчишками и девчонками, а мальчишки, как и положено их возрасту, нарушители дисциплины.

Когда я писал это, то ясно видел, как хоровые витражи меняют свой красочный слой и объем.

Исполненная дважды песня «Вдоль по Питерской» была заключительным аккордом этого хорового буйства.

О. Яковлев

М. Пабузин, А. Максимов, В. Петренко
А. Рыбалко, Е. П. Кудрявцева, В. А. Пчелкин, А. Лебедев, М. Алексеев

Время собирать камни

А. Максимов, А. А. Мурин, П. Петренко
Э. Черепнин, К. Кузьмин, К. Говорин, А. Ньяга,
П. Годун, Е. Хохлов, Е. П. Кудрявцева, Е. Артюшкина

В своей педагогической деятельности я стремилась в каждом молодом музыканте раскрыть ту сторону дарования, которая в дальнейшем станет для него главной.

Педагогами консерваторий, институтов культуры, музыкальных училищ стали:

Юрий Брагинский – заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор, заведующий кафедрой Новосибирской консерватории.

Алексей Когадеев – народный артист Белоруссии, профессор, заведующий хоровой кафедрой Минской консерватории.

Любовь Власенко – профессор, заведующая хоровой кафедрой Астраханской консерватории.

Николай Чолак – профессор, заведующий хоровой кафедрой Кишиневской консерватории (Молдова).

Теймураз Мегвинетухуцеси (Кухалев) и ансамбль «Орэра»

Е. А. Мурина, Г. Клеймиц, Е. П. Кудрявцева

Владимир Дашковский – заведующий хоровым отделением Петербургского музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова.

Лидия Чувьюрова – заведующая хоровым отделением Сыктывкарского музыкального училища.

Людмила Клебанова – заведующая хоровым отделением Калининградского музыкального училища.

Любовь Анисимова – старший преподаватель Петербургской академии культуры.

Тамара Колиева – преподаватель Владикавказского музыкального училища.

Роза Васильева – преподаватель Калужского музыкального училища.

Николай Ефимов – доцент Петербургской консерватории.

Андрей Федосцев – преподаватель Петербургской консерватории.

Ирина Крылова (Шушпанова), Елена Мурашова, Анатолий Корольков, Ростислав Королев, Виктор Малыгин, Николай Хомич, Антон Максимов, Алексей Шибанов, Павел Годун, Кирилл Кузьмин, Петр Чумаков, Юрий Брагин, Людмила Гудкова (Васильева), Леонид Розенблат, Евгений Садиков – преподаватели музыкальных школ и училищ Петербурга.

Избрали хормейстерско-исполнительскую деятельность в оперных театрах и хоровых коллективах:

Алексей Степанов (младший) – заслуженный артист РСФСР, хормейстер Большого театра (Москва).

Леонид Тепляков – заслуженный артист РСФСР, хормейстер Мариинского театра.

Михаил Травкин – заслуженный деятель искусств, главный хормейстер Малого оперного театра имени Мусоргского.

Алексей Дмитриев – хормейстер Малого оперного театра имени Мусоргского.

Дмитрий Ралко, Павел Петренко – хормейстеры Мариинского театра.

Игорь Грибков – хормейстер Петербургского хора радио и телевидения.

Иштван Серзе – руководитель Будапештского хора радио и телевидения.

Михаил Морозов – хормейстер Воронежского театра оперы и балета.

Ольга Косенко – руководитель Петербургского камерного хора.

Ольга Захарова – руководитель камерного хора «Петербургские серенады».

Проявили себя на композиторской стезе:

Леонид Балай, заслуженный деятель искусств РСФСР Виктор Плешак, Сергей Плешак, доцент Петербургской консерватории Анатолий Королев,

А. Максимов, М. Алексеев, А. Рыбалко, А. Лебедев, П. Годун, А. Ньяга, М. Пабузин, К. Кузьмин, В. Петренко, О. Лосев, Е. Хохлов

Заслуженный артист Грузии Теймураз Кухолев (музыкальный руководитель ансамбля «Орэра»), Григорий Клеймиц (главный дирижер Петербургского мюзик-холла), Александр Козловский, Дмитрий Хиль, Генрих Зарх.

Предпочли для себя певческую карьеру: Владимир Феленчак, Дмитрий Медников, Вадим Семенков, Олег Лосев, Елена Егорова-Петренко, Кирилл Соколов, Юрий Шметков, Эдуард Черепнин.

Возглавляют симфонические оркестры:

Глеб Скворцов – руководитель оркестра и хора Женевского университета (Швейцария).

Юрий Скворцов – художественный руководитель и дирижер Ульяновской филармонии.

Игорь Вербицкий – главный дирижер Петербургского театра музыкальной комедии.

Анатолий Рыбалко – дирижер Петербургского театра «Зазеркалье».

Константин Салтыков – дирижер Новосибирского театра оперы и балета.

Е. Хохлов, А. Ньяга, Е. П. Кудрявцева, П. Годун, А. Аниханов, Е. Артюшкина, К. Говорин, П. Петренко, О. Лосев

Андрей Лебедев – дирижер Краснодарского симфонического оркестра.

Виталий Васильев – заслуженный артист РСФСР, главный дирижер Воронежского театра оперы и балета.

Роберт Лютер – дирижер Мариинского театра.

Максим Алексеев – дирижер Театра оперы и балета Петербургской консерватории.

Михаил Пабузин – дирижер Петербургского малого оперного театра им. М. П. Мусоргского.

Я вижу перспективное будущее у молодых моих учеников: Алексея Ньяги, Евгения Хохлова, Артема Мелехова, Кирилла Говорина, Александра Чаплинского, Екатерины Артюшкиной.

Аспиранты и стажеры из Южной Кореи: Ли Чже Кюн (экзамен 28. XI. 1997), Лим Хенг Чжун (оконч. февраль 1995 г.), У Ген-Ир (9 июля 1996 г.), Ким Тхэ-Хун (1996 г.), стажер с Кубы – Фальс Сантьяго (12.XII.1986).

Елизавета Кудрявцева.
Май 2004 года

А. Рыбалко, А. Максимов, А. Ньяга, М. Алексеев, М. Пабузин, В. Петренко, А. Лебедев, П. Годун, Е. П. Кудрявцева

О. Захарова, Е. П. Кудрявцева, Е. Петренко, А. Верещагин, В. Зива, А. Ардентов, Н. Хомич

«Музыкальные кадры», 1981 год.

Уже третий год в стенах нашей Консерватории существует студенческий камерный хор. Кто знает только его название, тот практически не знает ничего. Та особая атмосфера, которая создается на репетициях, атмосфера творческого подъема и духовной раскрепощенности – результат многих причин. Но главное – вдохновение, которое исходит от создателя этого хора Елизаветы Петровны Кудрявцевой.

Наш коллектив невелик. И это, вероятно, объясняет многое: и выбор репертуара – преимущественно камерного, и характер исполнения – «не сила, а культура» (насколько это возможно при нашем «непрофессиональном» составе). А состав необычен: в него входят и композиторы, и музыковеды, и пианисты, и, конечно, дирижеры, каждый из которых имеет возможность время от времени почувствовать себя руководителем коллектива.

Именно камерность хора дает удивительную возможность испытать обаяние Елизаветы Петровны, этого необычайно тонкого музыканта и чуткого человека. Возникает феномен близкого, почти непосредственного общения дирижера с каждым из участников хора.

Живейшее участие Елизаветы Петровны во многом способствует и состоянию напряженного созидания, и атмосфере творческой игры. И хочется сказать: проявлять себя в искусстве можно самыми разнообразными способами; но создавать то, в чем могут проявлять себя другие – дело высокотворческое.

Ксения Шаманина, Елена Лемберг и другие.
Всего сорок подписей

Запели... пианисты и композиторы
«Смена», 6 апреля 1988 года.

Собираясь на концерт Камерного хора и Камерного оркестра студентов нашей Консерватории с участием известных в городе солистов – пианистки Екатерины Муриной и певицы Елены Устиновой, я менее всего рассчитывал на какое-то особенное художественное впечатление. В первую очередь мною двигали интерес к редко исполняемым сочинениям Моцарта, включенным в программу, и желание познакомиться с молодыми дирижерами – Николаем Ефимовым и Андреем Анихановым, успешно выступившими на недавнем межреспубликанском студенческом конкурсе.

Но уже с первых минут концерта стало ясно, что на сцене – настоящие артисты.

Шестичастная кантата «Вечерня», явственно напомнившая всем строем своей музыки бессмертный «Реквием», была проведена Н. Ефимовым вдохновенно и с точным ощущением моцартовской стилистики. Запомнилось и незаурядное дирижерское мастерство артиста, умение выстроить форму и найти нужный баланс звучания хора и оркестра.

Не менее интересным оказалось и второе отделение концерта, прозвучавшее под управлением А. Аниханова. 24-й концерт для фортепиано с оркестром, очень свободно и вместе с тем изысканно сыгранный Е. Муриной, а также кантата для сопрано, хора и оркестра «Царица ночи», превосходно спетая Е. Устиновой, продемонстрировали в первую очередь отличное чувство ансамбля как у дирижера, так и у концертмейстера оркестра – скрипача Ильи Теплякова.

Каково же было мое удивление, когда уже после концерта в Малом зале Филармонии я узнал, что Камерный хор родился всего год назад по инициативе дирижеров-хоровиков класса профессора Е. П. Кудрявцевой, взявшей на себя творческое руководство коллективом. Еще более

неожиданным оказалось то, что в хоре поют не профессионалы-хоровики, а студенты фортепианного и теоретико-композиторского факультетов.

На сегодняшний день в хоре занимаются сорок человек, и поскольку создали его сами студенты, то проблемы дисциплины просто не существует. Каждый четверг в 15 часов в одной из аудиторий Консерватории хормейстер коллектива – студент 4-го курса Андрей Федосцев начинает очередную репетицию.

В репертуаре хора – много лет не исполнявшаяся опера В. Пашкевича «Несчастье от любви», хоровые концерты Д. Бортнянского, сочинения К. Орфа и многое другое. За время своего существования коллектив не раз выступал в своих родных стенах, в зале Капеллы, в Меншиковском дворце.

По сути дела, Камерный хор стал своеобразной творческой лабораторией и дирижеров-хоровиков, и композиторов, ибо наряду с исполнением классического наследия коллектив ставит своей задачей и пропаганду сочинений, созданных студентами. Не последнюю роль сыграл хор и в судьбе произведений своих сокурсников Игоря Воробьева и Виктора Хопрова, удостоенных наград на Всесоюзном смотре молодых композиторов.

Отличный филармонический дебют студентов говорит о многом, но прежде всего о том, что наконец-то в стенах нашей Консерватории обычная учеба стала сочетаться с подлинной исполнительской практикой.

Б. Березовский

Излучающая оптимизм

«Невское время», 13 мая 1999 года.

Елизавета Петровна Кудрявцева – имя это для тех, кто интересуется искусством, кто занимается музыкой, – легендарное. Выдающийся мастер хорового дела и педагог, она вот уже почти 70 лет сеет разумное, доброе, вечное.

В 1945 году, году Победы, в Вологду, где я тогда мальчиком находился, приехала с концертами Ленинградская академическая капелла. Никогда не изгладится из памяти потрясение, испытанное мною от дивного, гармоничного звучания хора, от прежде неведомой мне музыки, представленной с поразительной образной живостью. Молодая стройная женщина, стоявшая перед сотней певцов и властным мановением руки повелевавшая движениями звуковых волн – да простится мне трюизм – показалась волшебницей. Елизавета Петровна тогда возглавляла Капеллу и в трудные времена сумела ее сохранить.

Минуло больше полувека. Зал Капеллы гостеприимно предоставлен Хору любителей пения, празднующему (это было несколько месяцев назад) свое 40-летие. Кудрявцева, создатель и бессменный руководитель

артистического коллектива, дирижирует. Я вглядываюсь в нее из зала, и мне кажется, что время над этой действительно фантастической личностью не властно. Она по-прежнему стройна, энергична и озарена каким-то высшим вдохновением. Счастьем светятся лица участников хора. Еще бы: им выпало постоянно творчески общаться с удивительным Мастером и излучающим оптимизм Человеком. Елизавету Петровну сменяют ее ученики-дирижеры. Их много – но это лишь малая толика тех, что за долгие годы выпестованы ею. Едва ли не половина хормейстеров России – от Александра Юрлова, Владимира Минина до Николая Корнева, Андрея Петренко – ее ученики или ученики ее воспитанников. И очень многие симфонические дирижеры, включая маститых Александра Дмитриева, Равиля Мартынова, Дмитрия Китаенко, в свое время занимались у нее.

В эти дни коллеги и почитатели народной артистки России, профессора Санкт-Петербургской консерватории Елизаветы Петровны Кудрявцевой отмечают 85-летие со дня ее рождения. Этому событию сегодня (13 мая) посвящается концерт в Большом зале Филармонии, которым будет дирижировать Александр Дмитриев. Прозвучит библейская опера-оратория Артура Онеггера «Царь Давид», одно из вершинных музыкальных произведений нашего столетия. Созданное в 1924 году, оно было вскоре разучено Капеллой под руководством учителя Кудрявцевой, выдающегося хорового дирижера Михаила Георгиевича Климова и впервые исполнено в Ленинграде в 1927 году. С тех пор сочинение Онеггера остается для Елизаветы Петровны любимым. Когда оно появлялось на питерской эстраде, она всегда участвовала в интерпретации. И на этот раз Хор любителей пения подготовлен ею.

К многочисленным приветствиям и щедрым пожеланиям юбиляру мне хочется присоединить и свой голос, голос давнего и преданного поклонника. Убежден, что буду поддержан всеми читателями «Невского времени».

Михаил Бялик

Учитель
«Музыкальные кадры»

Мне было всего семь лет, когда я впервые попал на хоровой концерт. Выступала Академическая капелла имени М. И. Глинки. Пение настолько покорило меня, так сильно подействовало на детское воображение, что мне захотелось самому непременно стать участником такого удивительного ансамбля, в котором из слияния десятков разных голосом рождаются звучания необыкновенной красоты. Не менее сильное впечатление произвел на меня яркий, если можно так выразиться, «солнечный»

артистизм дирижера-женщины. В программе значилось ее имя: Е. Кудрявцева. Так состоялось мое первое знакомство с Елизаветой Петровной. С того памятного вечера я считаю ее своим учителем.

Позже я узнал, что в хоре, который мне довелось услышать еще мальчишкой, Е. Кудрявцева начала свой творческий путь. Здесь сформировалась ее артистическая индивидуальность, выросло профессиональное мастерство. Тридцать лет жизни отдала она этому коллективу, участвовала с ним почти в тысяче различных концертов. За эти годы Елизавета Петровна подготовила десятки разнообразных программ хоровой музыки, была первым интерпретатором замечательных произведений, созданных советскими композиторами: «Песни о лесах» Д. Шостаковича, кантаты «На страже мира» С. Прокофьева, оратории В. Салманова «Двенадцать». И всякий раз я стремился попасть на концерт, где дирижировала эта волевая женщина, которая умела зажечь, повести за собой певцов, увлечь их своими художническими идеями, сплотить в едином творческом порыве.

Поступив в Консерваторию, я пришел в класс к Елизавете Петровне, человеку, породившему в моей душе любовь к хоровому пению. И не просто любовь, но и желание стать дирижером. Помню, меня поразила ее трогательная забота о каждом из своих учеников. Она не только передавала нам свой богатый опыт и знания, но и стремилась воспитать то особое отношение к исполнительству, когда оно воспринимается как торжественное служение искусству. И такое понимание сущности профессии дирижера ее ученики проносят через всю свою жизнь. Это не просто слова. Стоит лишь вспомнить тех, кто окончил Консерваторию по классу Елизаветы Петровны. Среди ее воспитанников – заслуженные деятели искусств РСФСР А. Дмитриев и К. Аренг, лауреат международного конкурса Д. Китаенко, заслуженный артист РСФСР Н. Кунаев, народный артист Украины А. Пустовалов и многие другие. А вот что рассказывает о Е. Кудрявцевой декан дирижерского факультета Б. Рафальсон:

– Быть дирижером дано не каждому музыканту. Умением подчинить своей воле, своему творческому замыслу коллектив оркестрантов или певцов, обладают очень немногие. Трудным искусством дирижера овладевают люди большого музыкального дарования, больших знаний, те, кто умеет неутомимо трудиться и беззаветно служить музыке. Без преувеличения можно сказать, что заслуженный деятель искусств РСФСР профессор Е. Кудрявцева-Мурина первая среди женщин завоевала почетное право встать за дирижерский пульт. Ее мастерство отличает волевой и насыщенный жест, по которому можно увидеть «архитектуру» но только музыкальной фразы, но и всего произведения. Каждое движение Елизаветы Петровны преследует одну основную цель – как можно ярче раскрыть идейно-художественный замысел сочинения.

Исполнительское дарование – лишь одна грань кипучей творческой натуры этого музыканта. Большое место в жизни Е. Кудрявцевой занимает педагогическая деятельность. Она воспитала много талантливых дирижеров-хормейстеров. И сегодня, как и в прежние годы, Елизавета Петровна щедро делится своими знаниями с молодежью. Много сил и энергии отдает она и своим общественным обязанностям. Девять созывов избиралась Е. Кудрявцева депутатом районного Совета, а недавно ей оказали доверие коммунисты Консерватории, выдвинули ее кандидатуру в партбюро.

Так отзываются о Елизавете Петровне ее коллеги, те, с кем бок о бок она проработала в вузе долгие годы. Быстро бежит время. Я окончил Консерваторию и вот уже сам учу будущих хормейстеров. Но, как и прежде, стараюсь не пропускать концертов, в которых выступает Елизавета Петровна со своим коллективом. Теперь уже Хором любителей пения. С ним она ведет занятия вот уже 15 лет. Самодеятельные артисты поют под руководством Е. Кудрявцевой так, словно они профессионалы. Им доступны не только миниатюры, но и сложные произведения кантатно-ораториального жанра. И повсюду, где бы ни концертировал этот замечательный коллектив энтузиастов хорового пения, – в заводском клубе или Большом зале Филармонии, – ему сопутствует успех. От имени всех учеников Елизаветы Петровны мне хочется выразить учителю искреннюю любовь и уважение и поздравить ее с наступающим шестидесятилетием. Будьте всегда бодры и жизнерадостны, молоды душой и будьте всегда с нами!

Ю. Ф. Шметков,
старший преподаватель СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова

Концерт-приношение

«Петербург-классика», 2002 год, № 1.

Концерт в зале им. Глазунова Санкт-Петербургской консерватории им. Римского-Корсакова был уникален.

Музыканты России нашего города отмечали 70-летие дирижерской, педагогической, общественной деятельности народной артистки России, академика Петровской академии, профессора Петербургской консерватории, первой женщины-дирижера профессионального хора страны Елизаветы Петровны Кудрявцевой. Не счесть сегодня в мире многочисленных учеников профессора.

Зал блистал позолотой после длительной реставрации. В партере и на балконе известные музыканты, композиторы, певцы, гости с букетами цветов. На сцене – виновница торжества в окружении студенческого хора дирижерского факультета.

Вечер открывает обращение ректора Консерватории, руководителя певческой капеллы Петербурга народного артиста СССР, лауреата государственных премий, профессора Владислава Чернушенко.

На сцену поднимается ученик Кудрявцевой эстонский дирижер, руководитель хора Таллиннской филармонии, профессор Тыну Кальюсте, известный во всем мире музыкант. Волнуясь как первокурсник, он вручает Учителю гору лазерных дисков со своими записями: Танеев, Рахманинов, Гаврилин, Салманов, Свиридов, Шнитке... Взмах руки, и в зал полились звуки русской музыки.

Его сменяет профессор Московской академии им. Гнесиных, заслуженный артист России Владимир Семенюк. За его плечами руководство Северо-Кавказским ансамблем песни и пляски, работа в Московском камерном хоре Владимира Минина. Им написана изумительная по глубине книга о хоровом искусстве.

Студенческий коллектив под вдохновенным руководством маэстро с блеском исполнил редко звучащее на эстраде сочинение Танеева «На корабле». И опять овации и поклон Учителю.

Продолжает вечер заслуженный деятель искусств России Николай Корнев. Профессиональный петербургский камерный хор, созданный им 25 лет тому назад, имеет многочисленные звания и награды. А в последние годы дирижер возглавил и Государственный симфонический оркестр, выступил с инициативой благотворительных, общедоступных концертов в Большом зале Филармонии. Он преподносит свою трактовку духовной музыки Гречанинова.

На сцене руководитель лауреата международных конкурсов камерного хора «Lege Artis» Борис Абальян. Зал наполняет стихия русской народной песни в обработке Свешникова «Ах ты, степь широкая...».

В 1931 году Елизавета Петровна Кудрявцева начала свою карьеру дирижера Петербургской певческой капеллы и педагога Хорового училища им. Глинки. Поэтому уместно появление детских голосов (руководитель Владимир Беглецов).

А когда ведущий концерта-вечера доктор искусствоведения Иван Федосеев объявил главного хормейстера Мариинского театра Андрея Петренко с фрагментами из симфонии-действа Гаврилина «Перезвоны», то публика долго не могла успокоиться от радости. Напомню, Андрей Петренко долгие годы был помощником Кудрявцевой в Хоре любителей пения, дирижером Театра музыкальной комедии, руководителем хора Смольного собора. Ныне он – один из ведущих хоровых деятелей России.

Символично прозвучало произведение А. Г. Новикова «Любовь» под управлением профессора Валерия Успенского. Возглавляемый им почти 20 лет хор студентов дирижерского факультета Консерватории стал

лауреатом многих международных конкурсов, выступал за рубежом, высоко неся искусство русского пения.

Не всякий руководитель дерзнет предоставить свой коллектив коллегам. А Валерий Успенский не только сделал этот смелый шаг, но и организовал мастер-классы, которые вели эти замечательные музыканты. И надо было видеть и слышать, с какой отдачей пели студенты, будущие хормейстеры, сколько любви и энергии они отдавали своим именитым мастерам.

Да и весь юбилей был лишен традиционных в таких случаях длиннот, речей и прошел на едином дыхании.

В финале – слово Учителю!

Сочинению Чеснокова «Мати Божия! Спаси и сохрани Россию!», как бы заново рожденному магией профессора Кудрявцевой, зал внимал стоя!

Вечер был назван «Концерт-приношение Учителю». Я бы добавил: «Концерт Радости, Оптимизма, Веры и Любви».

Александр Мурин

Власть дирижерской руки
«Театральная, 3», январь 2002 года

25 ноября 2001 года зал им. А. К. Глазунова был переполнен: здесь собрались те, кто пришел чествовать н. а. России, профессора Елизавету Петровну Кудрявцеву. Вечер открылся под звуки «Славься сим...» (из «Пиковой дамы» П. И. Чайковского), только хор славил на этот раз не царицу Екатерину, а царицу хорового искусства Елизавету.

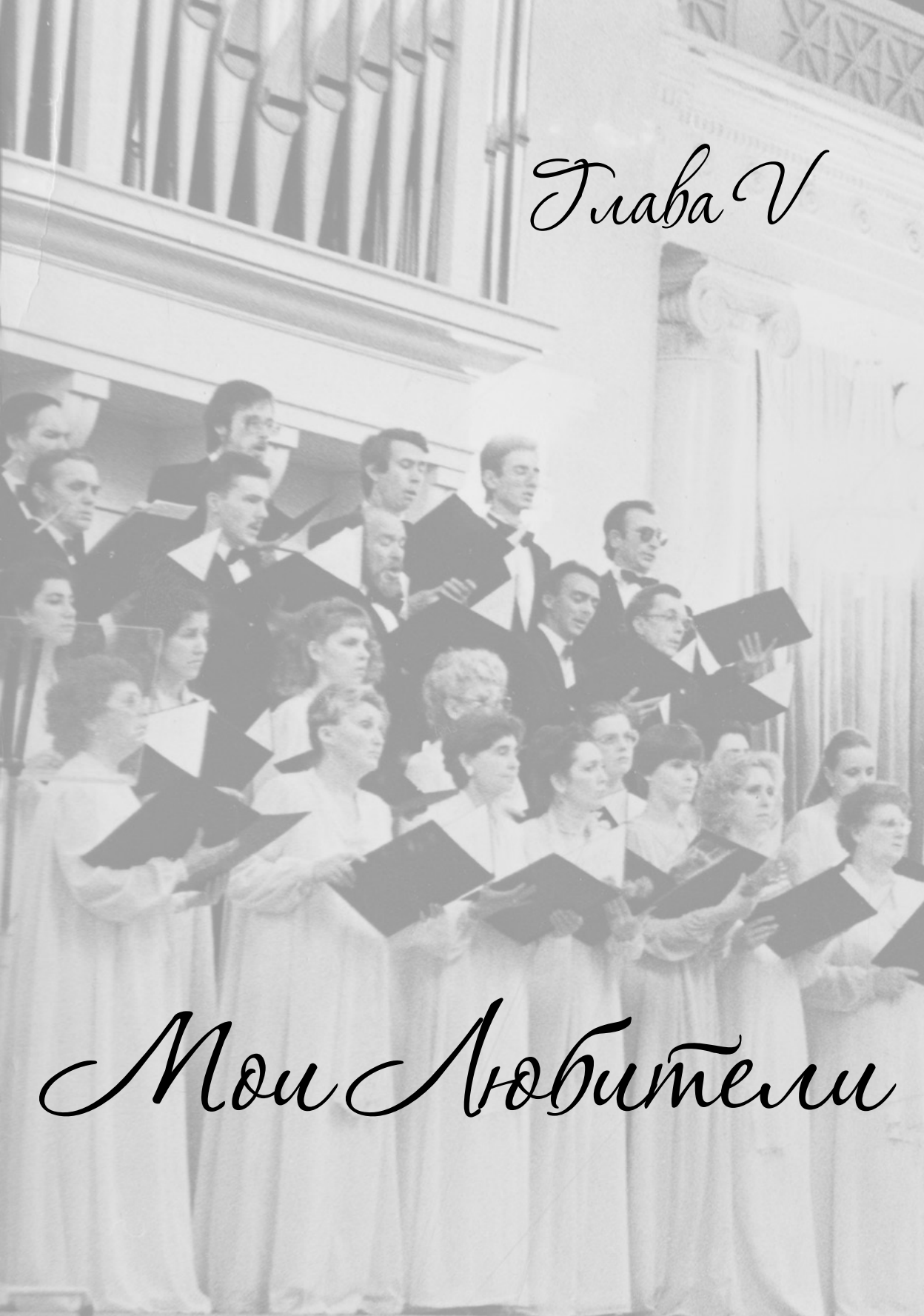
<...> Слушателей увлекли блистательные интерпретации, разные исполнительские манеры. Превосходно звучал хор – и в сложнейших партитурах Танеева, и в ярко театральном «игрище» Гаврилина. И все же кульминация вечера еще не наступила. Ею стало выступление самой Елизаветы Петровны. Она выбрала для выступления хор П. Г. Чеснокова «Мати Божия» и с поразительным проникновением раскрыла молитвенное настроение этого хора – хора-покаяния и просьбы о заступничестве. Хор студентов зазвучал во всей красе привольного, певческого тона, как будто основу его составляли не студенты-хоровики (чего греха таить, подчас, с ограниченными голосовыми данными), а лучшие голоса России. Такова преобразующая власть дирижерской руки Мастера. И стало ясно, что годы бессильны перед ее искусством.

Публика стоя приветствовала Елизавету Петровну. Концерт завершился пением «Многая лета»; к хору присоединились также голоса из зала. При этом В. В. Успенский передал управление хором студенту Алексею Ньяге, что можно было понять символически как передачу дирижерской эстафеты. Концерт вылился в праздник хоровой музыки, триумф

юбиляра. Было изобилие цветов, были приветствия от ректора Санкт-Петербургской консерватории – н. а. СССР В. А. Чернушенко, от кафедры хорового дирижирования, от Петровской академии, от других организаций и отдельных лиц. Чествование прошло без утомительных длиннот, «официозных» речей, излишней помпезности (его вел проректор по учебной работе доктор искусствоведения, профессор И. С. Федосеев – хоровик по первоначальному консерваторскому образованию). Елизавета Петровна тонко режиссировала и оживляла юбилейное «действо», внося в него свойственный ей юмор, артистизм, а иногда иронию, когда ей казалось, что оно вступает на «рельсы казенщины».

Вечер запомнился надолго, ибо его освещало обаяние таланта и личности Елизаветы Петровны Кудрявцевой, по праву принадлежащей к цвету петербургской музыкальной интеллигенции, хранящей, развивающей и передающей ее лучшие традиции.

В. Смирнов,
доктор искусствоведения,
профессор



Глава V

Мои Любители

Хор любителей пения – это сто человек со своими заботами, характерами, разным уровнем музыкальной и образовательной подготовки, порой диаметрально противоположными вкусами и взглядами, а вместе мы – семья единомышленников, объединенная душой и сердцем ради прекрасного искусства.

Как-то один из участников коллектива, по своей основной профессии рабочий-каменщик, сказал мне после репетиции: «Дом сложить, как песню спеть!». И эти бесхитростные слова простого человека по сути и есть главный девиз хора, ради которого и стоило 45 лет назад начать это благородное, нужное людям дело.

Немного истории.

В 50-е годы XX века была повальная мода создавать при профессиональных театрах, ансамблях, хорах самодеятельные коллективы-спутники, студии, вовлекая в них талантливых людей из народа.

Осенью 1958 года основатели первого в стране Ленинградского хорового общества профессора А. А. Егоров, Н. В. Михайлов, А. И. Анисимов и автор этих строк высказали идею создать хор-спутник при старейшем коллективе в стране, Ленинградской академической капелле имени М. И. Глинки, где я служила дирижером с 1931 года.

Вся тяжесть организационной, репетиционной и концертной нагрузки легла на мои плечи. Начинали с одно-двухголосных песен советских композиторов (Б. Мокроусов, «Широка, ты родная Россия», Ю. Щекотов, «Праздник песни над Невой»). В дальнейшей работе с коллективом я на каждой последующей репетиции ставила перед коллективом все более и более сложные задачи. Порой на порядок выше возможностей хора. Так с женским составом была подготовлена и исполнена с оркестром студентов Консерватории под управлением профессора Н. С. Рабиновича 3-я симфония Малера, а мужской состав хора отлично показал себя в сценах из оперы Вебера «Вольный стрелок» (в том числе «Хор охотников») с оркестром Ленинградской филармонии под управлением А. К. Янсонса. С этих сочинений и началось «шествие» в освоении огромного репертуара кантатно-ораториального жанра совместно с оркестрами Филармонии, Консерватории, Капеллы.

Давая согласие моим друзьям-дирижерам на исполнение того или иного произведения с оркестром в Большом зале Филармонии или Капелле, я, естественно, рисковала и возможным будущим срывом творческой работы, а также и своей музыкальной репутацией. Но всегда была убеждена, что коллектив справится и осилит поставленную задачу, а я сама приложу все силы, опыт, постараюсь прыгнуть, как говорится, «выше головы». Но сейчас, спустя годы, удивляюсь, как удалось нам освоить и исполнить такие музыкальные «эвересты», как «Три маленькие литургии» Мессиана

и «Уцелевший из Варшавы» Шенберга, трудноисполнимые даже для профессионалов. Но факт остается фактом! Любители справились!

Впечатляет список дирижеров, управлявших Хором любителей, и количество сочинений, прозвучавших в престижных залах под их управлением за 45 лет деятельности коллектива.

Арам Хачатурян

А. Хачатурян. «Ода Радости».

Борис Хайкин

А. Даргомыжский. «Каменный гость» (опера в концертном исполнении).

А. Бородин. «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь».

Геннадий Рождественский

С. Рахманинов. Кантата «Весна».

С. Рахманинов. Три русские песни.

С. Прокофьев. «Огненный ангел» (опера в концертном исполнении).

Д. Пуччини. «Плащ» (опера в концертном исполнении).

Н. Мясковский. 6-я симфония.

Кирилл Кондрашин

Д. Шостакович. 13-я симфония.

Г. Малер. 3-я симфония.

Владислав Чернушенко

П. Чайковский. Кантата «Москва».

Николай Рабинович

Г. Малер. 3-я симфония.

Д. Шостакович. «Москва, Черемушки» (фильм-оперетта).

В. Успенский. «Всегда человек» (телефильм).

Арвид Янсонс

Я. Иванов. Симфония «Атлантида».

С. Рахманинов. Кантата «Весна».

Д. Шостакович. «Катерина Измайлова» (опера в концертном исполнении).

К. Вебер. «Волшебный стрелок» (опера в концертном исполнении).

И. Гайдн. Оратория «Времена года».

Эдуард Грикуров

Д. Россини.«Stabat Mater».

Л. Бетховен. Фантазия для фортепиано, хора и оркестра.

Р. Шуман. Оратория «Рай и Пери».

Эдгар Тонс (Латвия)

Я. Иванов. Симфония «Атлантида».

Роберто Бенци (Франция)
Ф. Мендельсон. Музыка к комедии Шекспира «Сон летнюю ночь».
Александр Дмитриев
П. Чайковский. Кантата «Москва».
П. Чайковский. Музыка к пьесе Островского «Снегурочка».
С. Рахманинов. Кантата «Весна».
С. Рахманинов. Три русские песни.
А. Скрябин. 1-я симфония.
С. Прокофьев. «Расцветай, могучий край».
Д. Россини. «Stabat Mater».
Й. Брамс. Рапсодия.
Й. Брамс. «Песни судьбы» (вокальный цикл).
Л. Бетховен. Фантазия для фортепиано, хора и оркестра.
А. Онеггер. Оратория «Царь Давид».
К. Дебюсси. Ноктюрны (3-я часть).
Дмитрий Китаенко
С. Рахманинов. Кантата «Весна».
П. Чайковский. Кантата «Москва».
Л. Бетховен. Фантазия для фортепиано, хора и оркестра.
Й. Брамс. «Нения» (первое исполнение в СССР).
Г. Малер. Д. Шостакович. Л. Бетховен. П. Чайковский.
Юрий Темирканов
Г. Малер. 3-я симфония.
Игорь Блажков (Украина)
Д. Шостакович. 13-я симфония.
Нэме Ярви (Эстония)
Л. Бетховен. Фантазия.
Тимур Мынбаев
П. Чайковский. Музыка к пьесе Островского «Снегурочка».
Эдуард Серов
П. Чайковский. Кантата «Москва».
А. Онеггер. Оратория «Царь Давид».
Д. Россини. «Stabat Mater».
Э. Сати. Музыка к действу о Святой Женевьеве Брабантской.
Л. Бетховен. Фантазия для фортепиано, хора и оркестра.
О. Мессиан. Три маленькие литургии.
Й. Гайдн. Оратория «Времена года».
А. Шенберг. Оратория «Уцелевший из Варшавы».
Равиль Мартынов
Л. Бетховен. Фантазия для фортепиано, хора и оркестра. 9-я симфония.

К. Орф. Сценическая кантата «Кармина Бурана».
В. Моцарт. «Offertorium».
А. Онеггер. Оратория «Царь Давид».
Г. Гендель. Оратория «Мессия» – хор «Hallelujah».
А. Брукнер. Месса e-moll.
Андрей Аниханов
Д. Перголези. «Stabat Mater».
Д. Россини. «Stabat Mater».
Г. Гендель. Псалом 112.
А. Скрябин. 1-я симфония.
Алексей Степанов
Р. Вагнер. «Тангейзер» (хоры из оперы).
Л. Бетховен. Фантазия для фортепиано, хора и оркестра.
Юрий Ефимов (Белоруссия)
Ф. Мендельсон. Музыка к комедии Шекспира «Сон летнюю ночь».
Юрий Серебряков
Д. Перголези. «Stabat Mater».
Эдвард Чивжель
Б. Архимандритов. «Суд памяти».
Владимир Бычков
С. Рахманинов. Кантата «Весна».
Александр Верещагин
Г. Шютц. «Магнификат».
Андрей Петренко
И. Бах. 6-я кантата.
Анатолий Рыбалко
Г. Шютц. «Магнификат».
Александр Мурин
Г. Эйслер. «Песни борьбы» (телефильм).
Елизавета Кудрявцева
А. Гречанинов. «Демественная литургия».
Б. Архимандритов. «Посвящение Кавказу».

Многие сочинения западноевропейской музыки мы исполняли на языке оригинала, и это также стимулировало интерес самодеятельных певцов. Параллельно рос и акапельный репертуар Хора любителей пения, исполненный под моим управлением: А. Бортнянский, А. Архангельский, П. Чесноков, М. Глинка, М. Балакирев, А. Гречанинов, П. Чайковский, С. Рахманинов, Вик. Калинников, русские, украинские народные песни, И. Бах, Р. Шуман, А. Брукнер, К. Вебер, Л. Бетховен, В. Моцарт, негритянские спиричуэлс и многое другое.

Памятуя о традиции общения русских композиторов-классиков с хорами России (Хор И. Мельникова, Хор Русской оперы, Хор А. Архангельского), я обратилась с призывом к моим друзьям – композиторам Г. Свиридову, В. Салманову, В. Гаврилину, А. Флярковскому, Ф. Рубцову, С. Слонимскому, композиторам из стран Прибалтики и другим создать специально для моего хора оригинальные сочинения и обработки. Вскоре образовалась целая библиотека миниатюр, на титульных листах которых стояли авторские посвящения Хору любителей пения и лично мне.

Для исполнения сольных партий в концертах хора я привлекала студентов Консерватории, делавших тогда первые шаги в вокальном искусстве: В. Малышев, Г. Селезнев, Г. Беззубенков, Т. Сморякова и другие. Это разнообразило работу коллектива.

А встречи на фестивалях, конкурсах, концертах, открытых репетициях с известными дирижерами, хормейстерами, композиторами, скульпторами, художниками, писателями, артистами – это тоже была большая школа познания.

Случилось так, что после войны в Ленинградской капелле я организовала новую форму концертной работы – органно-хоровые вечера. Хор Капеллы и ведущие органисты под моим управлением исполняли Баха, Генделя, Лотти, Вагнера. И эту традицию я продолжила с «любителями». В сопровождении Исайи Браудо, Нины Оксентян, Марка Шахина, Юрия Семенова, Хор любителей исполнял различные произведения, и эти концерты снискали большую популярность у слушателей.

Незабываемы у «любителей» и капустники, встречи старого Нового года и в белые ночи, по окончании очередного сезона, прогулки по набережным Невы, импровизированные концерты на Дворцовой площади и у Медного всадника. Сколько таланта, изобретательности, энергии отдают этому участники хора!

Любители – не только певческий коллектив – это еще и уникальная лаборатория, где мои ученики, студенты Консерватории, проходят хормейстерскую школу.

Парадокс заключается в том, что непрофессионалы-любители воспитывают дирижеров-профессионалов. Иной студент на первых порах боится взглянуть в глаза певцам, стесняется своих угловатых движений. Любители стойко переносят промахи и огрехи начинающих «птенцов класса Петровны», терпеливо прививают им науку человеческого общения. Вчерашние дирижеры-хормейстеры, став знаменитыми, свято ценят это, помнят то «гнездо», где их учили «летать», где они обрели «крылья».

Вот кто работал хормейстерами рядом со мной с любителями за эти 45 лет:

Д. Китаенко
А. Мурин
Ю. Шметков
А. Степанов
В. Вартанян
Т. Мынбаев
Р. Королев
Р. Лютер
А. Верещагин
Л. Власенко
А. Петренко
В. Зива
А. Борейко
А. Анисимов
А. Аниханов
Н. Ефимов
Д. Медников
А. Шевчук
Г. Скворцов
А. Рыбалко
В. Петренко
Д. Ралко
А. Максимов
М. Алексеев
Е. Сироткин
М. Пабузин
А. Лебедев
А. Ньяга
П. Годун
О. Лосев
К. Кузьмин
Э. Черепнин
Е. Хохлов
Е. Артюшкина
А. Чаплинский
К. Говорин
А. Мелихов
П. Петренко

Стажировку в коллективе прошли студенты Консерватории моего класса:

А. Степанов (мл.)
Л. Розенблат
Е. Севостьянова
Я. Пресайзен
Л. Чувьюрова
Е. Андреева
О. Косенко
Т. Колиева
Е. Мурашова
В. Семенков
М. Кульдяев
Г. Модестов
С. Плешак
Д. Хиль
Н. Хомич
А. Дмитриев
А. Федосцев
В. Феленчак
Н. Никитин
В. Пчелкин
А. Шибанов
Т. Фомкина
И. Вербицкий
И. Грибков
А. Осипов
Е. Егорова-Петренко
С. Прокопов
Л. Попиленко
А. Ардентов
В. Васильев

Сейчас, когда я пишу эти строки, Хор любителей пения Петербурга готовится к концерту в Большом зале Петербургской филармонии со знаменитым на весь мир Филармоническим оркестром под управлением моего ученика, народного артиста СССР и России, лауреата государственных премий, профессора Александра Сергеевича Дмитриева; он будет исполнять «Рапсодию» Брамса, «Ноктюрны» Дебюсси и мою любимую «Фантазию для фортепиано, хора и оркестра» Бетховена.

Я сознательно не называю в статье ни одного имени моих дорогих любителей. Каждый из них достоин отдельного рассказа, каждый – личность, о которой можно слагать поэмы и писать книги, каждый мне дорог, как близкий и родной человек, каждого я люблю.

Поэтому они и Любители, особая человеческая формация на лике нынешней России.

16 апреля 2004 года

Хор любителей пения и Е. П. Кудрявцева. Зал Капеллы

Хор любителей пения

Хор любителей пения в Консерватории

Хор любителей пения. Дрезден. 1989 год

«Неподведомственный» хор

«Музыкальная жизнь», № 16, август 1962 года.

В старинном здании на набережной Мойки, где помещаются Ленинградская академическая капелла и прославленное хоровое училище, музыка не смолкает и по вечерам, когда расходятся артисты и учащиеся. В просторных залах и классах, где когда-то бывали Глинка и Балакирев, Римский-Корсаков и Аренский, снова звучит пение. Вечерами сюда приходят люди самых различных профессий; многие приезжают сюда из других городов области. Преобладает молодежь, но есть и ветераны – любители музыки с большим стажем.

Здесь занимается один из интереснейших самодеятельных коллективов страны – Хор любителей пения Ленинградского хорового общества. Он еще очень молод – регулярные занятия ведутся лишь с 1958 года, по два раза в неделю. Многие из поступивших тогда в коллектив совсем не имели музыкальной подготовки, далеко не все читали ноты. И, тем не менее, за короткий срок хор достиг больших результатов, заняв прочное место в музыкальной жизни Ленинграда. Сейчас в его составе более полутораста человек. Обширен и разнообразен репертуар. Значительное место в нем занимает советская музыка.

Выступления хора в зале Капеллы, домах культуры и на предприятиях неизменно вызывают живой интерес. Коллектив покоряет слушателей интонационной точностью, четкостью дикции, разнообразием красок и главное – искренней увлеченностью всех участников. Отличную вокальную подготовку и подлинный артистизм хора высоко оценил в своем отзыве городской комитет радиоинформации. По мнению дирекции Ленинградской консерватории, художественные достижения хора приближают его к уровню профессионального коллектива.

Лучшим подтверждением этого служит участие хора в исполнении совместно с оркестрами Ленинградской филармонии таких сложных произведений, как Третья симфония Малера, «Половецкие пляски» Бородина, фрагменты из оперы «Вольный стрелок» Вебера. Недавно хор с успехом выступил в Большом зале Филармонии: под управлением французского дирижера Р. Бенци исполнялась музыка Мендельсона к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Успехи хора основаны на энтузиазме участников, на высоком мастерстве и самоотверженном труде руководителей. Коллектив возглавляет заслуженный деятель искусств Е. Кудрявцева; ее помощники – одаренные молодые хормейстеры А. Мурин и Д. Китаенко. Вся работа ведется на общественных началах.

Как ни странно, этот замечательный народный ансамбль, продолжающий лучшие традиции русской хоровой культуры и по праву занявший место на профессиональной эстраде, не пользуется еще должным вниманием

общественных организаций. Не будучи «подведомствен» профсоюзным органам, он не получает материальной помощи и даже не пользуется правом участия в конкурсах, что создало бы новые стимулы для его дальнейшего совершенствования.

Талантливый коллектив заслуживает активной общественной поддержки.

А. Ступель

Энтузиасты хорового пения

«Музыкальная жизнь», № 10, май 1963 года.

Недавно в Москве выступал Ленинградский хор любителей пения, созданный в 1958 году по инициативе городского хорового общества. Бессменный руководитель этого коллектива – профессор Ленинградской консерватории Е. П. Кудрявцева, помощниками ее являются молодые хормейстеры А. Мурин и Д. Китаенко. Вся работа хора проводится на общественных началах (даже костюмы для выступлений сшиты его участниками).

С самого начала Е. П. Кудрявцева решила принимать в коллектив только тех, кто никогда еще не пел в хорах, в вокальных кружках (за исключением занимавшихся в школьных хорах). В хор потянулись представители различных профессий: рабочие и служащие, студенты и научные работники, врачи, железнодорожники. Певческих навыков у них не было, объединила их горячая любовь к хоровому искусству. Занятия в коллективе стали серьезной проверкой не только музыкальных способностей, но и волевых качеств любителей пения. С первых же дней установилась образцовая дисциплина – никто не позволял себе опаздывать, хотя после очередной репетиции некоторым приходилось работать в ночную смену.

За короткий срок хор (в его составе сейчас сто пятьдесят человек) стал одним из популярнейших самодеятельных коллективов Ленинграда. Для него с удовольствием пишут ленинградские композиторы. Так, В. Салманов посвятил этому коллективу три хора на стихи Я. Купалы: «Песня», «Лесное озеро» и «Весна».

Хор любителей пения известен не только в заводских клубах и домах культуры. Он не раз выступал в симфонических концертах Ленинградской филармонии – участвовал в исполнении музыки Мендельсона к «Сну в летнюю ночь», Третьей симфонии Малера, хоровых эпизодов из «Волшебного стрелка» Вебера, «Князя Игоря» Бородина, «Катерины Измайловой» Шостаковича. В дни XXII съезда КПСС, когда проводился Всесоюзный радиофестиваль, хору было присуждено звание лауреата.

И вот, наконец, поездка в Москву. Концерты ленинградцев с успехом прошли во Дворце культуры автозавода им. Лихачева, в Университете

дружбы народов им. Патриса Лумумбы, в городском Доме народного творчества и Концертном зале института имени Гнесиных. Везде пение хора неизменно вызывало восхищение. Программа была интересной и сложной: русские народные песни, произведения советских композиторов, музыка западных классиков, итальянские песни в обработке А. Свешникова, негритянские – в обработке Р. Шоу...

Концерт в зале института имени Гнесиных открылся величественной песней «Слава труду» В. Мурадели. Прекрасно прозвучали затем русские народные песни «Ты, река ль моя» и «Во лузях», обработанные А. Лядовым. С живым, сочным юмором спел хор «Прибаутки» А. Никольского и «Веники» Ф. Рубцова. А слушая «Подмосковную березку» А. Флярковского или хоры В. Салманова, мы словно видели родные леса и поля, пронизанные солнечным светом, – так выразительно пели наши гости.

С завидной легкостью исполнил хор ряд очень трудных произведений. Здесь надо прежде всего отметить «Канон» Моцарта, «Аве Мария» Брукнера (на латинском языке) и негритянские народные песни (на английском языке).

Выступая с кратким приветственным словом в адрес хора, композитор А. Новиков верно заметил, что в оценке достижений этого коллектива не нужно делать скидок на «любительство». Действительно, перед нами выступали настоящие мастера хорового пения. Порой в их исполнении ощущались недочеты (например, слабовато и напряженно звучат в верхнем регистре тенора), но в целом несомненны плодотворные результаты упорного, напряженного труда и энтузиазма, которым проникнута вся деятельность ленинградского хора.

Ю. Бружес

Два хора в одном концерте

«Музыкальные кадры», 22 февраля 1966 года.

Интересный концерт (хорового абонемента) состоялся в феврале в Малом зале им. Глазунова. Программа концерта состояла из произведений музыки советских композиторов.

В первом отделении исполнителем был хор студентов дирижерско-хорового факультета. Дирижерами выступили студенты класса заслуженного деятеля искусств профессора Е. П. Кудрявцевой.

Впервые с нашим хором выступили студенты первого курса (А. Степанов и А. Анисимов). Конечно, критиковать легче, чем выступать самой, поэтому я ограничусь пожеланиями в адрес первокурсников: смелее, горячее, увлеченнее!

В отношении студентов-дирижеров других курсов скажем следующее.

Некоторая техническая скованность помешала В. Вартаняну раскрыть до конца свое творческое лицо, а ведь он интересный музыкант. В хоре В. Салманова «Лев в железной клетке» в его исполнении хотелось бы большей выпуклости, четкости и контрастности. Интересна трактовка хора «21 января», чрезвычайно трудного произведения.

Наибольший успех выпал на долю дирижеров Р. Мартынова и В. Дашковского. Большой творческий подъем помог Р. Мартынову наиболее интересно и ярко раскрыть три хора из «Десяти поэм» Шостаковича.

«Курские песни» Свиридова – произведение новое, еще не имеющее исполнительских традиций. Это – великолепная картина русского свадебного обряда. Это по-настоящему русская музыка с ее широтой, молодецкой удалью и прекраснейшей трепетно-волнующей грустной лирикой. Все это очень хорошо удалось раскрыть В. Дашковскому.

Во втором отделении исполнителем был Хор любителей пения Хорового общества г. Ленинграда (художественный руководитель профессор Е. П. Кудрявцева, хормейстеры А. Мурин, Ю. Шметков, В. Вартанян). Трудная и почетная задача встала перед коллективом – выступать после профессионального хора. Следует сказать, что эта задача была успешно выполнена. Отлично были исполнены «Гимн великому городу» Глиэра, «Весна» Салманова; 5 хоров русских композиторов (Глинка – Балакирев – «Венецианская ночь», Глинка – «Славься»), обработки русских песен («В землянке» – обр. А. Мурина, «Веники» – обр. Ф. Рубцова; «Пойду ль, выйду ль я» – обр. Гречанинова) и, наконец, несколько песен других народов (итальянская – «В морском просторе», чешская – «Дождик» в обр. А. Мурина, негритянская – «Я так счастлив»).

Хорошие качества музыканта продемонстрировал дирижер Ю. Шметков, практически доказав, что работа с непрофессиональным хором – полезная школа для молодого дирижера.

Концерт прошел с большим успехом.

Л. Гресс, студентка дирижерско-хорового факультета

Большой зал Филармонии. 1964 год

Хор любителей пения. Казанский собор. 1988 год

Звучит старинная музыка
«Вечерний Ленинград», 1 ноября 1969 года.

В концерте старинной музыки, состоявшемся недавно в Большом зале Филармонии, наряду с известными исполнителями – органисткой Н. Оксентян и певицей заслуженной артисткой РСФСР К. Изотовой выступил народный коллектив – Хор любителей пения, руководимый заслуженным деятелем искусств РСФСР Е. П. Кудрявцевой. Коллектив показывает свое мастерство на филармонической сцене не впервые. Он принимал участие в концертном исполнении оперы Вебера «Вольный стрелок», кантаты Рахманинова «Весна», а также других оперных и кантатно-ораториальных сочинений. На этот раз в программе выступления хора произведения Баха и Генделя.

Хоровые сочинения этих двух титанов музыкального искусства XVIII века и сегодня привлекают искренностью человеческих чувств, своей гуманистической направленностью, монументальностью, богатством полифонии. Но, чтобы донести до слушателей всю глубину содержания их произведений, преодолеть трудности, заложенные в партитурах, хоровой коллектив должен обладать высоким художественным мастерством и профессионализмом. Хор любителей пения – самодеятельный, но он довольно успешно справился со своей нелегкой задачей, проделав поистине гигантскую работу по разучиванию сложнейших хоровых партий. Выступление коллектива в Большом зале Филармонии в самом начале концертного сезона, когда самодеятельность обычно только еще «раскачивается», готовясь после летнего перерыва вновь приступить к систематическим занятиям, свидетельствует о хорошей организации и стабильности Хора любителей пения, без чего, собственно, невозможны сколько-нибудь значительные художественные результаты.

Более ста человек поет в хоре. Его участники – люди разного возраста и профессии. Но всех их объединяет огромная любовь к хоровому искусству. Поэтому с таким энтузиазмом спешат они на репетиции, разучивают труднейшие произведения. И в том, что самодеятельные артисты с интересом посещают хоровые занятия, большая заслуга художественного руководителя коллектива Е. Кудрявцевой и хормейстеров А. Степанова, А. Верещагина, Л. Власенко.

В концерте старинной музыки хор спел фрагменты из оратории Баха «Страсти по Матфею». Это замечательное произведение коллектив исполнил впервые. Звучание баховского хорала отличалось стройностью и выразительностью. Однако самодеятельным артистам следует еще поработать над заключительным, так называемым двойным хором оратории, более выпукло выявить его внутреннюю динамику и величественность, устранив излишнюю нервозность в исполнении первой и третьей частей финала, добиться мягкости и певучести звука.

По-настоящему хорошо спел коллектив женский хор песенно-танцевального характера из кантаты Баха № 78. Это сочинение колоритно прозвучало в сопровождении клавесина (Н. Оксентян) и виолончели (Г. Гиновкер).

Среди огромного творческого наследия Генделя виднейшее место занимают его героические оратории. Их монументальные хоры можно сравнить с грандиозными музыкальными фресками. В концерте была исполнена величественная «Аллилуйя» из оратории «Мессия». Музыка этого хора передает победное ликование народных масс. Мощные унисоны, как воплощение единодушия народа, сменяются восторженными перекличками голосов. В заключение программы прозвучал финальный хор из оратории «Самсон».

Оба эти произведения Генделя содержат немало вокальных трудностей, обладают неудобной тесситурой – частым употреблением высоких звуков в хоровых партиях, требуют подвижности и профессиональной выработанности голосов. Хор любителей пения достаточно успешно справился с этими сложными сочинениями. Однако коллективу, особенно мужскому составу, предстоит еще немало поработать над вокальной стороной генделевских хоров.

Лучшие представители самодеятельности давно уже поднялись до профессионального уровня. К таким лучшим коллективам относится и Хор любителей пения.

Н. Романовский, кандидат искусствоведения

Торжество народного искусства

«Молодежь Эстонии», 29 июля 1972 года.

Тем, кому посчастливилось слушать конкурс самодеятельных хоров, прибывших на фестиваль, наверное, никогда не забыть этот великолепный музыкальный форум, на котором прозвучали песни на многих языках нашей страны, песни, привезенные к нам друзьями из стран народной демократии. Расцвет высокой музыкальной культуры, торжество творческого созидательного процесса и огромный духовный подъем народов нашей многонациональной страны – таков главный итог этого фестиваля. Людей, принявших участие в конкурсе, объединяет любовь к песне, в песне выражается душа народа, его характер. Каждый из выступавших хоров обладает своим ярко выраженным национальным колоритом.

Конкурс есть конкурс. Судит жюри, судят и слушатели, «присуждая» награды особенно полюбившимся хоровым коллективам. Но последнее слово остается, конечно, за жюри. Вот что говорит член жюри конкурса профессор Ленинградской консерватории по классу хорового

дирижирования заслуженный деятель искусств РСФСР Елизавета Петровна Кудрявцева:

«Мы присутствуем на первом хоровом фестивале, который охватил такое обилие хоров, начавшись праздником песни школьной молодежи. Это очень примечательно, потому что на таких певческих праздниках молодежь набирает силы, приобретает опыт, здесь укрепляется любовь детей к песне.

Я не впервые в Таллинне на таких торжествах. В 1969 году приезжала на праздник с Ленинградским хором любителей пения при хоровом обществе. Сюда я приезжаю с особым волнением. Мы искренне радуемся, что 1-й Всесоюзный фестиваль самодеятельных хоров проводится именно в Эстонии, где так сильны традиции хорового пения.

На этом фестивале трудно выделить какие-то хоры, потому что все они объединены единой многонациональной песней. Впервые представлены хоры Средней Азии, сложное хоровое пение а капелла, которым они овладели, говорит о самой высокой культуре молодых коллективов.

Для меня, отдавшей всю жизнь хоровому искусству и воспитанию молодежи, этот праздник – особый. Мои ученики работают в самых разных концах Союза. Заслуженный деятель искусств ЭССР К. Аренг – я усматриваю в нем большое будущее – в Таллинне, Д. Китаенко возглавляет Московский оперный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, заслуженный деятель искусств РСФСР А. Дмитриев – главный дирижер Ленинградского Малого академического театра оперы и балета и т. д. А первооснова всех этих замечательных музыкантов – хоровое пение. Такой певческий фундамент дает чудесные плоды.

Из смешанных хоров, выступавших на фестивале, я бы хотела отметить Таллиннский камерный хор. Он покоряет своим высоким профессионализмом, теплотой, широтой репертуара, современностью.

Примечательно, что этот певческий форум стал подлинно интернациональным торжеством, на котором самую высокую хоровую культуру продемонстрировали коллективы из Болгарии и Венгрии. Особо хочется отметить хор Высшей школы им. Шолль из Германской Демократической Республики. Хотя в силу своих возрастных особенностей его участники не смогли быть вполне на уровне условий конкурса, но их выступление подкупило увлеченностью, юношеским задором.

Из женских хоров привлек внимание своей народной основой, пропагандой произведений советских композиторов хор Академии наук ЭССР. Порадовали и земляки-ленинградцы – женский хор Дома культуры им. Капранова. Его участники – в основном работницы знаменитой фабрики „Скороход“. Обувь, изготовленную их руками, носят во всем мире. Хочется сказать о руководителе этого хора заслуженном работнике

культуры РСФСР Марии Федоровне Заринской, которая, несмотря на свой преклонный возраст, полна душевной молодости, энергии, преданности своему любимому делу.

Очень хорошее впечатление произвели узбекский женский хор и чешский Хор моравских учителей с их славной традицией – все учителя математики и физики обязаны петь в хоре.

Мужской хор „Гаудеамус“ из Тарту покорил слушателей широтой дыхания, изумительным исполнением сложного хорового произведения М. Коваля „Ильмень-озеро“. Отлично выступили калужане, продемонстрировав слаженность, большую певческую культуру.

Отдельно придется остановиться на смешанном камерном хоре „Аве сол“ из Риги. Нельзя не признать его высокого профессионального мастерства, но хотелось бы, чтобы хор и в своем репертуаре, диапазон которого необходимо расширить, нес эталон исполнительской культуры. Хору надо крепко задуматься над своей репертуарной политикой».

Фестиваль показал, какое внимание уделяется в нашей стране певческой демократической культуре. Старт дан, старт для развития хорового искусства. Пусть этот праздник перерастет в Международный певческий форум во имя мира и дружбы между странами нашего континента и всего земного шара.

Л. Градова

Музыкальная Рига музыкальному Ленинграду
«Советская культура», 1972 года.

<...>Сначала о произведениях современных латвийских авторов. Четвертая симфония Яниса Иванова, которой открылся первый концерт, написана в предвоенные годы. Она и называется «Атлантида», а программой ее служит изложенное Платоном предание о цветущей земле, поглощенной океаном. В пору, когда германский фашизм угрожал мировой цивилизации, история об Атлантиде отнюдь не была для композитора отвлеченной, но примечательно, что, несмотря на трагедийную тему, музыка в целом очень далека от выражения обреченности, напротив, она наводит на мысли о красоте и бесконечности жизни. Симфония написана в эпических тонах, в манере, которую можно было бы назвать театрально-жизописной, языком импрессионистски-красочным. (Во второй части, например, введен женский хор, трактуемый как один из оркестровых тембров; кстати, эту партию отлично спела женская группа Ленинградского хора любителей пения, руководимого Е. Кудрявцевой и А. Муриным). Знакомство с симфонией позволяет более последовательно представить себе творческий путь маститого симфониста.<...>

Снова звучит «Снегурочка»
«Ленинградская правда», 9 октября 1975 года.

В начале 1873 года дирекция московских театров задумала спектакль, который объединил бы драматическую и оперную труппы. Пьеса была заказана А. Н. Островскому, музыка – П. И. Чайковскому.

Драматург и композитор сочиняли, охваченные одним порывом вдохновения. И в мае 1873 года на сцене Большого зала состоялась премьера – это была «Снегурочка».

Партитура «Снегурочки» состоит из инструментальных и хоровых эпизодов, сольных песен, мелодрамы. Музыка по характеру очень близка русской народной песне. В ней звучит и много подлинных народных напевов. Радостная и жизнеутверждающая, полная любви к людям, музыка к «Снегурочке» явилась одним из самых безмятежных и просветленных сочинений великого русского композитора. К сожалению, произведение это довольно мало известно в силу самой специфики жанра – музыки к драматической пьесе. Сыграло роль и то, что его в известной степени «затмила» опера Н. А. Римского-Корсакова на тот же сюжет. Часто звучат и пользуются большой популярностью лишь отдельные номера, такие, как, например, песни Леля. Полностью же музыка к «Снегурочке» звучала в последний раз в нашем городе в довоенные годы. И вот вчера замечательное сочинение вновь смогли услышать любители музыки,

собравшиеся в Большом зале Филармонии. Музыку к «Снегурочке» исполнили заслуженный коллектив республики академический симфонический оркестр Филармонии, хор любителей пения Ленинградского хорового общества (художественный руководитель Е. Кудрявцева), солисты Е. Гороховская и В. Смирнов. Дирижировал А. Дмитриев.

Д. Марков

Любовь к музыке
«Вечерний Ленинград», 13 мая 1977 года.

Год от года все чаще выступают на большой эстраде самодеятельные хоровые коллективы. Широкой популярностью у слушателей пользуются, например, их концерты в зале Академической капеллы.

Недавно в Большом вале Филармонии имени Д. Д. Шостаковича состоялись симфонические концерты под управлением народного артиста республики А. Дмитриева, в которых участвовал народный коллектив Хор любителей пения Хорового общества Ленинграда. Исполнение им кантаты С. Рахманинова «Весна» стало двадцать восьмой программой коллектива; она подготовлена в соответствии с репертуарным планом Филармонии.

Образованный почти двадцать лет назад хор со времени возникновения проявляет большую творческую активность. Начав свой путь с озвучивания сцен в фильме-оперетте Д. Шостаковича «Москва, Черемушки», коллектив стал затем участником многих заметных событий музыкальной жизни Ленинграда: первого исполнения 13-й симфонии Д. Шостаковича, новой редакции его оперы «Катерина Измайлова» (в концертном исполнении), оперы С. Прокофьева «Огненный ангел», «Оды радости» А. Хачатуряна.

Хор проявил инициативу, исполнив много лет не звучавшие в нашем городе ораторию И. Гайдна «Времена года», музыку Ф. Мендельсона к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», другие крупные произведения. В концертной биографии коллектива – выступления с известными дирижерами К. Кондрашиным, А. Янсонсом, Ю. Темиркановым и другими. Участие в вокально-симфонических вечерах – лишь одна из многих сторон деятельности хора любителей пения и его бессменного руководителя народной артистки РСФСР профессора Е. П. Кудрявцевой, ведущей занятия на общественных началах.

Нередко первым хор исполняет новые произведения ленинградских композиторов. Он представил слушателям многие сочинения В. Салманова, В. Успенского, В. Гаврилина, Б. Архимандритова, активно участвует в фестивалях «Ленинградская музыкальная весна». Интересно, что на творческой работе с коллективом воспитываются будущие хормейстеры, дирижируя хором любителей на государственных экзаменах в Консерватории.

Выступает хор перед разными аудиториями во многих городах страны, на ударный комсомольских стройках, в заводских цехах, совхозных домах культуры, на массовых праздниках в парках.

Сейчас в коллективе сто человек, двадцать из них занимаются со дня основания хора. Рядом с ветеранами Великой Отечественной войны В. Васильевым, А. Дмитриевой, коммунистом А. Шагаловой, партийный стаж которой насчитывает около пятидесяти лет, поют молодые рабочие и студенты. Увлеченно исполняют сложную классическую и современную музыку рабочий-сборщик В. Попенков, прораб-строитель С. Фисюра, доценты В. Борзов, В. Козырев, члены семьи Плешановых, Конопелько. Для них не преграда ни сменная работа на производстве, ни научная деятельность, ни домашние хлопоты: время для занятий в хоре они находят всегда.

В нашей стране возможности духовного и художественного обогащения человека поистине беспредельны. Сочетание труда и интереса к музыке, характерное для участников хора любителей пения, – один из действенных и благодарных путей гармонического развития личности.

А. Виханская

Служение искусству. Штрихи к творческому портрету

«Вечерний Ленинград», 18 апреля 1978 года.

Медленно гаснет свет в классически строгом Большом зале Ленинградской филармонии имени Д. Д. Шостаковича. Затихают говор и шум. За пультом появляется пожилая, но очень подвижная женщина. Энергичный взмах руки. Тихое поначалу звучание человеческих голосов постепенно набирает силу. Поет самодеятельный Хор любителей пения, которым руководит на общественных началах профессор Ленинградской консерватории народная артистка РСФСР Е. П. Кудрявцева-Мурина. Это ее поистине вторая семья, коллектив единомышленников, объединенных любовью к вокальному искусству. Люди в хоре самые разные: инженеры, рабочие, врачи, домохозяйки, студенты. Они приходят на занятия, спевки в свободное от работы время.

Говорят, голос – дар природы. Но сколько труда, полной и беззаветной самоотдачи, сколько целеустремленного и непрерывного самосовершенствования нужно проявить артисту-любителю под чутким руководством наставника, чтобы «дар природы» зазвучал в полную силу, принес слушателям эстетическое удовлетворение. В этом процессе профессионального воспитания очень важная роль принадлежат дирижеру. «Дирижер – это не работа, это – служение! – говорит Елизавета Петровна. – Я не только должна подчинить коллектив своей воле, не только показать, как и что делать, но и привлечь каждого к соучастию в художественном процессе, пробудить в людях дух творческого горения, соревнования. Дирижер просто обязан обладать способностью каждодневно что-то новое сообщать или давать хору и в то же время для себя самого находить в общении с ним те живительные силы, которые будут способствовать его собственному росту». Кудрявцева – дирижер сильной, открытой эмоциональности. Она творит, если так можно выразиться, крупными мазками. Это отнюдь не означает, что ей чужда психологическая углубленность, но думается, что именно эмоциональная увлеченность – одна из сильнейших сторон ее творчества.

«Подлинный дирижер тот, кто прокладывает мосты доверия между оркестром и публикой, человек, рождающий импульсы», – сказал как-то Евгений Светланов. Кудрявцева принадлежит к числу таких мастеров.

Тридцать лет... Огромное количество концертных программ, сотни произведений, которые надо было осмысливать, разучивать. Одни, как случайные знакомые, приходили, чтобы потом исчезнуть навсегда. К другим дирижер возвращался, что-то додумывая, меняя акценты. Ведь и сам он с годами меняется, обогащается опытом. Накапливается духовный багаж, крепнет мастерство. Особенно удавались Кудрявцевой произведения

кантатно-ораториального жанра как русских и европейских классиков, так и советских композиторов. В них наиболее ярко выявлялась ее творческая индивидуальность.

Более четырех десятилетий Елизавета Петровна передает свои знания, свой опыт молодежи, будущим хормейстерам. Сначала в хоровом училище Капеллы, а с 1947 года в Консерватории. Среди ее воспитанников немало талантливых мастеров: А. Фляркoвский, Д. Китаенко, Н. Кунаев, А. Степанов, Т. Мынбаев и другие. Ученики Кудрявцевой с успехом трудятся во многих консерваториях, оперных театрах, ансамблях и хорах страны. Из разных точек земного шара, где гастролируют ее питомцы, приходят к ней телеграммы, письма, бандероли. По-прежнему перед самыми ответственными выступлениями бывшие подопечные торопятся к ней за советом и наставлениями.

Она рассказывает об учениках с радостным блеском в глазах. У Елизаветы Петровны удивительные глаза: по-юному ясные и яркие. Лицо молодое, живое, выразительное. Рядом со своими взрослыми детьми она кажется почти ровесницей им. А они тоже музыканты. Екатерина Мурина – пианистка, призер международных и всесоюзных конкурсов. Александр Мурин руководит популярным ансамблем. Их приверженность к музыке понятна – в доме трепетно, с любовью относятся к искусству. А начинали свое музыкальное образование Екатерина и Александр с Капеллы, куда постоянно ходили «слушать маму».

При Капелле родилось и выросло и любимое детище Елизаветы Петровны, предмет ее постоянных забот – Хор любителей пения. Создавая коллектив, она видела в нем будущего пропагандиста лучших вокальных произведений прошлого и настоящего. Ей хотелось, чтобы все подлинно талантливое и яркое в области хоровой музыки стало доступным как можно большему числу людей, потому что на высоких образцах музыкального искусства можно воспитывать не только слушателей, но и самих исполнителей.

Понадобилось несколько лет для того, чтобы собранная Кудрявцевой группа энтузиастов пения превратилась в сплоченный творческий коллектив, прочно овладела основами профессионального вокала. Понадобились годы, чтобы от произведений простых перейти к сочинениям высшей сложности. Проверкой зрелости стало исполнение женской группой вокальной партии из Третьей симфонии Малера. Успех был настолько очевиден, что руководство Филармонии пригласило хор выступить в Большом зале с отрывками из оперы Вебера «Волшебный стрелок». Так началась творческая дружба с Филармонией и выдающимися дирижерами: Рождественским, Янсонсом, Кондрашиным, Грикуровым, Хачатуряном и другими. Теперь уже стало традицией, что Хор любителей пения ежегодно шесть–семь раз выступает в Большом зале Филармонии.

Композитор В. Салманов, продолжая опыт русских композиторов-классиков, создавших свои произведения для определенных исполнителей, написал для хора вокальный цикл на стихи Янки Купалы. Хор нередко выступает первым интерпретатором новых произведений советских композиторов, знакомит слушателей с сочинениями, ранее на концертной эстраде не звучавшими, к примеру, с операми Прокофьева «Огненный ангел», Пуччини – «Плащ».

Есть в биографии хора еще одна примечательная черта. Лауреат многочисленных всесоюзных смотров, народный коллектив, он стал в последние годы, благодаря инициативе Кудрявцевой, своеобразной школой, в которой приобретают опыт дирижирования студенты Ленинградской консерватории, ученики Елизаветы Петровны.

В нынешнем году хор любителей пения отметит двадцатилетие своего существования. Всему тому, что его участники умеют, знают, любят, их научила замечательный знаток и мастер хорового пения, неутомимый, беспокойный учитель – Елизавета Петровна Кудрявцева. Она продолжает верно служить искусству и людям, видя в этом главное призвание советского музыканта, художника.

И. Дружинина

Шире моря разлилась

«Заря Кубани», Краснодар, июнь 1970 года.

Только после концерта вспоминаешь, что хоровая капелла любителей пения Ленинграда – отнюдь не профессиональный коллектив, а своего рода, как сейчас принято выражаться, объединение по интересу, куда входят учителя, врачи, инженеры, рабочие, ученые... Да и то в той связи вспоминаешь, чтобы лишний раз восхититься высоким профессионализмом исполнения, большой духовной культурой коллектива, ни с чем не сравнимым желанием петь как можно больше и как можно лучше. Ленинградцы выступали в станице Старокорсунской перед моряками, рыбаками, рабочими Новороссийска, где особенно ощущалось удивительное внутреннее сходство пролетарского города Ленина и прошитого ветками революции и военной доблести города на Черном море. Принимали у себя ленинградцев рабочие завода имени Седина, преподаватели и учащиеся Краснодарского музыкального училища имени Н. А. Римского-Корсакова. И как бы продолжением теплого рукопожатия песни стала встреча в краевом театре оперетты в минувший понедельник.

Рабочая «Марсельеза», величальная песня дорогому Ленинграду, а рядом – «песня русская, раздольная», что «шире моря разлилась», и две совершенно разные мелодии Анатолия Новикова – песня о матери Олега Кошевого и «Веселый пир» на слова Пушкина. А вот повеяло и ветром Кубани – две песни Григория Плотниченко «У крыльца высокого» и «Облака». Нет нужды в перечне. Достаточно отметить многоплановость концерта. По всей вероятности, это был тот самый случай, когда поет душа. А коль так, то любое сравнение будет хромать: слишком много вмещает в себя это точное – «душа поет». И поэтому так закономерно и возвышенно венчали концерт – «Славься!» Глинки и «Песня о Ленине» Свиридова. «Вечно будет ленинское сердце клокотать у революции в груди» – пели посланцы города революции, и сердце зала трепетно откликалось на высокие слова.

Высокое. Это, пожалуй, самое верное определение настроения концерта ленинградцев. Когда песня выступает в своем главном качестве – агитатора, самым верным ее выражением будет высокий полет. И видится закономерным, что в конце концерта вместе с капеллой весь зал запел: «Широка страна моя родная».

И уж совсем нельзя не сказать о человеке, таланту и вдохновению которого обязана капелла любителей пения своим существованием. Я говорю о Елизавете Петровне Кудрявцевой – заслуженном деятеле искусств РСФСР, профессоре Ленинградской консерватории. Любители пения Кубани в полной мере могли наблюдать удивительную отдачу дирижера, ее привязанность к красоте и тонкости песни.

Добавим, что в концерте ленинградцев участвовали студенты музыкально-педагогического факультета Кубанского государственного университета и солисты Николай Кириченко и Дина Румянцева.

Каждое выступление хоровой капеллы любителей пения Ленинграда, а надо сказать, что она выступает довольно-таки много, невольно дает толчок рождению подобных коллективов. Здесь действует не только сила эмоционального воздействия, но и собственного примера. Естественно, возникает вопрос, почему бы нам, на Кубани, где так много прекрасных голосов и специалистов, не создать свою капеллу?

Л. Кирилюк

Песня – любовь моя

«Смена», 21 июня, 1979 года.

Случалось ли вам когда-нибудь наблюдать не совсем обычную картину: светлым июньским вечером к зданию Академической капеллы шествует большая группа людей. Они поют, и сотни ленинградцев, привлеченных не только яркостью зрелища, но и искусным мастерством певцов, сопровождают удивительную процессию. Так по традиции идет на свою заключительную репетицию в сезоне хор любителей пения Ленинградского хорового общества.

Два десятилетия назад по инициативе первого председателя Ленинградского хорового общества профессора А. А. Егорова был объявлен набор и новый певческий коллектив. Условия приема были просты: участниками хора могли стать все, кто хотел петь. И они откликнулись – люди разных возрастов и профессий: механик завода «Арсенал» П. Гулов, хирург С. Крымова и каменщик С. Фисюра, педиатр В. Шуман, медсестра П. Сладкова, мастер спорта И. Калитинская и экономист И. Ягудин, инженеры В. Белозерова и В. Воронцов, повар В. Кузнецов и дизайнер В. Козырев, кандидаты математических паук Н. Липавская и В. Борзов и еще несколько десятков человек, для которых музыка стала вторым призванием.

Уже спустя год после основания Хор любителей пения представил на суд слушателей свою первую концертную программу. Она называлась «Песни борьбы и протеста» и включала в себя сочинения советских композиторов, а также произведения из репертуара Эрнста Буша – певца, которого называли «поющим сердцем рабочего класса». Выбор подобной программы был симптоматичен: с самых ранних шагов на самостоятельном поприще новый коллектив утверждал свою творческую позицию, отмеченную высоким пафосом гражданственности.

Репертуарный список хора впечатляет своим размахом, многоплановостью, необычайной сложностью. Здесь монументальная оратория Гайдна «Времена года» и музыка Чайковского к весенней сказке «Снегурочка»,

Дирижер Арвид Янсонс

А. Янсонс и Е. А. Мурина на репетиции «Фантазии» Бетховена

Дирижер Эдгар Тонс

Хор любителей пения в Союзе композиторов

три литургии Мессиана и «Царь Давид» Онеггера, кантата «Весна» Рахманинова и хоровые концерты Бортнянского... Все назвать просто невозможно – сейчас в репертуаре коллектива 25 кантат и ораторий, свыше 200 хоров без сопровождения. Статистика, которой мог бы позавидовать не один профессиональный коллектив.

Каждая новая крупная работа хора становится примечательным событием в культурной жизни города. Разве могут забыть ленинградские ценители музыки премьеру Тринадцатой симфонии Шостаковича или исполнение хором музыки Мендельсона к шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь»? А совсем недавно мы смогли услышать еще два интересных (и сложнейших!) вокально-симфонических произведения: «Магнификат» Вивальди и «Свадебку» Стравинского. И здесь опять обнаружились характерные черты творческой манеры коллектива: уверенное мастерство, ансамблевая слаженность, неизменное чувство стиля исполняемой музыки.

Очередная премьера хора всегда становится важным этапом на его творческом пути, новым штрихом к «групповому портрету». Но за вехами коллективной биографии угадываются и судьбы всех ста участников хора. Ведь для каждого из них минувшие два десятилетия отмечены и событиями личными. Но эти последние оказываются тесно связанными с жизнью коллектива: здесь, в хоре, соединили свои судьбы супруги Муретовы, Плешаковы, Конопелько, Масленниковы, Борзовы. Здесь возникли (и несомненно, будут возникать и впредь) музыкальные династии. Так, сын участницы хора Н. Петренко, чей певческий стаж исчисляется со дня образования коллектива, стал ныне профессиональным хормейстером и дирижировал хором на юбилейном концерте в зале Академической капеллы.

И все же главным достижением своей биографии за прошедшие двадцать лет каждый из хористов считает, вероятно, то, что можно назвать радостью открытия прекрасного. «Благодарим вас за подаренный нам замечательный мир музыки» – под этими словами В. Белозеровой могли бы подписаться и все остальные участники хора. Обращены же эти слова к бессменному руководителю коллектива, народной артистке республики, заслуженному деятелю искусств РСФСР Елизавете Петровне Кудрявцевой. Именно ее горячему энтузиазму, неуемной энергии и истинному мастерству обязан коллектив своими достижениями. Одна из первых женщин дирижеров у нас в стране, носительница богатейших традиций ленинградской хоровой школы, Е. П. Кудрявцева свою жизнь посвятила развитию советской певческой культуры.

Из класса профессора Кудрявцевой вышли замечательные дирижеры – народные артисты РСФСР Д. Китаенко и А. Дмитриев, лауреат премии Ленинского комсомола Т. Мынбаев, дирижер Малого театра оперы и балета А. Анисимов, хормейстер Театра оперы и балета имени

С. М. Кирова Р. Лютер, дирижер эстонского хора «Эллерхейн» Т. Калью-сте – музыканты «хорошие и разные», каждый со своей исполнительской манерой, особыми пристрастиями и вкусами в искусстве.

Коллектив, по праву носящий высокое звание народного, ныне стал известен во многих городах нашей страны.

Хор энтузиастов, хор ленинградских мастеров пения вступил в свое третье десятилетие.

М. Галушко

Служение искусству

«Музыкальные кадры», № 14 (592), 4 ноября 1981 года.

<...> Вот как характеризует творческий почерк Елизаветы Петровны один из ее воспитанников – народный артист РСФСР Д. Китаенко: «Она без всякого видимого напряжения увлекает за собой коллектив, заставляет каждого его участника работать на пределе художественных возможностей. Ее руки владеют секретом пения, секретом передачи хору образного содержания звучащей музыки... Что бы ни исполнялось под ее управлением – обработка русской народной песни „Веники“, блистательно выполненная Ф. Рубцовым, или „Аве Мария“ Брукнера, чувство формы, „конструкции“ целого никогда не изменяет дирижеру. В ее броском, очень эмоциональном жесте нет ничего жесткого, „ударяющего“ по музыке. Яркость дирижерского дарования Кудрявцевой магически влияет не только на артистов хора, но и на публику».

Жажда творческой деятельности, желание передать и раскрыть перед широким слушателем истинную красоту хорового искусства привели Елизавету Петровну к мысли о создании Хора любителей пения. Такой коллектив был организован при Хоровом обществе Ленинграда и Елизавета Петровна вот уже на протяжении 23-х лет является его бессменным художественным руководителем. За эти годы хор добился высокого исполнительского мастерства, стал заметным художественным явлением в музыкальной жизни нашего города. В репертуаре коллектива – оратории Ф. Генделя и А. Онеггера, кантаты С. Рахманинова и П. Чайковского, хоровые концерты А. Архангельского и Д. Бортнянского, песни и хоровые сочинения композиторов разных стран, оригинальные произведения современных советских авторов».

Неоднократно специалисты и пресса отмечали, что Хор любителей пения Хорового общества Ленинграда отличает широта и тембристость звука, сочность нюансов, удивительный энтузиазм. Много говорилось и о том, что художественный руководитель коллектива умеет зажечь своей увлеченностью каждого певца, мобилизовать его творческие усилия. Без сомнения можно утверждать, что Елизавета Петровна обладает

удивительным педагогическим даром. Вот уже пять десятилетий передает она свой творческий опыт молодежи – вначале в Хоровом училище Академической капеллы имени М. И. Глинки, а начиная с 1950 года – в Ленинградской консерватории. Свыше шестидесяти музыкантов вышли из хорового класса Е. Кудрявцевой-Муриной. Они высоко несут знамя советского искусства, воплощая и утверждая в практической деятельности принципы ее школы. Среди учеников Елизаветы Петровны – многие известные советские музыканты: народный артист РСФСР Д. Китаенко, народный артист ЭССР К. Аренг, народный артист Украины А. Пустовалов, заслуженный деятель искусств Казахской ССР Т. Мынбаев и другие.

В чем же секрет педагога Е. Кудрявцевой-Муриной? В чем сила ее педагогического таланта? Обладая яркой художественной и артистической индивидуальностью, она не воспитывает студентов «по своему образу и подобию», не подавляет их поисков собственных средств выражения, может быть вначале и не всегда убедительных, а стремится в первую очередь развить в своих воспитанниках те индивидуальные черты, которые могут затем определить творческое лицо будущего музыканта.

Если в методе Е. Кудрявцевой-Муриной и есть какой-то «секрет», то заключается он в том, что ее педагогические принципы тесно связаны с бесценным практическим опытом.

Вспоминая о годах учебы в Консерватории в классе Елизаветы Петровны, народный артист ЭССР К. Аренг и заслуженный деятель искусств Казахской ССР Т. Мынбаев говорили о том, что отношение Е. Кудрявцевой-Муриной к музыке вообще и хоровой в частности исполнено благородства, нежности и чистоты. Без устали доказывает она, как утонченна, изысканна и трудна эта область исполнительства, какую вершину предстоит покорить музыканту, отважившемуся стать профессиональным хормейстером. Желание воспитать музыкантов широко мыслящих, многое умеющих, до тонкости знающих ремесло заставляет Елизавету Петровну предъявлять высокие требования к своим ученикам. На ее уроках нет места абстрактному теоретизированию, все живет и дышит музыкой. Она любит, чтобы на занятиях присутствовали все студенты. Такой коллективный метод воспитывает в каждом творческий задор, умение общаться друг с другом, артистическую смелость – качества столь необходимые дирижеру в его практической работе. Авторитет педагога зиждется как на эмоциональности, артистичности, так и на совершенном владении огромным репертуаром.

Помимо творческой и педагогической деятельности Елизавета Петровна постоянно занимается большой общественной работой. Она избиралась депутатом девяти созывов районных Советов народных депутатов, членом президиума Всероссийского хорового общества. В настоящее время

Е. Кудрявцева-Мурина является заместителем председателя Ленинградского отделения ВХО, членом художественного совета Министерства культуры СССР.

Полвека служит советскому искусству народная артистка РСФСР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени коммунист Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина. Говоря сегодня о ней, хочется вспомнить слова Николая Рериха, приведенные в одном из его писем: «Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру. „Подвиг“ означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание...»

Полвека творческой деятельности – это уже сам по себе подвиг. Полвека творческой деятельности с такими результатами, как у Е. Кудрявцевой-Муриной – хормейстера и педагога – подвиг вдвойне!

А. Дмитриев, Н. Кунаев, народные артисты РСФСР,
В. Успенский, проректор по учебной работе, доцент

Хор любителей пения

«Вечерний Ленинград», 16 ноября 1983 года.

Неизменное внимание ценителей хорового искусства привлекают выступления народного коллектива лауреата всесоюзных смотров и конкурсов – Хора любителей пения Хорового общества Ленинграда. Организованный в 1958 году самодеятельный коллектив благодаря неутомимой, бескорыстной деятельности своего главного дирижера и художественного руководителя народной артистки РСФСР профессора Е. П. Кудрявцевой превратился в высокопрофессиональный хор.

Первая в нашей стране женщина-хормейстер, ученица и сподвижница выдающегося советского дирижера М. Г. Климова, Кудрявцева возглавила любительский хор, имея огромный опыт тридцатилетней работы в прославленной Капелле имени Глинки. С присущей ей увлеченностью, темпераментом отдалась она музыкально-эстетическому воспитанию хористов. Люди пришли охваченные желанием петь, но без знаний музыкальной грамоты, без постановки голоса. Терпеливо, любовно, целенаправленно Елизавета Петровна и ее ученики-помощники обучали любителей пения всем необходимым навыкам в процессе работы, воспитывали их вкус, расширяли музыкальный кругозор.

Вот уже двадцать пять лет два раза в неделю собираются в репетиционном зале Капеллы строители, инженеры, врачи, рабочие, служащие. Они приезжают со всех концов города после трудового дня. Но два часа занятий – серьезных, без скидок на любительский характер коллектива –

приносят, по признанию самих участников хора, отдохновение и обновление. «У нас нет проблемы свободного времени. Наша вторая жизнь – это хор, а душа его – Елизавета Петровна», – говорят самодеятельные артисты.

Хор насчитывает сто человек. Это стабильный, сплоченный коллектив единомышленников, преданных любимому делу. В хоре они не только научились музыкальному мастерству, но и развили в себе высокие нравственные качества – чувство коллективизма, радость общения, потребность в духовном обогащении, оптимизм мировосприятия. Не случайно все воспитанники хора Кудрявцевой – отличные производственники, активные общественники, участники художественной самодеятельности на предприятиях. Любовь к музыке они приносят и в семьи, передают своим детям.

Начав деятельность с исполнения миниатюр, Хор любителей пения неуклонно совершенствовался, набирал силу, превратился в высокохудожественный коллектив, полноправную концертную единицу. Ежемесячно он выступает в лучших залах нашего города с интересными, постоянно обновляющимися программами. Его репертуар охватывает более тридцати крупных кантатно-ораториальных произведений, свыше двухсот сочинений для хора без сопровождения.

Хор нередко выступает с профессиональными оркестрами под управлением прославленных дирижеров Г. Рождественского, Ю. Темирканова, А. Янсонса, А. Дмитриева и других. Ему аплодировали в Таллине, Юрмале, Москве, Пскове, Новгороде, Краснодаре, Петрозаводске. Горячо принимают коллектив на заводах и фабриках, в совхозах, на ударных комсомольских стройках.

Высок авторитет хора среди музыкантов. Многие ленинградские композиторы доверяют этому коллективу первое исполнение своих сочинений.

Хор любителей пения является и базой воспитания хормейстеров. Здесь прошли школу мастерства ныне известные дирижеры Д. Китаенко, Р. Мартынов, Т. Мынбаев, композитор А. Королев, хормейстеры оперных театров А. Степанов и Р. Лютер. На репетиции и концерты хора приезжают поучиться, перенять опыт хоровики со всех концов страны.

Обратимся к последним выступлениям хора в Большом зале Филармонии. Концерт «Русская хоровая музыка» отмечен тщательной продуманностью программы, ее композиционной и образно-смысловой выстроенностью. С верным ощущением специфики жанра и стиля, проникновенно и искренно были исполнены петровский кант «Радуйся, росско земле!», хоровые концерты Архангельского, Дегтярева, Рахманинова и Бортнянского. Затем прозвучал венок разнохарактерных русских народных песен в обработках Лядова, Рубцова, Шостаковича,

Верещагина. Этой частью программы наряду с Кудрявцевой дирижировали ее воспитанники и помощники – молодые талантливые хормейстеры А. Верещагин и А. Петренко. Открытием для слушателей стали замечательные хоры Ф. Рубцова, подкупающие живостью чувств, яркостью фольклорных источников, изящной простотой и свежестью их обработки. В исполненных на «бис» «Венецианской ночи» Глинки и «Тихой мелодии» Рахманинова хор продемонстрировал великолепное владение прозрачной, акварельной звукописью.

Творческий поиск, стремление к неизведанному побуждают хор обогащать репертуар новыми или незаслуженно забытыми произведениями. 12 и 13 ноября народный коллектив совместно с замечательными певцами-солистами (Н. Ли, Е. Гороховской, Е. Болдыревой, К. Герасимовой, Н. Дроздовой-Вайнер, Н. Думцевым, М. Егоровым, А. Морозовым, Г. Беззубенковым) и заслуженным академическим оркестром Филармонии под управлением Д. Далгата исполнил ораторию Р. Шумана «Рай и Пери». Это сочинение Чайковский называл «божественной вещью». Воплощенные в музыке оратории мысли о добре, человечности, героическом подвиге и самопожертвовании ради счастья людей близки и понятны нам. Оратория не исполнялась в Ленинграде пятьдесят лет. Не удивительно, что ее возобновление стало знаменательным событием и собрало огромную аудиторию.

Эмоциональность и задушевность пения, осмысленность слова, благородство вкуса, виртуозная оснащенность, богатство хоровой палитры, стройность звучания, глубокое проникновение в характер исполняемой музыки – таковы достоинства хора любителей пения, самодеятельного по форме существования, профессионального по своей сути, по мастерству. В настоящее время юбиляр готовится к участию во Всесоюзном смотре самодеятельного творчества, концертам Второй Невской хоровой ассамблеи. В дни празднования 40-летия снятия блокады коллектив исполнит программу из произведений советских композиторов.

Л. Белякаева-Казанская, кандидат искусствоведения

Углубленность поиска

«Смена», 12 февраля 1984 года.

<...>Интерес музыкальной общественности вызвал и состоявшийся в зале Капеллы юбилейный концерт одного из лучших самодеятельных хоровых коллективов нашего города – хора любителей пения Ленинградского хорового общества. Организованный четверть века тому назад и по сей день возглавляемый блестящим знатоком хорового искусства народной артисткой РСФСР профессором Е. П. Кудрявцевой, хор любителей пения

за время своего существования превратился в высокопрофессиональный коллектив, занявший одно из виднейших мест в музыкальной жизни Ленинграда.

Юбилейный концерт, в программу которого вошли сочинения Моцарта, Шумана, Рахманинова, Шостаковича, Свиридова и других композиторов, еще раз продемонстрировал неоспоримые достоинства этого замечательного коллектива – высокую хоровую культуру и тонкое чувство стиля, отличное вокальное мастерство и глубокую проникновенность в передаче разнообразнейших эмоциональных состояний. Особо хочется отметить исполнение песни Листова «В землянке», прозвучавшей под управлением А. Мурина с большой задушевностью и теплотой, и фрагмент из оратории Генделя «Мессия», превосходно проведенный молодым хормейстером А. Петренко. <...>

Б. Березовский, музыковед

В хоре только друзья
«Вечерний Ленинград», 7 марта 1984 года.

Сегодня наш собеседник – Е. П. Кудрявцева, народная артистка РСФСР, профессор Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

– Человека, много поработавшего на своем веку, много повидавшего, так и хочется да спросить: что он сам думает о своей жизни? Удалась она ему, не удалась?

– Абсолютно доволен собой, на мой взгляд, может быть очень глупый или очень самовлюбленный человек. Надеюсь, не отношусь ни к тем, ни к другим. И все-таки на вопрос, удалась ли жизнь, ответила бы утвердительно, хотя были у меня горькие потери, тяжкие испытания, неудачи. Но в главном мне посчастливилось: я всю жизнь занималась и занимаюсь делом, которое люблю. У меня были замечательные учителя и великолепные ученики. И мои собственные дети выросли достойными людьми. Разве этого мало?

Посмотрите сами: в 1923 году в хоровое училище Капеллы впервые пришли двенадцать девочек. Меня, девятилетнюю, приняли сразу во второй класс. И кто же стал моим учителем? Выдающийся музыкант, профессор Михаил Георгиевич Климов. Расти рядом с человеком энциклопедических знаний, высочайшей культуры, необычайной организованности – и ничему у него не научиться?

Времена тогда были тяжелые – бывшее придворное певческое заведение Климов перестраивал в коллектив, работающий для народа. Новые программы – это и новые идеи, новые мысли, идеалы. Я помню наши гастроли по Европе в 1928 году – мы пели в лучших залах, даже в «Ла Скала».

Было сенсацией, что молодая Советская республика посылает хор, который может исполнять все – от народных песен до «Всенощной» Рахманинова. Мы питались кое-как, мы были плохо одеты, но как мы пели!..

Мне было шестнадцать лет, когда Михаил Георгиевич сказал мне: назначаю тебя своим помощником. Я не поверила сначала, и не удивительно: тогда у руководителя Капеллы был всего один помощник. Можно себе представить объем работы. К тому же это был первый случай, чтобы существо женского пола назначалось дирижером профессионального хора.

Но спорить с Климовым? На следующий день я пришла и встала лицом к хору.

Через год я поступила в Консерваторию и училась сразу на трех факультетах, естественно, без отрыва от работы.

– А время? Силы?

– Не знаю, откуда что бралось. Успевала. Но это еще что... Настоящий экзамен пришлось держать через три года, когда внезапно заболел Климов, а Капелле предстояли гастрольные выступления в Донбассе, на слете стахановцев. Мы поехали без него. На двадцатом году жизни я оказалась руководителем большого коллектива, да еще в такой ответственной поездке – за месяц мы дали около тридцати концертов.

Гастроли прошли успешно, мы привезли благодарности и подарки от шахтеров. Шахтерская лампочка, подаренная самим Стахановым, до сих пор хранится в музее Капеллы.

Вот почему мне горестно, когда говорят о каком-нибудь человеке 22–25 лет, что он молод, неопытен и нуждается в заботе и снисходительном к себе отношении. Считаю, что более всего он нуждается в самостоятельности и доверии, а не в постоянной и, на мой взгляд, оскорбительней опеке. Другое дело, что далеко не все молодые люди рвутся к самостоятельности: под крылышком – оно спокойнее.

Но мне и тут везло. Мне попадались одаренные ученики. Не только музыкально одаренные, но и человечески.

В ином сначала как будто и не видно отваги, смелости, творческого огня. Но поработаешь месяц-другой, глядишь, и разгорелся. Значит, было в нем творческое начало, только что-то мешало ему проявиться или сам он себе мешал... Некоторыми из своих учеников я просто восхищаюсь: как замечательно работают Александр Дмитриев, Дмитрий Китаенко, Тимур Мынбаев, Равиль Мартынов, Алексей Степанов, многие другие. И сегодняшних моих помощников по Хору любителей пения Александра Верещагина и Андрея Петракова, думаю, тоже ждет большое будущее.

Да, нужно раньше начинать. Юность – пора учения, но и активной деятельности тоже. Если бы я не начала работать так рано, кто знает, вынесла ли бы ту нагрузку, что выпала в войну.

– «Музы не молчали» – эти слова относятся к любому творческому работнику, который прошел через военные годы...

– В первые же дни войны многие артисты Капеллы были призваны в армию, ушли в ополчение, на рытье окопов. Для оставшихся было важно понять: что мы должны делать, что мы можем делать для Победы? Тут же были организованы бригады, начались выступления.

Мы пели для солдат, уходивших на фронт, для раненых – в госпиталях, для рабочих – на заводах. Мы пели, стараясь утвердить в людях волю к жизни, любовь к Отечеству, веру в Победу...

Когда вспоминаю дни войны, я думаю и о том, как мало мы себя знаем, как мало знаем о том, что можем. Порой наши способности так и не раскрываются от этого незнания.

– Как много тут зависит от нас самих!

– Доказательство этого – перед моими глазами: это хор любителей пения, которым я руковожу на общественных началах. В нем сто человек, люди самых разных специальностей, ни одного профессионального музыканта. Однако все сто участников хора – настоящие музыканты. В свое время обстоятельства помешали им сделать музыку своей профессией, но они сумели найти способ наполнить ею свою жизнь. Для этого нужна любовь. Только любовь заставляет их два вечера в неделю съезжаться на репетиции со всех концов города, готовиться к концертам, разучивать новые партии, волноваться перед выходом на сцену.

– Но эта любовь не только требует, но и дает.

– Всенепременно! Общение с прекрасным, человеческое общение, возможность самовыражения... Разве все это не обогащает личность, не создает ощущения полноты жизни, радости бытия?

В репертуаре хора оратории и кантаты, народная песня, западная и русская классика. Хор поет с оркестром, с органом, а капелла. Он выступал под управлением прославленных дирижеров Г. Рождественского, А. Янсонса, А. Дмитриева, многих других. Одни только встречи с такими мастерами могут стать вехами в жизни.

Я считаю для себя за великую честь работать с самодеятельным коллективом, служить тем, кто приходит на репетицию после рабочего дня. Это люди особенные, работа с ними – наслаждение.

– Вы сказали – «это люди особенные». Но в хоре сто человек, неужели вы всех знаете?

– Когда к нам приходит новичок, мы слушаем его сначала как человека, лишь потом – как певца. Это стало законом общения в хоре – мы интересуем друг друга в первую очередь не как исполнители, а как люди. Потому-то почти каждый здесь нашел друзей. Мы даже сыграли двенадцать свадеб...

А наши «капустники» в конце сезона? И наш маршрут в белую ночь,

когда мы идем к Медному всаднику и поем там «Гимн Великому городу», а на ступеньках Стрелки Васильевского острова – «Белеет парус одинокий», а на Мойке – произведения на слова Пушкина.

Тысячи людей идут за нами, а мы все поем. И музыка, красота объединяют нас. Такие часы – незабываемы.

– Недавно вашему хору исполнилось двадцать пять лет. За эти годы он приобрел в городе широкую известность, своих постоянных слушателей.

– Двадцать пять лет для творческого коллектива – возраст критический: страшно остановиться, не начать бег на месте. Мы эту опасность осознаем, и замыслов у нас много.

Я считаю, никогда нельзя жить, снимая урожай прошлогоднего посева, нужно каждый день сеять, тогда все время будут всходы.

Беседу вела П. Соловей

Не отрекаются, любя
«Смена», 31 июля 1987 года.

Как-то моя знакомая поинтересовалась:

– Ты была когда-нибудь на концерте в Казанском соборе? Есть такая возможность...

Сначала я приняла слова подруги за розыгрыш. Но когда она предложила сходить туда и все увидеть собственными глазами, сомнения рассеялись.

В Музее истории религии и атеизма пел хор. Голоса отлетали под купол собора. Усиленные великолепной акустикой храма, они завораживали слушателей. Казалось, что поют где-то наверху, на хорах, потому что оттуда, отражаясь, неслась чистая мелодия музыки Чайковского. Звучала «Литургия» Петра Ильича. Затем хор спел «Тихую мелодию» С. В. Рахманинова, «Концерт для двух хоров» Д. С. Бортнянского. Всего шесть произведений.

Слушателей было человек сто. Но, когда в зале воцарялась короткая пауза, тишина казалась непроницаемой. Зачарованные, люди, боялись проронить хоть слово.

Раньше я не слышала эти произведения, хотя стараюсь не пропускать ни одной новинки в репертуаре сколь-нибудь значительного самодеятельного хора в городе. И вдруг – открываю для себя совершенно новые произведения, которые вызвали в душе массу прекрасных эмоций.

Дирижер хора Елизавета Петровна Кудрявцева помогла мне.

– То, что вы здесь услышали,– сказала она, – действительно исполняется крайне редко. Дело в том, что до недавнего времени в этих мелодиях усматривали религиозное содержание. Но сегодня такой довод у здравомыслящего человека вызывает только улыбку. Время не то.

Кудрявцева руководит любительским хором 28 лет, с первых дней, как он образовался. Елизавета Петровна – первая женщина-дирижер в стране, народная артистка РСФСР, профессор Ленинградской консерватории. За свою жизнь она дала свыше 600 концертов.

В самодеятельном хоре Кудрявцевой сейчас более ста человек. Это люди разных профессий и возрастов. Всех их сближает любовь к вокалу. Трижды в неделю они приходят в зал Капеллы после работы и репетируют. Основной сценой для выступлений коллектива стал Малый зал Консерватории.

– Меня привели сюда папа с мамой, они инженеры, – говорит выпускница школы Маша Муретова, – вся семья стала поющей. Дома мы легче находим общий язык...

– Хор дал мне вторую жизнь, – продолжает мысли Маши другой участник хора, офицер запаса Феликс Иванович Воронов. – Здесь мои друзья, чувствую себя нужным им...

Но не только династия Муретовых не мыслит себя вне хора. Всей семьей поют Михайловы, Козыревы, Борзовы. Здесь это стало традицией.

Что хор исполняет? Тут и русские, и зарубежные пьесы. Произведения Моцарта, Баха, Генделя, Франка, Лотти. Только за последние пять лет репертуар пополнился 150 новыми работами.

То выступление в Казанском соборе можно назвать исключительном случаем. Администрация собора с неохотой дала согласие на выступление хора. Не было, соответственно, и афиш. О предстоящем концерте знали немногие. Впускали зрителей не через главный вход, а служебный. Не хватало стульев, и многие слушатели простояли весь концерт.

И все же выступление, несмотря на все препоны, состоялось. Правда, состав хора оказался неполным. Незадолго до начала дежурный милиционер закрыл входную дверь, и некоторые участники концерта так и не смогли войти, несмотря на их просьбы.

После концерта мне подумалось: жаль, что администрация музея поступает так недальновидно. Ведь прекрасно, что именно в Музее истории религии и атеизма звучала музыка, которую церковь веками присваивала себе. Ни Чайковский, ни Рахманинов не писали специально для церкви. Другое дело, что оба сочиняли произведения на библейские сюжеты. И теперь они полноправно вошли в сокровищницу русской культуры, стали бесценными крупицами нашего музыкального наследия. Разве можем мы отречься от этого?..

Б. Мельникова,
слушательница малого журфака ЛГУ им. А. А. Жданова

Праздник духовности
«Вечерний Ленинград», 7 февраля 1989 года.

Теперь, когда эти сочинения повсеместно звучат в наших концертных залах, кажется странным, как могли мы обходиться без их живительного воздействия. И горько создавать, что целый пласт прекрасной музыки так долго был обречен на немоту, пребывал в безвестности, был скрыт от нас.

Мессы Баха и Бетховена, заупокойные службы Моцарта, Верди и Берлиоза не сходили с концертных афиш, а духовная музыка русских композиторов на культовые тексты относилась к разряду «табу». Сейчас этот печальный период, к счастью, позади. Мы заново открываем для себя музыку анонимных мастеров XVII–XVIII веков, Березовского, Бортнянского. Ожившие страницы духовных композиций Чайковского, Рахманинова, Гречанинова существенно дополняют наше представление об их творческом наследии.

Эта музыка нужна нам сегодня. В ней – жизнь человеческого духа, раздумья о вечных вопросах бытия, нравственная чистота. Она скорбит и ликует, взывает к милосердию, учит сострадать...

На днях в зале Академической капеллы имени М. И. Глинки Хор любителей пения Музыкального общества Ленинграда выступил с интереснейшей программой, составленной из образцов русской духовной музыки XVIII–XX веков. Для самодеятельных, непрофессиональных артистов освоение столь сложных произведений явилось немалым достижением.

Прозвучали сложнейшие Концерты Дегтярева – русского композитора XVIII века, вышедшего из крепостных крестьян, и его современника Веделя, автора музыки, по существу совершенно слушателям неизвестной. Исполнителям удалось также передать стройную уравновешенность, характерную для хорового письма Бортнянского, и экспрессивную напряженность гармонического языка Архангельского, прозрачный, светлый склад музыки Гречанинова и текучую переливчатость рахманиновского мелоса. К этому надо прибавить такие качества исполнения, как чистота интонации, сбалансированность звучания отдельных групп, а главное – полную «отдачу» хористов, истинную увлеченность интерпретируемой музыкой, искреннюю к ней любовь. В этом году хору исполняется 30 лет. В честь этой даты коллектив подготовил цикл из пяти абонементных концертов. В зале Капеллы уже состоялись вечера, посвященные музыке венских классиков, творчеству Гаврилина и Свиридова. До конца сезона любители хорового пения смогут услышать крупные полотна Шютца и Генделя, кантату Орфа «Кармина Бурана».

Бессменный художественный руководитель и главный дирижер коллектива – известный мастер хорового искусства народная артистка РСФСР профессор Е. Кудрявцева. В концерте приняли участке ее ученики –

молодые, дирижеры Андрей Петренко и Николай Ефимов. Успеху вечера способствовало выступление заслуженного артиста РСФСР Г. Беззубенкова, проникновенно исполнившего сольную партию в хоровом концерте Чеснокова, и артистки Л. Клименко.

Наталья Корыхалова,
профессор Ленинградской консерватории

Улыбка профессора

7 мая 1989 года.

Елизавета Петровна Кудрявцева в нашем искусстве и нашей жизни – явление уникальное. Говорят, что красивое и доброе породнены меж собой. Для Елизаветы Петровны – это безусловная истина, и каждодневно своей деятельностью, длящейся уже почти 60 лет, она ее подтверждает.

Тридцать лет дирижировала Кудрявцева Ленинградской академической капеллой, а в годы войны возглавляла ее. Ее усилиями старейшее культурное учреждение страны было спасено как национальное достояние. Переезжая в труднейших условиях из города в город, Капелла за четырнадцать месяцев дала 645 концертов!

Ученица выдающегося отечественного хорового дирижера М. Г. Климова, профессор Кудрявцева наследовала его педагогическую систему. Зорко вглядываясь в каждого ученика, она стремится постичь неповторимость

его человеческой и художественной индивидуальности и заботливо ее растит: ведь в искусстве так ценна самобытность. Как не похожи друг на друга воспитанники Елизаветы Петровны! Даже перечисление тех, кто окончил по ее классу Консерваторию, – а преподает тут она уже 40 лет, – заняло бы всю газетную полосу.

В нынешнем сезоне исполнилось тридцать лет Хору любителей пения, создателем и бессменным руководителем которого является Е. П. Кудрявцева. Это только по статусу они – любители. По уровню же мастерства – профессионалы. Какое множество сложнейших образцов хоровой литературы исполнено хором в филармонических залах Ленинграда и других городов!

В работе профессору ассистируют студенты и выпускники, молодые хормейстеры, для которых это – бесценная практическая возможность освоения профессии. Кстати, и в Консерватории на базе класса Кудрявцевой организован камерный хор студентов-композиторов, теоретиков и пианистов, одна из задач которого – вдохновлять будущих творцов музыки на обращение к хоровому жанру.

Ежегодно 7 мая в гостеприимный дом Елизаветы Петровны стучатся многочисленные ученики и коллеги – поздравить ее с днем рождения. Придут они и сегодня, в день ее 75-летия. И, как всегда, Елизавета Петровна встретит их молодая, озаренная приветливой улыбкой, воодушевленная предстоящими новыми работами.

М. Бялик

Хор любителей пения. Большой зал Санкт-Петербургской филармонии. 100 лет со дня рождения А. В. Свешникова. 1990 год

Хор любителей пения. Большой зал Санкт-Петербургской филармонии. Д. Штода и Е. П. Кудрявцева

«Правда», 8 ноября 1990 года.

Это фото сделано на днях в знаменитом Большом зале Ленинградской филармонии на заключительном концерте цикла хоровых вечеров в честь 100-летия со дня рождения А. В. Свешникова, выдающегося мастера хорового искусства, крупного музыкального деятеля, многолетнего ректора Московской консерватории. В предвоенные годы Александр Васильевич возглавлял Ленинградскую академическую капеллу. Его ближайшим помощником тогда была Елизавета Петровна Кудрявцева, ныне виднейший профессор Ленинградской консерватории, народная артистка РСФСР. На фотографии Кудрявцева – вместе с руководимым ею художественным коллективом: Хором любителей пения Музыкального общества Ленинграда. Дважды в неделю из многих районов города и пригородов съезжаются на репетиции люди разных профессий, движимые любовью к искусству и преданностью своему замечательному дирижеру. Лишь в этом смысле они – любители, что же касается артистического уровня, то хор абсолютно профессиональный, что подтвердила исполненная обширная программа из сочинений Веделя, Бортнянского, Рахманинова, Гречанинова, Чеснокова, Свешникова. Кстати, несколько певцов, как и сама Е. П. Кудрявцева, – в хоре с его основания, с 1958 года.

В 30-е годы, в «свешниковскую пору», Кудрявцева с коллегами немало сделала для возрождения хорового училища при капелле. На снимке рядом с Елизаветой Петровной – солировавший в концерте питомец училища Даниил Штода. Имя это надо запомнить: у мальчика редкой красоты голос и благородная певческая манера – хочется думать, что его ждет счастливая судьба.

М. Бялик

Первые лауреаты премии мэра

«Санкт-Петербургские ведомости», 1 июня 1994 года.

Вчера в Доме архитектора прошел семинар на тему «Живая культура Санкт-Петербурга: диалог деятелей культуры и искусства с представителями власти, науки и бизнеса».

Диплом

Лауреата премии мэра
Председателя Правительства
Санкт-Петербурга
в области литературы, искусства
и архитектуры
1994 г.

Кудрявцевой-Муриной Елизавете Петровне

— художественному руководителю
и дирижеру хора Любителей пения,
за концертные программы
1992-94 гг.

Мэр
— Председатель Правительства
Санкт-Петербурга
А.А. Собчак

Вступительное слово А. А. Собчака «Государственная поддержка культуры и искусства» было предварено приятной церемонией вручения только что учрежденной премии мэра за выдающиеся достижения в области литературы, искусства и архитектуры за 1994 год. Лауреатами премии по рекомендациям координационного совета творческих союзов города стали: ...дирижер Хора любителей пения Елизавета Кудрявцева-Мурина – за концертные программы последних лет...

В. Полушко

НЕВСКОЕ ВРЕМЯ Среда, 22 октября 1997 года

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Букет для дирижера

Все в этом концерте было необычным. Начиная с исполнявшегося сочинения—Деместенной литургии А. Гречанинова, не звучавшей с 1918 года, хотя и весьма ценимой Ф. Шаляпиным, спевшим, однако, лишь одну часть.

Мешало многое. Деместенную литургию, то есть в древнерусском стиле молитвенное песнопение, предназначенное Православной Церкви, эта Церковь не приняла, ибо композитор использовал орган—инструмент католического богослужения. Масштабы Литургии—более часа звучания—затрудняли хоры. Не было уверенности, что концертные залы в этом случае будут заполнены. А когда Гречанинов стал эмигрантом, его имя надолго вычеркнули из списка русских композиторов. Музыку, хотя она соответствовала утверждавшимся в советское время канонам реализма, играть, за исключением детских пьесок, перестали. И ноты Литургии, как нечто церковное, изъяли, уничтожили. Словно она и не существовала.

Выдающийся мастер хорового искусства, профессор Петербургской консерватории Елизавета Петровна Кудрявцева, поставив целью возродить Литургию Гречанинова, справедливо считая ее замечательным созданием отечественного хорового творчества, начала с поисков и реставрации хотя бы отдельных номеров. Сын Кудрявцевой искусствовед Александр Мурин вступил около сорока лет назад в переписку с жившим в Нью-Йорке Гречаниновым, взволнованным тем, что на родине о нем вспомнили. Смелость заключалась еще в том, что Кудрявцева доверила исполнение не профессиональному коллективу, а самодеятельному Петербургскому хору любителей пения. Не на профессионализм, а на энтузиазм она рассчитывала в хоре, которым руководила сорок лет без оплаты, где люди, тоже никаких денег не получая, поют воистину только из чистой, бескорыстной, спасительной любви к музыке.

Искусствознанием еще будет исследована и оценена огромная работа Кудрявцевой по восстановлению, редактированию автографов Литургии. В определенной мере ее можно считать соавтором, ибо она ввела, например, детский хор с сольными эпизодами, что заметно освежило звучание и позволило детям под руководством хормейстера С. Грибкова войти в мир благословенной молитвы.

Литургию хор готовил долго. И не было случая, чтобы кто-либо беспричинно пропустил репетицию, и каждый раз на фортепиано лежал собранный любителями пения букетик—знак любви к своему дирижеру.

Хотя первое звучание Литургии состоялось уже три года назад, истинной премьерой можно считать исполнение, приуроченное к 80-летию недавно скончавшегося замечательного скульптора М. К. Аникушина.

Концерт с удивительной полнотой выявил дирижерское искусство Е. П. Кудрявцевой: в 83 года—и такой эмоциональный, точный, выразительный показ, такой контакт с хором и талантливыми солистами— певцами Г. Селезневым, Д. Медниковым, органистом Ю. Семеновым!

Этот вечер в Капелле стал больше чем концертом. Он убеждал, что нашу действительность определяют не конфликты правителей и не произвол чиновников, а такая вот способность вопреки невзгодам и трудностям возрождать духовное величие жизни.

Софья ХЕНТОВА

Влюбленные в песню

(к юбилею Хора любителей пения Санкт-Петербурга)

«Петербург-Классика», октябрь 1998 года.

В октябре 1958 года в репетиционном зале известный русский музыкант, дирижер Ленинградской капеллы, профессор Консерватории Елизавета Петровна Кудрявцева и ее помощники студенты Александр Мурин и Дмитрий Китаенко собрали на первую спевку 126 страстных любителей хорового пения нашего города. Рабочие, инженеры, врачи, учителя, студенты, влюбленные в песню.

Начинали с простеньких мелодий на два-три голоса, выступали на праздниках, фестивалях. И вот первый концерт в зале Капеллы, а затем в Большом зале Филармонии. Так возник ныне широко известный в стране и за ее пределами Хор любителей пения Петербурга.

За 40 лет сотни концертов в самых престижных залах нашего города, Москвы, городах России, Прибалтики, Германии, Югославии; сотни исполненных сочинений русской, западноевропейской и современной классики: 40 кантат и ораторий в репертуаре; концерты со знаменитыми оркестрами Филармонии, Капеллы. Консерватории под управлением А. Хачатуряна, Г. Рождественского, Ю. Темирканова, А. Дмитриева, Роберто Бенци, Эдгара Тонса, Арвида Янсонса, Д. Китаенко, Б. Хайкина, Э. Серова, В. Чернушенко и других.

Совместные выступления с хоровыми коллективами США, Германии, Франции, Голландии, Норвегии, Финляндии.

За 40 лет в хоре в качестве хормейстеров сделали первые шаги в искусстве ныне широко известные в мире музыканты, такие, как Д. Китаенко, А. Степанов, Т. Мынбаев, В. Зива, А. Борейко, А. Анисимов, А. Верещагин, Н. Корнев, А. Петренко, А. Аниханов, Р. Лютер, А. Шевчук, В. Пчелкин, А. Рыбалко, А. Лебедев, М. Пабузин, Г. Скворцов и др.

Все эти годы безвозмездно дарит людям свой талант, силы и энергию создатель хора народная артистка России, профессор Консерватории, первая женщина-дирижер профессионального хора в стране Е. П. Кудрявцева. Именно под ее руководством достиг исполнительских вершин коллектив.

Хор любителей пения – большая, дружная семья, которая и в радости, и в горе едина. Любопытна эволюция участников. Скромный студент-художник, тенор Вася Козырев – ныне профессор Художественно-промышленной академии, зав. кафедрой Василий Андреевич Козырев; студент-технолог Леша Семенов – ныне Алексей Михайлович Семенов – главный инженер Симферопольского телерадиоцентра. В хоре поют люди с легендарной судьбой. Василий Алексеевич Васильев (в хоре просто «Папа Вася») защищал Родину, кавалер многих боевых наград. Общественный директор хора (есть такая должность) – Алевтина Владимировна Дмитриева, в блокаду регулировщица на «Дороге жизни».

В хор приходят все новые и новые поколения. Возникли даже певческие семейные династии: Гавриловых-Грушко, Конопелько, Муретовых, Плешановых. Помню, как Нина Петренко привела в хор первоклассника сына Андрюшу. Он окончил Училище Капеллы, Консерваторию, был хормейстером в хоре, ныне известный музыкант, руководитель Хора Смольного собора Андрей Александрович Петренко. Подобная судьба и у Андрея Анатольевича Аниханова – главного дирижера Петербургского академического театра оперы и балета им. М. П. Мусоргского, и у Александра Михайловича Анисимова, главного дирижера Минского театра оперы и балета. И этот список, если продолжать, может заполнить все страницы журнала.

И хотя в последние годы в стране, в Европе пошла мода на маленькие, камерные хоры, Елизавета Петровна держит курс на сохранение большого хора, свойственного нашей национальной традиции.

Сезон 1998/99 в хоре юбилейный. В октябре в зале Капеллы, в ноябре – «Демественная литургия» Гречанинова, в декабре органно-хоровой концерт, затем программа русских духовных концертов от Бортнянского, Рахманинова до Чеснокова, Свиридова, Гаврилина, ну, а в мае уже в Большом зале Филармонии оратория Онеггера «Царь Давид» с оркестром под руководством Равиля Мартынова. Замечу, этот концерт будет посвящен юбилею Елизаветы Петровны Кудрявцевой, которая вышла на эстраду в качестве дирижера Капеллы в далеком 1931 году, побив таким образом все рекорды Книги Гиннесса. Недаром этим летом к своим почетным регалиям Елизавета Петровна прибавила высокое звание «Международный мастер».

А. Мурин

Юбилей хора

«Вестник ветерана», № 47, 1998 года.

В зале Петербургской певческой капеллы в этот вечер был аншлаг. Как говорится: «столько народу, что яблоку негде упасть». Праздновали 40-летие широко популярного у нас и за рубежом Хора любителей пения Санкт-Петербурга.

С телеграммой к юбиляру обратился губернатор города Владимир Анатольевич Яковлев:

«Дорогие друзья! Сердечно поздравляю вас с вашим юбилеем – 40-летием творческой деятельности.

За эти 40 лет хор любителей пения завоевал многие профессиональные залы нашего города.

Вы – лучшее свидетельство высокой духовности ленинградцев-петербуржцев во все времена.

Особые поздравления вашему бессменному бескорыстному руководителю Елизавете Петровне Кудрявцевой. Желаю вам счастья и успехов».

Открывая вечер, руководитель Петербургской певческой капеллы, ректор Петербургской консерватории профессор В. А. Чернушенко сказал:

«Россия всегда была самой певческой державой мира. В каждом доме, семье, школе, гимназии день начинался с хорового пения. Ощущение красоты, любви жизни было необычайно сильно. После войны мы помним, какие у нас были многочисленные большие хоры. Как происходило опустошение и разруха в нашем искусстве, общеизвестно! Но чтобы в наши дни сотня людей беззаветно, самоотверженно служила хоровому искусству, нужны проявление высшего духа и благородство сердец.

У хора прекрасное название „Любители пения“, но я бы назвал их сегодня хором „Хранителей России“.

Эти люди сберегают для нас с вами драгоценное достояние нашего Отечества, и это смысл и суть их жизни.

Россия выстоит, если все, что накапливалось веками, останется потомкам, и гарантией сегодняшний юбилей хора.

Удивительный человек возглавляет хор. Ее горячее сердце, профессиональное умение, бескорыстная душа согревают не только сотни людей, всех нас, но волна ее любви распространяется даже на людей, не знающих ее.

Она выросла в этом капелльном доме, воспитана здесь, служила здесь искусству с изумительными музыкантами и продолжает служить России. Обязывает всех нас делать то же самое!»

После этих слов зал стоя приветствовал руководителя и основателя хора народную артистку России, профессора Елизавету Петровну Кудрявцеву.

В честь профессора ее молодые ученики-помощники продирижировали лучшие жемчужины из огромного репертуара хора.

На вечере царила непринужденная атмосфера, лишенная утомительных речей и других атрибутов юбилейных штампов. Председатель Союза композиторов Андрей Павлович Петров отметил в своем приветствии:

«Все композиторы относятся к вам с огромным восхищением и благодарностью. Вы поете сложные партитуры, вами дирижируют выдающиеся музыканты, композиторы доверяют вам исполнение своих сочинений. Вы совершили настоящий подвиг. Разрушили стену покрепче „берлинской“, стену между залом и сценой. Благодаря вам слушатели стали сами соучастниками музыки. Вы сказали, что классическая музыка не элитная вещь. Она доступна всем!»

Были зачитаны поздравления от Союза художников, Союза писателей, от Гуманитарного университета, Академии культуры, Филармонии, Московского камерного хора, знаменитых дирижеров, бывших когда-то хормейстерами в коллективе. В хоре любителей пения сделали первые шаги в большое искусство свыше 50 хормейстеров-учеников профессора Кудрявцевой.

Во втором отделении вечера выступили и «птенцы гнезда Петровны» (так в шутку называют себя ученики профессора) со своими ставшими знаменитыми коллективами.

«Lege Artis» Бориса Абальяна, хор Смольного собора Андрея Петренко, Хор мальчиков Вадима Пчелкина, Хор ветеранов Великой Отечественной войны профессора Федора Козлова.

В заключение сводный хор под руководством Е. П. Кудрявцевой исполнил мелодии Рахманинова и Вагнера, славящие Жизнь и Искусство.

А. Мурин

С любовью к России

«Петербург-Классика», декабрь 1999 года.

Исполнение крупных кантатно-ораториальных, вокально-симфонических, органно-хоровых произведений имеет, как мне кажется, своего слушателя. А именно: того, кто способен отказаться от спешки, суетности, живой картинности представления ради музыки, вобравшей в себя масштаб времени. В «Демественной литургии» А. Т. Гречанинова значительно влияние народных, фольклорных истоков.

Церковь в России была и остается местом сохранения не только культовых обрядов, но и певческой традиции.

Демественная внебогослужебная музыка, по крайней мере, крупных форм занимает скромное место в творчестве русских классиков. Притом с той оговоркой, что существует довольно большое количество мелких произведений такого рода и менее известных авторов.

Интерес к этому произведению, особенно заметный на фоне строительных работ во дворах Капеллы, перебоев с подачей электроэнергии, задержки исполнения по техническим причинам свидетельствует, что оно нашло терпеливого, благодарного, понимающего слушателя.

«Блокадная» обстановка в Концертном зале Капеллы окончилась, свет зажегся и люди жадно припали к чистому роднику удивительной музыки, оказавшейся музыкальным портретом долгожителя русской классики.

Как только мощные трубы органа получили живительный ток электричества, после краткого вступления на органном пункте женский хор мелодично, задушевно и ласково запел «Благослови, душе моя, Господа». «Трисвятое», как бы по ступеням, исполняется по отдельности мужской, женской, детской частью хоровой массы. Когда же эти отдельные пласты сливаются воедино, то мягкость, распевность и полетность пения сохраняются по-прежнему.

Новшеством и исполняемой музыке было введение органа, свойственного католическому богослужению и хора мальчиков (органист Ю. Семенов и хормейстер В. Пчелкин). Особую воздушность, легкость обретает исполняемая им «Херувимская песнь». Введение же органа усиливает симфоническое звучание этой глубокой по мысли музыки.

Память возвращает меня к мощному «Верую», исполненному органом и хоровой массой мужчин, женщин, детей: внушительной хоровой фреске «Многолетие». Все как один... А если одни?

Каждый из солистов обладает собственной индивидуальностью. Народный артист России, профессор Г. Селезнев (бас) исполнил «Сугубую Ектению» весомо, назидательно и, так сказать, однопланово – серьезно, идя вслед за музыкой и как бы игнорируя текст. Д. Медников порадовал ровным приятным звуком, естественно и без слащавости исполнил свою теноровую партию. В целом же о солистах можно сказать, обыгрывая название одной из частей произведения: «Достойно есть». Более сдержанная и скромная манера сольного пения дополняет эмоциональность хорового исполнения и звучание органа.

Хором любителей пения Санкт-Петербурга бессменно, более 40 лет, руководит народная артистка России, профессор Е. П. Кудрявцева. В этом концерте ее жест был особенно мягким, женственным, певучим, прозрачным и легко читаемым.

Следует отметить, что это произведение русского композитора создавалось в период ломки общественных устоев России в октябре 1917 г. И что же? Вместо ломки в нем сохранен особый настой, русский дух, особая лирическая проникновенность, памятью времени остававшиеся в русском композиторе до конца его дней в эмиграции. Серьезным, трепетным отношением к творчеству композитора проникнуто вступительное слово А. А. Мурина. Время, когда нужно было «глаголом жечь сердца людей», проходит. Надо обратиться к их душе. Бывает и лирика сильнее гражданского пафоса.

О. Яковлев

Торжество муз
«Невское время», 18 октября 2000 года.

В понедельник в переполненном Большом зале Филармонии чествовали двух выдающихся представителей отечественного искусства – хорового дирижера Елизавету Кудрявцеву и певицу Ирину Богачеву. Им были вручены памятные знаки «Золотой Орфей», присужденные Фондом имени П. И. Чайковского.

В первом отделении прозвучало великое, но крайне редко исполняемое творение – Месса № 2 Антона Брукнера. Мгновенья душевных борений и надежд, выраженные в пении, словно бы обретали отклик на высокую молитву – мощную божественную защиту в пронзительном, сверкающем звучании деревянных и медных.

Хор любителей пения Санкт-Петербурга (более 40 лет назад созданный и бессменно руководимый Елизаветой Петровной Кудрявцевой) и хор мальчиков Санкт-Петербурга (организованный в 1992 году учеником профессора Кудрявцевой Вадимом Пчелкиным) пели с такой счастливой самоотдачей, таким желанием преодолеть любые трудности брукнеровского полифонического письма и поделиться открывшимися им красотами с собравшимися, что не заразиться их энтузиазмом было невозможно.

Во втором отделении в сопровождении Санкт-Петербургского государственного академического симфонического оркестра пела Ирина Богачева: сначала на французском – арии из опер Сен-Санса, Гуно и Бизе, потом – на итальянском неаполитанские песни, а на бис – куплеты Периколы. На сцене она была, как всегда, царственна: глубокий, мощный голос вольно парил над оркестром. Каждое произведение представлялось в ее интерпретации скульптурно рельефным и воспринималось как подарок.

В этот вечер горячо приветствовали также маэстро Равиля Мартынова: с недавних пор он в соответствии с указом Президента Российской Федерации – народный артист России.

М. Бялик

Фестиваль удался. Но хочется большего
«Санкт-Петербургские ведомости», 15 января 2002 года.

<...>Редкая гостья Большого зала – кантата Бетховена «Морская тишь и счастливое плавание» – прозвучала весьма убедительно, прежде всего благодаря превосходному звучанию Хора любителей пения Петербурга. Поистине горячее воодушевление любителей подчас куда предпочтительней холодного мастерства профессионалов! Впрочем, хором этим со дня его основания уже свыше сорока лет руководит высочайший профессионал Елизавета Петровна Кудрявцева, представляющая целую эпоху в отечественном хоровом дирижировании. Коллектив любителей украсил и исполнение бетховенской Фантазии для фортепиано, хора и оркестра.<...>

Фото на следующих страницах: 1. А. А. Аниханов, Е. П. Кудрявцева. ~ 1984–85 г. 2. Е. П. Кудрявцева, А. А. Аниханов, И. Вербицкий. ~ 1984–85 г. 3. Гастроли в Новгороде, 1995 г. Е. П. Кудрявцева, С. Муретова, М. Пикилина. 4. Е. П. Кудрявцева, М. Пикилина, Е. Муретов, Е. Бережная, Н. Ефимов, Е. Сироткин. ~ 1989 г. 5. Е. П. Кудрявцева. 1983 г. Латвия, Юрмала. 6. 1980 г. Эстония. Праздник песни. 7. Е. П. Кудрявцева, А. А. Петренко. Латвия, Юрмала. 8. Е. П. Кудрявцева, В. А. Чернушенко. 1989 г. Дрезден. 9. А. А. Петренко, А. В. Верещагин. 1983 г. Юрмала. 10. Н. Ефимов, А. А. Петренко, А. А. Аниханов. 11. Е. П. Кудрявцева с немецким учеником Вернером Мачке. 1989 г. Дрезден. 12. Е. П. Кудрявцева, А. А. Мурин. 1981 г.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

11

12

Глава VI. Выступления и речи

Выступление по случаю 150-летия М. И. Глинки

Выступление Е. П. Кудрявцевой на митинге по случаю 150-летия со дня рождения М. И. Глинки на могиле композитора на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры 20 мая 1954 года в Ленинграде.

Ф. М. Козлов и Е. П. Кудрявцева на митинге по случаю 150-летия М. И. Глинки

Неизмеримо велико значение в истории русской и мировой музыки Михаила Ивановича Глинки, положившего прочное основание развитию русской классической музыки во всех жанрах, сумевшего выразить в своем творчестве интересы народа и Родины.

В словах композитора: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем» – заключается важнейшая мысль о том, что только на ос-

нове народной музыки возникает подлинное искусство. Исходя из этого Глинка широко и многообразно, используя богатства русской народной музыки, ярко воплотил в своем творчестве мир идей, чувств, историю русского народа, сумел показать особенности национального характера русского человека, его преданность Родине, мужество, героизм, красоту, искренность душевных переживаний.

Во всех областях музыкального творчества, науки о музыке, эстетики музыки, которых коснулся Глинка, видна его гениальная одаренность.

Высокая идейность музыки Глинки, народность, патриотизм, правдивость, совершенство художественной формы способствовали утверждению за русской музыкой ведущей роли в мировой музыкальной культуре.

Деятельность Глинки с 1837 по 1839 год в качестве капельмейстера и учителя пения в Петербургской певческой капелле (ныне Ленинградской государственной академической капелле, носящей имя М. И. Глинки), в которой он, как писал в своих «Записках», учил певчих музыке и взялся «по-русски вывернуть голоса», как и набор певчих на Украине, сыграли огромную роль в превращении хора Капеллы в лучший в мире.

Вещие слова великого русского композитора, испытавшего на себе подобно А. С. Пушкину всю тяжесть реакционного царского крепостнического строя первой половины прошлого века, о том, что его «Руслана» поймут «через 100 лет» сбылись в наше время.

Склоняя голову перед светлой памятью Михаила Ивановича Глинки, музыка которого дышит верой в народ, человека, поет о торжестве правды и справедливости, утверждает победу жизни над смертью, помогает народам мира бороться за свое право на свободу и счастье, мы обещаем неустанным совершенствованием хорового мастерства свято хранить заветы Глинки и высоко нести знамя Советского искусства.

Выступление на пленуме Союза композиторов в 1962 году.

В коротком выступлении нет возможности изложить хотя бы очень бегло всю работу, которую проводит Хоровое общество Ленинграда, пропагандируя музыку советских композиторов.

В своем докладе Д. Д. Шостакович говорил, что наши композиторы должны принять самое деятельное участие в воспитании подрастающего поколения, ибо через песню можно привить людям любовь к труду, чувство патриотизма, красоты природы, искусства.

Нам представляется, что пришло время пересмотреть творческие взаимоотношения композиторов со школой. Замечательным примером на том поприще является деятельность Д. Б. Кабалевского, который долгое время

общается с детьми, и ленинградцы смотрят и следят, как он посещает школы, как пишет для них.

Это я говорю в результате ознакомления с работой в школе. По линии хорового общества мы провели большую работу по просмотру кадров школы и оказания помощи учителям.

Провели большую работу по смотру хоровых коллективов школ и в результате этой работы, нам кажется, что все-таки композиторы должны ближе стать к школе и пересмотреть свои некоторые формы деятельности, работать непосредственно в школе.

Нам представляется, что нужно делать выездные секции или выносить новые песни на обсуждение в школу, на школьные пионерские-комсомольские советы, педагогический состав, ибо дети не скроют и скажут, что им песня понравилась или что они в ней ничего не поняли.

Нам кажется, что система конкурсов песен, может быть, даже себя изжила или пережила, т. е. может быть песни нужно заказывать отдельным композиторам и поэтам.

В школе нет гимна, а создание его имело бы большое значение для организации всего учебного процесса. Есть школьный вальс, а школьного гимна нет. Время не ждет, такой гимн должен быть создан.

В Ленинграде есть замечательный юношеский хор. В Москве в Институте Академии наук провели дискуссию – можно ли подросткам петь в мутационный период?

В Ленинграде есть замечательный пример этому. Юношеский хор при Дворце пионеров, объединяющий юношей, мальчиков, которые ведут большую пропагандистскую работу в школах, в старших классах.

Этот коллектив задыхается от отсутствия репертуара, ибо его специфика особая, он ограничен возможностями своего певческого диапазона.

Когда вопросы идеологической работы среди нашей молодежи имеют основополагающее значение, этот важнейший участок в воспитании школьников старших классов упускать нельзя. Надо создавать хоровые сочинения для подобного состава юношеских хоров и всемерно их поддерживать.

Наступает 40-летие пионерской организации. Здесь слово за композиторами. Нужны такие песни, которые полюбились бы школьникам. Они должны быть напечатаны в тетрадках, как таблицы умножения, на блокнотах, чтобы школьники не расставались с этими замечательными песнями.

Несколько слов о профессиональных хоровых коллективах. В Ленинграде по инициативе хорового общества была проведена в декабре месяце конференция профессиональных певцов и руководителей хоров в свете решений XXII съезда партии о повышении певческой культуры

и мастерства. На этой конференции единодушно отмечалось, что многие советские композиторы, создавая свои произведения, не считаются с певческой и естественной природой голосов, завышают тесситуру, пишут неудобно для голоса, что затрудняет исполнение подобных сочинений в хоровых коллективах и обедняют природу хорового звучания.

Несколько слов о хоровом мастерстве наших композиторов. Композиторы приносят произведения крупной формы и передают в хоровые коллективы. В самом хоровом коллективе хоровой мастер начинает переделывать партитуру и делает это до такого искажения, что это сочинение теряет свой основной облик, а композитор идет на все компромиссы, на все переделки ради того, чтобы услышать произведение. Это совершенно недопустимо.

Я считаю, что это порочная система. Кантатно-ораториальные произведения нам очень нужны. Они должны рождаться в творческих коллективах в настоящем содружестве с хоровыми деятелями, где может быть подсказана тема, обусловлены творческо-певческие возможности коллектива. Произведения должны создаваться для конкретных коллективов – тогда это соавторство будет настоящим и плодотворным. Следует показывать произведения частями так же, как рождается опера или симфония.

Суммирую: подобные сочинения кантатно-ораториальной формы должны рождаться и иметь определенного адресата, определенный коллектив, как рождались замечательные хоровые сочинения – 10 поэм Шостаковича, как хоры Свиридова, которые были созданы в содружестве с Государственным академическим русским хором СССР, при непосредственном участии его руководителя народного артиста СССР, профессора А. В. Свешникова, произведения Салманова – хоровой цикл «Бьется сердце», который создан в творческом содружестве с Ленинградской академической капеллой и др. произведения.

Несколько слов относительно пропаганды хоровых сочинений советских композиторов. Появление сочинений крупной формы ораториально-кантатного плана – это по-настоящему событие в музыкальной жизни. Это то же самое, что рождение оперы. Исполнение подчас ограничивается одним, двумя показами в концертном зале Филармонии или Капелле. Разве можно мириться с такой практикой пропаганды?

Мне кажется, нужно практиковать выезды в рабочую массу. Не нужно бояться, что если выедет коллектив на какое-то крупное предприятие, вроде Кировского завода, или в большой цех, то после этого публика не будет ходить в Филармонию. Мне кажется, что это опасение совершенно напрасное. Ибо только тогда, когда мы пойдем непосредственно в народ, народ пойдет в концертные залы.

Пропагандируя сочинения, нужно рассказывать о значении создания замечательных творений. Произведение Салманова «Двенадцать» исполнялось в Ленинграде два раза, и когда оно еще увидит свет, неизвестно. Разве это сочинение не достойно более широкого показа? И таких примеров можно привести много.

Разрешите рассказать о той новой живой форме музицирования, которая сейчас создается в нашем городе. Это любительские хоры.

В Ленинграде сделано замечательное начинание, по линии Хорового общества создан студенческий хоровой клуб. Он объединяет 14 вузов. Это армия, которая борется за культуру, за то, чтобы пропагандировать культуру в массы. Это замечательный очаг культуры, не замечать который нельзя.

Нужно писать песни молодежные, задорные, которые помогли бы нашей молодежи осуществлять замечательные решения нашей партии.

В Ленинграде создан любительский хор. Он насчитывает 150 человек. Я имею честь руководить этим хором. Он существует только второй год. Я руковожу им в порядке общественном и считаю, что каждый из деятелей хоровой культуры способен в порядке общественном, помимо своей профессиональной и педагогической работы, создать подобнее коллективы. Это замечательное дело, ибо общение с этими людьми дает не только большое удовлетворение, но и определенный запал для нашей творческой деятельности.

Этот коллектив за время своей деятельности выступал на ведущих производствах, в цехах ленинградских предприятий. Он принимал также участие и в профессиональной деятельности – выступал и исполнял хоры, в юбилейных торжествах Вебера, с оркестром Филармонии. Этот коллектив принял участие в озвучании 3-й симфонии Малера.

Мы обращались к советским композиторам, чтобы они пришли к нам в коллектив, но, учитывая их большую занятость, мы не стали дожидаться их прихода, а подготовили концерт из хоровых произведений советских композиторов и сами пришли в Дом композиторов.

Это было в понедельник, накануне открытия этого Пленума.

Спасибо композиторам, они очень внимательно отнеслись к нам, мы рассказали им о нашей жизни, о нашей деятельности. Нам представляется, что в недалеком будущем каждый член нашего коллектива сам будет общественным руководителем на своем предприятии.

После концерта в Доме композиторов под председательством композитора Носова собралась секция песни. Было проведено заседание совместно с активом нашего хора. На этом заседании были намечены основные пути развития этого любительского коллектива, намечены творческие планы. Планируется на ближайшем заседании Правления поставить

вопрос о перспективах развития подобных любительских хоров. Это же ведь замечательное дело! Такие любительские хоры уже готовы порой вступить в ряды некоторых профессиональных коллективов и своим участием внести лепту в замечательное дело повышения музыкальной культуры нашего народа.

Нет сомнения, что то большое дело, которое проводится Хоровым обществом, может быть успешно решено в том случае, если мы будем дружно работать с Союзом композиторов, ибо мы пропагандируем и должны пропагандировать советскую музыку и своей работой в лице Хорового общества – этой колоссальной армии пропагандистов – мы ответим на те замечательные задачи, которые стоят перед нами, работниками искусства, в свете решения XXII съезда партии.

Ценным документом для нас должна явиться такие передовая статья сегодняшней газеты «Правда» «Художественное творчество миллионов».

Два письма в журнал «Советская музыка». 1980 год.

В. А. Юзефовичу, журнал «Советская музыка»

Уважаемый Владимир Аронович!

15 сентября вернулась из отпуска и получила Ваше письмо от 27-го августа с/г.

Мне сложно говорить, писать или давать оценку творческой деятельности композиторов за последнее пятилетие, так как всегда передо мной возникает панорама более дальняя и, в сравнении с ней, многое видишь в углубленном аспекте.

В 1980–81 году пошел пятидесятый год моей творческой, хормейстерско-дирижерской и педагогической деятельности. За эти полвека мне довелось готовить к первому исполнению многие оратории, кантаты и хоровые циклы советских композиторов.

Достаточно вспомнить такие сочинения как: Прокофьев – «Александр Невский», оратория «На страже мира», «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», кантата «Славься, наш могучий край», «Семеро их»; Шостакович – «Песнь о лесах», Десять поэм, 13 симфония, «Катерина Измайлова» (II редакция, в концертном исполнении), запись музыки «Москва, Черемушки»; Шапорин – «На поле Куликовом», «Сказание о земле русской»; Пащенко – «Ленин», Юдин – «Киров»; Арутюнян – «Кантата о Родине»; Салманов – «Двенадцать» (по Блоку), Циклы хоров без сопровождения; Свиридов – «Патетическая оратория», «Курские песни», циклы хоров; Гаврилин – хоры; Левитин – «Отчизна» и многие сочинения

хоровой музыки советских композиторов. И каждое из этих произведений, ставшее сегодня хрестоматийным, рождалось в тесном содружестве с авторами и дирижерами.

Незабываемы репетиции и концерты под управлением С. С. Прокофьева – «Александр Невский» – в дни войны; послевоенные премьеры «На страже мира» Прокофьева и «Песни о лесах» Шостаковича под руководством Е. А. Мравинского; исполнение общевузовским хором студентов Ленинградской консерватории во Дворце Съездов, в Москве, на столетии вуза «Патетической оратории» Г. В. Свиридова.

Это были подлинные праздники торжества советской музыки. Явления, для нашего сознания равные пуску завода, открытию плотины.

К подобным творческим достижениям в хоровом жанре последнего пятилетия отношу исполнение в Ленинградской филармонии имени Д. Д. Шостаковича произведений Г. В. Свиридова «Пушкинский венок» и кантаты на стихи Блока «Облака», хоровых фресок А. П. Петрова «Петр I», хоров и кантат В. Тормиса.

Сегодня без общения и обращения к творчеству советских композиторов современный художник-музыкант не может раскрыть себя полноценно. Любовь и уважение я воспитываю и в своих учениках: Александр Дмитриев, Дмитрий Китаенко, Тимур Мынбаев, Куно Аренг и другие стали страстными пропагандистами советской музыки.

Процесс появления хоровых сочинений неразрывно взаимосвязан: автор – исполнитель. Ибо без настойчивости, целеустремленной энергии наших ведущих хормейстеров не было бы многих ныне популярных хоровых сочинений.

Взаимозаинтересованность и привела к созданию в Ленинградском отделении «Советского композитора» ряда сборников под моей редакцией из произведений для хора без сопровождения ленинградских композиторов Слонимского, Гаврилина, Салманова, Фалика, Рубцова и др., а также композиторов Прибалтики – Тормиса, Эрнесакса, Дамбиса, Баркаускаса и др.

Такое соседство обусловлено еще и тем, что корни композиторских школ прибалтийских республик ведут свое начало с невских берегов.

Несколько негативных сторон:

1. За последние годы у композиторов (исключение – прибалтийские республики) пропал интерес к массовой хоровой песне.

2. В поисках новизны языка, расширения средств выразительности, в сочинениях для хора часто теряется естественная русская природа хорового пения: широта, распевность, пластовость русского многоголосия, нарушается равновесие хорового звучания.

3. Редко встретишь, в частности в нашей ленинградской прессе, страстную статью в защиту нового сочинения или его яркую популяризацию. В лучшем случае, традиционные статьи-обзоры или краткая информация.

Даже такое событие, как премьера кантаты Г. В. Свиридова «Облака» не нашло должного освещения в прессе.

4. После ухода из жизни старшего поколения мастеров лекторского искусства нет такого же яркого, страстного слова о советской музыке и с концертной эстрады.

Народная артистка РСФСР, профессор Е. Кудрявцева-Мурина
24.09.80

Уважаемый Владимир Арнович!

В предыдущем письме я изложила ответы на многие вопросы, затронутые в анкете.

Глубоко убеждена, что проблемы хорового искусства требуют государственного решения. Так, пропаганда хорового искусства в общем плане идеологической работы должна стоять на одном из первых мест.

Отмечаю, что на сегодняшний день на первый план вышли вокально-инструментальные ансамбли, парады на стадионах популярных эстрадных певцов, пропаганда дискотек, а знаменитые в 30–50 года массовые хоры в Ленинграде – Ижорского, Кировского, Металлического заводов (ныне объединенный) – прекратили свое существование.

И как здесь не вспомнить снова статью В. И. Ленина «Развитие рабочих хоров в Германии».

Эта проблема меня особенно волнует, т. к. вот уже более двадцати лет я руковожу на общественных началах народным коллективом, Хором любителей пения Ленинграда, объединявшим в своих рядах рабочих и служащих различных предприятий, знаю и вижу, насколько необходимо активное участие людей в творческом процессе, в формировании духовной жизни советского человека.

Русское, советское хоровое искусство – искусство массовое, – в этом его главная особенность. Наряду с положительными сторонами камерного хорового музицирования – мобильностью, универсальностью и др., камерные хоры стали подменять большие хоровые коллективы. Нельзя заменять большой симфонический оркестр камерным, – так и здесь недопустима односторонность. Такой огромный край нашей страны, как Сибирь должен иметь многоголосную хоровую капеллу, которой по плечу была бы вся разнообразная русская, советская и классическая литература, что не может выполнить только что созданный профессиональный Новосибирский хор.

Недаром для исполнения последних хоровых полотен Г. В. Свиридова лучший камерный коллектив страны – Московский хор под управлением В. Н. Минина вынужден объединяться то с Новосибирским камерным хором, то с Республиканской хоровой капеллой им. А. А. Юрлова.

К сожалению, в последние годы, за исключением Г. В. Свиридова и недавно ушедшего от нас В. Н. Салманова, трудно назвать авторов, много пишущих в хоровом жанре. И как тут не вспомнить прошлые годы и А. Ф. Пащенко, Д. Д. Шостаковича, В. Я. Шебалина, М. Коваля, А. А. Егорова, А. Г. Новикова и др., посвятивших большую часть своего творчества хору. Да и на страницах молодежной прессы трудно припомнить очерк о творчестве хормейстера, дирижера: будь то москвичи Д. Китаенко, Ю. Симонов, А. Степанов или ленинградцы: Ю. Темирканов, М. Кукушкин, А. Анисимов, В. Гергиев, Р. Лютер, или алмаатинец Т. Мынбаев. А ведь многие из вышеназванных носят почетные звания лауреатов Ленинского комсомола и, несмотря на молодость, удостоены званий народных артистов.

Как пример положительного решения значимости хорового искусства в деле эстетического воспитания народа может служить Советская Эстония, где в преддверии XXVI съезда КПСС был проведен республиканский слет-семинар хоровых дирижеров (135 руководителей всех хоровых коллективов – от дирижера Государственного хора до руководителей сельских коллективов).

К участию в слете были приглашены ведущие мастера-хормейстеры Советского Союза. На слете решались вопросы и проблемы как сегодняшнего дня, так и будущих грандиозных праздников Песни.

Е. Кудрявцева-Мурина

Актовая речь

В Консерватории была замечательная традиция: 1 сентября на общем собрании студентов всех курсов в присутствии профессорско-преподавательского состава старейший и уважаемый музыкант вуза произносил актовую речь.

В юбилейный 1986–87 учебный год (125 лет со дня основания первой русской консерватории) ученый совет поручил это Елизавете Петровне Кудрявцевой.

К сожалению, в наши дни эта традиция утрачена.

Сегодня, прежде чем войти в здание Консерватории, мы все вступили на высокий парапет Театральной площади. Это был когда-то подиум, на котором стоял портик с величественными колоннами Большого Петербургского театра. Мимо этих колонн, через парадный подъезд, 150 лет тому назад, 27 ноября 1836 года, спешил Петербург на премьеру оперы Глинки,

воспевающую подвиг русского народа, костромского крестьянина Ивана Сусанина, на премьеру оперы, открывшей новое летоисчисление не только в русской, но и в мировой музыкальной культуре.

А еще через полвека эти стены стали родным домом первой русской консерватории, консерватории, основанной группой передовых русских музыкантов-просветителей во главе с Антоном Григорьевичем Рубинштейном.

Профессорский состав самой молодой консерватории Европы был поистине блестящим. Это в первую очередь концертные исполнители европейского масштаба: пианисты А. Г. Рубинштейн, Ф. О. Лешетицкий; скрипач Г. Венявский, виолончелист К. Ю. Давыдов.

Для поднятия престижа Консерватории сам А. Г. Рубинштейн, будучи директором, сдает в ней экзамены на звание «свободного художника».

Среди первого выпуска Консерватории был музыкант, который вскоре стал профессором Московской консерватории, созданной по подобию Петербургской. Имя его – Петр Ильич Чайковский. Символичным был для нашей Консерватории 1871 год – год вступления в ряды ее профессоров Николая Андреевича Римского-Корсакова. Он имел гражданское мужество отвергнуть в обучении опору только на «интуицию» исполнителя и создал продуманную систему обучения музыканта. На своем опыте синтезировал два важнейших начала: четкую творческую целеустремленность и безграничное профессиональное мастерство. Римский-Корсаков основал поистине русскую школу обучения музыканта, получившую всемирное признание.

Наша Консерватория по праву носит имя гениального композитора.

Среди педагогов Консерватории помимо Римского-Корсакова были композиторы А. К. Глазунов, А. К. Лядов, пианисты С. М. Блуменфельд и А. Н. Есипова, скрипач Л. С. Ауэр, виолончелист А. В. Вержбилович.

Активная деятельность композиторской школы Римского-Корсакова вызвала, в свою очередь, бурный рост исполнительских школ.

Первые яркие результаты давала и вокальная школа, ведущим представителем которой был профессор Консерватории Станислав Иванович Габель.

Невозможно перечислить всех воспитанников Консерватории предреволюционных лет – А. С. Аренский, М. М. Ипполитов-Иванов, А. К. Лядов, А. Т. Гречанинов, критик Г. А. Ларош, пианисты С. А. Малоземова, Г. А. Пахульский, В. И. Сафонов, певцы В. М. Зарудная, Е. А. Лавровская, Ф. И. Стравинский, И. В. Тартаков, Д. А. Усатов, скрипачи И. Р. Хейфиц, Е. А. Цимбалист и др.

Наша Консерватория сыграла ведущую роль и в создании национальных музыкальных школ. Среди воспитанников Консерватории основатели их:

на Украине – Н. В. Лысенко, в Грузии – М. А. Баланчивадзе, в Азербайджане – У. Гаджибеков и в Армении – А. А. Спендиаров.

А композиторы Прибалтики – латыши И. И. Витоль, А. А. Юрьян, эстонцы Р. Тобиас и М. Хярма, литовцы М. И. Петраускас и С. С. Шимкус – ведь это все наши воспитанники.

Наряду с ними стоят Б. В. Асафьев, М. Ф. Гнесин, В. А. Золотарев, А. Я. Калнынь, А. И. Капп, Н. Я. Мясковский, М. М. Саар, М. О. Штейнберг, В. В. Щербачев и многие, многие другие.

Вам, молодым музыкантам, эти имена должны стать близкими.

Консерватория никогда не стояла на месте. Она все время претерпевала эволюционное развитие и в начале XX века дала мировой культуре двух художников, которые стали музыкальными светочами нашего времени – это композиторы Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович. Именно по их произведениям через многие века наши далекие потомки будут судить о величайшей культуре и высочайшем духовном мире человека нашего общества.

Теперь мне хотелось бы сказать вам о роли Учителя-просветителя, Учителя-практика, его значении в процессе обучения, становления и воспитания будущего музыканта.

Роль УЧИТЕЛЯ – с большой буквы – для музыканта любого ранга чрезвычайно важна... До той поры, пока музыкант считает, что он может УЧИТЬСЯ, – до последних минут творческой жизни – он будет идти вперед. И наоборот – музыкант, который решил, что все познал, превзошел всех и самого себя, – остановился в своем развитии: такой музыкант «конченый», потерянный для искусства.

И ваша задача – взять от учителей все возможное, прежде всего НАУЧИТЬСЯ, наблюдать за деятельностью ваших сверстников в классе, на эстраде, в общении с людьми, в какой-то мере стать помощником учителя.

Так вот, мне необычайно повезло на замечательных учителей. В Капелле, которую я окончила до Консерватории, я занималась у учеников и соратников Н. А. Римского-Корсакова и М. А. Балакирева. Это П. А. Богданов, А. И. Вишневский, А. В. Преображенский. Но главным моим учителем был МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ КЛИМОВ.

Климов – художник, музыкальный деятель советской культуры, имя которого по праву стоит в одном ряду с такими, как А. К. Глазунов, А. В. Луначарский, Г. В. Чичерин, А. П. Карпинский.

Климов – один из создателей молодой советской музыкальной культуры. Ученик Н. А. Римского-Корсакова по композиции, Н. Н. Черепнина по дирижированию, С. И. Габеля по вокалу, Климов 35 лет своей жизни отдал любимому детищу – Ленинградской Капелле, подняв ее мастерство до высочайшего уровня, ПЕРВЫМ провел гастроли Капеллы по странам

Европы, показав еще в 1928 году изумленной европейской публике достижения молодой советской страны.

Программы Капеллы представляли своеобразную хоровую энциклопедию: от хоров Давиденко до «По прочтении псалма» и «Орестеи» Танеева; от «Свадебки», «Царя Эдипа» Стравинского, «Антигоны», «Давида», «Юдифи» Онеггера до «Страстей» и «Мессы» Баха; от «песен борьбы и труда» до «Всенощной» Рахманинова.

Педагог, ученый, теоретик, профессор Консерватории, создавший ряд учебных пособий, не потерявших актуальности и сегодня, воспитавший плеяду музыкантов как в Консерватории, так и в училище Капеллы.

Один из создателей и руководителей Оперной студии Консерватории – новой формы сочетания учебной и практической деятельности студентов, – воспитавший целую плеяду оперных певцов и дирижеров.

Директор и художественный руководитель Ленинградской филармонии, ее неизменный дирижер. Деятель, много сделавший для стимулирования хорового творчества советских композиторов.

Вот что есть и будет значить в истории нашей музыкальной культуры мой учитель Михаил Георгиевич Климов.

Наряду с Климовым его единомышленниками были продолжатели корсаковских традиций:

композиторы – М. О. Штейнберг, В. В. Щербачев, М. Ф. Гнесин, П. Б. Рязанов, М. А. Юдин;

музыковеды – Б. В. Асафьев, А. В. Оссовский;

пианисты – А. В. Николаев, О. К. Калантарова, И. С. Миклашевская;

скрипачи – И. Р. Налбандьян, Ю. И. Эйдлин;

дирижеры – А. В. Гаук, М. А. Бихтер;

виолончелисты – Е. В. Вольф-Израэль, А. Я. Штример, Е. О. Брик;

фаготист А. Г. Васильев; основатель советской валторновой школы – М. Н. Буяновский; вокалисты – П. З. Андреев, С. В. Акимова, Н. А. Большаков, Г. А. Боссе, М. А. Бриан; режиссеры И. В. Ершов, С. Д. Масловская.

Я позволила себе задержать ваше внимание на личности М. Г. Климова еще и потому, что он был, вместе с профессорами А. А. Егоровым, Н. А. Малько, А. К. Буцким, И. В. Немцевым, создателем дирижерского факультета, который в этом году отмечает свое 60-летие. В связи с этим я хочу сказать о нем несколько слов.

Факультет, созданный вскоре после революции, открывшей новые рубежи перед музыкальным образованием, стал закономерным итогом эволюционного развития Консерватории. Именно возможность дирижерской профессии обращаться к огромным широким слушательским массам, демократизм профессии и определили важность и своевременность создания нового факультета.

С другой стороны, факультет продолжил дирижерско-просветительские традиции А. Г. Рубинштейна, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакирева, А. К. Глазунова, Н. Н. Черепнина. Кстати, у профессора Н. Н. Черепнина учился дирижированию С. С. Прокофьев. Черепнин передал дирижерскую эстафету Н. А. Малько и А. В. Гауку, а те, в свою очередь, выучили целое созвездие замечательных советских дирижеров – Е. А. Мравинский, К. А. Симеонов, Э. П. Грикуров, А. Ш. Мелик-Пашаев, Н. С. Рабинович, И. А. Мусин.

Традиция жива и по сей день! Профессора воспитывают новое поколение дирижерских кадров.

Дирижерско-хормейстерское направление профессии дало замечательных представителей:

ректор нашей Консерватории и руководитель Капеллы Владислав Александрович Чернушенко,

главный хормейстер Кировского театра А. Г. Мурин,

руководитель хора Радио Григорий Моисеевич Сандлер,

профессор Консерватории Петр Петрович Левандо

и многие другие.

На факультете в разное время работали такие известные хоровые деятели, как Г. А. Дмитревский, А. А. Егоров, А. С. Степанов, Н. В. Михайлов, А. А. Юрлов, К. А. Ольхов. Ныне преподают также воспитанники Консерватории профессора А. Е. Никлусов, Н. В. Романовский, А. И. Крылов, П. А. Россоловский, заведует кафедрой прекрасный музыкант В. В. Успенский.

В годы моей молодости мы жили в музыкальном мире как одна семья. У нас были различные специальности, кафедры, но нас всех объединяло святое, трепетное отношение к музыке, друг к другу и к учителям. Мы старались не пропустить ни одной премьеры, концерта или интересной лекции. Мы были в курсе творчества пианистов В. В. Софроницкого, М. В. Юдиной, П. А. Серебрякова, инструменталистов – В. И. Генслера, Б. В. Тризно, Д. Б. Шафрана, М. Б. Полякина, вокалистов С. П. Преображенской, В. А. Давыдовой.

Да и мне самой довелось готовить премьеры многих хоровых произведений С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича, Ю. А. Шапорина, Г. В. Свиридова, В. Н. Салманова и других моих товарищей-современников. Могла ли я подумать, что доживу до того времени, когда человечество поставит этих скромных людей в ранг гениальных творцов!

Это единение, дружба между факультетами особенно ярко проявились в Оперной студии, где варились в одном котле музыканты всех профессий. Многие выдающиеся певцы считали своим долгом и честью участвовать в спектаклях наравне со студентами. Даже зарубежные дирижеры-

гастролеры: Отто Клемперер, Ганс Кнаппертсбуш и другие дирижировали спектаклями в студии.

Традиции музыкальной дружбы мы старались и стараемся передать вам – новому поколению музыкантов.

Как отрадно было заниматься мне с общевузовским хором! В исполнении музыкантов всех факультетов звучали: «Патетическая оратория» Свиридова, «Фантазия» Бетховена, «Военный реквием» Бенджамина Бриттена.

И это было продолжением рубинштейновских традиций вуза – сочетание теории и практики, исполнительства и педагогики.

Героическая страница истории – Великая Отечественная война.

Многие консерваторцы положили свои жизни на алтарь Победы. Многие не дожили до Великого Дня!

Так пусть каждый живущий в наш стремительный век сохранит в себе святую благодарность перед их памятью.

Молодежь! Это вас касается. Вы обязаны это знать. Знать, какой ценой добыта Победа.

Знать, что с передовой был отозван для исполнения партии валторны в Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде ныне уважаемый профессор нашей Консерватории Павел Константинович Орехов.

Что в 1942 году, зимой, в ледяном кабинете, когда не только чернила, а кровь замерзала в жилах, писал свой классический труд о Глинке академик Борис Владимирович Асафьев.

Что в 1942 году в блокаду, когда остановились печатные станки, умирали от голода рабочие-наборщики, когда трудно было напечатать даже карточки на хлеб, была напечатана в Ленинграде книга о музыке, экземпляр которой я держу сейчас в руках. Это книга Б. Асафьева о Глинке.

Каким триумфом и верой звучат в ней заключительные слова Бориса Владимировича:

«В дни тяжелых испытаний, нависших над нашей Родиной, мелодии Глинки своей человечностью свидетельствуют о том, чем живет сердце русского народа, и являются живым неодолимым укором фашистскому варварству, с его неслыханным человеконенавистничеством и зверствами, но еще сильнее, еще лучистее и убедительнее в них то, что они звучат как вестники торжества правды, справедливости и дышат верой в человека...»

Да и многие ныне здравствующие профессора и преподаватели Консерватории внесли свой вклад, ратный и трудовой, в нашу победу.

Невозможно перечислить всех профессоров и преподавателей нашего вуза, у которых вы будете учиться; знайте, что каждый из них – интересная творческая личность. Им аплодировали многие европейские столицы.

Это талантливые исполнители, композиторы, теоретики-педагоги, учиться у которых – высокая честь.

Общеизвестно, что ленинградская консерватория – кузница музыкальных кадров нашей многонациональной страны.

Москва – Большой театр – возглавляет Ю. И. Симонов, дирижеры – М. Ф. Эрмлер, А. М. Степанов; поют – Е. В. Образцова, В. А. Атлантов, Е. Е. Нестеренко, Г. В. Селезнев. Во главе ведущего оркестра страны – Академического коллектива Московской филармонии – Д. Г. Китаенко.

В республиках Прибалтики:

В Риге – профессор Я. Думень, А. Письменная, дирижер В. Синайский.

В Таллине – К. Аренг, Т. Кальюсте; Тарту – Т. Каптен. Ректор Таллиннской консерватории Вено Лаул.

В Вильнюсе – А. Арминас, П. Вайлионис.

В Грузии – пламенный Одиссей Димитриади и его молодые коллеги.

В Киеве – А. И. Пустовалов и Г. А. Туфтина.

Да разве всех назовешь!

Достаточно сказать, что вся армянская музыковедческая наука выросла благодаря стараниям многоуважаемого профессора нашей Консерватории Георгия Георгиевича Тигранова.

А ленинградские театры!

Оркестры – сплошь наши воспитанники и возглавляются музыкантами с мировыми именами – Е. А. Мравинский, Ю. Х. Темирканов, А. С. Дмитриев.

Многие названные и не названные мною исполнители являются вашими учителями – вашего нового поколения, поколения, которое будет определять музыкальную культуру XXI века.

Советский народ стоит в преддверии XVII съезда партии. Съезд наметит программу дальнейшего развития нашего общества, в котором Консерватории отведено достойное место.

Мы в преддверии и другого праздника – 70-летия Советской власти.

В 1987 году наш вуз отмечает свое славное 125-летие.

Достойно встретить эти даты – наша первейшая обязанность.

Мне хотелось пожелать вам, чтобы уже завтра вы встали как можно раньше, засучили рукава и трудились, трудились до седьмого пота. Только в таком случае талант, помноженный на самоотверженный труд, дает положительные результаты. И только тогда за короткий миг вашего обучения в Консерватории вы можете стать настоящими музыкантами-просветителями.

От нас зависит, куда пойдет в своей культуре народ. Если мы будем замыкаться в «башне из слоновой кости», вариться в собственном соку,

народ пойдет к примитивизму. Если мы будем активно воздействовать на вкусы, образование, расширение кругозора, то народ пойдет к высокому искусству. Это зависит от нашего старания, умения и мастерства.

В добрый путь! Желаю Вам успехов!

Ленинградская консерватория
Малый зал им. А. К. Глазунова
2 сентября 1986 года

Кафедра хорового дирижирования
1-й ряд: Н. В. Шелков, Е. П. Кудрявцева, К. А. Ольхов, В. Г. Шипулин
2-й ряд: А. А. Березин, А. И. Анисимов, М. Н. Семенов, А. Е. Никлусов, Н. В. Романовский, И. И. Полтавцев, Б. Е. Рафальсон, А. В. Михайлов

13-VII 60 Дорогая моя Розочка!
Я перед тобой очень виновата, что до сих пор не ответила тебе на твои добрые, сердечные весточки. Прости что задержалась с ответом на последнее письмо. Но я узнала, что тебе послали ответ на все вопросы по аспирантуре. Прием в сентябре. Кто будет поступать, пока не ясно. От консерватории, вернее от кафедры, рекомендовали Витуса супругу-Маргариту Иванову, но Витус, по моему, против, он считает, что она должна поработать. Боится, наверное, чтобы она от него не убежала, это между прочим.
В консерватории на факультете, я, кажется, одна на почасовой оплате, все остальные в штате

Глава VII.

Письма, поздравления, характеристики

Письма ко мне коллег, друзей, учеников – часть моей жизни.

Елизавета Кудрявцева
29 сентября 2004 года

А. Ф. Пащенко

«29.04.1962.

Москва.

Дорогая Елизавета Петровна!

Мы „болеем“ за Екатерину Мурину, следим за ее успехами и горячо желаем ей занять одно из первых мест на конкурсе, разделяем Ваши и Алексея Григорьевича волнения. Шлю горячий привет „крестной матери моего Ленина“[1]. Остаюсь всегда предан Вам и желаю самого хорошего в жизни.

А. Пащенко».

[1] Оратория А. Ф. Пащенко «Ленин».

«23.02.1963.

Здравствуйте, дорогая Елизавета Петровна!

Часто мы вспоминаем о Вас, но написать не собраться; то некогда – дел много, то просто лень (надо и в этом сознаться).

Как Вы живете, что поделываете, над чем работаете? Думаю, что, конечно, работаете много, ведь Вы девушка весьма энергичная.

Есть ли у вас хор, кроме консерваторского? Если есть, то мне хотелось бы навязать Вам что-либо из своих опусов. Я здесь, в Москве, написал семь хоров а капелла на слова белорусских поэтов. Ширме очень они понравились, и он собирается включить их в свой репертуар.

А в общем, я так много написал хоров, но ни один из них нигде не исполняется, и я потерял всякое желание писать хоры.

Поэтому отныне я больше не сочиняю ни одного хора. Отныне этот жанр больше не фигурирует в моих творческих планах.

Прошу Вас, не проливайте Ваши драгоценные слезы-жемчужины по этому малозначащему поводу. Извините за ламентации!

Жму руку, Ваш А. Пащенко».

«Январь 1964.

Профессора тайных мусикийских искусств, достославную, достопочтеннейшую, созидательницу сладостных творений Елизавету (Елизабет) Петровну душевно поздравляю, и как в старину певали:

„Сею-вею-посеваю, с Новым Годом поздравляю,

С Новым Годом, с Новым счастьем, с Новым здоровьем!“

Да будет сие такожде!

А. Пащенко».

«Январь 1965.

Милая Елизавета Петровна!

Сердечно поздравляю Вас с Новым Годом, от души желаю благополучия и творческих успехов!

Вы такая же прелестная?

Но что касается коварства, то у вас, как и у всех хорошеньких женщин его, этого коварства, хоть отбавляй, потому что, бывая в Москве, вы никогда не заглянете в мою обитель.

А право, загляните!

Щи будут; коньяк будет; боржом будет; фрукты, овощи – все будет для вас!?

Ваш А. Пащенко».

«27.04.1965.

Прелестная Елизавета Петровна! С весной Вас! Примите от нас пожелание быть здоровой, всегда находиться в весеннем настроении, в добром здравии. Тоже относится и к уважаемому Алексею Григорьевичу[1]!

Ваш А. Пащенко.

P.S. Анисимов ушел, а кто же вместо него? Не думаете ли Вы вернуться в Капеллу? Для Капеллы это было бы выигрыш. Ей-Богу!

А. П».

«Май 1966.

Чудеснейшее, прелестнейшее создание!

Спешу поздравить Вас и супруга Вашего с Весенним праздником. Всего, всего, всего наилучшего, что душа Ваша желает в нашем бренном мире!

А пьеску все-таки я Вам пришлю. Потерпите малость! Сочинение мне переписывают. Жму Вашу дирижерскую руку.

Ваш А. Пащенко.

P.S. А Капеллу здорово земляки расквасили!

Ну и ну!

А. П».

«02.10.1971.

Глубокоуважаемая Елизавета Петровна!

Большое спасибо Вам за книжку „Хоровое искусство“ и за Ваше милое письмецо. А что Вы болели – за это не хвалю.

Я тоже болею, и серьезно... Четвертый месяц.

Не забывайте старого композитора.

А. Пащенко».

«14.10.1972.

Москва.

Дорогая Елизавета Петровна!

Я очень рад, что имел возможность принять участие в торжестве память Михаила Григорьевича[2] своими хорами (к сожалению, только двумя).

Кроме этого, я послал телеграмму Анне Федоровне[3], но оказалось, она уже умерла.

Это второй случай, когда я посылаю письмо покойникам.

Я написал длинное письмо Ю. А. Кремлеву[4], а он возьми да и умри, не прочитав моего послания!

1 Мурин А. Г. – муж Е. П. Кудрявцевой.

2 Климов М. Г. – учитель Е. П. Кудрявцевой (см. Глава I. «Учитель»).

3 Климова А. Ф. – супруга М. Г. Климова.

4 Кремлев Ю. А. – профессор Московской консерватории, музыковед.

За хорошие Ваши чувства ко мне очень Вас благодарю. В наше время и в нашей сутолочной жизни это редко бывает.

С искренним уважением, Ваш А. Пащенко.

P.S. Привет от Нины Александровны[1]!

А. П».

Ю. А. Левитин

Юрий Абрамович Левитин (1912–1993) – советский композитор, народный артист РСФСР.

«Дорогая Елизавета Петровна!

Значительность события, заставившего меня сесть за пишущую машинку, не позволяет мне написать просто „Дорогая Лиза“.

Но я надеюсь, что когда отгремят празднества, утихнет всенародное ликование – ты вспомнишь обо мне, твоем старом (отнюдь не в смысле возраста) друге, который тебя горячо поздравляет со славным двадцатилетием, желает всяческих благ, счастья и долгих лет работы, той великолепной работы, которую я испытал на собственной шкуре и о которой часто вспоминаю с огромной благодарностью и удовлетворением.

Будь здорова, целую тебя крепко.

Ю. Левитин.

1951 г.»

«Дорогая Лизанька!

С небольшим опозданием посылаю тебе обещанные хоры. Сгодятся – хорошо, а нет – тоже не беда.

Женский цикл довольно хорошо пел здесь хор Минина, а остальные два должен петь хор Свешникова. Ноты давно взяли, но до сих пор не исполнили.

Желаю тебе всего самого хорошего. Обнимаю и целую тебя. Как жаль, что не могу этого сделать (не имею права!) с твоей милейшей дочкой, но, по крайней мере, передай ей мои наилучшие пожелания.

Будь здорова.

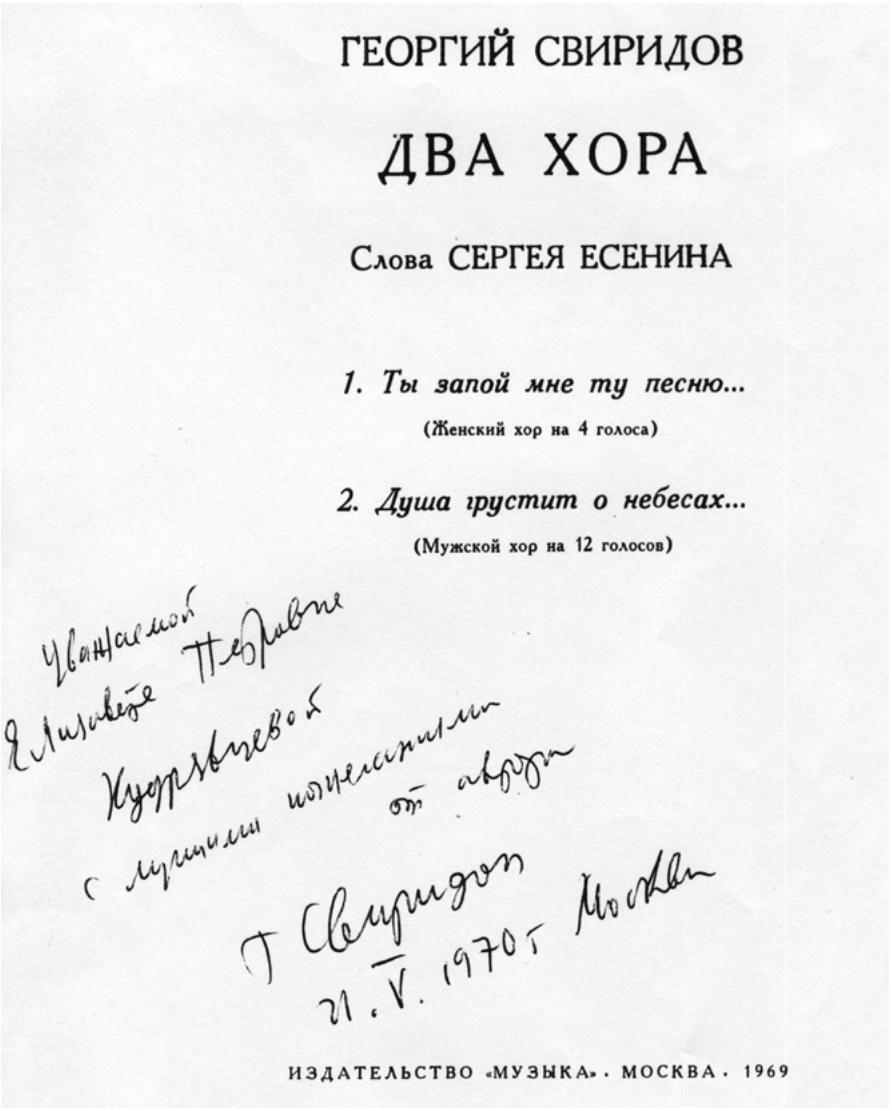
Юра.

12.4.77»

[1] Супруга А. Ф. Пащенко.

Г. В. Свиридов

Георгий Васильевич Свиридов (1915–1998) – русский композитор, пианист, народный артист СССР.



ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ

ДВА ХОРА

Слова СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

1. Ты запой мне ту песню...

(Женский хор на 4 голоса)

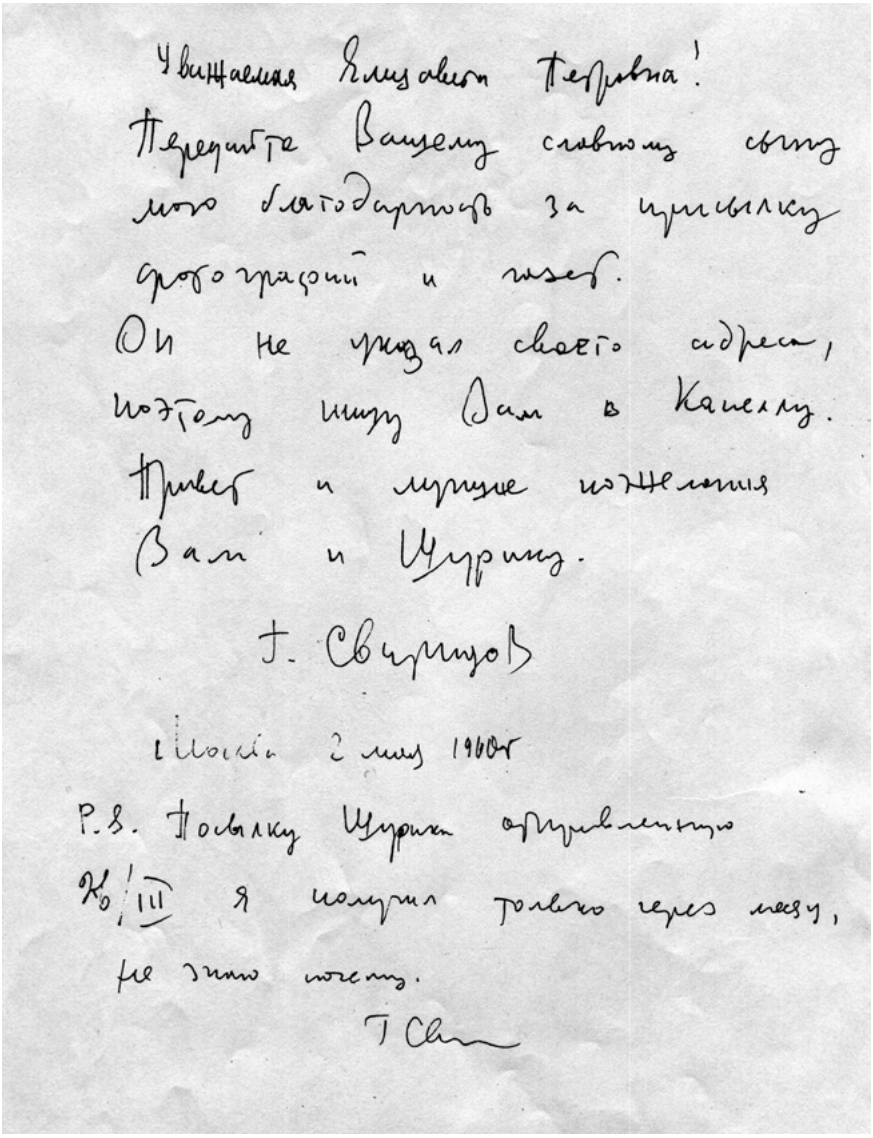
2. Душа грустит о небесах...

(Мужской хор на 12 голосов)

Уважаемой
Елизавете Петровне
Кудрявцевой
с лучшими пожеланиями
от автора
Г. Свиридов
21. V. 1970 г. Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МУЗЫКА». МОСКВА. 1969

(«Уважаемой Елизавете Петровне Кудрявцевой с лучшими пожеланиями от автора
Г. Свиридов
21. V. 1970 г. Москва».)



Уважаемая Елизавета Петровна!
Передайте Вашему славному сыну мою благодарность за присылку фотографий и газет.
Он не указал своего адреса, поэтому пишу Вам в Капеллу.
Привет и лучшие пожелания Вам и Шурику.
Г. Свиридов
Москва 2 мая 1960
P.S. Посылку Шурика отправленную 26/III я получил только через месяц, не знаю почему

(«Уважаемая Елизавета Петровна!

Передайте Вашему славному сыну мою благодарность за присылку фотографий и газет.

Он не указал своего адреса, поэтому пишу вам в Капеллу.

Привет и лучшие пожелания Вам и Шурику[1].

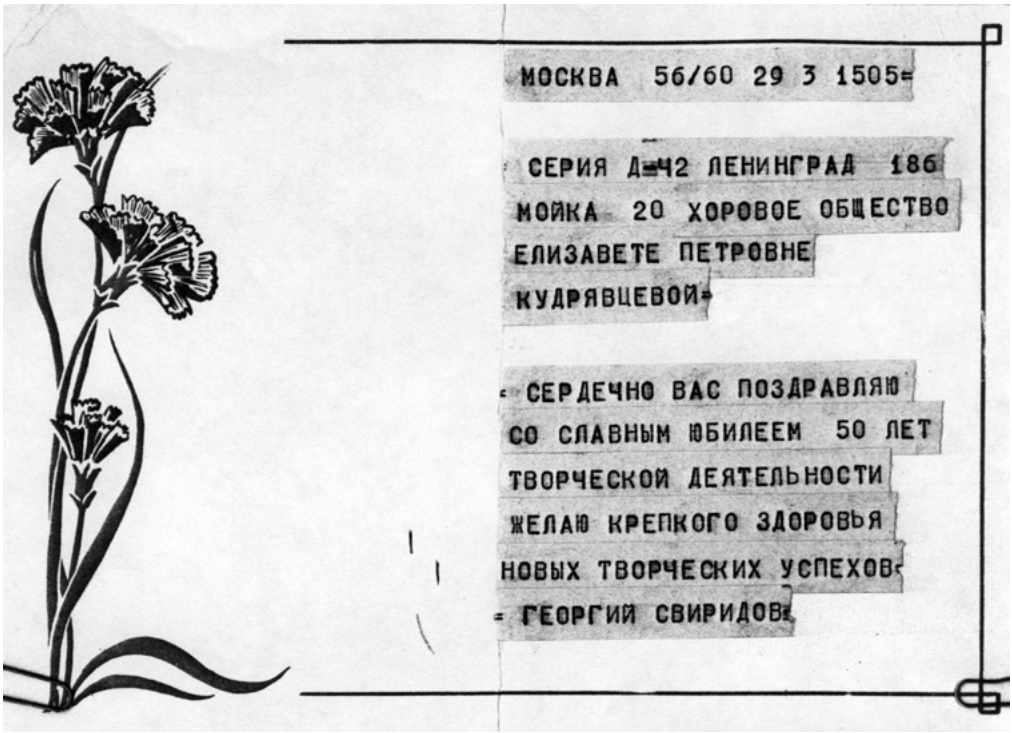
Г. Свиридов

Москва 2 мая 1960 г.

P.S. Посылку Шурика отправленную 26/III я получил только через месяц, не знаю почему».)

[1] Мурин А. А. – сын Е. П. Кудрявцевой.

Э. А. Серов, Е. П. Кудрявцева, Г. В. Свиридов, И. Д. Гликман. 1980 год

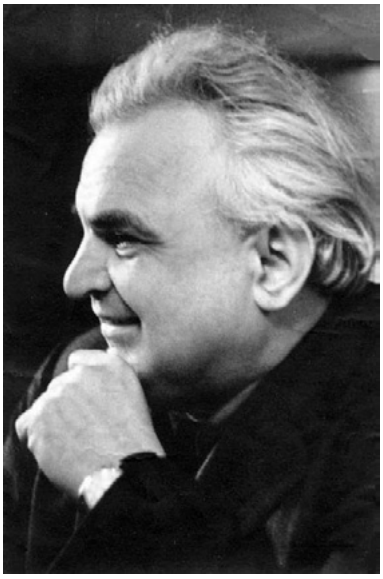


МОСКВА 56/60 29 3 1505=

СЕРИЯ Д=42 ЛЕНИНГРАД 186
МОЙКА 20 ХОРОВОЕ ОБЩЕСТВО
ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ
КУДРЯВЦЕВОЙ=

СЕРДЕЧНО ВАС ПОЗДРАВЛЯЮ
СО СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ 50 ЛЕТ
ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЖЕЛАЮ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ
НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ=
ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ=

П. А. Серебряков



Павел Алексеевич Серебряков (1909–1977) – советский пианист, педагог, общественный деятель, народный артист СССР.

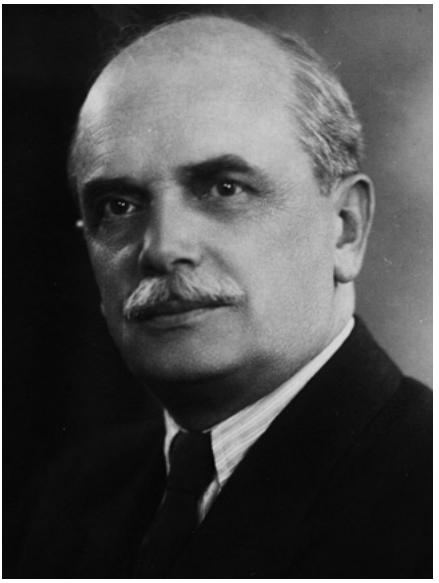
«Характеристика.

Елизавета Петровна Кудрявцева-Мурина – превосходный музыкант, замечательный педагог. За время своей работы подготовила большое количество ценных молодых специалистов, работающих во многих городах страны педагогами училищ, хормейстерами в театрах и ансамблях.

Елизавета Петровна Кудрявцева всегда активно принимает участие во всех общественных мероприятиях Ленинградской консерватории, с большим энтузиазмом ведет общевузовский хор. Елизавета Петровна добилась больших качественных результатов. Считаю Е. П. Кудрявцеву давно достойной звания профессора».

А. А. Егоров

Александр Александрович Егоров (1887–1959) – профессор Ленинградской консерватории, композитор.



«15. V. 51.

Дорогая Елизавета Петровна!

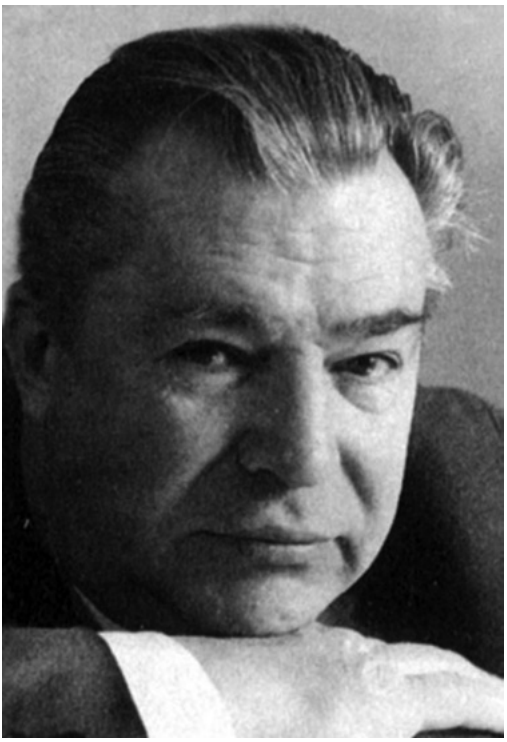
Очень прошу тебя выставить отметки студентам своего класса и прислать их мне через твоего ученика. Мне они (отметки) нужны будут на экзамене, так как я буду строго их придерживаться во время обсуждения в экзаменационной комиссии. Не забудь это сделать до своего отъезда в Кисловодск.

От всей души желаю тебе полного, скорого и крепкого здоровья. Поправляйся и приходи заниматься как всегда бодрой и жизнерадостной со своими хорошими учениками.

Шлю привет твоему мужу – ярому поклоннику хорового искусства.

А. Егоров».

В. Н. Салманов



Вадим Николаевич Салманов (1912–1978) – советский композитор, народный артист РСФСР.

Надпись на нотах «В. Салманов. Избранные хоры без сопровождения»: «Дорогой Елизавете Петровне Кудрявцевой – крестной матери не только этих хоров, но и всего моего хорового творчества.

С любовью и уважением, В. Салманов. 1/XII 76»

«Дорогие друзья!

Наступает Новый год! Пусть он будет для всех Вас подлинно Новым; в Ваших творческих достижениях, в личной жизни, здоровье, в том большом удовлетворении, которое приносит общение с искусством.

Примите мои сердечные поздравления и наилучшие пожелания в Новом году и смелее и тверже завоевывайте Ваше прекрасное искусство.

Ваш В. Салманов

30/XII 62».

Ф. А. Рубцов

Феодосий Антонович Рубцов (1904–1986) – композитор, фольклорист, профессор Петербургской консерватории.

Надпись на нотах «Ф. Рубцов. Три хора по мотивам русских народных песен»: «Елизавете Петровне Кудрявцевой посвящается».

«Дорогая Елизавета Петровна!

Прилагаю хор. Буде он Вам не понравится, или Вы найдете какие-то погрешности в хоровой партитуре, – не стесняйтесь, скажите прямо. Даже покойный профессор мой М. О. Штейнберг, – уж настолько опытный музыкант – и тот говорил: надо прослушать, т. к. всегда могут быть какие-то просчеты.

Со словами – не знаю, как и быть. Они опубликованы в сборнике „Народные песни о Ленине и Сталине“ (1938 г.) Переводчик в то время в чем-то, видимо, „проштрафился“, ибо имя его нигде не указано. Ссылаться на сборник песен о Ленине и Сталине как-то неудобно. А указать имя переводчика не могу. Слова же, сами по себе, хорошие. Я только несколько сократил их. Так и пишу просто слова грузинской народной песни.

Буде что – позвоните мне 2-11-90-85.

Сейчас я вообще живу бобылем. Жена в Крыму.

Ваш Ф. Рубцов».

В. В. Плешак

Виктор Васильевич Плешак (р. 1946) – композитор, заслуженный деятель искусств России.

Надпись на нотах «Не стареет твоя красота. Стихи А. Твардовского. Музыка В. Плешака»: «Посвящается Елизавете Петровне Кудрявцевой».

В. Г. Соколов

Владислав Геннадьевич Соколов (1908–1993) – советский хоровой дирижер, композитор, народный артист СССР.

Надпись на нотах «Бел свет, иль светает… Белорусская. Обработка Вл. Соколова»: «Милой Лизочке с самыми искренними чувствами любви и уважения»

«Милая Лиза! Хоровики русские должны быть счастливы, что среди них есть такой талантливый, нестареющий женский индивидуум, как Кудрявцева!! Слава ей!!

Грущу по тому поводу, что не пришлось быть на твоем торжестве – но мысленно, душой присутствую, обнимаю, целую – желаю новых свершений во славу нашего дела! Твой В. Соколов. 15/XII 81».

«30/IX 64

Дорогая Елизавета Петровна!

Нижайше прошу всепрощения за то, что до сих пор не выполнил просьбу по поводу японских хоров. Подвел меня библиотекарь, которому я поручил переписать их. Он этого не сделал – просто забыл, да и я закружился с весенними делами, так и получилось.

Я заказал переписать еще раз, скоро будут готовы, и я немедленно их вышлю. Конечно, если не пропала в них нужда.

Очень прошу сделать и для меня большую услугу. Мне до зарезу необходим американский спиричуэлс английский текст (можно вместе с подтекстовкой русскими буквами, хотя это необязательно). Но как это сделать? Достаточно ли одного текста, или нужно вместе с нотами? Реши, как лучше. Если с нотами, то отдай переписать хоровую партитуру.

Буду неизменно благодарен. Желаю успехов, привет талантливому коллективу любителей хорового пения. Жму руку. В. Соколов».

Б. Э. Хайкин

Борис Эммануилович Хайкин (1904–1978) – советский дирижер, профессор Московской консерватории, народный артист СССР.

«Дорогая Лизочка!

Кто такая лауреат международного конкурса Екатерина Мурина? Имеете ли Вы к ней какое-нибудь отношение, или А. Г.[1]?

Шлю сердечный привет, до встречи в ноябре, Ваш Б. Х.

8 X 59».

«Дорогая Лизочка!

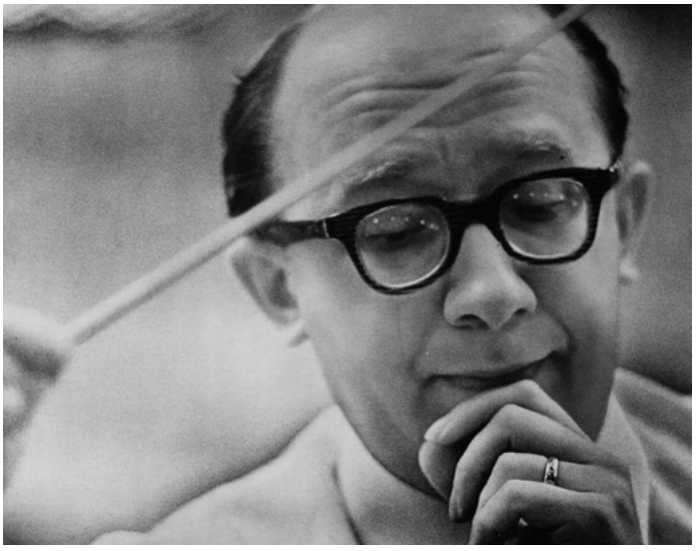
От всей души поздравляю Вас с новым почетным званием! Желаю здоровья успехов и счастья Вам, Катюше и всем близким!

Ваш любящий Б. Хайкин

28 I 1977».

Г. Н. Рождественский

Геннадий Николаевич Рождественский (р. 1931) – российский дирижер, профессор Московской консерватории, народный артист СССР.



«Мои дорогие друзья!

В день славного юбилея, 10-тилетия со дня создания вашего хора, я от всего сердца приветствую вас, радуюсь за вас и с нетерпением жду встреч с вами. Я всегда с большой радостью вспоминаю наши с вами совместные работы (кантату Рахманинова „Весна“, 6-ю симфонию Мясковского,

[1] Мурин А. Г.

„Прометей“ Скрябина) и ту прекрасную атмосферу энтузиазма и подлинной любви к музыке, столь дорогую для сердца каждого артиста.

Желаю вам новых успехов и большого, большого счастья!

Всегда Ваш – Геннадий Рождественский. Москва. 12 октября 1968 года».

Д. А. Толстой

Дмитрий Алексеевич Толстой (1923–2003) – профессор Ленинградской консерватории, композитор.

«Дорогая Лиза!

Вот 5 хоров на слова Анны Андреевны Ахматовой.

1-й – очень „петербургский“, это о нашем городе.

2-й – весна. Точнее, нечто „предвесеннее“, мартовское.

3-й – молитва за Россию. Эти слова Анна Андреевна написала в 1915 г., в разгар войны.

4-й и 5-й – как бы воспоминания. Первый – вообще взгляд назад, рассуждение на тему: „что имеем, не храним, потерявши – плачем“. Второй – нечто весьма личное. Не берусь определить, кому адресовано это любовное воспоминание. Первая мысль – о Николае Степановиче, но это – совсем не обязательно. Это – чувства женщины, это – ее тайна.

Крепко жму твою руку. Твой – Митя Толстой».

Надпись на нотах «Д. Толстой. За зеленым лугом. Песня для голоса с фортепиано. 1948»: «Дорогой Лизе на память от автора, который еще с большим удовольствием подарил бы ей кантату. Но, к сожалению, это еще пока Konjunktiv. 4/X 1948 г.»

С. М. Слонимский

Сергей Михайлович Слонимский (р. 1932) – советский и российский композитор, музыковед, пианист, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

Надпись на нотах «С. Слонимский. Заречье. 3 песни на слова А. Прокофьева для хора a capella (1986)»:

«Глубокоуважаемой Елизавете Петровне Кудрявцевой и ее замечательному хору любителей пения с давним и неизменным почтением.

С. Слонимский. 5 июня 1986 г.»

«Уважаемая Елизавета Петровна!

Если 4 русских песни войдут в ваш сборник и попадут редактору, то я перед сдачей в производство, если очень нужно, заменю эти ноты

на оригинал (с него сделана эта точная копия!) Пока мне оригинал очень нужен: хоровики из городов РСФСР много берут копий, приходится их все время обновлять: для определения объема оригинал тождественен этой копии. Ваш С. Слонимский.
22/IX 77».

«Уважаемая Елизавета Петровна!

Очень прошу Вас посмотреть кантату „Зодчие“ моего выпускника Дмитрия Соловьева и, если возможно, помочь автору озвучить в Вашем коллективе муз-ведов композиторов хотя бы фрагмент ее. Ваш С. Слонимский. 20/III 89 г».

М. В. Коваль

Мариан Викторович Коваль (1907–1971) – советский композитор, народный артист РСФСР.

Надпись на фотографии:
«Глубокоуважаемой,
Талантливой
Елизавете Петровне Кудрявцевой
От плененного ею М. Коваля
Декабрь 1966 г.
Ленинград»

Надпись на книге Д. Локшина «Хоровое творчество Мариана Коваля» (Москва, 1967): «Дорогой Елизавете Петровне Кудрявцевой в знак общей любви к хоровому искусству. Больших Вам успехов. М. Коваль. Сентябрь, 1969».

П. В. Сабсай

Пинхос (Петр) Владимирович Сабсай (1893–1980) – народный художник СССР, Академик АХ СССР. Скульптор-монументалист. Создатель скульптурной школы XX века в Закавказье.

«Дорогая Елизавета Петровна!

Просим принять наши праздничные поздравления и искренние пожелания доброго здоровья и счастья всей Вашей милой семье.

Мы с удовольствием вспоминаем вечер, проведенный у Вас. Ленинград и на этот раз произвел большое впечатление предельной строгости, красоты и удивительной слаженности. Хорошо жить в городе, который эстетически всем своим строем всегда воздействует на Вас. Всего Вам доброго. Крепко целуем Ваши руки

Лидия Абрамовна

Петр Владимирович

Сабсай

Баку, ноябрь 64».

«Дорогой друг Елизавета Петровна!

Рады были получить Ваше письмецо. Из письма, верней между строк, почувствовали энергичный пульс Вашей жизни и радость бытия. Из искусств после моего, и пожалуй, с такой же силой, меня всегда волнует музыка, рояль, человеческий голос. Я всегда с наслаждением особенным слушаю оратории. Здесь творчеству музыканта необычайные горизонты, и мне кажется, что они беспредельны. Где-то промелькнула заметка, что Вы дирижировали Консерваторским хором! Исполнялся „Реквием“ современного английского композитора. Как хорошо, если бы возможно, было получить записанный на пластинке этот концерт.

От души желаем всего доброго Вам и всей Вашей чудесной семье.

Лидия Петр Сабсай

Май 1965 г.»

Н. В. Романовский

Николай Вениаминович Романовский (1910–2002) – кандидат искусств, профессор Ленинградской консерватории.

К юбилею Елизаветы Петровны

Давно, друзья, то время было!
Прошло уж двести с лишком лет,
Как на Руси у нас царила
Петрова дщерь –
ЕЛИСАВЕТ.

Была красивою царица;
Любила весело плясать,
Любила Боженьке молиться,
Да и на клиросе певать!

Прошли века, и вновь
ПЕТРОВНУ
ЕЛИЗАВЕТУ славим мы,
Что подарила безусловно
И хор,
и души,
и умы!

Н. Романовский

Н. А. Малько

Николай Андреевич Малько (1883–1961) – русский дирижер, профессор Петроградской консерватории.

Эти строки Н. А. Малько написал по просьбе Е. П. Кудрявцевой для студентов дирижерского факультета на встрече в Консерватории в 1960 г.

«Дирижерам хора.

У вас в руках лучший из существующих музыкальных инструментов – человеческий голос. Пользуйтесь им, – пусть ваш хор действительно поет.

Впрочем, это относится не только к дирижерам хора, но и к дирижерам оркестра.

Однажды Рихард Штраус дирижировал оркестом в Бухаресте. Я спросил, как он работал на репетиции и получил в ответ: „А он все время повторял лишь одно слово: singen – петь!“

Николай Малько».

Э. П. Грикуров и К. П. Кондрашин

Эдуард Петрович Грикуров (1907–1982) – советский оперный дирижер, народный артист РСФСР.

Кондрашин Кирилл Петрович (1914–1981) – советский дирижер, народный артист СССР.

«Дорогая Лизочка!

Грикуров утащил меня с собой на „Сицилийскую вечерню“, поэтому Вы лишаетесь соседа. Приветствую Вас и надеюсь на скорую встречу.

Кирилл

Лизанька! Очень жалею, что не могу быть твоим кавалером сегодня. Крепко целую. Эдик».

С. А. Казачков

Семен Абрамович Казачков (1909–2005) – хоровой дирижер, заслуженный деятель искусств России и Татарстана.

«Глубокоуважаемая и дорогая Елизавета Петровна!

У меня нет слов, чтобы выразить Вам свою благодарность, за то внимание и чуткость, которые Вы ко мне проявили.

Я этого никогда не забуду, так же, как не забуду минуты творческого общения с Вами и те полезные советы, которые Вы мне дали.

Желаю Вам доброго здоровья, непрерывных и все возрастающих творческих успехов, долгих лет жизни на благо нашего хорового искусства.

Бесконечно преданный

Ваш С. Казачков. 18/II-55 г. Ленинград».

А. Ф. Ушкарев

Анатолий Федорович Ушкарев (р. 1928) – композитор, хоровой дирижер, профессор.

Надпись на форзаце «Основ хорового письма» А. Ушкарева:

«Дорогой Елизавете Петровне, – первому чудному музыканту, научившему меня петь в хоре, с самыми сердечными и добрыми чувствами от автора.

А. Ушкарев

14.03.83 г.»

В. А. Чернушенко

Владислав Александрович Чернушенко (р. 1936) – российский дирижер, педагог, народный артист СССР, художественный руководитель и главный дирижер (с 1974 г.) Санкт-Петербургской академической капеллы им. М. И. Глинки, профессор, ректор (1979–2002) Санкт-Петербургской консерватории.

«Народной артистке России, профессору
Елизавете Петровне Кудрявцевой.
Художественному руководителю и дирижеру Хора любителей пения
музыкального общества Санкт-Петербурга.

Уважаемая Елизавета Петровна!

В день Вашего знаменательного юбилея примите самые теплые сердечные поздравления от правления музыкального общества Санкт-Петербурга, от хоровых деятелей, музыкальной общественности, от всех любителей и почитателей вашего таланта.

Даже словами возвышенной прозы невозможно выразить громадность и значимость Вашей творческой, исполнительской и педагогической деятельности. Звенят в мире славные имена Ваших учеников. Золотым благовестом звучит Ваш Хор любителей пения – непостижимое явление в современной культуре России, утверждающий каждым своим выступлением русскую национальную певческую традицию. А над этим звоном многих имен, а над этим благовестом живых голосов – сияние объединяющего, призывающего, вдохновляющего и ликующего – светлого, добро и радость несущего имени – Елизавета.

Е. П. Кудрявцева, В. А. Чернушенко, Г. М. Сандлер

Для разного люди приходят в мир. Вы пришли, чтобы этот мир стал лучше, и поэтому все силы, души, весь жар сердца предназначены, чтобы отдать их людям. Где Вы сами черпаете силу свою и вдохновение, то ведомо лишь Вам и Богу!

Мы же, свидетели чуда, имеющего облик обаятельной женщины, желаем и глаголем дружно: да продлит Господь дни Твои до беспредельности, да дарует он Тебе на все времена здоровье, силы душевные и физические, дабы могла Ты как и раньше сеять вокруг себя добро, надежды и радость.

Председатель музыкального общества Санкт-Петербурга

В. А. Чернушенко

Май 2004 г.»

А. В. Оссовский

Александр Вячеславович Оссовский (1871–1957) – выдающийся российский и советский музыковед и критик.

«28/IX 54.

Глубокоуважаемая и дорогая Елизавета Петровна.

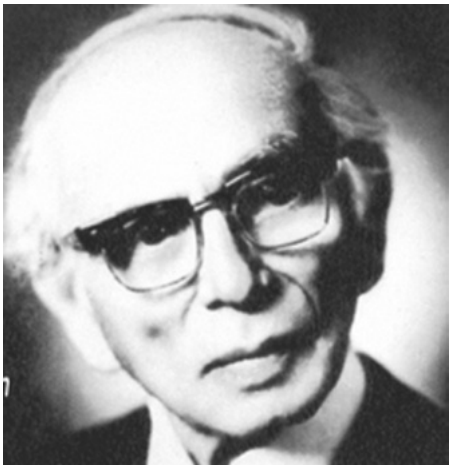
К Вам моя большая просьба: прослушать подательницу этого письма Марию Антоновну Дземешкевич (лирико-колоратурное сопрано), и если она удовлетворит Вас своими вокальными и музыкальными данными, не откажите зачислить ее на работу в Капелле, буде окажется на ее счастье, вакансия.

Я знаю Марию Антоновну, как бывшую ученицу моей покойной жены Варвары Александровны по классу обязательного фортепиано, и мне очень хотелось бы помочь ей.

Примите самый теплый дружеский привет и неизменные пожелания блестящих успехов в Вашем большом деле и полного благополучия в Вашей личной жизни.

Ваш А. Оссовский».

Л. М. Гинзбург



Лео Морицевич Гинзбург (1901–1979) – дирижер, пианист, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Московской консерватории.

«Дорогая Елизавета Петровна!

Поздравляю Вас с праздником первого мая и наступающей весной.

Огромное спасибо за память и добрую телеграмму.

Нежно целую Вас.

Лео Гинзбург

Жду прибавления семейства Кудрявцевых в своем классе. Предвидится ли?»

«Милый друг!

Очень рад, что мне приходится Вам писать по несомненно приятному для Вас поводу. Ваш протеже[1] мне понравился и по его данным, и по обаянию, что немаловажно.

Хочу Вам сообщить свои соображения за и против его обучения дирижированию.

Во-первых – за:

отличный слух, видимо хорошая память (надо еще проверить и всячески развить), физическая и видимо психическая свобода и отсутствие торможений (пока не ощутил), знание хоровой, думаю и вокальной технологии (очевидно – Ваша ручка), умение работать с людьми. Степень и характер природной музыкальности еще не понял, хотя при беседе говорил ему вещи, которые до начинающего „музыканта“ обычно не доходят, а до него дошли. Для меня это – хороший признак. С его знаниями симфонической литературы пока еще не знакомился. Хоровую, очевидно, знает.

Против: никогда не сидел в оркестре, плохо знаком с инструментами оркестра, во всяком случае, много хуже, чем с вокалом. Несмотря на годичное пребывание у Грикурова имеет весьма слабое представление о ПРОФЕССИИ дирижера-симфониста, или оперного. Обучается на первом году очной аспирантуры, то есть до конца обучения остается всего 2 года и 3 месяца. При всем моем желании я не возьмусь его обучить одной из труднейших профессий музыканта за такой короткий срок. Это было бы шарлатанством. Тем более, что у него очень хороший материал. На моих глазах в соседних классах «пропадают» хорошие мальчики, и в эту порчу я не хочу вносить свою лепту. 31/2–4 года – это минимум, притом крайний.

[1] Китаенко Д. Г. – ученик Е. П. Кудрявцевой (см. Главу III. «Ученики». Дмитрий Китаенко).

Очную аспирантуру, связанную со стипендией, не продлят ни на один день. Остается только просить Свешникова продлить ему пребывание в аспирантуре за счет четвертого года – без стипендии. Вы с ним в хороших отношениях – это я знаю, Вам и карты в руки.

Позвоните ему, попросите его об этом, я ему также отвечу на его вопрос, который уже был мне задан до моего знакомства.

Странно, что молодой человек, который хочет заниматься дирижированием, не был достаточно настойчив, чтобы добиться решающей встречи со мной в течение более полугода, который оказался для него поэтому начисто потерянным. При всей Ленинградской воспитанности, которая у него очень заметна, такая „деликатность“ – чрезмерна.

Приветствую Вас сердечнейше и нежно целую ручку.

Напишите мне, хотя бы по делу.

Ваш неизменный почитатель и поклонник,

Лео Гинзбург

10/III 64 г.»

«Милый друг!

Разрешите Вас во-первых поздравить с ауфтактом к чину „бабушки“, надеюсь дочка не заставит Вас долго ожидать этого. Передайте и ей мои наисердечнейшие поздравления и пожелания.

Теперь о других „детях“, теперь уже наших общих.

Дима дирижировал на этих днях ТРИ спектакля Онегина подряд. Он произвел очень хорошее впечатление, безусловно идет в классе первым, и поэтому, именно поэтому вызывает у меня очень большие раздумия и заботы. Чем больше дарования – тем больше ответственности, тем больше головоломки педагогам.

Боюсь, что из-за чрезмерно хорошего отношения к своим питомцам я слишком „успокоил“ их. Они иногда слишком спокойно относятся к моим требованиям, придают им мало значения, пока не нарываются на неудачи. Кроме того, вся выработанная у меня методика валится, поскольку вместо пяти лет приходится учить максимум ТРИ года. Поэтому нельзя давать себе время на закрепление навыков, а приходится бежать вперед. Разве можно, например, на первом же году обучения допускать до дирижирования оперой? Рано – а приходится. Отсюда много дефектов, укореняющихся в виде привычек. Это нервирует, приходится все время чрезмерно нажимать, а это начинает мальчикам приедаться и перестает действовать. Если говорить с позиций будущего «премьера», а в отношении Димы можно пытаться такую установку брать, то у него много еще недостатков и недопонимания. А он в какой-то мере начинает выходить у меня из повиновения. Немного виновата в этом моя огромная депрессия

в результате страшного переутомления, увы, старости, и проч., когда вместо СИЛЫ личного воздействия начинает превалировать раздражительность (плохой помощник!).

Словом, мне нужна Ваша помощь в отношении Димы. Во-первых – в отношении его недостатков и необходимости их ликвидации, во-вторых, в том, что Диме грозит то, что будущий год окажется последним в его учебе. Он поступил сперва на хоровую аспирантуру и только в конце учебного года перешел на дирижирование. Трехгодичный курс аспирантуры кончается у него в июле будущего года, а дирижированию его к тому времени учили только два учебных года и два месяца. Это уж совсем ни на что не похоже! Со Свешниковым мне непосредственно говорить бесполезно. Мы с ним общего языка в отношении дирижирования и обучения не находим. Он делает все назло мне – наоборот (надеюсь – это между нами). Тут может быть три выхода:

1) продление аспирантуры лично ему еще на один год;

2) добавить ему один год обучения – заочно, без стипендии;

Это может быть последний год (после следующего) или наоборот – следующий, а последний – опять очный;

3) оставление его на один год при оперной студии по окончании аспирантского стажа, с правом посещения занятий по специальности, или оставить его для завершения аспирантских экзаменов (все, что Свешников захочет). Компенсировать стипендию (59 р.) можно с легкостью любым „легким“ заработком. Это я ему устрою. Да это и в возможностях Свешникова.

Словом – необходимо Ваше личное участие в этих переговорах. Это не так спешно. Но первое же Ваше пребывание в Москве должно быть использовано для этого. Я тоже должен быть в это время в Москве. Сейчас я уезжаю на 20 дней (до 12 мая) отдохнуть в Гагры, за счет неиспользованных дней (адрес: Гагры, Черноморской побережье, Дом творчества Литфонда СССР). Напишите мне туда, когда Вы будете в Москве. Без меня ни с Димой, ни с А. В. не говорите.

Целую Вас нежно,

Ваш Лео Гинзбург».

В. Н. Минин

Владимир Николаевич Минин (р. 1929) – народный артист СССР, лауреат Государственной премии, профессор.

«Дорогая Елизавета Петровна!

Получил я все Ваши приветы, а вот письма обещанного нет. Я уж и нос начал вешать. Ведь отлично понимаю, что при всех условиях для того, чтобы мне куда-то переехать, надо чтобы кто-то позаботился об этом. Чтобы кому-то это было нужно. А вот кому? Нет, я не скулю и не ною. Мне здесь отлично работается. Вы вспомните наш разговор на Кисловском переулке, то поймете, что где-то сидит глубокая обида от того, что другие, может быть менее отдающие себя этой профессии, все-таки работают там, где могут и что-то черпать для себя. Я же все время работаю там, где только отдаю. Не знаю почему, но Александр Васильевич, по-моему, совсем махнул на меня рукой. Или мне так кажется? А ведь когда-то он мною гордился и считал одним из своих лучших учеников. В общем, поверьте в мою искренность и честность и напишите мне самое-самое откровенное письмо, включая и мой последний вопрос.

Е. П. Кудрявцева, К. Б. Птица, В. Н. Минин, М. В. Толмачева 1962 год

Еще раз извините, что надоедаю Вам своим письмом.

Самый сердечный привет всем Муриным и пожелания здоровья и успехов.

Ваш Володя».

«Дорогую Елизавету Петровну со всеми ее очаровательными семейством поздравляет закоренелый сибиряк. Желает самого доброго здоровья, всяческих успехов и больших радостей.

Одновременно я пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за Ваше письмо. Вероятнее всего, что в командировку в этом году мне не удастся

выбраться, т. к. в Консерватории не оказалось денег. Ну, ладно. Не буду этим огорчаться и поеду в будущем году. Вы пишете, что мне очень важно быть в курсе всех дел и не прозевать. Но в том-то и дело, что, сидя в Новосибирске, я ничего не могу – ни первого, ни второго. У меня ведь нет руки, которая вовремя „подсунула“ мою фамилию. Может быть, научите меня – серого и необразованного – что в таких случаях надо делать.

Тяжко только сознавать, что дело это никому не нужно, и зачем только надо было выбирать профессию скомороха XX века.

Ну, я, кажется, начинаю плакаться. А это плохо.

Еще раз желаю Вам всего наилучшего.

Ваш Володя».

«Уважаемая Елизавета Петровна!

Вы не очень сердитесь на меня, что я раз в полгода тревожу Вас какими-либо своими просьбами.

На сей раз, если я еще не потерял у Вас кредит Вашего хорошего отношения ко мне, я хочу напомнить Вам о посланном мною спиричуэлс с просьбой прислать мне какой-либо из имеющихся у вас.

Кроме того, очень и очень прошу Вас, если имеется хоть какая-либо возможность, прислать мне сроком на десять дней «Свадебку» Стравинского и «Кармина Катулла» Орфа. Я их перефотографирую и вышлю Вам авиа-почтой. Сохранность этих уникальных произведений гарантирую полностью. Ноты мне нужны очень в первой декаде октября. Не хочется быть серостью.

О себе ничего не пишу, т. к. в ноябре надеюсь быть у Вас в гостях, если к тому времени Вы окончательно не рассердитесь по поводу моих редкостно нахальных просьб.

Самый сердечный привет всему Вашему семейству.

Ваш Володя»[1].

[1] Письма написаны в 1963–65 годах, когда В. Н. Минин был доцентом кафедры хорового дирижирования Новосибирской консерватории.

А. Б. Хазанов

Александр Борисович Хазанов (1906–1984) – народный артист РСФСР, профессор Московской консерватории, хормейстер большого театра СССР (1937–1978).

«Дорогая Елизавета Петровна!

Радуюсь и скорблю. Рад по случаю Вашего славного праздника. Тоскую – потому, что не могу прибыть на Ваше певческое торжество.

С большим удовольствием поздравляю Вас и Ваших питомцев с юбилейной датой и хочу выразить свое глубокое уважение всему Вашему коллективу и восхищение тем, как Вы трогательно и убежденно выполняете в течение десяти лет благородную миссию певцов-энтузиастов.

Да сопутствуют Вам успехи и в будущем!

Ваш А. Хазанов

Октябрь 1978

P.S. Лизанька! Надеялся повидать Вас на днях на президиуме – но увы…

Ждали мы Вас нынче и в Кисловодске.

Черкните мне правду о С. М. Рысе.

Сердечный привет домашним. Обнимаю. А. Х.»

А. А. Юрлов

Александр Александрович Юрлов (1927–1973) – народный артист РСФСР, профессор, заведующий кафедрой хорового дирижирования ГМПИ им. Гнесиных, руководитель Республиканской академической русской хоровой капеллы.

«Многоуважаемая и дорогая Елизавета Петровна!

Поздравляю Вас, Алексея Григорьевича, Катю и Сашу с наступающим Новым годом.

Желаю Вам самого доброго здоровья и утверждения тех замечательных помыслов, которым Вы отдаете так много сил. Спасибо Вам огромное за те добрые и драгоценные для меня советы, которые я получал от Вас и на которых учился.

Мне искренне хочется повидаться с Вами и по-сыновьему расцеловать Вас за любовь, ласку и привет, которые Вы так щедро умеете раздавать всем окружающим Вас и очарованным Вашей добротой людям.

Искренне и глубоко уважающий Вас

Саша

28/XII 1957».

Е. П. Кудрявцева, К. Б. Птица, А. А. Юрлов. Таллинн. Праздник песни. 1972 год

К. Б. Птица

Клавдий Борисович Птица (1911–1983) – народный артист СССР, профессор, заведующий кафедрой хорового дирижирования Московской консерватории.

Надпись на программе концерта памяти Н. С. Голованова:

«Дорогому другу Лизавете Петровне Кудрявцевой на долгую память. К. Птица. 4/IV 55 г.»

«Дорогая Елизавета Петровна!

Все оказываюсь я виноватым перед ленинградцами и приходится проводить жизнь в непрерывных раскаяниях и извинениях. Вот и теперь, очень хотелось видеть тебя председателем нашей госкомиссии у Гнесиных. И на кафедре так постановили. Да, выходит дело, звонок С. И. Леппо к тебе был преждевременным. Дело в том, что нам приказали искать председателя в Москве и не дали средств на экспорт (вернее, импорт) этого продукта. Прошу верить, что пишу без дипломатии и очень сожалею, что не удастся с тобою повидаться и поработать (а там, верно, и выпили бы).

Жизнь моя проходит в бегах и труде. Может быть, в конце июня буду в Ленинграде. Желаю тебе всего доброго. Мой привет всему твоему семейству. Крепко жму руку. К. Птица. 9 мая 1956 г.»

«Дорогая Елизавета Петровна!

Вчера, под орудийные салюты и клики ликующей толпы, ты единогласно прошла экспертную комиссию. Все было очень мило и единодушно. Теперь подождем до осени, и все будет в порядке. Ты уж мне поверь! Пересылаю копию худосочного отчета. На большее нет ни сил, ни времени, ни ума.

О своей последней поездке к Вам, в Ленинград, вспоминаю с удовольствием. Спасибо. Целую тебя и всех тоже с тобою. Ура!

Твой К. Птица

19 июня 1964 г.»

«Дорогая Лиза!

Только что получил твое письмо и спешу ответить. С Мынбаевым с удовольствием встречусь. Хороших хоровых сочинений мало в природе, так что за рекомендацию благодарю. О Письменной также порадею, как смогу. А вообще с удовольствием читал твою писулю. Знаешь ли, месяца три тому назад мамаша Милы ездила в Ленинград и возила для тебя клавиры Щедрина и Хренникова (новые хоры). Прожила она там три дня и каждый день к тебе звонила, но никто не подходил к телефону, так и приехали клавиры обратно. Не поменялся ли у тебя телефон? Конечно, надо было бы почтой послать, но день за день так и не собрался отправить. Не вдаваясь в подробности, умница ты, что отказалась от Венгрии. Сложная у нас жизнь пошла и, думаю, что последние нервишки здорово бы ты на том растратила. Я собирался тебе написать, да ты сама догадалась.

Темп нашего жития-бытия все время усложняется, горки все круче, а дорожки извилистее. И я уже никак не могу попадать в ритм, без крайнего напряжения сил. А их-то становится все меньше. В голове пошумливает и ночной отдых не дает необходимое возмещения энергии. Мчишься, как на санках, с горы и чуешь, что вот-вот вывалишься. Наверно, так всегда под старость бывает. Слава Богу, что у Катюши все хорошо. Она того стоит. Целую вас всех скопом и по отдельности. Люди вы просто отличные. Здоровье блюдите и гуляйте поболее, благо за чистым воздухом ходить недалеко. На меня ваша семья действует особенно умиротворяющее. Да поди попади к вам. Оставайтесь с Богом. Напиши при случае. 3/III 73. Ваш К. Птица».

«Дорогая моя Лизочка!

Пожалуйста, пусти к себе на урок мою бывшую ученицу Иру Рещикову. Это очень близкий мне и в высшей степени порядочный человек.

Крепко тебя целую. Целуй свое хозяйство от мала до велика.

Всегда твой К. Птица. 1/III-82».

В. А. Свешников

Вячеслав Александрович Свешников – профессор, патологоанатом Кремлевской больницы, сын А. В. Свешникова от первого брака.

«Дорогая Елизавета Петровна!

Спасибо за поздравления и новогодние пожелания. Жаль, что не был дома, когда Вы звонили, что лучше услышать живой голос, чем его „перевод“ на бумаге в письме. Новый год начал неважно: Андрей[1] подцепил ветрянку и перенес ее очень тяжело – все каникулы отданы болезни. 6.I.83 потрясла весть о смерти Клавдия Борисовича[2]. Вам звонить не стал умышленно – не могу сообщать плохие вести и тем более „рваться“ вперед, неся чужую и свою боль человеку, которым очень дорожу. 10.I проводили Клавдия в последний путь. Зал Консерватории, где был установлен гроб, был переполнен. Душераздирающая музыка и песнопения бередили душу... Тяжело было видеть Людмилу Ермакову[3], ложность положения которой вскрылась со смертью близкого ей человека. Казалось бы, она должна быть рядом по праву, а по закону горе и слезы в одиночку... Как все сложно... Мария Даниловна[4] едва двигалась и внешне казалось, что она не понимает происходящего. Горько смотреть и тяжело было присутствовать на этом последнем ритуале прощания. Все обострялось еще и тем, что в речах упоминали имя отца, которые в данной ситуации звучали как новое отпевание.

В третью годовщину смерти папы были на его могиле. Хористы и руководители хора также пришли почтить память. С горечью узнали о кощунственном поступке А. С.[5], которая и после смерти отца «борется» со мной и другими «врагами». Куст сирени, который мы посадили с директором хора у могилы папы был вырван и выброшен. Делалось это на глазах у некоторых родственников соседних погребенных. Одна из вдов подобрала уже цветущий куст и посадила на могилу своего мужа и, представьте себе, сирень ожила и вновь зацвела. Летом я видел, что нет сирени, но никак не мог подумать о том, что уничтожена. Я думал, что деревце не прижилось и засохло...

Агафонников[6] И. Г. подарил мне пластинку с новой записью хора. Прослушал и понял: – хора Свешникова уже нет. Есть совершенно другой без

[1] Свешников Андрей Вячеславович – сын В. А. Свешников, внук А. В. Свешникова.

[2] Птица К. Б.

[3] Ермакова Людмила Владимировна (р. 1927) – хормейстер, помощник К. Б. Птицы, ныне народная артистка России, художественный руководитель Большого хора Радио в Москве.

[4] Птица М. Д. – супруга К. Б. Птицы.

[5] Свешникова Александра Семеновна – профессор Консерватории, вторая супруга А. В. Свешникова.

[6] Агафонников Игорь Григорьевич (р. 1932) – хормейстер, ученик А. В. Свешникова.

индивидуальности хор. Сегодня пойду в концерт – послушаю хор в Консерватории и тогда напишу свои впечатления.

Я очень рад Вашим творческим успехам и надеюсь, что, несмотря на наряд милиции, прорвусь когда-либо под своды старинного дворца, где Вы будете королевой муз.

В доме у нас все без особых перемен: Люда[1] трудится в поте лица, ребята учатся, я работаю больше дома и чаще на корзину. Иногда вызывают на сложные дела и: день и ночь – сутки прочь. В штатные сотрудники больше идти не хочу. Смешно, но в этом положении меня стали ценить как специалиста значительно выше и даже на всесоюзном съезде судебных медиков избрали почетным членом, наделив всякими правами. Дома ребята шутят: папа по четным (числам) недоступен, по нечетным – свой человек. К сожалению, недуг тещи омрачает жизнь и создает определенные трудности. Но видимо так оно и бывает – как говорят, жизнь в белую и черную полоску.

Видимо сегодня письмо не отправлю, так как подоспело время собираться в концерт, а мне еще хочется с Вами поговорить.

Елизавета Петровна, на внука[2] надо обратить самое серьезное внимание, то есть провести всяческое всестороннее обследование. Весьма возможно, что у него преходящая так называемая детская близорукость и в этом случае он нуждается в гармоничном физическом воспитании. Но ведь можно и прозевать что-то! Думаю, что Катя со свойственной ей энергией проведет мероприятие по выявлению причины ослабления зрения, отложив все неотложные дела в сторону.

Лиза-младшая[3] молодец! Теперь будем запросто ловить бенгальских тигров. Ну, а если серьезно, то она действительно молодец.

Большой привет Саше и Катюше. Посылаю Вам фотографию четырех львов – ее можно было бы обозначить и направить для разгадки в рубрику „Что бы это значило?“

17/I-83

Целых четыре дня не улучил момента, чтобы завершить наш разговор. Из концерта ушел возбужденный по-хорошему. Кажется, хор вновь запел и повернулся творческой личностью к его создателю. Все это дало успех, которого не было последние 6–8 лет. В первом отделении были неудачи, но во втором – все перекрыло. Публика долго не отпускала, и сверх программы было исполнено 5 вещей. Нет, все-таки я не прав, что хора Свешникова уже нет. Он есть и будет. Посылаю Вам программу концерта для ознакомления.

---

1 Свешникова Людмила Николаевна – супруга В. А. Свешникова.

2 Филатов Виктор Викторович – сын Е. А. Муриной, внук Е. П. Кудрявцевой.

3 Мурина Елизавета Андреевна – дочь Е. А. Муриной, внучка Е. П. Кудрявцевой.

Отсутствие зимы и вечная слякоть за окном ужасно портит настроение и не совсем благодарно влияет на «старые кости». Погоде противопоставляю оптимизм, и все становится на место.

Если выберетесь в Москву, то не проходите мимо. Буду рад видеть и принять в своем доме. Ну, а если приеду в Ленинград – не премину заглянуть на Ваш островок, в дом, где тепло и доброта наполняют атмосферу. Большой привет чадам всех поколений. Обнимаю, целую, Ваш Слава.

17/I-83».

Е. А. Ручьевская

Екатерина Александровна Ручьевская (1922–2009) – музыковед, доктор искусствоведения, профессор Петербургской консерватории.

«Дорогая Елизавета Петровна!

Поздравляю Вас со славной датой.

Долгие годы, более 50 лет, была свидетелем Вашей вдохновенной работы, Вашей деятельности на благо российского искусства, на благо Консерватории.

Ваша творческая судьба – пример для всех юных, молодых и старых.

Желаю Вам здоровья, счастья, благополучия всем, кто Вас окружает (в первую очередь моей тезке).

Крепко Вас целую и обнимаю,

Е. А. Ручьевская (для Вас Катя)

5/V 2004

Сожалею, что из-за гриппа и всяких хворей я не могу поздравить Вас лично».

Д. Л. Локшин

Даниил Львович Локшин (1907–1966) – музыковед, доктор искусствоведения, профессор.

«25.01.1952.

Москва.

Уважаемая Елизавета Петровна!

Узнал из письма Доры Львовны о Вашем торжестве. Сердечно поздравляю Вас, желаю Вам здоровья и еще больших творческих успехов и дожития до столетнего юбилея Вашей деятельности в Капелле.

Глубокоуважающий Вас, Локшин».

«Уважаемая Елизавета Петровна!

Прежде всего поздравляю Вас с высоким званием главного дирижера Капеллы.

У меня к Вам просьба, в выполнении которой Вы тоже должны быть заинтересованы. Мне заказано Музгизом написать специальную брошюру о Ленинградской капелле. Я очень растянул в связи с занятостью с выполнением этого дела, но теперь уже выходят все сроки.

В понедельник 25-го я приезжаю на 4–5 дней по ряду дел в Ленинград, в том числе и за получением некоторых дополнительных материалов для брошюры.

В виду того, что я буду очень занят и сумею вероятно только один раз побывать у Вас (надеюсь и на репетиции), то убедительно прошу, чтобы Вы дали указания о подготовке мне канцелярией следующих материалов:

1. Репертуар Капеллы, хорошо бы по разделам: русская, западная классика, народные песни (включая и песни стран народной демократии), советская хоровая музыка. Особо выделить крупные хоровые формы и произведения a capella. Ближайшие репертуарные перспективы.

2. Концертная деятельность. Хорошо бы по годам за советский период, или хотя бы за послевоенные годы, где концертировали, сколько.

3. Люди Капеллы. Старейшие артисты. Молодежь – воспитанники музыкальных учебных заведений, выходцы из самодеятельности. Солисты (все фамилии).

4. Связь с композиторами Ленинграда. Какие произведения создавались (и кем) в непосредственном содружестве с Капеллой. Какие произведения советских композитов исполнялись Капеллой впервые.

5. Связь с хоровой самодеятельностью. Помощь (методическая и практическая) хоровой самодеятельности в Ленинграде и во время гастрольных поездок. Формы этой помощи.

6. Некоторые сведения о хоровом училище. Количество, состав учащихся. Возраст. Основной состав педагогов. Кто из окончивших в последние годы продолжает заниматься музыкальной деятельностью и какой.

Буду Вам, Елизавета Петровна, очень благодарен, если Вы посодействуете в подготовке этого материала.

Будьте здоровы (это для Вас особенно важно).

До скорого свидания…

Привет от жены и Киры.

Д. Локшин.

20.X.54».

Г. П. Рогожникова

Галина Петровна Рогожникова (1919–1999) – хоровой дирижер, народная артистка РСФСР, профессор, заведующая хоровой кафедрой Свердловской консерватории.

«1974 г.

Свердловск.

Дорогая Елизавета Петровна!

С Новым годом – щедрым на тепло и „драгоценные“ дары, необходимые человеку!

Вам – теплому и славному человеку, замечательному музыканту, пусть принесет он счастье, много радости, массу успехов и, конечно, доброе, славное здоровье. Всегда вспоминаю Вас, кипучую, неукротимую, лучезарную, в трудные минуты.

Целую, Галина Петровна Рогожникова».

Ю. А. Брагинский

Юрий Александрович Брагинский (р. 1931) – заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор, заведующий хоровой кафедрой Новосибирской консерватории, хормейстер.

«Новосибирск. 1988 г.

Моя дорогая, вечно молодая и прекрасная учительница! Моя дорогая Мама Лиза!

Шлю свои новогодние пожелания только хорошего и светлого в Новом году!

Встретился в Москве с Андреем Аниховым, который снабдил меня подробной информацией о делах Ваших последнего времени. Рад успехам „любителей“.

Дорогая Елизавета Петровна, жду 89-го года по многим причинам:

В мае надеюсь обнять Вас в день Вашего славного юбилея.

В апреле моему хору исполнится 25 лет. Постараюсь найти деньги, и в честь юбилея снять концерт в Капелле. Вот мои мечты.

Итак, с Новым годом, желаю прежде всего здоровья, успехов и радости. Обнимаю всех – Катю, Лизу и маленького валторниста.

Ваш новосибирский отпрыск, Ваш новосибирский сын,

Юрий Брагинский».

П. Ц. Радчик

Петр Цезаревич Радчик – директор музыкального издательства «Советский композитор».

«03.09.1970.

Ленинград.

Дорогая Елизавета Петровна!

Мне сегодня рассказали о том, что Вы хворали и собираетесь уехать на лечение. Меня этот факт встревожил сам по себе и, окромя того, еще и потому, что мы не получили от Вас подписанных договоров на составление сборника хоров советских композиторов без сопровождения.

Я звонил Вам, но Ваш телефон не отвечал. В связи с этим я прошу вас, в любой форме сообщить мне, когда Вы могли бы выполнить это поручение редакции. Если по каким-либо соображениям это представляется Вам затруднительным или неудобным, то кого Вы порекомендовали бы для составления этого сборника?

Желаю Вам доброго здоровья и всего самого хорошего!

Искренне Ваш, Петр Радчик».

«1977.

Петр Цезаревич Радчик прочитал сообщение о присвоении звания народной артистки Е. П. Кудрявцевой с радостью и удовольствием. Он крепко Вас обнимает и желает всего самого хорошего. От полноты чувств он даже сочинил стихи:

„Желаю Вам счастья, здоровья и гро́шей

Растите большой и такой же хорошей!“

Петр Радчик».

В. Баркаускас

Витаус Баркаускас – композитор, народный артист Литвы.

«26.03.1976.

Вильнюс.

Глубокоуважаемая Елизавета Петровна!

Сердечное спасибо Вам за прелюдию и фугу, которые я сегодня получил большой любезной бандеролью через Ленинградский музыкальный фонд.

Уже успел вручить ноты и А. Иозенасу, который в прошлом впервые исполнил это сочинение, и П. Вайлионису, который, можно сказать, меня познакомил с Вами.

Большая честь и очень отрадно мне, как автору, поместиться в таком серьезном и солидном всесоюзном сборнике.

Итак, еще раз Вас благодарю, желая счастья и прекрасного здоровья.

С искренним приветом из Вильнюса

Ваш Витаутас Баркаускас».

В. Гарштя

Вероника Гарштя – народная артистка СССР, профессор, руководитель молдавской капеллы «Дойна».

«Я получила ваше письмо, спасибо Вам!

Спасибо, что Вы есть, и что Вы меня не забываете. Общение с человеком большой чуткой и доброй души согревает меня. На таких людях, как Вы держится мир.

Спасибо Вам!

Елизавета Петровна, я очень рада, что Вы счастливы, что Вы занимаетесь любимым хором – музыкой. Вы с юношеской энергией продолжаете воспитывать подрастающее поколение.

Желаю Вам новых творческих успехов и большого человеческого счастья.

Буду рада видеть Вас в наших краях.

С уважением, Вероника Гарштя».

А. А. Перунов

Александр Александрович Перунов – профессор, заведующий хоровой кафедрой Харьковской консерватории.

«20.10.1955.

Харьков.

Здравствуйте, уважаемая Елизавета Петровна!

После длительного перерыва снова хочется восстановить деловую связь. У Вас там хоровая жизнь бьется более ярким ключом, хотя и мы не заставляем себя в какой-то мере и сами остывать. Я от деканской работы отказался и снова по конкурсу, решением совета Консерватории избран на должность заведующего кафедрой хорового дирижирования. Как Ваше здоровье, как работаете без Георгия Александровича? Кто теперь возглавляет кафедру и Капеллу? Что нового и яркого в хоровой жизни Ленинграда? Очень бы хотелось знать, над какими темами работают педагоги кафедры, а также темы студенческих работ! Какие дипломные работы выпускников? Что готовится к изданию и что издано по нашей специальности?

В зимний период собираемся с сыном моим побывать в Ленинграде и заглянем к Вам. Так будьте здоровы, привет коллегам.

Крепко жму руку, Ал. Перунов».

Н. Г. Минх

Николай Григорьевич Минх (1912–1982) – композитор, руководитель джаз-оркестра Ленинградского радио.

«Москва.

1964 г.

Дорогие Елизавета Петровна, Алексей Григорьевич, Катенька и Шурик!

От всей моей семьи и себя лично сердечно поздравляю всю вашу „образцовую“ семью с Новым 1964 годом, и от всей души желаю полного благополучия.

Искренне Ваш, Николай Григорьевич Минх».

О. А. Великанова

Ольга Алексеевна Великанова – директор Шереметевского дворца в Петербурге.

«14.02.1990. Киев.

Дорогая Елизавета Петровна!

Мне трудно найти слова, чтобы выразить Вам огромную благодарность за то, что Вы откликнулись, за Ваши изумительные страницы воспоминаний о К. А. Симеонове – тонкие, эмоциональные, проникнутые теплом и любовью. Обратившись к Вам с письмом, я втайне надеялась, что получу воспоминания коллеги, сверстницы, а прочла взволновавшие меня страницы друга и душевно близкого Константину Арсеньевичу человека. Спасибо Вам.

Ваш очерк, с самыми незначительными редакционными изменениями, войдет в сборник воспоминаний, рукопись которого уже готова. Он будет помещен рядом с воспоминаниями О. А. Димитриади, посвященными студенческим годам К. А. Симеонова.

Сведения о творческой судьбе Константина Арсеньевича, о его жизненном пути приходится собирать буквально по крупицам, поскольку в его архиве сохранилось немногое (в основном, афиши его работы во Всесоюзном гастрольбюро в 1947–49гг., материалы его деятельности в качестве главного дирижера Киевского и Ленинградского оперных театров). Безвозвратно погибли документы довоенного периода. Поэтому каждый очерк очевидца тех или иных событий приоткрывает что-либо новое в биографии дирижера. Так, в Ваших воспоминаниях я прочла, что К. Симеонов принимал участие в руководимой Вами поездке по городам Донбасса (1935 г.) в качестве дирижера-дублера. Это очень интересно. Проводил ли он концерты во время гастролей? Где можно подробнее узнать об этой поездке (помимо сведений, имеющихся в книге «Ленинградская консерватория в воспоминаниях», кн. 2, Л., 1988)?

Меня очень интересуют сведения о ваших совместных концертах (при участии Ленинградской академической хоровой капеллы) в Киеве, Москве и Ленинграде. Когда они состоялись? Дело в том, что упомянутых Вами произведений (9-я симфония Бетховена, „По прочтении псалма“ Танеева) нет в репертуарном списке, который мне удалось составить по довольно скудным источникам (архив Симеонова, архив Киевской филармонии, упоминания в газетных и журнальных статьях), а об „Александре Невском“ Прокофьева мне известно только как о постановке Кировского театра (премьера 12.12.69). Не могли бы Вы дать мне некоторые хронологические ориентиры, касающиеся упомянутых Вами концертов? Очень бы хотелось, чтобы репертуарный список К. А. Симеонова (он будет представлен в книге), по возможности был более полным.

И еще несколько вопросов, ответ на которые, я надеюсь, не очень Вас затруднит.

В какие годы Вы приезжали в Киев? Вы упоминаете о послевоенном Киеве и о постановке «Катерины Измайловой» (в 1965 или в 1974 г.)?

Кем был Женя Карагод? Не могли бы Вы написать, у кого он учился в Консерватории, где работал до своей гибели?

Вы упоминаете о том, что в капелле учились два старших брата Константина Арсеньевича. Одного звали Павел (он был капельмейстером в частях Красной Армии и умер в 1928 г.), о втором я ничего не знаю, его не упоминает Константин Арсеньевич в своей автобиографии. Возможно, это был двоюродный брат, как его звали?

В каком году Вы начали заниматься в классе А. В. Гаука – осенью 1932 г.? Мне кажется, что Константин Арсеньевич учился в классе Гаука полтора года – с осени 1932 г. до конца 1933 г. (в 1933 г. Гаук переехал в Москву). О. А. Димитриади пишет, что он поступил в Консерваторию осенью 1933 г. и проучился у Гаука полгода, а Симеонов был в это время на 3 курсе (он перешел на отделение симф. дирижирования со 2 курса). Эти сведения необходимы мне для комментариев.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас всей душой за Ваш очерк.

С признательностью и глубоким уважением

Ольга Великанова».

А. П. Когадеев

А. П. Когадеев – профессор Минской консерватории, заведующий дирижерско-хоровой кафедрой, главный хормейстер Большого театра, народный артист БССР.

«07.12.1963. Минск.

Уважаемая Елизавета Петровна!

Весьма рад Вашему письму! Очень рад за Вас, за Катюшу и Шурика! (Кстати, недавно в консерваторской газете „Пианист“ я прочел интересную положительную статью о лауреатах конкурсов, в том числе и о Кате Муриной). Очень рад, что Вы получили, наконец, квартиру (знаю по себе, что это значит), и, наконец, очень рад, что Вы продолжаете вести большую исполнительскую-педагогическую деятельность, принося тем самым огромный вклад в развитие советского искусства. Прошло 5 лет, как я покинул Ленинград и начал свой самостоятельный хормейстерский и педагогический путь. За это время было много „взлетов“ и „падений“, творческих поисков, разочарований, неверия в свои силы и т. д. В педагогической классной работе (под рояль) у меня дела идут как бы неплохо. А вот как вести хоровой класс, как научить студента работать с хором, до сих пор не умею. Очень буду рад, если Вы мне что-нибудь посоветуете в этой области.

С хормейстерской работой в театре дела идут лучше. Работая с оперным хором, я уяснил себе важную истину: всякими судьбами „вытянуть“ голоса у артистов хора, заставить каждого звучать ярче, и причем не за счет крика, форсировки, а за счет умения петь. Я вспоминаю, как мастерски это делали Вы. У Вас даже посредственный слабый от природы голос, благодаря Вашим приемам распеваний, „вытягивания“ звука, звучал ярче своих возможностей, появлялся тембр. До сих пор звучит в ушах Ваша фраза: „Наша специальность – тянуть звук“.

Как бы я хотел постигнуть Ваш секрет „тянуть звук“ у певцов, секрет в достижении живого, тембристого, „тягучего“ звука при скромных певческих данных поющих. Научите меня этому!

Сейчас наш театр усиленно готовится к отчетной поездке в Кремлевский дворец съездов (февраль 1964 года) со следующим репертуаром: оперы – „Отелло“ Д. Верди, „Орестея“ С. Танеева (!!!), „Ясный рассвет“ Туренкова (белорусская опера); балеты – „Мечта“ Е. Глебова, „Свет и тени“ Генриха Вагнера (белорусские композиторы).

Желаю Вам и Вашей семье крепкого здоровья и больших успехов в работе!

С искренним уважением, Алексей Когадеев».

А. Ф. Зайцев

А. Ф. Зайцев – научный сотрудник Института русской литературы, кандидат философских наук, в 1951 г. защитил диссертацию на тему «Мировоззрение А. Н. Куницына».

«Елизавета Петровна!

10 февраля на торжественном траурном собрании в музее-квартире А. С. Пушкина я почувствовал художественную силу, с какой Вы властвуете над хором.

Ваша манера дирижирования захватывает внимание слушателя, заставляя еще глубже вникать в раскрываемую Вами красоту мелодии, достигающую потаенных частей души.

Примите мою глубокую благодарность за эти минуты душевного восторга.

11:2:49

Институт литературы».

Ю. Х. Темирканов

Юрий Хатуевич Темирканов (род. 1938) — советский и российский дирижер, народный артист СССР. В течение более двадцати лет — бессменный руководитель Академического симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии.

«Коллектив Санкт-Петербургской академической филармонии имени Д. Д. Шостаковича – художественное руководство, администрация, артисты двух оркестров – сердечно поздравляют Вас с Юбилеем!

Мы очень ценим, что не одно десятилетие творческая дружба связывает Санкт-Петербургскую филармонию с Вами – выдающимся мастером хорового дирижирования.

Вам присущи уникальный артистизм, художественная интуиция, свое, неповторимое видение музыкальных образов.

Созданный Вами хор – это коллектив, в котором люди самых разных профессий живут творчеством и безгранично влюблены в музыку. Ваши выступления на сцене Санкт-Петербургской филармонии всегда вершины русского хорового искусства.

Позвольте от всей души пожелать Вам крепкого здоровья и долгих лет жизни, а также благополучия Вашей большой и богатой талантливыми людьми семье!

Художественный руководитель и главный дирижер филармонии
Ю. Х. Темирканов.
Директор филармонии Ю. А. Шварцкопф
Май 2004 г.»

Имре Ченки

КОНЦЕРТЫ

ВЕНГЕРСКОГО ХОРА

(ХОР ГОСУДАРСТВЕННОГО НАРОДНОГО АНСАМБЛЯ)

СМЕШАННЫЙ ХОР

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ ХОРМЕЙСТЕР
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМЕНИ КОШУТА

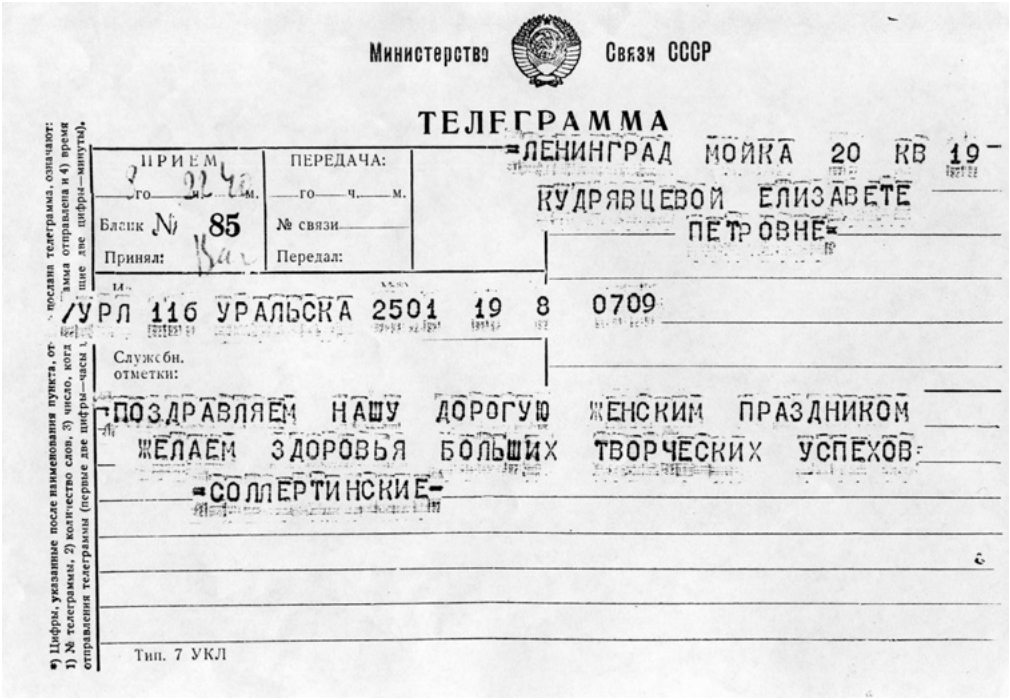
ИМРЕ ЧЕНКИ

Хормейстер: РУДОЛЬФ ВИГ

БУДАПЕШТ

И. И. Соллертинский

Иван Иванович Соллертинский (1902–1944) – советский музыковед, театральный и музыкальный критик.



Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ ... го ... м.
Бланк № 85
Принял:

ПЕРЕДАЧА: ... го ... ч. ... м.
№ связи
Передал:

=ЛЕНИНГРАД МОЙКА 20 КВ 19
КУДРЯВЦЕВОЙ ЕЛИЗАВЕТЕ
ПЕТРОВНЕ=

/УРЛ 116 УРАЛЬСКА 2501 19 8 0709

Служебн. отметки:

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШУ ДОРОГУЮ ЖЕНСКИМ ПРАЗДНИКОМ
ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ БОЛЬШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ
=СОЛЛЕРТИНСКИЕ=

Тип. 7 УКЛ

*) Цифры, указанные после наименования пункта, от... послана телеграмма, означают: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда ... отправлена и 4) время отправления телеграммы (первые две цифры—часы ... ще две цифры—минуты).

А. Г. Брянцев

Е. П. Кудрявцевой

Капеллой славы мировой
Умело, друг, руководишь...
Дар дирижерский столь большой –
Родник искусства, луч зари!
Я знаю: Ты – величье лет, –
Весне созвучен твой расцвет.
Царица сцены и поэт
Елизавета – Лисавет!
Вся Ты художник вдохновенный
Артистка, что как жизнь ценна!

1941 г.

Ф. М. Козлов

Федор Михайлович Козлов (1927–2003) – дирижер-хормейстер Капеллы, руководитель хора мальчиков, профессор Консерватории.

Листая страницами годы
Вы повесть сложили о том,
Как в цехе вокальном завода
Ковалася песня трудом.
А труд Ваш – аккорд златотонный
Насыщенно ярок как свет.
В нем вижу, я звуками полный –
Кудрявой березки расцвет.
Цветет она искони здешней,
Родной украшая лесок.
И вторит цветенью сердечно,
Друзей ее, хор голосов.
Пусть долгие годы встречает,
Кудрявая, солнца восход
И в новых цветах урожая
Всегда плодотворно живет!

1951 г.

Е. А. Кучинский

Евгений Кучинский (р. 1933) – поэт (Петербург).

Как хорошо, что Вы родились в Мае!
У Вас Весна попутчица по жизни.
Друзья с Весною Вас воспринимают.
Родные видят Вас в весенней призме.
Я рад, что в юбилей прекрасный сей
В Искусстве Вы! – Не можете иначе!
Цены Вам нет! Для радости друзей
Ей-Богу, Вы! – избранница удачи!
Вам счастья и здоровья без предела!
А также не сидеть и дня без дела!

Б. К. Гранкин

Борис Константинович Гранкин – доктор технических наук, профессор Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского.

Ангел вопияше

Уже и не припомню, с коих пор
Почувствовал я в жизни перемену:
Всечасно жду, когда любимый хор
Еще раз одарит меня со сцены.

И вот вхожу я, восхищенный, в зал.
Что может быть торжественней и краше
Того, что Мама Лиза правит бал
И хор поет… И ангел вопияше!

Пусть кто-то хнычет, что у нас развал,
Что мы сидим перед разбитой чашей,
Но вы очнитесь и войдите в зал,
Там хор поет… И ангел вопияше!

Так пусть и дальше муза не молчит
И век грядущий будет нам не страшен.
Пусть любит женщина, ребенок сладко спит
И хор поет… И ангел вопияше!

Январь 1995 г.

Литургия Гречанинова

На листах календаря сего
Есть событие исполиново –
Под водительством Кудрявцевой
Литургия Гречанинова.

Зал Капеллы непрокуренный
Слушал звук не джаза винного,
В представлении А. Мурина
Литургию Гречанинова.

Звук у хора упоителен
И сошла к нам с неба синего
В исполнении Любителей
Литургия Гречанинова.

Значит, Русь не пала в тьму пока
Петь миноры нет причины нам,
Коль звучит такая музыка –
Литургия Гречанинова.

Много лет желаю хору я,
Буду ждать я встречи сызнова,
Чтоб услышать ту, которая
Литургия Гречанинова.

20 января 1999 г.

Андрей Шевчук

Андрей Шевчук (род. 1970) – ученик Е. П. Кудрявцевой, дирижер.

Есть в мае день. Седьмой по счету
Лишь только станет потеплей,
И по традиции почетной
Знакомый день зовет гостей.
Ах, наш учитель. Не случайно
Все здесь сегодня собрались.
Еще бы – Вы необычайно
Так гениально родились!
Ах, как вскипела водки чарка,
Пусть знают все, в любой стране
Елизаветинскую марку –
Такой не сыщете нигде!
Ругайте нас в разгаре буден,
Обожествлять Вас нам не лень,
Вас никогда мы не забудем,
На Вас всегда молиться будем
Акростихами в этот день!

7 мая 1992 г.

М. Мурина

Бабушке Лизе.
Хор запел.

В зале тихо-тихо.
Люди замолкают,
Только хор поет
И орган играет.
И песня красивая залу заполняет.
Никто на свете
Так не может,
Чтоб хор запел:
«О Боже! Боже!»

Маша (8 лет). 21 января 1994 г.

P.S. к юбилею

По заведенной уже давным-давно традиции 7 мая ко мне в дом собираются мои ученики. В начале, в служебной капелльской коммуналке на Мойке, 20, они помещались за старым кухонным столом. А теперь большая квартира на Петроградской, на набережной Лазарева, 20, становится тесной.

Неудивительно, что рядом может быть известный всему миру дирижер и начинающий свой путь в музыку первокурсник. Каждый спешит рассказать мне о своих успехах, гастролях, исполненных по миру операх, симфониях, ораториях. На столе, как говорится, что Бог послал. В кулинарии отличаются мои дочка Екатерина и внучка Елизавета. Вкусные пироги, сдобы, салаты. Армия моих мальчишек (а у меня в классе за редким исключением студенты мужского достоинства) быстро опустошают блюда. А затем начинается самое интересное. Пение импровизаций мужским хором. Русские песни сменяет классика, современные мелодии. Иногда за рояль, за которым играли Шостакович и Мравинский, садится Кухолев или Клеймиц, или Рыбалко. И начинаются изумительные композиции, которые прерываются телефонными звонками из Америки, Европы, Азии, куда судьба забросила моих музыкальных детей. Почтальон доставляет многочисленные письма и телеграммы.

В этом юбилейном для меня году торжества были особенные («В жизни раз бывает 90 лет...», перефразируя популярную песню 60-х годов). Открылись они двумя праздничными концертами в мою честь в Большом зале Петербургской филармонии имени Шостаковича.

5 мая Государственный оркестр русских народных инструментов имени Андреева под управлением моего ученика Дмитрия Дмитриевича Хохлова исполнил обширную программу. В концерте солистами выступили замечательные музыканты. Ректор Консерватории профессор виолончелист Сергей Павлович Ролдугин сказал теплые слова в мой адрес. Екатерина Мурина сыграла впервые в России «Рапсодию на цыганские темы» Листа (фортепьяно, русские балалайки и цыганские напевы!!!). Арии из опер спела прима Мариинского театра Елена Миртова.

А 6 мая музыкальное приношение Академического симфонического оркестра Филармонии во главе с моим музыкальным сыном, народным артистом СССР, профессором Александром Сергеевичем Дмитриевым.

Петербургская капелла, которой я отдала 30 лет жизни с хором мальчиков училища имени Глинки, где я преподавала с 1931 по 1956 год, исполнили с Екатериной Муриной моего любимого Бетховена – «Фантазию для хора, фортепьяно и оркестра».

Затем капеллан на сцене сменил мой любимый Хор любителей пения. Под вдохновенной рукой маэстро возникла «Рапсодия для оркестра

и мужского хора» Брамса и «Ноктюрны для оркестра и женского хора» Дебюсси. Играли и пели с особым подъемом.

Я полагаю, что Александр Дмитриев лучший интерпретатор музыки французских импрессионистов на современном европейском дирижерском небосклоне. Переполненный зал стоя приветствовал исполнителей.

7 мая утром огромный зеленый двор моего дома был разбужен молодыми голосами. Под балконом хор студентов Консерватории под управлением заведующего хоровой кафедрой профессора Валерия Всеволодовича Успенского исполнил сочинения Глинки, Шумана, Свиридова. Своеобразный певческий ансамбль в 70 голосов перекочевал в квартиру, которая едва вместила всех. И снова «Многая лета»!

Вскоре студенты уступили место моим дорогим кафедралам. Для многих из них я не только коллега, учитель, советчик, но и, когда надо в трудную минуту, вставала горой за собрата, защищая от несправедливой и огульной брани.

13 мая концерт под балконом и домашний «прием» повторились. Но пели уже мои любители под управлением молодых помощников.

Помимо вышеназванных музыкальных подарков меня тронула до слез посылка из Швейцарии. Мой дорогой Китайчик (Дмитрий Георгиевич Китаенко) сообщил, что он записал на лазерные диски с Кельнским симфоническим оркестром все 15 симфоний Шостаковича. Узнав, что у меня перелом ноги, Дима стал по несколько раз в неделю звонить в Петербург и назвал это «димотерапией».

Не могу не процитировать поздравление одного из моих первых воспитанников по довоенной, еще «климовской» Капелле, ныне уважаемого маэстро Мариинского театра, профессора Консерватории Юрия Всеволодовича Гамалея:

«Дорогая и любимая Елизавета Петровна!

Сердечно и горячо поздравляю Вас с замечательным юбилеем!

Всегда с большой теплотой вспоминаю спевки под Вашим волевым и темпераментным руководством, как и подобало правой руке несравненного Климова. А мы старательно выпевали „Кирие Элеисон“, а иногдавтихаря напевали: „В дом ко мне лезут крысы“, и далее громко: „Рекс глория, Рекс глория!“

Вы были для меня первым и отличным образцом дирижера. За что огромное спасибо и пожелание хорошего здоровья на долгие годы.

Ваш ученик, бывший профессор дискантов и солист вавилонского столпотворения. Юрий Гамалей. 5 V 2004 г.»

Вспоминая эти волнительные торжественные дни мая 2004 года, я думаю, что не зря тратила свои силы и здоровье.

Всё возвратилось сполна!

29 IX 2004 года

Письмо Пеэпа Лассманна

«27.08.2004.

Уважаемая Елизавета Кудрявцева!

Примите мои поздравления в связи с избранием Вас почетным доктором Академии Музыки Эстонии.

Ученый Совет Академии особо отметил Ваши большие заслуги в деле развития музыкальной культуры нашей страны.

Ранее этого звания удостоились Густав Эрнесакс, Арво Пярт, Вельо Тормис, Роман Той, Арбо Валдма, Игорь Бездродный, Эри Клас, Мадис Кыйв, Эстер Мяги, Калле Рандалу и Эеро Тарасти.

Торжественное чествование новых почетных докторов состоится 3 октября 2004 г. в 16.00 в концертном зале „Эстония“ на концерте, посвященном 85-летию Эстонской Академии Музыки.

Очень надеюсь, что Вы сможете присутствовать на этой церемонии.

Прошу сообщить о Вашем участии секретарю ректора Академии.

Для визового приглашения требуются и Ваши паспортные данные, которые также прошу сообщить секретарю.

С глубоким уважением,

Пэеп Лассманн

Ректор Эстонской Академии Музыки».

Телеграмма Пеэпу Лассманну

«Высокочтимый Ректор Академии Музыки Эстонии Пеэп Лассманн!

Глубокоуважаемые коллеги Ученого совета!

Дорогие друзья и ученики!

Благодарю вас за высокую оценку моего скромного вклада в развитие музыкального искусства Эстонии.

Желаю процветания и новых достижений в творчестве.

Сожалею, что не могу быть на торжестве.

Ваша Елизавета Кудрявцева, народная артистка России,
профессор Петербургской консерватории,
академик Петровской академии наук и искусств
29 сентября 2004 года, Петербург».

Как создавалась эта книга

Александр Мурин
28/XII 2006 г.

За долгую жизнь мамы судьба много раз наносила ей коварные удары.

В 1929 году 15-летняя Лиза остается сиротой.

В 1935 году, вернувшись из гастрольной поездки с Капеллой, продирижировав за месяц 23 концерта, двадцатилетний хормейстер узнает, что отчислена из Консерватории «за непосещение хорового класса».

1937 год. На репетиции Капеллы мама обнаружила, что полтора десятка опытных певцов арестованы как «враги народа». Правда, через двадцать лет их реабилитируют посмертно.

Годы войны с фашизмом. Надо спасать старейший русский хор. И 27-летняя Елизавета Петровна совершит, как скажут потомки, подвиг.

В 1961 году назначенный директором партийный чиновник из Москвы лишает маму дела ее жизни – Ленинградской капеллы. «В связи с переходом на другую работу (Консерватория) освободить от занимаемой должности...» – гласил приказ Министра культуры СССР.

И вот август 2003 года, накануне 90-летия – последний удар. Случайный перелом бедра. Институт травматологии. Врачи, опасаясь за больное сердце, предлагают консервативное лечение.

«Прикованный Прометей». В ее глазах вдруг погас тот огонь, что долгие годы светил людям.

Придя в палату, где мама лежала неподвижно (конструкция мешала повернуться) и смотрела в белый потолок, я в первый момент растерялся, а затем «оптимистично» изрек:

– Надо работать! Надо работать... над книгой воспоминаний!

Мама поддержала эту мысль. И начались многомесячные ежедневные рассказы. Мама правила, уточняла, сокращала, и все начиналось сызнова. Постепенно возникли главные разделы книги: «Учитель (Климов)», «Друзья», «Ученики», «Мои любители».

Так уж сложилось, что все мамины друзья-музыканты ушли к этому времени в мир иной. О многих она ранее (еще до болезни) написала 15 эссе. Я собрал эти публикации и принес маме. Она их внимательно перечитала.

Символично, что когда мамино кровяное давление зашкаливало, а боль в ноге была невыносима, она диктовала мне полные юмора и оптимизма главы о Рахлине, Данилине, Мравинском. И наоборот, в солнечные дни осени плакала, читая свои же трагические страницы о «Костике» (К. А. Симеонове).

Мама строго-настрого запретила приходить коллегам по Консерватории, ученикам, друзьям. Она не хотела, чтобы ее видели беспомощной, неподвижной, жалели. Исключение было сделано только близкому другу – концертмейстеру консерваторского класса Г. Г. Сениной. Она приносила «дозированные вести» с «музыкальной воли».

Мама составила подробное расписание занятий консерваторского класса, планы студентов и репетиций Хора любителей пения, что готовился к 45-летию со своего дня основания, которое совпало с маминым 90-летием в мае.

Помню, когда спустя два месяца врачи разрешили повернуться на бок, и мама увидела через больничное окно седьмого этажа осеннюю золотую листву, часть озерца и снующие по Северному проспекту грузовики, в ее голосе появились интонации, свидетельствующие о выздоровлении.

В первых числах декабря врачи разрешили перевезти маму на носилках домой. В родных стенах выздоровление пойдет быстрее, заверили они. Эскулапы позволили садиться на кровати и даже вставать на костыли.

Тем временем работа над книгой продолжалась. Среди бумаг в архиве нашли «Актовую речь», с которой мама выступала перед Консерваторией в 1987 году к 125-летию вуза. Компьютерную версию речи мама послала новому ректору Сергею Ролдугину:

– Пусть прочтет! Может, будет полезна!

Многие главы мама читала своим врачам, друзьям, ученикам (А. С. Дмитриеву, А. М. Степанову, В. А. Пчелкину), что навещали болящую. По телефону часами разговаривала с Китайчиком (Д. Г. Китаенко), что звонил из Швейцарии. Глебу Скворцову, который прислал компакт-диск с «Реквиемом» Моцарта, устроила по приезде его из Швейцарии трехчасовой разбор «по косточкам». Мама постоянно интересовалась о здоровье Владислава Чернушенко, который перенес операцию на сердце, и особенно о Равиле Мартынове, который лежал в критическом состоянии в больнице Ростова-на-Дону.

В апреле 2004 года телекомпания «СТО» (продюсер Андрей Владимирович Максимков) сняла по моему сценарию телефильм «Отечество и судьбы. Мурины-Кудрявцевы», в котором треть была посвящена мыслям мамы о музыке. Фильм показали по программе «Культура» в июне, уже после юбилейных торжеств. В него вошли кадры концерта в Большом зале Филармонии под управлением А. С. Дмитриева и пения Капеллы, Хора мальчиков и «Любителей пения».

Сколько радости было у мамы, когда в юбилейные дни пришли поздравить ее два правнука: Владимир (мой внук) и внук Катерины Влад (Владимир Алексей Дэвид), который приехал специально из Англии.

После концерта в Большом зале Филармонии в честь мамы, где играл Андреевский оркестр под управлением маминого воспитанника Д. Д. Хохлова, Влад ворвался в комнату и с детской непосредственностью воскликнул:

– Лиза! Мы победили! Смотри, сколько цветов!

Так он реагировал на триумфальный концерт, где мама отсутствовала.

Мама самостоятельно, стойко каждый день проходила по комнатам положенное врачами количество шагов, часами сидела и читала на балконе. Мы отобрали для книги две сотни уникальных фотографий.

В роковой день 29 сентября 2004 года мы с мамой работали, как обычно, четыре часа над книгой. Мама проверила главы «P.S. к юбилею», «Время собирать камни», продиктовала эпиграфы к разделу «Друзья»: «Мои друзья принадлежат истории...» и к разделу «Ученики»: «Письма моих учеников – часть жизни...»

Еще раз прочитала мое эссе о «Классической симфонии» Прокофьева и к словам Сергея Сергеевича «Вот видите, как ругали мою симфонию! А она звучит!» добавила:

– Мне это напоминает сказанное Галилеем «И все-таки она вертится!»

Вечером того же дня страшный приступ болезни. Первого октября сложнейшая операция, а третьего октября в 15 часов сердце мамы остановилось.

8 октября после похорон мамы на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Малом оперном театре им. Мусоргского шел «Реквием» Верди. Когда за пульт встал мамин ученик Андрей Аниханов и обратился к залу со скорбной вестью, зал встал. А затем вспыхнула музыка Верди. Мамина любимая музыка звучала, звучит и будет звучать вечно.

После 3 октября 2004 года

Письмо Г. Рождественского

«Милая Катюша!

Вернувшись в Москву после длительных гастролей, я узнал из газеты „Музыкальное Обозрение“ о смерти 3 октября Елизаветы Петровны.

Стоит ли говорить о том, как грустно мне было об этом узнать...

Я много музицировал с Вашей мамой, но, с другой стороны, по-видимому, слишком мало. Особенно ярко запомнилась наша с ней последняя встреча в связи с исполнением кантаты Бетховена „Морская тишь и счастливое плавание“. Я был потрясен силой художественного излучения (не могу подобрать иного слова), исходившего от Елизаветы Петровны и верности ее прочтения Бетховенской партитуры. Я счастлив, что имел возможность работать с Елизаветой Петровной, изумительным музыкантом и обаятельным и красивым человеком.

Всей душой с Вами,

Геннадий Рождественский

Москва, 5 января 2005 года».

Открытие памятника на Новодевичьем кладбище

21 октября 2007 года на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге состоялось открытие и освящение надгробного памятника на могиле народной артистки России, профессора Консерватории Елизаветы Петровны Кудрявцевой-Муриной.

Работа скульптора Г. В. Додоновой представляет собой двухметровый крест из бело-серого мансуровского уральского гранита, и на его фоне Богородица, благословляющая людей (Большая Стена). У ее ног плита из черного лабрадора, на которой строки «Мати Божия! Сохрани под кровом Твоим...» и мелодия композитора Павла Чеснокова.

Благочинный монастыря о. Николай, ученики, друзья, родные возложили к монументу цветы, поставили свечи, вознесли молитвы.

Воспитанник Е. П. Кудрявцевой по петербургской Капелле Анатолий Савельев посвятил событию следующие строки:

Под сим крестом и в снег, и в дождь
Лежит российских певчих вождь!
И Богородица над ней
Стоит и плачет в сонме дней!

Московская патриархия взяла на вечное поминовение имя покойной Елизаветы.

НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИИ
ПРОФЕССОР КОНСЕРВАТОРИИ
ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА
КУДРЯВЦЕВА-МУРИНА
1914-2004
Мати Божия,
сохрани под кровом Твоим...

Концерты, посвященные памяти Е. П. Кудрявцевой

Посвящается памяти Елизаветы Петровны Кудрявцевой

Большой зал Филармонии им.Д.Д.Шостаковича
(бывший зал Дворянского собрания)

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОНЦЕРТ

Возрождение традиции Капеллы графа А.Д.Шереметева

3 марта 2005 года

В программе:

РОБЕРТ ШУМАН
«РАЙ и ПЕРИ»

Исполняют:

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КАМЕРНЫЙ ХОР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Художественный руководитель и дирижер
Автор идеи и руководитель проекта "Общедоступные концерты"
Заслуженный деятель искусств России
Николай КОРНЕВ

Солисты:

Наталья КОРНЕВА (сопрано)
Дипломант Международного конкурса
Анна ВОРОНИНА (сопрано)
Лауреат Международного конкурса
Ирина ФЕЛЯУЭР (меццо-сопрано)
Анатолий ЛОМУНОВ (тенор)
Станислав ЛЕОНТЬЕВ (тенор)
Дипломант Международного конкурса
Михаил АЛЕКСАНДРОВ (бас)

Хормейстер **Елена ГУРНОСЕНКО**
Ответственный концертмейстер **Ирина ДРАЧ**

Комментарии к концерту:
доктор искусствоведения, профессор
Иван ФЕДОСЕЕВ

**СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА
им. М. П. МУСОРГСКОГО**

ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
Художественный руководитель – **Екатерина АРТЮШКИНА**
Хормейстер – **Ирина АНДРЯКОВА**

Солистка

Народная артистка России
Екатерина МУРИНА
(фортепиано)

Дирижер

Заслуженный артист России
Андрей АНИХАНОВ

Памяти Елизаветы Петровны Кудрявцевой

I отделение

Иоганнес БРАМС (1833–1897)

СИМФОНИЯ № 4 ми минор, соч. 98 (1885)
Allegro non troppo
Andante moderato
Allegro giocoso
Allegro energico e passionate

II отделение

Петр Ильич ЧАЙКОВСКИЙ (1840–1893)

**КОНЦЕРТ № 1 для фортепиано с оркестром
си бемоль минор, соч. 23** (1875)
Allegro non troppo e molto maestoso
Andantino semplice
Allegro con fuoco

**Три фрагмента из музыки к весенней сказке
А. Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА», соч. 12** (1873)
№ 2 – Танцы и хор птиц
№ 11 – Хор народа и царедворцев
№ 4 – Хор «Проводы масленицы»

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

СОБОР СВЯТОЙ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАИЛОВСКОГО ПОЛКА
(Измайловский пр. д. 7-а)

XVIII ПАСХАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО И ЛАДОЖСКОГО ВЛАДИМИРА

ПАСХАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА КОНСЕРВАТОРИИ
НАРОДНОЙ АРТИСТКИ РОССИИ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
КУДРЯВЦЕВОЙ

К 95-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

СЕДМИЦА ЦЕРКОВНОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПЕНИЯ
ФЕСТИВАЛЬ «ПЯТЬ ВЕКОВ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА»

ХОР МАЛЬЧИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
художественный руководитель и дирижёр
Вадим ПЧЁЛКИН

ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
художественный руководитель
Екатерина АРТЮШКИНА
дирижёры
Вадим ПЧЁЛКИН, Ирина АНДРЯКОВА

Главный режиссер Пасхального фестиваля Валерий ПАВЛОВ

ПРОГРАММА

ХОР МАЛЬЧИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
художественный руководитель и дирижёр
Вадим ПЧЁЛКИН

Д. ХРИСТОВ
«ХВАЛИТЕ ИМЯ ГОСПОДНЕ»
Солист Кирилл ЧЕЧИНС

Д. БОРТНЯНСКИЙ
«КОНЦЕРТ ДЛЯ ХОРА №18»

С. РАХМАНИНОВ *фрагмент из «ВСЕНОЩНОГО БДЕНИЯ»*
«БОГОРОДИЦЕ ДЕВО, РАДУЙСЯ»

Дм. БОРТНЯНСКИЙ
«ХЕРУВИМСКАЯ ПЕСНЬ»

ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
художественный руководитель
Екатерина АРТЮШКИНА
дирижёры
Вадим ПЧЁЛКИН
Ирина АНДРЯКОВА

В. КАЛИННИКОВ
«ГОСПОДИ, СПАСИ»
П. ЧАЙКОВСКИЙ *(два фрагмента из литургии св. Иоанна Златоуста)*
«СИМВОЛ ВЕРЫ»
«ОТЧЕ НАШ»
П. ЧЕСНОКОВ
«МАТИ БОЖИЯ»

ХОР МАЛЬЧИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
дирижёр
Вадим ПЧЁЛКИН

П. ЧАЙКОВСКИЙ *(стихи А. Н. ПЛЕЩЕЕВА)*
«ЛЕГЕНДА»

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ КУДРЯВЦЕВОЙ
МЫ ПОСВЯЩАЕМ ЭТОТ КОНЦЕРТ

Хор любителей пения Санкт-Петербурга

Художественный руководитель —
Екатерина АРТЮШКИНА

Хор мальчиков Санкт-Петербурга

Художественный руководитель — Вадим ПЧЁЛКИН

Дирижёр —

Вадим ПЧЁЛКИН

Вступительное слово —

Александр Алексеевич МУРИН

ПРОГРАММА:

Божественная Литургия есть,
В некотором смысле, вечное повторение
Великого подвига любви, для нас совершившегося.

Н. В. Гоголь

Пётр Ильич ЧАЙКОВСКИЙ (1840—1893)

ЛИТУРГИЯ СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Соч. 41 (1878)

Великая ектения
Единородный сыне
Приидите, поклонимся. Трисвятое.
Херувимская песнь
Символ веры
Милость мира
Тебе поем
Достойно есть
Отче наш
Хвалите Господа с небес
Благословен грядый
Буди имя Господне

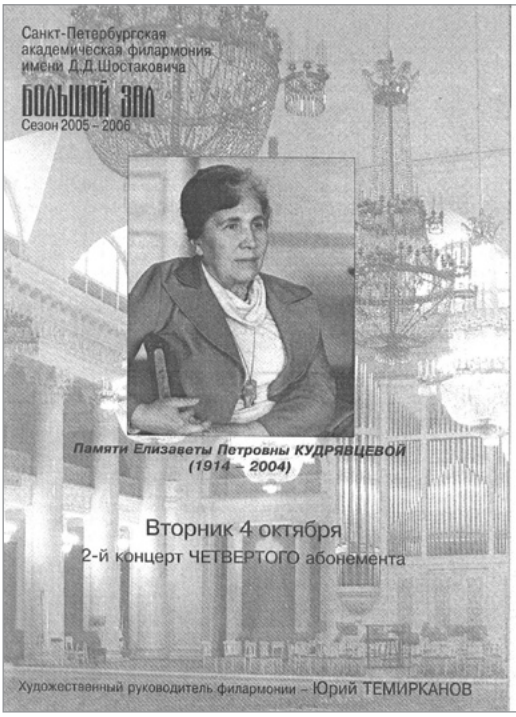
Исполняют Хор любителей пения Санкт-Петербурга
и Хор мальчиков Санкт-Петербурга

Не кукушечка во сыром бору
сл. Н. Цыганова

Исполняет Хор любителей пения Санкт-Петербурга

Легенда
сл. А. Плещеева

Исполняют Хор любителей пения Санкт-Петербурга
и Хор мальчиков Санкт-Петербурга



Академический
СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР ФИЛАРМОНИИ
Художественный руководитель и главный дирижер
народный артист СССР, лауреат Государственной премии России
Александр ДМИТРИЕВ

Солистка – народная артистка России
Екатерина МУРИНА фортепиано

Солист Мариинского театра лауреат международных конкурсов
Владислав СУЛИМСКИЙ баритон

ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
Художественный руководитель – Екатерина АРТЮШКИНА
ХОР СТУДЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
имени Н.А.Римского-Корсакова
Художественный руководитель – заслуженный деятель искусств России Валерий УСПЕНСКИЙ
ХОР МАЛЬЧИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
Художественный руководитель – Вадим ГЧЕЛКИН

I отделение

БРАМС (1833 – 1897)
«Нония» («Скорбная песнь»), кантата для хора и оркестра на стихи Ф.Шиллера, соч. 82 (1880 – 1881)
Исп. **ХОР СТУДЕНТОВ**

РАХМАНИНОВ (1873 – 1943)
«Три русские песни» для хора и большого симфонического оркестра, соч. 41 (1926)
«Через речку, речку быстру»
«Ах ты, Ванька, разудала голова»
«Белилицы, румяницы вы мои!»
Исп. **ХОР СТУДЕНТОВ и ХОР МАЛЬЧИКОВ**

II отделение

РАХМАНИНОВ
Концерт № 1 фа-диез минор для фортепиано с оркестром, соч. 1 (1891)
Vivace. Moderato
Andante
Allegro vivace
Солистка – **Е.МУРИНА**

«Весна», кантата для баритона, хора и оркестра на стихи Н.Некрасова, соч. 20 (1902)
Солист – **В.СУЛИМСКИЙ**
Исп. **ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ и ХОР СТУДЕНТОВ**

Уважаемые слушатели!

В связи с предстоящим ремонтом Большого зала дирекция филармонии вынуждена перенести заключительный концерт ЧЕТВЕРТОГО абонемента
с 13 июня 2006 года на 18 октября 2005 года

8 октября 2004 года

Спектакль посвящается памяти
выдающегося хорового дирижера и педагога
народной артистки России, профессора
Елизаветы Петровны Кудрявцевой

СЕГОДНЯ В СПЕКТАКЛЕ УЧАСТВУЮТ:

М.В.Трегубович (сопрано)

лауреат Всероссийского и Международного конкурсов
Н.В.Бирюкова (меццо-сопрано)

А.Н.Кулигин (тенор)

А.Н.Матвеев (бас)

ДИРИЖЕР – заслуженный артист России
А.А. АНИХАНОВ

Дж. Верди

РЕКВИЕМ

Сценическая версия театра в 2-х действиях
для солистов, хора и оркестра

Режиссер-постановщик —
лауреат Государственной премии России,
народный артист России **С. Л. ГАУДАСИНСКИЙ**

Музыкальный руководитель и дирижер —
заслуженный артист России **А. А. АНИХАНОВ**

Художник-постановщик —
заслуженный художник России **В. А. ОКУНЕВ**

Хормейстеры:
заслуженный артист России **А. Н. ЧЕРНОВ** и **В. В. СТОЛПОВСКИХ**

Художник по свету —
заслуженный работник культуры России **М. З. Меклер**

Ответственный концертмейстер — **А. И. Смородкин**

Спектакль ведет **Н. Б. Сокольская**

Русская народная песня «Вдоль по Питерской»
Обработка для смешанного хора А.Верещагина

Джузеппе Верди Хор из оперы «Набукко»

Сезар Франк «Псалм 150»

Александр Гречанинов «Многолетие»
Из «Демественной Литургии»

Хор любителей пения Санкт-Петербурга основан в 1958 году Народной артисткой России, профессором Санкт-Петербургской консерватории, признанным мастером хорового искусства Елизаветой Петровной Кудрявцевой.

«Для меня великая честь работать с любительским коллективом… Это люди особенные, работа с ними – наслаждение…» Из интервью Е.П.Кудрявцевой.

Многие известные музыканты, ученики Е.П.Кудрявцевой, начинали свой профессиональный путь в Хоре любителей пения в качестве хормейстеров и дирижёров. За годы существования хор дал сотни концертов в России и за рубежом. До 2004 года бессменным руководителем коллектива являлась Елизавета Петровна Кудрявцева. В настоящее время хором руководят её ученики.

Государственная Академическая Капелла
Набережная реки Мойки, дом 20

Воскресенье
26
Апреля
Начало в 19.00

Юбилейный концерт

ХОРА ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

К 95-летию со дня рождения Елизаветы Петровны Кудрявцевой

Сезон 2008-2009

Исполнители:

Хор любителей пения Санкт-Петербурга
Художественный руководитель и дирижёр
Дипломант международного конкурса
Екатерина Артюшкина

Хормейстер
Ирина Андрякова

Хор мальчиков и юношей Санкт-Петербурга
Художественный руководитель
Вадим Пчёлкин

Партия органа
Наталья Фурманкова

Вступительное слово
Александр Алексеевич Мурин

В концерте принимают участие
артисты оркестра
Государственной Академической Капеллы

Дирижёр
ВАДИМ ПЧЁЛКИН

I отделение

Петровский кант «Радуйся, Росско Земле»
Обработка для смешанного хора Тимура Мынбаева

Антон Брукнер «Ave Maria»

Пётр Чайковский «Символ веры»
Дирижёр – Екатерина Артюшкина

Пётр Чайковский, стихи А.Плещеева «Легенда»

Михаил Глинка, стихи А.Козлова «Венецианская ночь»

Виктор Калинников, стихи А.Плещеева «Нам звёзды кроткие сияли»

Павел Чесноков «Мати Божия»

II отделение

Георгий Свиридов, стихи Ф.Сологуба «Грусть просторов»

Валерий Гаврилин Три фрагмента из симфонии-действа «Перезвоны»
«Весело на душе»
«Белы-белы снеги»
«Страшенная баба»

Валерий Гаврилин, стихи А.Шульгиной «Город спит»

Русская народная песня «Дороженька»
Обработка для смешанного хора А.В.Свешникова
Соло – Василий Козырев

«Первая Российская консерватория: имена и памятные даты»

ВЕЧЕР ХОРОВОЙ МУЗЫКИ

Концерт памяти
Заслуженного деятеля искусств РСФСР,
Народной артистки РСФСР, профессора
Елизаветы Петровны КУДРЯВЦЕВОЙ-МУРИНОЙ

Наш анонс:

Понедельник, 21 декабря
ВЕЧЕР КАМЕРНОЙ МУЗЫКИ
В программе:
ТАНЕЕВ, СЛОНИМСКИЙ
Исполнители –
«St. Petersburg Chamber Soloists»
Заслуженный артист России
Илья ИОФФ (скрипка)
Лидия КОВАЛЕНКО (скрипка)
Алексей ЛЮДЕВИГ (альт)
Заслуженный артист России
Алексей МАССАРСКИЙ (виолончель)
Игорь УРЬЯШ (фортепиано)
Начало в 19 часов

Вторник, 22 декабря
ВЕЧЕР ВОКАЛЬНОЙ МУЗЫКИ
«МОЙ ГОЛОС ДЛЯ ТЕБЯ…»
В программе:
РОМАНСЫ НА СТИХИ А. С. ПУШКИНА
Исполнитель –
Народная артистка России
Ольга КОНДИНА (сопрано)
Партия фортепиано –
Борис КОНДИН
Начало в 19 часов

Информационные партнеры Консерватории:

Санкт-Петербург РОССИЯ
РАДИО РОССИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИТАР ТАСС
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ 1862 имени Н. А. Римского-Корсакова

МАЛЫЙ ЗАЛ им. А. К. ГЛАЗУНОВА

20 ДЕКАБРЯ 2009 года

Начало в 19 часов

I отделение

Русские народные песни:
«В тёмном лесе» (обработка Пащенко)
«Калитка» (обработка Флярковского)
«Двенадцать разбойников» (обработка Булина)
«Что мне жить и тужить»
(обработка Полтавцева)
«Колокольчик» (обработка Свешникова)
«Вдоль по Питерской» (обработка Булина)
Исполнители:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАПЕЛЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
Художественный руководитель и дирижер –
Народный артист СССР, профессор
Владислав ЧЕРНУШЕНКО

ЛЯТОШИНСКИЙ «Туча»
ПЁРСЕЛЛ Sound the trump
Исполнители:
ХОР МАЛЬЧИКОВ ХОРОВОГО УЧИЛИЩА им. М. И. ГЛИНКИ
Художественный руководитель и дирижер –
Василий ГРАЧЁВ

ЧАЙКОВСКИЙ «Верую»
РАХМАНИНОВ «Тебе поем»
ЧЕСНОКОВ «Мати Божия»
Исполнители:
ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ ХОРОВОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
Художественный руководитель и дирижер –
Екатерина АРТЮШКИНА

ЧЕСНОКОВ «К Богородице прилежно»
КАЛИННИКОВ «Звёзды меркнут и гаснут»
СВИРИДОВ «Любовь Святая»
Солистка – **Дарья СЕМЕНКОВА**
Исполнители:
Камерный хор «STIDIUM» КЦ «Троицкий»
Художественный руководитель и дирижер –
Ирина СЕМЕНКОВА

СВИРИДОВ «Мэри»
Дирижер – **Александр ЧАПЛИНСКИЙ**

ЧЕСНОКОВ «Вскую мя отринул еси…»
Дирижер – **Антон МАКСИМОВ**

РАХМАНИНОВ
«Богородице Дево, радуйся…»
Дирижер – **Андрей ФЕДОСЦОВ**

ЧАЙКОВСКИЙ «Ночевала тучка»

ЧЕСНОКОВ «Тебе поем»
Дирижер – **Вадим СЕМЕНКОВ**

ТАНЕЕВ «Восход солнца»

Исполнители:
КАМЕРНЫЙ ХОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
Художественный руководитель и дирижер –
Заслуженный деятель искусств России и Карелии, профессор **Станислав ЛЕГКОВ**

II отделение

БЕТХОВЕН
Фантазия c-moll
для солиста, хора и оркестра, op. 80
Исполнители:
ХОР СТУДЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
Художественный руководитель – Народный артист России, профессор **В. В. УСПЕНСКИЙ**

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР СТУДЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
Солистка –
Народная артистка России, профессор
Екатерина МУРИНА
(фортепиано)
Дирижер –
Народный артист СССР, профессор
Александр ДМИТРИЕВ

Народная артистка России, Заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Санкт-Петербургской консерватории, академик Петровской академии, почётный доктор Эстонской академии музыки

Елизавета Петровна КУДРЯВЦЕВА-МУРИНА

Первая женщина-дирижер профессионального хора в нашей стране. Окончила Училище-техникум при Ленинградской Капелле (1931), дирижерский факультет Ленинградской Консерватории (1947) и аспирантуру (1950).

В 1931 году шестнадцатилетняя воспитанница знаменитого профессора М. Г. Климова стала его помощником в Капелле. В годы войны, дав с коллективом более тысячи концертов перед воинами и тружениками тыла, она фактически спасла старейший хор.

В 1958 году Елизавета Петровна создала и 45 лет руководила Хором Любителей пения Петербурга.

За 70 лет дирижерско-хормейстерской деятельности Е. П. Кудрявцева сотрудничала с композиторами Прокофьевым, Шостаковичем, Хачатуряном, Бриттеном, Свиридовым, Щедриным, Петровым, Гаврилиным, с дирижерами Штидри, Абендротом, Гуи, Гауком, Мравинским, Зайдерлингом, Аносовым, Янсонсом, Хайкиным, Кондрашиным, Светлановым, Симеоновым, Дмитриевым, Темиркановым, Китаенко, Мартыновым и другими.

За 25 лет педагогической работы в Хоровом училище Капеллы и 50 лет в Консерватории Е. П. Кудрявцева воспитала целую плеяду выдающихся дирижеров и хормейстеров России, Китая, Кореи, Кубы, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, Украины, Белоруссии. Среди них – Юрлов, Минин, Козлов, Кунаев, Чернушенко, Дмитриев, Китаенко, Мартынов, Анисимов, Мынбаев, Зива, Борейко, Шевчук, Хохлов, Аниханов, Степанов, Лютер, Пустовалов, Травкин, Успенский, Семенюк, Корнев, Петренко, Абальян, Федосцов, Верещагин, Тепляков, Королёв, Плешак и другие.

II отделение

АРХАНГЕЛЬСКИЙ
«Помышляю день страшный», хоровой концерт
«Блажен разумеваяй», хоровой концерт
Солист – Дмитрий Ралко

РАХМАНИНОВ
«В молитвах неусыпающую», хоровой концерт, I ч.

ЧАЙКОВСКИЙ
Фрагменты из Литургии Святого Иоанна Златоуста:
«Символ веры»
«Отче наш»

ЧЕСНОКОВ
«Ангел вопияше», концерт для сопрано и хора
Солистка – Александра Ретина
Исп. Хор любителей пения, дирижер – Екатерина Артюшкина

КАЛИННИКОВ, сл. Е. Баратынского
«Зима»

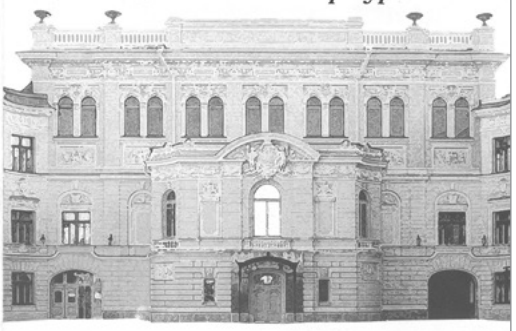
ЧАЙКОВСКИЙ
«Достойно есть»
из Литургии Святого Иоанна Златоуста
«Легенда», сл. А. Плещеева
Исп. Хор любителей пения и Хор мальчиков Санкт-Петербурга, дирижер – Екатерина Артюшкина

Русская народная песня, обр. А. Свешникова
«Дороженька»
Исп. Хор любителей пения и Хор мальчиков Санкт-Петербурга, дирижер – Вадим Пчелкин

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА С.-ПЕТЕРБУРГА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ

КАПЕЛЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА



Суббота **6** мая 2006 года

Памяти Елизаветы Петровны
КУДРЯВЦЕВОЙ
(1914–2004)

КОНЦЕРТ ХОРОВОЙ МУЗЫКИ

Сезон 2005-2006 г.г.

Памяти Елизаветы Петровны
КУДРЯВЦЕВОЙ
(1914–2004)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ

Художественный руководитель и дирижер
Дипломант Международного конкурса
Екатерина
АРТЮШКИНА

ХОР МАЛЬЧИКОВ И ЮНОШЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Художественный руководитель и дирижер
Вадим
ПЧЕЛКИН

Вступительное слово
Александр МУРИН

I отделение

БОРТНЯНСКИЙ
Концерт для хора № 18
«Благо есть исповедатися Господеви»

СКАРЛАТТИ
«Exultate Deo»

ПУЛЕНК
«Salve Regina»

ПАССЕРО
«I'st e bel e bon»

ОЛЬСОН
Псалм 120

УЭББЕР
«Pie Jesu»
Солисты: Стас Михалевич, Никита Утургаули

Негритянский спиричуэл, аранж. Д. Хойби
«Cert'nly Lord»
Солисты: Гай Сушанский, Стас Михалевич, Иван Стрельников, Валентин Чирков

Исп. Концертный хор мальчиков и хор юношей, дирижер – Вадим Пчелкин

Указатель имен

Абальян Б. Г. 266, 282, 284, 285, 286, 308, 364
Абендрот Г. 95, 137, 153
Агажанов 170
Агафонников И. Г. 417
Азеев Е. С. 9
Айвазовский И. К. 27
Акимова С. В. 383
Алексеев М. 295, 299, 300, 301, 318
Алексий II (Ридигер) 215
Алендорф Г. 177
Аленева К. А. 34
Алиев И. 153
Амосов Н. И. 22
Андреева Е. 318
Андреева М. 57
Андреев П. З. 36, 383
Андриевская В. 242
Аникушин М. К. 245
Анисимов А. И. 111, 126, 131, 313, 387, 392
Анисимова Л. 298
Анисимов А. М. 19, 236, 239, 318, 324, 342, 361, 362, 380
Аниханов А. А. 243, 263, 300, 303, 316, 318, 361, 362, 367, 421, 441
Ансерме Э. 177, 179
Антокольский П. 59, 120
Антонова И. 252
Аратюнян А. Г. 98
Ардентов А. Д. 302, 318
Ардентов Д. Н. 121
Аренг К. 132, 134, 135, 187, 269, 273, 276, 279, 284, 286, 306, 330, 344, 378, 386
Аренг Л. 135
Аренский А. С. 15, 111, 120, 322, 381
Арминас А. В. 269, 271, 273, 386
Арнштам Л. О. 85
Артюшкина Е. 291, 296, 300, 318
Арутюнян А. 377
Архангельский А. А. 283, 287, 292, 316, 343, 347, 355
Архимандритов Б. 316, 333
Архипова И. К. 213
Асафьев Б. В. 153, 382, 383, 385
Атлантов В. А. 19, 169, 386
Ауэзов М. 235
Ауэр Л. С. 381
Ахматова А. А. 226, 402
Бабич Б. 284
Байгер И. 171
Балай Л. П. 189, 198, 205, 298
Балакирев М. А. 24, 43, 52, 233, 316, 322, 325, 382, 384
Баланчивадзе М. А. 382
Баранов В. 289
Баренбойм Д. 257
Баркаускас В. 378, 422, 423
Барсова А. П. 32
Барток Б. 228, 237
Бах И. С. 25, 27, 30, 34, 36, 37, 94, 116, 127, 135, 139, 141, 193, 248, 273, 283, 284, 316, 317, 328, 329, 353, 355, 383
Беглецов В. 308
Беззубенков Г. 317, 348, 356
Беззубов Г. И. 289
Безродный И. 438
Белобрагина Л. 254
Белозерова В. 339, 342
Белоусов Е. К. 56
Белякаева-Казанская Л. 348
Бенци Р. 314, 322, 361
Берггольц О. Ф. 153
Бережная Е. 367
Березин А. А. 387
Березовский Б. Л. 304, 349
Березовский М. К. 355
Берлиоз Г. 27, 36, 37, 51, 103, 123, 135, 170, 193, 248
Бернстайн Л. 179, 236, 239
Бернштейн Н. Н. 35
Бетховен Л. 36, 57, 58, 75, 78, 83, 86, 89, 93, 95, 97, 103, 114, 139, 189, 193, 195, 201, 210, 211, 216, 223, 228, 231, 233, 237, 291, 314, 315, 316, 355, 367, 425, 442
Бизе Ж. 17, 43
Бихтер М. А. 383
Блажков И. 315
Блок А. А. 95, 378
Блуменфельд С. М. 381
Богачева И. П. 19, 366

Богданов П. А. 7, 9, 21, 22, 32, 52, 121, 289, 382
Болдин М. 117
Болдырева Е. 348
Большаков Н. А. 383
Борейко А. 159, 251, 318, 361
Борзов В. 334, 339
Борзовы 342, 353
Бородин А. П. 39, 43, 182, 187, 263, 282, 294, 314, 322, 323
Бортнянский Д. С. 21, 135, 259, 289, 292, 304, 316, 339, 343, 347, 352, 355, 358, 362
Боссе Г. А. 383
Брагинский Ю. А. 296, 421
Брагин Ю. 298
Брамс И. 43, 178, 179, 210, 231, 234, 237, 291, 315, 319, 436
Браудо И. 317
Бриан М. А. 383
Брик Е. О. 383
Бриттен Б. 86, 88, 89, 90, 91, 105, 109, 169, 226, 234, 236, 254, 385
Броневицкий А. А. 187
Бронникова Н. Д. 96
Бружес Ю. 324
Брукнер А. 179, 186, 215, 216, 222, 231, 294, 316, 324, 343, 366
Брусиловский М. 54
Брянцев А. Г. 429
Булатов П. К. 143
Булла К. 9
Бурлаков Б. Н. 124
Бурмагин 285, 287
Буцкий А. К. 383
Буш Э. 339
Буяновский М. Н. 153, 383
Бычков В. 316
Бялик М. 208, 235, 305, 357, 359, 366
Вагнер Г. 426
Вагнер Р. 83, 160, 220, 316, 317, 364
Вайлионис П. Б. 269, 289, 386, 422
Валдма А. 438
Валентина Максимовна 172
Варисте Ю. И. 120, 274
Вартанян В. 318, 325
Васильев А. Г. 383
Васильев А. М. 37
Васильева Р. 298
Васильев В. А. («Папа Вася») 173, 334, 361
Васильев В. А. (хормейстер) 318
Васильев В. Г. 121, 300
Васильев Г. С. 32
Вебер К. М. 177, 180, 210, 313, 314, 316, 322, 323, 328, 336, 376
Ведель А. Л. 358
Великанова О. А. 424
Венявский Г. 381
Вербицкий И. 299, 318, 367
Верди Д. 17, 37, 38, 39, 95, 98, 100, 135, 170, 243, 248, 249, 292, 294, 355, 426, 441
Верещагин А. В. 159, 259, 260, 302, 316, 318, 328, 347, 350, 361, 367
Вержбилович А. В. 381
Ветров М. С. 86
Вивальди А. 342
Вильбоа А. Н. 26
Вильябо А. 32
Виноградов К. М. 237
Витол Я. (Витоль И. И.) 7, 9, 382
Виханская А. 334
Вишневский А. И. 22, 382
Власенко Л. 296, 318, 328
Власов В. А. 169
Володарский В. 57
Вольф-Израэль Е. В. 383
Воробьев И. 304
Воронов Ф. И. 353
Воронцов В. 339
Габель С. И. 381, 382
Габриэли Д. 141
Гаврилин В. А. 226, 282, 286, 292, 294, 308, 309, 317, 333, 355, 362, 377, 378
Гаврилов Б. 32
Гавриловы-Грушко 362
Гаджибеков У. 382
Гайдн Й. 78, 177, 184, 193, 195, 237, 267, 314, 333, 339
Галлус Я. 141
Галушко М. 343
Гамалей Ю. В. 436
Гамзатов Р. 110
Гарштя В. 423

Гаук А. В. 17, 36, 60, 75, 83, 120, 166, 200, 383, 384, 425
Гейченко С. С. 144
Гендель Г. Ф. 114, 116, 117, 127, 135, 193, 233, 286, 316, 317, 328, 329, 343, 349, 353, 355
Генслер В. И. 384
Герасимова К. 348
Гергиев В. А. 100, 262, 380
Гете И. В. 139, 143
Гинзбург Л. М. 174, 175, 176, 184, 200, 205, 220, 241, 409, 410, 411
Гиновкер Г. 329
Глазунов А. К. 10, 16, 18, 22, 34, 182, 232, 381, 382, 384
Глазунов И. С. 209
Глебов Е. 426
Гликман И. Д. 85, 396
Глинка М. И. 24, 54, 58, 83, 127, 180, 187, 233, 282, 316, 322, 325, 338, 348, 372, 380, 385, 436
Глиэр Р. М. 325
Глюк К. В. 161
Гляссер И. А. 102
Гнесин М. Ф. 382, 383
Говорин К. 296, 300, 318
Годун П. 291, 296, 298, 299, 300, 301, 318
Голованов Н. С. 17, 118, 415
Гороховская Е. 333, 348
Горький М. 26, 57
Горянинов 126
Градова Л. 331
Гранин Д. А. 245
Гранкин Б. К. 431
Гресс Л. 325
Гречанинов А. Т. 128, 129, 130, 282, 283, 292, 316, 325, 355, 358, 362, 364, 381
Грибков И. С. 298, 318
Грибков С. Ф. 121
Григорович Ю. Н. 237
Григ Э. 168
Грикуров Э. П. 3, 17, 184, 223, 224, 243, 314, 336, 384, 406, 409
Гроздов Х. Н. 9
Гудкова (Васильева) Л. 298
Гуи В. 38, 39
Гулов П. 339
Гуно Ш. Ф. 17, 366
Гусев С. 209
Давиденко А. А. 383
Давыдова В. А. 17, 384
Давыдов К. Ю. 381
Далгат Д. 348
Дамбис П. 378
Данилин Н. М. 4, 52, 59, 111, 112, 119, 122, 125, 439
Даргомыжский А. С. 17, 284, 314
Дашковский В. 298, 325
Дворжак 216, 228
Дебюсси К. 315, 319, 436
Дегтярев 347, 355
Дегтярев С. А. 54
Демин А. 153
Денисов Э. 231
Дземешкевич М. А. 408
Дзержинский Ф. Э. 290
Димитриади О. А. 100, 241, 386, 424, 425
Дмитревская К. Н. 120
Дмитревский А. Г. 121
Дмитревский Г. А. 59, 60, 94, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 165, 166, 277, 294, 384
Дмитриева А. В. 334, 361
Дмитриев Алексей 298, 318
Дмитровская Н. 32
Дмитриев А. Н. 89
Дмитриев А. С. 19, 31, 121, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 187, 198, 204, 241, 243, 247, 278, 289, 305, 306, 315, 319, 333, 342, 346, 347, 350, 351, 361, 378, 386, 435, 436, 440
Дмитриевская К. Н. 260
Довенман М. А. 90, 92
Додонова Г. В. 442
Дранишников В. А. 17, 37
Дроздова-Вайнер Н. 348
Дружинина И. 337
Дударова В. Б. 207
Дудинская Н. М. 245
Думень Я. 386
Думцев Н. 348
Дунаевский И. О. 289
Дурандин П. И. 32
Евлахов О. А. 164
Евтушенко Е. А. 105

Егоров А. А. 7, 22, 32, 58, 101, 124, 125, 170, 313, 339, 380, 383, 384, 397
Егорова Е. 117
Егорова (Лаврова) Л. Н. 32
Егорова-Петренко Е. 299, 318
Егоров М. 348
Емельянов А. 226
Ермакова Л. В. 417
Ершов И. В. 16, 34, 58, 383
Есенин С. А. 110, 127
Есипова А. Н. 381
Ефимов Н. 298, 303, 318, 356, 367
Ефимов Ю. 316
Железнов А. М. 32
Жеребцов Е. М. 21
Житомирский А. М. 36
Журавленко П. 76
Зайцев А. Ф. 427
Зайцев М. В. 121
Замуэль Г. Р. 237
Зандерлинг К. И. 3, 98
Заринская М. Ф. 138, 289
Зарудная В. М. 381
Зарх Г. 124, 299
Затаевич А. В. 150
Захарова О. 298, 302
Зборовская Н. И. 22, 32
Зверев Н. С. 183, 194
Зива В. 213, 251, 302, 318, 361
Золотарев В. А. 382
Иванов А. И. 56
Иванова Л. Н. 89, 90, 92
Иванов А. П. 17
Иванов Я. 109, 314, 332
Изотова К. В. 121, 328
Иозенас А. 422
Ипполитов-Иванов М. М. 259, 381
Ихарев А. И. 101
Кабалевский Д. Б. 373
Казачков С. А. 406
Калантарова О. К. 383
Калинников Вик. С. 15, 316
Калитинская И. 339
Калнынь А. Я. 382
Калошин Н. 89, 90, 92
Кальюсте Т. 135, 266, 273, 278, 289, 308, 342, 386
Каму О. 177
Каплан Э. И. 17
Капп А. И. 382
Каптен Т. 135, 273, 386
Карагод Е. 21, 74, 75, 425
Каратыгин В. Г. 7
Караян Г. 169, 177, 178, 185, 200, 201, 223
Карпинский А. П. 18, 382
Кастальский А. Д. 15, 27, 125, 186
Квасников Ю. 35
Керзти И. 132
Ким Тхэ-Хун 300
Кирилюк Л. 339
Кириченко Н. 339
Китаенко Г. И. 168
Китаенко Д. Г. 19, 84, 121, 159, 168, 169, 176, 182, 200, 202, 203, 241, 253, 278, 305, 306, 315, 318, 322, 323, 330, 336, 342, 343, 344, 347, 350, 361, 378, 380, 386, 409, 411, 436, 440
Клас Э. 213, 438
Клебанова Л. 298
Клеймиц Г. 297, 299, 435
Клемперер О. 153, 385
Клименко Л. 356
Климова А. Ф. 37, 39, 392
Климова О. М. 32
Климов М. Г. 4, 6, 7, 15, 16, 19, 21, 22, 25, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 39, 40, 43, 52, 72, 73, 74, 75, 94, 97, 103, 111, 122, 128, 145, 152, 182, 193, 226, 232, 245, 277, 283, 289, 305, 346, 349, 356, 382, 383, 392, 436
Клиот Д. А. 53
Клюитанс А. 177, 179
Кнаппертсбуш Г. 385
Коваль М. В. 134, 267, 331, 380, 403
Коврыгин Н. М. 32
Когадеев А. П. 129, 296, 426
Коган П. 214
Козловский А. А. 169, 299
Козлов Ф. М. 19, 53, 121, 123, 246, 289, 364, 372, 430
Козырев В. А. 334, 339, 361
Козыревы 353
Кокарев С. С. 32
Кокарс И. 284
Колесникова Н. П. 76

Колиева Т. 298, 318
Кольцов А. 160
Кондратьев С. П. 6
Кондрашин К. П. 106, 314, 333, 336, 406
Конопелько В. 334, 342, 362
Корещенко А. Н. 111
Корнев Н. Н. 266, 282, 285, 286, 287, 288, 305, 308, 361
Королев А. 260, 298, 347
Королева Г. 117
Королев Р. 298, 318
Короленко В. Г. 40, 290
Корольков А. 298
Корыхалова Н. 356
Косенко О. 298, 318
Крамаров Ю. М. 90, 92
Кремлев Ю. А. 392
Кругликов С. Н. 15
Крылов А. И. 384
Крылова (Шушпанова) И. С. 124, 298
Крымова С. 339
Кубилиус Ю. 269, 270, 289
Кудрявцева П. М. 6
Кудрявцев К. Н. 6
Кудрявцев Н. 54
Кудрявцев П. К. 6, 7, 11, 19, 102
Кудрявцев П. П. 9, 11, 21, 73
Кузнецов А. К. 179
Кузнецова Н. 221
Кузнецов В. 339
Кузьмин К. 296, 298, 299, 318
Кукушкин М. 380
Кульдяев М. 318
Кунаев Н. И. 19, 121, 124, 306, 336, 346
Куньев В. С. 122
Купала Я. 110, 128, 323, 337
Куприн А. И. 259
Куклева И. 32
Кухолев (Мегвинетухуцеси) Т. Р. 187, 260, 297, 299, 435
Кучинский Е. А. 430
Кыйв М. 438
Кюи Ц. А. 284
Лавровская Е. А. 381
Лазарев А. Н. 212
Ланг Г. 38
Ларош Г. А. 381
Лассманн П. 438
Лассо О. 283
Лаул В. Я. 274, 386
Лебедев 126
Лебедев А. 295, 299, 300, 301, 318, 361
Левандо П. К. 9, 53, 139
Левандо П. П. 19, 121, 289, 384
Левитан Ю. Б. 113
Левитин Ю. А. 377, 393
Лемберг Е. 303
Лемешев С. Я. 85
Ленешева М. 254
Ленин (Ульянов) В. И. 60, 379
Леппо С. И. 415
Лепянская Л. Б. 174, 175, 187
Лермонтов М. Ю. 26
Лессинг Э. Л. 139
Лешетицкий Ф. О. 381
Лим Хенг Чжун 300
Ли Н. 348
Липавская Н. 339
Листов К. С. 349
Лист Ф. 37, 435
Лифановский И. 153
Лихачев Д. С. 138, 245
Ли Чже Кюн 300
Личкус Е. М. 205
Локшин Д. Л. 403, 419, 420
Ломакин Г. Я. 289
Лосев О. 299, 300, 318
Лотти А. 127, 139, 317, 353
Луначарский А. В. 17, 18, 57, 150, 151, 382
Лучкин П. И. 10
Лушин Б. М. 92
Лысенко Н. В. 382
Львов А. Ф. 21
Лютер Р. Э. 237, 300, 318, 342, 347, 361, 380
Лядов А. К. 7, 26, 182, 205, 324, 347, 381
Макаренко А. С. 40, 290
Максакова М. П. 60
Максимков А. В. 440
Максимов А. 295, 296, 298, 299, 301, 318
Малер Г. 84, 180, 231, 233, 313, 314, 315, 322, 323, 336, 376
Малоземова С. А. 381
Малыгин В. 298
Малышев В. 317

Малько Н. А. 16, 17, 83, 86, 150, 383, 384, 405
Маневич А. 109
Манухов А. 89, 90, 92
Маркевич И. 190
Марков Д. 333
Мартихин Г. Г. 173
Мартынов Р. Э. 99, 187, 222, 226, 305, 315, 325, 347, 350, 362, 366
Маслова Л. 32
Масленниковы 342
Масловская С. Д. 16, 383
Матайтис П. 269, 270
Мачке В. 367
Машкин Ф. Д. 54, 56
Медников Д. 299, 318, 365
Меервольф Р. И. 36
Мелехов А. 300
Мелик-Пашаев А. Ш. 17, 384
Мелихов А. 318
Меллик С. В. 135, 273, 274, 278
Мельникова Б. 353
Мельников А. В. 143
Мельников И. А. 283, 316
Мендельсон Ф. 111, 180, 237, 315, 316, 322, 323, 333
Мессиан О. 313, 315, 339
Мехмедов М. П. 101
Миклашевская И. С. 383
Миклашевский И. С. 56
Минакова Х. 32
Минин В. Н. 19, 53, 114, 121, 237, 284, 286, 289, 305, 308, 379, 393, 412, 413
Минх Н. Г. 424
Миртова Е. 435
Мислокавичюс Ф. 271
Митропулос Д. 18
Михайлов А. А. 36
Михайлов А. В. 271, 387
Михайлова Л. Н. 232
Михайлов Н. В. 125, 313, 384
Михайловы 353
Модестов Г. 318
Мозжухина А. Н. 174, 175, 187
Мокроусов Б. 313
Морозов А. 348
Морозов М. 298
Моцарт В. А. 24, 40, 64, 78, 83, 95, 114, 135, 139, 143, 164, 184, 193, 195, 205, 248, 303, 315, 316, 324, 348, 353, 355
Мравинская О. А. 81
Мравинский Е. А. 3, 22, 58, 78, 80, 81, 82, 103, 104, 105, 106, 123, 153, 160, 161, 162, 164, 223, 224, 225, 245, 378, 384, 386, 435, 439
Муравский П. Л. 57
Мурадели В. И. 324
Мурашова Е. 298, 318
Муретова М. 353
Муретова С. 367
Муретов Е. 367
Муретовы 342, 353, 362
Мурин А. А. 6, 62, 65, 81, 84, 86, 88, 90, 114, 124, 128, 129, 130, 151, 173, 194, 213, 215, 217, 227, 292, 293, 296, 309, 316, 318, 322, 323, 325, 332, 336, 349, 361, 362, 364, 366, 367, 395, 414, 418, 439
Мурина Е. А. 57, 62, 65, 76, 81, 114, 115, 121, 173, 194, 196, 213, 215, 217, 231, 238, 255, 258, 274, 297, 303, 336, 340, 390, 401, 414, 416, 418, 421, 426, 435
Мурина Елизавета Андреевна 217, 258, 418, 421, 435
Мурин Александр Григорьевич 6, 19, 204, 384
Мурин Алексей Григорьевич 6, 62, 78, 81, 124, 143, 161, 162, 165, 166, 194, 390, 392, 401, 414
Мурина М. А. 433
Мусин И. А. 3, 17, 36, 57, 75, 100, 101, 247, 384
Мусоргский М. П. 26, 43, 164, 248, 257, 263, 282
Мухин В. П. 123
Мыльников А. А. 245
Мынбаев Т. К. 19, 106, 187, 228, 234, 241, 315, 318, 336, 342, 344, 347, 350, 361, 378, 380, 416
Мюнш Ш. 219
Мяги Э. 438
Мясковский Н. Я. 153, 209, 314, 382, 401
Налбандьян И. Р. 383
Некрасов Н. А. 26
Немцев И. В. 383
Нестеренко Е. Е. 19, 60, 169, 386

Нехлюдова О. Д. 57
Никитина Л. Ф. 216
Никитин Н. 318
Никлусов А. Е. 19, 21, 35, 384, 387
Николаев А. В. 383
Николаев В. Ф. 22
Николаев Л. В. 36
Никольский А. 324
Новиков А. Г. 173, 308, 324, 338, 380
Номеровская Н. П. 121
Носов Г. Н. 376
Ньяга А. 291, 292, 296, 299, 300, 301, 309, 318
Образцова Е. В. 19, 169, 386
Оверко Н. М. 53
Овчинников Л. 35
Огороднов Д. Е. 259, 289
Оксентян Н. И. 317, 328, 329
Ольхов К. А. 384, 387
Онеггер А. 36, 222, 226, 305, 315, 316, 339, 343, 362, 383
Орехов П. К. 152, 154, 385
Орлов В. С. 15, 27, 111, 125
Орлов С. С. 127
Орнадский Ф. Н. 7, 9
Орф К. 226, 284, 304, 315, 355, 413
Осипов А. И. 318
Оссовский А. В. 39, 383, 408
Островский А. Н. 332
Оуэн У. 86, 90, 91
Охотников Н. П. 19
Очкасов 32
Пабузин М. С. 295, 299, 300, 301, 318, 361
Палечек И. И. 16
Палинаускайте Л. Ю. 269, 289
Панзиелло Д. 239
Паук А. А. 7
Паук Е. А. 7, 10
Паук Е. И. 7
Паук И. А. 7
Паук С. А. 7
Паулюс Ф. 61, 120
Пахульский Г. А. 381
Пашкевич В. 304
Пащенко А. Ф. 109, 282, 283, 377, 380, 390, 391, 392, 393
Перголези Д. 239, 316
Перовская О. 81
Перселл Г. 220
Перунов А. А. 423
Петраков А. 350
Петраускас М. И. 382
Петренко А. А. 258, 262, 266, 291, 305, 308, 316, 318, 347, 349, 356, 361, 362, 364, 367
Петренко В. 295, 299, 301, 318
Петренко Е. 262, 302
Петренко Н. 262, 291, 342, 362
Петренко П. 262, 291, 296, 298, 300, 318
Петров А. П. 364, 378
Петров В. А. 85
Петров Н. А. 163
Петров Н. Н. 143
Петров П. А. 7
Петров Ю. В. 53
Пикайзен В. 220
Пикилина М. 367
Пирогов А. С. 60
Писаренко Г. 254
Письменная А. 386, 416
Плешак В. В. 260, 298, 399
Плешаковы 342
Плешак С. В. 298, 318
Плешанов 334
Плешановы 362
Плещеев А. Н. 294
Плотниченко Г. 338
Покровский Б. А. 208
Полицеймако В. П. 85
Полонский Я. П. 273
Полтавцев И. И. 122, 123, 387
Полушко В. 359
Полякин М. Б. 384
Попенков В. 334
Попиленко Л. 318
Преображенская В. Н. 121
Преображенская С. П. 17, 34, 36, 384
Преображенский А. В. 7, 22, 382
Преображенский И. И. 32
Пресайзен Я. 318
Прокопов С. Н. 144, 289, 318
Прокофьев А. А. 127, 128, 131
Прокофьева М. А. 59
Прокофьев С. С. 54, 57, 58, 59, 75, 103, 109, 120, 146, 150, 151, 153, 160, 162, 182, 193, 201, 226, 231, 236,

282, 306, 314, 315, 333, 337, 377, 378, 382, 384, 425, 441
Пронина А. 90, 92
Проснак К. 173
Птица К. Б. 119, 170, 412, 415, 417
Птица М. Д. 417
Пуслене В. 269, 270, 289
Пустовалов А. И. 19, 187, 192, 306, 344, 386
Пуччини Д. 17, 201, 314, 337
Пушкин А. С. 26, 338, 373
Пчелкин В. А. 289, 290, 291, 292, 294, 295, 318, 361, 364, 365, 366, 440
Пярт А. 438
Рабинович Н. С. 17, 83, 84, 86, 90, 92, 101, 105, 160, 162, 313, 314, 384
Равель М. 160, 257
Радчик П. Ц. 422
Ралко Д. 292, 298, 318
Рамин Г. 139, 140, 141
Рандалу К. 438
Раппапорт Г. М. 85, 105
Ратасепп А. И. 274, 278
Рафальсон Б. Е. 306, 387
Рахлин Н. Г. 97, 99, 225, 439
Рахманинов С. В. 22, 27, 111, 114, 135, 145, 179, 183, 194, 201, 222, 226, 231, 236, 248, 283, 285, 286, 287, 288, 308, 314, 315, 316, 328, 333, 339, 343, 347, 348, 349, 352, 353, 355, 358, 362, 364, 383, 401
Рензин И. М. 39
Рерих Н. К. 346
Ретюнский В. 237
Рещикова И. 416
Римский-Корсаков Н. А. 16, 17, 22, 36, 52, 134, 136, 182, 205, 209, 273, 282, 322, 332, 381, 382, 384
Рихтер С. Т. 252, 254
Рогожникова Г. П. 421
Рождественский Г. Н. 207, 208, 314, 336, 347, 351, 361, 401, 442
Розенблат Л. 298, 318
Ролдугин С. П. 435, 440
Романовский Н. В. 329, 384, 387, 405
Россини Д. 314, 315, 316
Россоловский П. А. 384
Ростропович М. Л. 89, 90
Рубинштейн А. Г. 284, 381, 384
Рубцов Ф. А. 186, 317, 324, 325, 343, 347, 378, 398
Румянцева Д. 339
Ручьевская Е. А. 419
Рыбалко А. 295, 299, 301, 316, 318, 361, 435
Рыбнов А. В. 119
Рылов В. А. 76
Рязанов П. Б. 383
Саар М. М. 382
Сабсай П. В. 404
Савельев А. 442
Савшинский С. И. 58
Садиков Е. 298
Садовников А. 126
Салманов В. Н. 95, 109, 110, 128, 130, 131, 181, 198, 241, 306, 308, 317, 323, 324, 325, 333, 337, 375, 376, 377, 378, 380, 384, 398
Салтыков К. 299
Самойлов Е. В. 32
Самосуд С. А. 17, 243
Сандлер Г. М. 384, 407
Сати Э. 315
Сафонов В. И. 15, 381
Светланов Е. Ф. 169, 203, 207, 209, 210, 211, 218, 335
Свешникова А. С. 417
Свешников А. В. 4, 40, 51, 52, 53, 58, 104, 113, 114, 115, 116, 118, 121, 122, 123, 127, 128, 141, 144, 171, 174, 184, 240, 277, 289, 290, 308, 324, 357, 358, 375, 393, 411, 417
Свешникова Л. Н. 418
Свешников В. А. 417
Свиридов Г. В. 86, 89, 109, 110, 114, 116, 127, 128, 209, 226, 282, 292, 294, 308, 317, 325, 338, 348, 355, 362, 375, 377, 378, 379, 380, 384, 385, 394, 396, 436
Севостьянова Е. 318
Седристый С. 153
Селезнев Г. В. 220, 292, 317, 365, 386
Семенков В. 299, 318
Семенов А. М. 170, 361
Семенов М. Н. 387
Семенов Ю. 317, 365
Семенюк В. О. 266, 268, 286, 308
Сенина Г. Г. 440

Сен-Санс К. 366
Сердобольский О. 225
Серебряков П. А. 58, 78, 85, 86, 384, 397
Серебряков Ю. 316
Середа Р. 90, 92
Серзе И. 298
Серов А. Н. 93
Серов Э. А. 315, 361, 396
Симеонов К. А. 17, 21, 31, 60, 72, 73, 74, 75, 76, 100, 384, 424, 425, 439
Симонов Ю. И. 19, 207, 210, 380, 386
Синайский В. 386
Сироткин Е. 159, 318, 367
Скворцов Г. 159, 299, 318, 361, 440
Скворцов Ю. 299
Скрябин А. Н. 22, 150, 194, 201, 207, 315, 316, 401
Сладкова П. 339
Слонимский С. М. 241, 317, 378, 402
Смирнов В. 333
Смирнов В. В. 310
Смирнов В. И. 79
Смирнов С. А. 9
Смоленский С. В. 15, 27
Сморякова Т. А. 317
Собчак А. А. 359
Соколов В. Г. 119, 123, 400
Соколов К. 299
Соллертинский И. И. 58, 429
Соловей П. 352
Соловьев Д. 403
Сорокин П. 216
Софроницкий В. В. 384
Спендиаров А. А. 382
Стаханов А. Г. 39, 43, 350
Степанова А. И. 126
Степанов А. М. (младший) 298, 318, 347
Степанов А. М. (старший) 19, 187, 204, 220, 237, 316, 318, 324, 328, 336, 350, 361, 380, 386, 440
Степанова К. 32
Степанов А. С. 120, 384
Степанов В. П. 125, 126
Стравинский И. Ф. 27, 34, 103, 182, 226, 342, 383, 413
Стравинский Ф. И. 381
Стрыгин П. И. 57
Ступель А. М. 323
Сухонь Э. 141
Танеев С. И. 15, 22, 24, 27, 30, 31, 32, 36, 40, 58, 60, 75, 111, 112, 120, 123, 127, 135, 170, 180, 187, 193, 248, 273, 282, 292, 308, 309, 383, 425, 426
Тарасов С. 54
Тарасти Э. 438
Тартаков И. В. 381
Тархов Б. 254
Твардовский А. Т. 399
Темирканов Ю. Х. 19, 100, 204, 315, 333, 347, 361, 380, 386, 427
Тепляков И. Л. 303
Тепляков Л. Н. 140, 259, 298
Тигранов Г. Г. 386
Титова А. И. 32
Титов Б. И. 35
Тихомиров Р. И. 209
Тихонов Н. С. 153
Тищенко Б. И. 226, 241
Тобиас Р. 382
Той Р. 438
Толмачева М. В. 412
Толстой Д. А. 402
Толстой Л. Н. 129
Толстяков 285
Тонс Э. 314, 341, 361
Тормис В. 273, 378, 438
Травкин М. Г. 298
Третьяков В. 164
Тризно Б. В. 384
Трофимов В. 90
Трус П. 131
Тунгал Д. 273
Тунгал О. 135, 273
Туренков 426
Туфтина Г. А. 19, 386
Тушинский М. Д. 126, 143, 144
Тытянко А. А. 56
Тэриан М. И. 174, 228
Тютчев Ф. И. 27
У Ген-Ир 300
Удальцов И. 153
Уинделл В. А. Д. 217, 440
Унгер Х. 37
Усатов Д. А. 381
Успенский В. А. 171, 314, 333

Успенский В. В. 266, 308, 309, 346, 384, 436
Успенский Н. Д. 22, 32, 109
Устинова Е. 303
Ушкарев А. Ф. 406
Фалик Ю. А. 378
Фальс Сантьяго 300
Фаунтен Р. 283
Федосеев И. С. 308, 310
Федосцев А. И. 289, 298, 304, 318
Федотов Ф. П. 60
Феленчак В. 299, 318
Фельзенштейн В. 169, 201
Филатов В. В. 217, 258, 418
Фисюра С. 334, 339
Фляpковский А. Г. 53, 128, 317, 324, 336
Фомин В. С. 247
Фомкина Т. 318
Франк Ц. 353
Фрид О. 37, 97
Хазанов А. Б. 123, 172, 175, 414
Хайкин Б. Э. 3, 122, 123, 125, 208, 224, 225, 264, 314, 361, 401
Хальфин М. Я. 101
Хачатурян А. И. 103, 107, 108, 314, 333, 336, 361
Хворостовский Д. 287
Хейфец Н. З. 36
Хейфиц И. Р. 381
Хикмет Н. 109, 128
Хиль Д. Э. 299, 318
Хомич Н. 298, 302, 318
Хомутенко А. Е. 9
Хомяков А. С. 27
Хопров В. 304
Хорькова А. 21, 32
Хохлов Д. Д. 264, 435, 440
Хохлов Е. 296, 299, 300, 318
Храмцов И. Н. 17
Храпченко М. Б. 120
Хренников Т. Н. 220, 416
Хярма М. 382
Цимбалист Е. А. 381
Чайковский П. И. 15, 17, 22, 24, 26, 43, 58, 64, 76, 118, 120, 135, 141, 144, 160, 162, 164, 168, 180, 193, 248, 263, 283, 284, 294, 309, 314, 315, 316, 332, 339, 343, 352, 353, 355, 381, 384
Чаплинский А. 300, 318
Чарушников В. А. 17
Черепнин Н. Н. 16, 382, 384
Черепнин Э. 296, 299, 318
Черкасов Н. К. 78
Черни К. 168
Чернушенко В. А. 5, 19, 51, 89, 121, 284, 308, 309, 314, 361, 363, 367, 384, 407, 408, 440
Чесноков А. Г. 7, 9
Чесноков П. Г. 119, 125, 135, 173, 180, 186, 282, 285, 287, 309, 316, 356, 358, 362, 442
Чивжель Э. 316
Чимароза Д. 239
Чистяков А. 216
Чистяков В. П. 131
Чичерин Г. В. 382
Чолак Н. 296
Чувьюрова Л. 298, 318
Чумаков П. П. 124, 298
Чураева А. Ф. 35, 171, 175, 176
Шабельский Б. 162
Шагалова А. 334
Шалыт В. 153
Шаляпин Ф. И. 85
Шаманина К. 303
Шапорин Ю. А. 60, 103, 120, 377, 384
Шафран Д. Б. 384
Шахин М. 317
Шварц А. И. 52
Шебалин В. Я. 380
Шевелович Б. 153
Шевчук А. 159, 318, 361, 432
Шейн И. Г. 141
Шекспир У. 315, 322
Шелков Н. В. 387
Шенберг А. 314, 315
Шереметев А. Д. 9
Шереметев С. Д. 9
Шибанов А. 298, 318
Шиллер Ф. 139
Шилова В. 32
Шимкус С. С. 382
Шипулин В. Г. 387
Ширма Г. Р. 127, 128, 129, 130, 131, 391
Шметков Ю. Ф. 259, 299, 307, 318, 325
Шмидт А. Г. 22

Шнитке А. 231, 251, 308
Шопен Ф. 43
Шостакович Д. Б. 10, 102
Шостакович Д. Д. 3, 34, 76, 78, 82, 83, 85, 93, 95, 102, 103, 104, 105, 106, 109, 114, 116, 123, 128, 153, 160, 164, 181, 182, 193, 223, 226, 231, 233, 241, 282, 306, 314, 315, 323, 325, 333, 342, 347, 348, 373, 375, 377, 378, 380, 382, 384, 385, 435, 436
Шостакович С. В. 10, 102
Шоупал Ян 141
Шоу Р. 284, 324
Штейнберг М. О. 382, 383, 399
Штидри Ф. 36, 37, 97, 100, 109, 153
Штода Д. 358, 359
Штраус И. 43, 83
Штример А. Я. 383
Шуберт Ф. 195, 231
Шуман В. 339
Шуман Р. 26, 27, 111, 177, 179, 195, 314, 316, 348, 436
Шютц Г. 260, 316, 355
Щедрин Р. К. 161, 163, 416
Щекотов Ю. 313
Щербачев В. В. 382, 383
Эйдлин Ю. И. 383
Эйзен А. 106
Эйслер Г. 316
Элгар Э. У. 294
Элиасберг К. И. 3, 93, 94, 96, 97
Эрмлер М. Ф. 210, 216, 386
Эрмлер Ф. М. 85
Эрнесакс Г. Г. 120, 132, 134, 135, 136, 274, 277, 378, 438
Юдина М. В. 384
Юдин М. А. 22, 109, 110, 377, 383
Юдин М. В. 22, 103
Юзефович В. А. 377
Юрлов А. А. 19, 121, 134, 209, 289, 305, 379, 384, 414, 415
Юрьян А. А. 382
Яворский Б. Л. 40
Ягудин И. 339
Яковлев В. А. 362
Яковлев О. А. 295, 366
Яначек Л. 141
Янович (Гроздова) О. Х. 32
Янсонс А. К. 105, 137, 313, 314, 333, 336, 340, 347, 351, 361
Ярви Н. 101, 315

Содержание

Вступительное слово 4
К истории петербургских Кудряшей 6

Глава I. Учитель 13

Михаил Георгиевич Климов 15
Вспоминая давнее 34
Шахтерская благодарность 43

Глава II. Ленинградская капелла в годы войны 49

Ленинградская капелла в годы войны 51
Свидание с Россией 64

Глава III. Друзья 71

Соль и боль. Константин Арсентьевич Симеонов 72
Евгений Александрович Мравинский 78
В содружестве с Николаем Семеновичем Рабиновичем 83
Радостное событие 88
«Реквием» Бенджамина Бриттена 90
Звучит «Военный реквием» 90
Воспоминания о Карле Ильиче Элиасберге 93
Кудесник. Веселые странички воспоминаний о Н. Г. Рахлине 97
Илья Александрович Мусин 100
Слово о Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче 102
Арам Ильич Хачатурян 107
М. А. Юдин, А. Ф. Пащенко, В. Н. Салманов («Крестная мать») 109
Русский регент Николай Михайлович Данилин 111
Песня – жизнь. Александр Васильевич Свешников 113
Поет русский хор 116
Воспоминания и размышления. Георгий Александрович Дмитревский 118
Владимир Павлович Степанов 125
Григорий Романович Ширма 127
Густав Эрнесакс, Куно Аренг 132
Герман Абендрот 137
Божественное предназначение. Мария Федоровна Заринская 138
Гюнтер Рамин 139
Лейпцигский хор мальчиков в Ленинграде 140
Ян Шоупал и Хор моравских учителей 141
Поклонник музыки. М. Д. Тушинский 143
Семен Степанович Гейченко 144
Подарок С. С. Прокофьева 146
Накануне премьеры «Классической» 150
Беспокойный характер. Павел Константинович Орехов 152

Глава IV. Ученики 159

Александр Дмитриев 160
Дебют дирижера 162

Лучшие из своей большой страны 164
Музыкант, педагог, человек 165
Дмитрий Китаенко 168
Воспоминания Дмитрия Китаенко 182
Музыкант, педагог, человек 183
26 февраля 2007 года 187
Начало пути 200
Алексей Степанов 204
Дебют А. Степанова 219
Равиль Мартынов 222
Должен ли оркестр любить дирижера? 222
Музыка вдохновения 226
Тимур Мынбаев 228
Музыкант, педагог, человек 232
Встречи, доставившие радость 234
Александр Анисимов 236
Каждый вечер у пульта 239
Андрей Аниханов 243
Приношение Учителю 243
Воспоминания Андрея Аниханова 245
Владимир Зива и Андрей Борейко 251
Владимир Зива 252
Андрей Борейко 255
Александр Верещагин 259
Андрей Петренко 262
Дмитрий Хохлов 264
В. В. Успенский и В. О. Семенюк 266
Аницетас Арминас и литовские ученики 269
Куно Аренг и эстонские ученики 272
Музыкант, педагог, человек 277
Николай Кунаев и Александр Пустовалов 280
Заметки о русском хоровом исполнительстве. (Николай Корнев, Борис Абальян) 282
«The Washington Post», 14 ноября 1996 287
Православная духовная музыка с налетом «звездности» 288
Вадим Пчелкин 289
На сцене – молодость, вдохновение, мастерство 291
Концерт, устремленный в будущее 292
Хоровые витражи 293
Время собирать камни 296
«Музыкальные кадры», 1981 г. 302
Запели... пианисты и композиторы 303
Излучающая оптимизм 304
Учитель 305
Концерт-приношение 307
Власть дирижерской руки 309

Глава V. Мои любители ... 311

«Неподведомственный» хор ... 322
Энтузиасты хорового пения ... 323
Два хора в одном концерте ... 324
Звучит старинная музыка ... 328
Торжество народного искусства ... 329
Музыкальная Рига музыкальному Ленинграду ... 332
Снова звучит «Снегурочка» ... 332
Любовь к музыке ... 333
Служение искусству. Штрихи к творческому портрету ... 335
Шире моря разлилась ... 338
Песня – любовь моя ... 339
Служение искусству ... 343
Хор любителей пения ... 346
Углубленность поиска ... 348
В хоре только друзья ... 349
Не отрекаются, любя ... 352
Праздник духовности ... 355
Улыбка профессора ... 356
«Правда», 8 ноября 1990 года ... 358
Первые лауреаты премии мэра ... 359
Букет для дирижера ... 360
Влюбленные в песню ... 361
Юбилей хора ... 362
С любовью к России ... 364
Торжество муз ... 366
Фестиваль удался. Но хочется большего ... 367

Глава VI. Выступления и речи ... 372

Выступление по случаю 150-летия М. И. Глинки ... 372
Выступление на пленуме Союза композиторов в 1962 г. ... 373
Два письма в журнал «Советская музыка». 1980 г. ... 377
Актовая речь ... 380

Глава VII. Письма, поздравления, характеристики ... 389

А. Ф. Пащенко ... 390
Ю. А. Левитин ... 393
Г. В. Свиридов ... 394
П. А. Серебряков ... 397
А. А. Егоров ... 397
В. Н. Салманов ... 398
Ф. А. Рубцов ... 398
В. В. Плешак ... 399
В. Г. Соколов ... 400
Б. Э. Хайкин ... 401
Г. Н. Рождественский ... 401
Д. А. Толстой ... 402
С. М. Слонимский ... 402

М. В. Коваль 403
П. В. Сабсай 404
Н. В. Романовский 405
Н. А. Малько 405
Э. П. Грикуров и К. П. Кондрашин 406
С. А. Казачков 406
А. Ф. Ушкарев 406
В. А. Чернушенко 407
А. В. Оссовский 408
Л. М. Гинзбург 409
В. Н. Минин 412
А. Б. Хазанов 414
А. А. Юрлов 414
К. Б. Птица 415
В. А. Свешников 417
Е. А. Ручьевская 419
Д. Л. Локшин 419
Г. П. Рогожникова 421
Ю. А. Брагинский 421
П. Ц. Радчик 422
В. Баркаускас 422
В. Гарштя 423
А. А. Перунов 423
Н. Г. Минх 424
О. А. Великанова 424
А. П. Когадеев 426
А. Ф. Зайцев 427
Ю. Х. Темирканов 427
Имре Ченки 428
И. И. Соллертинский 429
А. Г. Брянцев 429
Ф. М. Козлов 430
Е. А. Кучинский 430
Б. К. Гранкин 431
Андрей Шевчук 432
М. Мурина 433

P.S. к юбилею 435
Письмо Пеэпа Лассманна 438
Телеграмма Пеэпу Лассманну 438
Как создавалась эта книга 439

После 3 октября 2004 года 442
Письмо Г. Рождественского 442
Открытие памятника на Новодевичьем кладбище 442
Концерты, посвященные памяти Е. П. Кудрявцевой 444

Указатель имен 451

Е.П. Кудрявцева

Мой музыкальный век

Редакторы А. А. Мурин, Е. А. Мурина, М. А. Мурина, О. В. Руднева
Компьютерная верстка М. А. Мурина

e-mail: mamu@ya.ru

9 785905 225161

Бумага офсетная. Формат 70x100/16.
Гарнитуры Georgia, Corinthia. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Зак. № 1154

Отпечатано в типографии ООО «Береста».
196084, Россия, Санкт-Петербург
ул. Коли Томчака, 28
тел. 388-90-00
e-mail: beresta@mail.wplus.net

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

ФИЛАРМОНИЯ БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Ул. Брадского, 2 Телефоны: А 0-7[illegible]-97 (касса), А 4-81-84 (администратор)

ПЯТНИЦА **2** и ВОСКРЕСЕНЬЕ (ДНЕМ) **4** АПРЕЛЯ 1965 ГОДА

2 апреля — 5-й КОНЦЕРТ СЕДЬМОГО АБОНЕМЕНТА
(для трудящихся Кировского завода)

4 апреля — 5-й КОНЦЕРТ ДЕСЯТОГО АБОНЕМЕНТА

БРИТТЕН - „РЕКВИЕМ"

на стихи Ульфреда ОУЭНА (русский текст стихов Александра Мурина)

ИСПОЛНИТЕЛИ:

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР СТУДЕНТОВ

ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ им. Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Дирижер — профессор НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

РАБИНОВИЧ

ХОР СТУДЕНТОВ КОНСЕРВАТОРИИ

Руководитель засл. деят. иск. РСФСР, профессор ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

КУДРЯВЦЕВА

КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР

студентов и аспирантов Консерватории

Руководитель — лаур. Межд. конкурса, н. б. дефекта ЮРИЙ

КРАМАРОВ

ДЕТСКИЙ ХОР

музыкальной школы при Консерватории

Руководитель РАИСА

СЕРЕДА

СОЛИСТЫ:

Людмила ИВАНОВА Михаил ДОВЕНМАН Николай КАЛОШИН Александра ПРОНИНА

Анатолий МАНУХОВ Борис ЛУШИН Вячеслав ТРОФИМОВ

Начало концертов в 3 часа дня и 8 час. вечера Билеты продаются в кассе Филармонии ежедневно с 11 до 3 час. дня и с 4 до 8 час. вечера и уполномоченными Филармонии

Ленинградская государственная
академическая

КАПЕЛЛА

имени М.И.ГЛИНКИ

ВТОРНИК **29** МАЯ 1984 г.

Начало в 20 часов

ВЕЧЕР ХОРОВОЙ МУЗЫКИ

ШЮТЦ
Магнификат

БАХ
Мотет № 5

АРХАНГЕЛЬСКИЙ
Концерт

ГЛИНКА
Венецианская ночь

ШОСТАКОВИЧ
Смолкли залпы
Они победили

ЩЕДРИН
К вам, павшие

СВИРИДОВ
Повстречался сын с отцом
Наташа

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Народный коллектив, лауреат Всесоюзных конкурсов

ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ
ХОРОВОГО ОБЩЕСТВА ЛЕНИНГРАДА

Художественный руководитель и главный дирижер — народная артистка РСФСР, профессор

ЕЛИЗАВЕТА
КУДРЯВЦЕВА

Дирижеры:

АЛЕКСАНДР
ВЕРЕЩАГИН

АНДРЕЙ
ПЕТРЕНКО

Хормейстер — ВАДИМ
СЕМЕНКОВ

ЮРИЙ
СЕМЕНОВ

(орган)

НАШ АДРЕС: НАБ. Р. МОЙКИ 20 ТЕЛ. КАССЫ 210-70-75

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ

ФИЛАРМОНИЯ имени Д. Д. ШОСТАКОВИЧА

БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Улица Бродского, 2

Телефоны: 110-42-57 (кассы), 311-73-33 (гл. администратор)

Учредители фестиваля

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

БАЛТИЙСКИЙ БАНК

Г-н ВОЛЬФГАНГ КЛЯЙМАН — финансист и предприниматель из Германии

БРИТАНСКАЯ ФИРМА „RANK XEROX"

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ „ЛЕНИНЕЦ"

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД „СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР „САНКТ-ПЕТЕРБУРГА"

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПАСХАЛЬНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

АГЕНТСТВО „OLVA-ПЕТЕРБУРГ"

При содействии

Мэрии Санкт-Петербурга

Санкт-Петербургской Епархии

Генерального консульства Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге

Комитета по культуре и туризму Мэрии Санкт-Петербурга

Санкт-Петербургской государственной филармонии им. Д. Д. Шостаковича

Института Русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук

Государственного Эрмитажа

Фонда по изучению истории Православной Церкви во имя Святителя Димитрия Ростовского

Гамбургского общества содействия предпринимательской деятельности

Фестивально-концертного агентства „OLVA-Петербург"

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПАСХАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Суббота 7 МАЯ 1994 года

Начало в 19 часов

Вечер в честь народной артистки России, профессора Санкт-Петербургской консерватории

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ КУДРЯВЦЕВОЙ

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР ФИЛАРМОНИИ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ

ХОР АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА им. М. П. МУСОРГСКОГО

ХОР ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИИ „ПЕТЕРБУРГ — 5-й КАНАЛ"

Заслуженная артистка России, профессор **Екатерина МУРИНА** (фортепиано)

Дирижеры —

народный артист России, профессор **Александр ДМИТРИЕВ,**

Алексей СТЕПАНОВ и Андрей АНИХАНОВ

В программе сочинения

БЕТХОВЕНА, ВАГНЕРА, БОРОДИНА, РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Справки по телефону 213-03-02

Балтийский Банк

Нотные материалы произведений, исполняемых на фестивале, выполнены на оборудовании и при содействии фирмы

RANK XEROX

„ЛЕНИНЕЦ" ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ

HWF Hamburg

BOLA

ВОЛЬФГАНГ КЛЯЙМАН

Благотворительный фонд „Симфонический оркестр Санкт-Петербурга";

Фестивально-концертное агентство „OLVA-Петербург"; Научно-реставрационное предприятие „Кампан"

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ

КАПЕЛЛА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

КОМИТЕТ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА МЭРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

СУББОТА **13** МАЯ 2000 года

Начало в 19 часов

ШЕНБЕРГ

„Просветленная ночь“

БРУКНЕР

„МЕССА“ ми минор

(первое исполнение в России)

ХОР ЛЮБИТЕЛЕЙ ПЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Художественный руководитель — народная артистка России, профессор

ЕЛИЗАВЕТА КУДРЯВЦЕВА

ХОР МАЛЬЧИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Художественный руководитель

Вадим ПЧЕЛКИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Дирижер

Народный артист России, профессор

РАВИЛЬ МАРТЫНОВ

Адрес Капеллы: наб. р. Мойки 20

тел. кассы 314-10-58